

Альманах *Ветусь X*
библиофила

Черновые наброски
к II главе романа А. С. Пушкина
„Евгений Онегин“

Издательство «Книга»

АБ / Альманах
библиофила

Альманах библиофила

Всесоюзное добровольное общество любителей книги

«Альманах библиофила»
рассказывает
о книгах и книжниках
прошлого и настоящего,
библиотеках и библиофилах,
поисках и находках в книжном мире,
о делах минувших и современной жизни
книголюбов в разных концах нашей страны
и других странах

Альманах библиофила

Выпуск X

Главный редактор
Е. И. Осетров

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. С. Аверинцев, В. И. Безъязычный,
В. П. Ерохин (*ответственный секретарь*),
Н. Х. Еселев, В. В. Кожин,
И. А. Котомкин, В. Я. Лазарев,
А. Э. Мильчин, А. И. Овсянников,
Л. А. Озеров, П. В. Палиевский,
В. Г. Утков

Художник
В. В. Вагин

Книга

и Жизнь

Более полному и разностороннему удовлетворению духовных потребностей призваны содействовать и меры по развитию телевидения и радио, издательского дела, улучшению работы культурно-просветительных учреждений.

Из «Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года».

Вадим Собко

НУЖНАЯ КАК ХЛЕБ

Беседу вел Константин Ковалев

Киев—родина многих известных украинских писателей.

И литераторы, и книголюбцы Украины активно включились в деятельность по выполнению решений XXVI съезда КПСС, успешно работая в области пропаганды книги, воспитания сознательного отношения к книжной культуре нашей страны. Среди них—Вадим Николаевич Собко, лауреат Государственной премии СССР, председатель Центрального правления Добровольного общества любителей книги Украинской ССР...

В квартире писателя, куда ни посмотри,—стеллажи книг. Один из них, почти до потолка, забит книгами, изданиями произведений самого Вадима Николаевича на разных языках. Восемнадцать романов, восемнадцать повестей, двадцать шесть пьес...

Наша беседа о книге, о ее роли в судьбе писателя началась с разговора о первых годах его творческого становления. Вадим Николаевич с интересом рассказывает о том, как он приобщился к литературе, к книге—этому концентрированному хранилищу Слова, великому достоянию человеческой культуры.

— Начало моей литературной жизни, да и все последующее творчество, было связано с трудовым людом, с рабочим классом. На заре 30-х годов учился в индустриальной профтехшколе в Луганске. Как раз в это время прозвучал призыв Бориса Горбатова ко всем начинающим писателям смело вторгаться в трудовые будни советского народа. Именно тогда я написал свои первые стихи (кстати, в 30-е годы у меня вышло 7 сборников стихотворений). До сих пор храню удостоверение члена литобъединения „Забой“...

Окрыленный первыми успехами, я вместе с товарищами уехал в Харьков, на строительство тракторного завода. Весь выпуск нашей профтехшколы прибыл на эту величайшую в стране стройку. Среди энтузиастов-комсомольцев было немало одаренных литераторов: Муратов, Каляник, Роговик, Ульяниц-

кий, Нагнибеда... Там впервые я понял, почувствовал, что такое настоящая, творческая литературная среда, что такое — по сложности и напряженности — писательский труд, какова важность и сила печатного слова...

Тогда, в 30-х, жизнь сама подсказывала нам сюжеты, темы. В Киевский государственный университет на филологический факультет я поступил в 1934 году, но за плечами у меня уже были шахты Донбасса и грамота за строительство Харьковского тракторного, на котором я проработал четыре года. Первая повесть „Любовь“, увидевшая свет в 1935 году, вышла из-под пера как бы сама собою. Трудовые будни рабочих тракторного завода, которые являлись ее главными героями, я испытал сам.

В юности важнейшее влияние оказали на меня стихи Владимира Маяковского. Три или, кажется, четыре раза приходилось слышать мне великого поэта. Было это все в том же Луганске и в Харькове. Билеты стоили недорого — 15 копеек, и мы с друзьями не пропускали ни одного удобного случая. Через стихи Маяковского мы впитывали бунтарский характер нашего времени, революционный порыв масс, с ними мы мужали и росли.

— *В пору написания первых ваших произведений вы уже были вполне зрелым человеком...*

— Мне, действительно, было о чем рассказать. Судьба заносила в разные края. В годы Великой Отечественной войны корреспондентом ездил по фронтам. Был тяжело ранен... Но все же продолжал работать и в послевоенное время — в Советской военной администрации в Берлине. Уже тогда почувствовал, что обретаю свой писательский почерк, что у меня складывается своя, близкая моему сердцу и уму тематика.

— *Вадим Николаевич, ваши романы, повести, пьесы во многом посвящены одной теме — борьбе за мир, участию в этой борьбе рабочего класса. Что же, в конце концов, определило такое направление вашего творчества?*

— Видите ли, сила слова, книги — невероятна. Помню, во время войны в госпиталях слабые, обессиленные солдаты читали книги вслух. И на передовой зачитывались, когда было время. Мудрые строки — воодушевляли, помогали выстоять, поднимали дух. Для того чтобы прочитать интересную книгу, нужно было ждать своей очереди.

Сила книги, к тому же, и действительна. Именно поэтому и придаем мы ей такое огромное значение, именно поэтому все возрастающая роль работников печатного слова в жизни страны особенно видна в свете постановлений XXVI съезда партии.

Мне посчастливилось видеть, как действуют на читателей и мои книги. В конце 40-х годов я написал роман „Залог мира“, удостоенный Государственной премии СССР. Жизни трудового немецкого народа, освобожденного от фашистской чумы, было посвящено это произведение. И вдруг ко мне пошли многочисленные письма от немецких читателей с выражением признательности и благодарности — неожиданно для меня. Ведь я выразил в романе то, что было естественно, что было подсказано жизнью. Страна возрождалась, страна начинала новую, социалистическую страницу своей биографии. И вполне понятная ненависть к врагу, выработавшаяся в наших сердцах за долгие годы войны, должна была уступить место человеческому пониманию, доброте, вере в великое будущее немецкого народа. Об этом и шла речь в моем романе. Именно там, в Берлине, я впервые понял подлинный смысл интернационализма рабочего класса.

Десять моих романов посвящены теме труда, жизни рабочих. Это главное направление моего творчества.

— *Вадим Николаевич, интересно было бы узнать, какие произведения литературы влияли на формирование вашей личности — в детстве, юности?*

— С раннего детства помню „Кобзарь“ Тараса Григорьевича Шевченко. В украинской школе, где я учился, был хороший преподаватель литературы, он и привил мне любовь к книге.

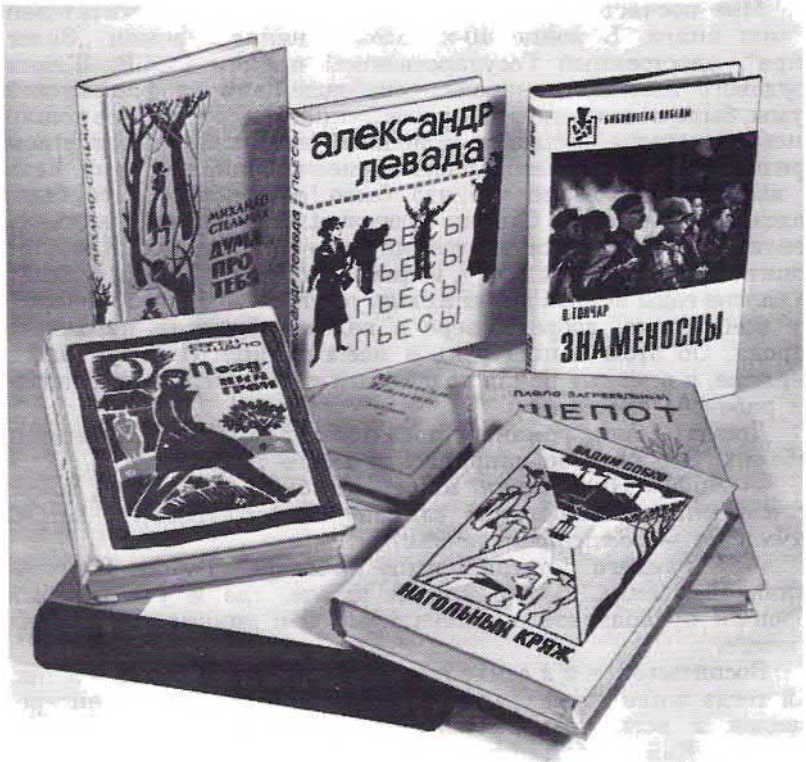
Воспитывался я в семье военного инженера. Жили мы так, как тогда жили люди среднего достатка. Мальчишкой интересовался я всем тем, чем интересуются юные читатели и поныне. Как любой школьник, начинал с Жюль Верна. В школе хранилось полное собрание его произведений, и я зачитывался ими настолько, что знал почти все на память. Мог часами рассказывать и пересказывать содержание его романов. Жюль Верн создал как бы своеобразный магнит, притягивающий к себе детское воображение. Этот жюльверновский полюс увлекает ребенка в смелую мечту, в мир фантазии, в бесконечно далекое, но прекрасное будущее.

Впрочем были книги, которые впечатляли не меньше. К примеру, — пушкинские сказки. Ночью разбудите — расскажу все наизусть. Как сейчас помню — впервые с сестрой мы читаем „Сказку о царе Салтане“, сидя на полу, прижавшись друг к другу, ощущая себя жителями Гвидоновского царства...

Тогда мне еще не исполнилось шести лет.

Александра Сергеевича Пушкина у нас в семье очень любили. А рядом с изданиями его стихов почетное место на полках занимали томики Шевченко и Леси Украинки...

— *Чьи произведения помогают вам в вашем творчестве?*

Украина книжная

— В моем становлении почти решающую роль сыграла поэзия Николая Тихонова. И все же, мне кажется, я вовремя бросил писать стихи. Это дало мне возможность гораздо большего добиться в более свойственном мне литературном жанре — в прозе.

А помощником, настоящим подспорьем был и остается мой любимый русский писатель Николай Васильевич Гоголь, необычайно близкий мне по духу. Я очень чувствую его слово, его тонкий язык, юмор. Гоголь знал и любил украинскую речь, многие его произведения пронизаны ее дыханием...

— *Вы пишете на украинском языке. Но все ваши произведения переведены на русский. Причем, как мне извест-*

тно, вы сами продолжаете работу над новым, переводным вариантом книги. Скажите, какие изменения претерпевает текст при переводе на другой язык?

— На этот вопрос нельзя ответить односложно. В поэзии — свои закономерности. Судьба стихотворения целиком зависит от переводчика. И, в конце концов, мне кажется, что переводчик пишет новое стихотворение на ту же тему. Иногда переводчик создает новый облик поэта.

Иное дело в прозе. Здесь все остается так, как было. Хотя иногда мелочи теряются, в то же время появляются новые оттенки, от которых произведение даже выигрывает. В любом случае работа идет не над точным переводом каждого отдельного слова, а над передачей мысли, смысла.

Перевод — это величайшее достижение человечества. Книги самых малых народностей становятся достоянием всех народов. В этом отношении русский язык и русская культура являются решающим залогом успеха в развитии всей советской культуры. Благодаря им мы собираем лучшую жатву со всех национальных литератур. Все самое значительное — доходит до нас. В этом величайшая социальная заслуга русского языка.

— *Вадим Николаевич, как писатель вы приобрели широкую известность. Но вас знают и как большого ценителя книги, библиофила. Немало сил и времени отдаете вы деятельности на посту председателя Центрального правления Добровольного общества любителей книги Украины. Что привлекает вас в этой работе?*

— Я по-настоящему люблю людей, которые берегут и ценят книги. Мне интересно жить среди них. Нас роднит не дух собирательства, а общие взгляды на книгу, принципы. Общество книголюбов, уже завоевавшее авторитет по всей стране, основано исключительно на родстве интересов. Можно сказать, что движение ценителей книги самым естественным образом вылилось в такое объединение. Ведь одновременно с появлением книги в истории человечества появились и книжники — люди, жизнь которых неотделима от печатного или рукописного слова. В Стране Советов это движение приняло массовый характер, к книге у нас с самого начала относились с особым энтузиазмом. Таким образом, общество книголюбов „росло“ снизу вверх. На основе многочисленных объединений, ячеек, кружков образовался этот союз. В Украинской ССР он стал за 5 лет своего существования одной из популярнейших и массовых организаций, сплотившей свыше 1 миллиона 800 тысяч человек. И кроме этого, около 11 тысяч предприятий, учреждений, учебных заведений, кооперативных и дру-

гих организаций — коллективные члены Общества. Вся наша деятельность строится в тесном контакте с партийными организациями. На местах большую помощь и поддержку оказывают книголюбам обкомы, горкомы и райкомы партии. Это улучшает качество работы, позволяет проводить ее на высокой идейной основе.

— *О том, как широко развернута деятельность энтузиастов книги на Украине, недавно с интересом узнали читатели всего мира из вашей статьи в информационном бюллетене „Новости ЮНЕСКО“. Ваш своеобразный опыт могут позаимствовать и многие другие наши республики. Известно, что в Киеве проводится интересный эксперимент по обслуживанию населения книгами. Расскажите, пожалуйста, о нем.*

— Помните, еще Владимир Ильич Ленин говорил: „... надо обеспечить читателя и большими читальными залами, и подвижностью книги, которая должна сама доходить до читателя. Придется использовать для этого почту, устроить всякого рода формы передвижек“.

Эксперимент, который мы проводим на базе Минского района города Киева, тщательно разработан. Мы подготовили методические рекомендации о совместной работе книголюбских организаций с библиотеками по применению и расширению нестационарного обслуживания читателей. Централизованная библиотечная система района составила совместный график сотрудничества с коллективными членами общества книголюбов. Это будет по-настоящему здорово — обслуживать читателей прямо у рабочего места. Применяем для этого „библиобусы“ — специальный транспорт, который вывозит книги в общежития, на предприятия, к новоселам. Заранее собранные заказы, формуляры, карточки помогают доставить самое нужное, необходимое для чтения. Такая форма обслуживания населения книгой опробована в Харькове, на заводе „Серп и молот“. Думается, что подобное обеспечение литературой может стать большим подспорьем для моряков, уходящих в дальние рейсы. Здесь у нас большие перспективы. Способствует успеху информационная работа общества — радио, стенная печать, многотиражные газеты, информбюллетени.

На предприятиях Днепропетровска книголюбы решили через своих посредников распространять и пропагандировать книги, написанные новаторами и передовиками производства. И оказалось, что книги эти нужны были как хлеб. Ни одного издания не осталось на книжных прилавках.

Разработав положение о смотре-конкурсе личных библиотек, мы включились в выполнение совместного постановления

коллегий Министерства культуры СССР, Госкомиздата СССР, секретариата ЦК ВЛКСМ и президиума ЦП ВОК „О привлечении в добровольном порядке литературы из личных собраний в общественное пользование и оказание шефской помощи библиотекам новостроек и села“. Мы начали распространять необычную „Анкету библиофила“. Лучшие собиратели, щедро предоставляющие свои библиотеки для читателей, будут премированы Почетными грамотами, комплектами книг. Уже сейчас в конкурс включились многие энтузиасты.

— *Вы, Вадим Николаевич, занимаетесь вопросами воспитательного значения книги. Что нового предлагают книголюб-бы Украины школьникам?*

— Мне кажется, давно пора ввести в школах цикл уроков по культуре чтения, по изучению искусства книги. Мы пробуем в ближайшее время совместно с республиканскими библиотеками внедрить в школах библиографические уроки. Уже составлены программы таких бесед с 1-го по 10-й классы. Опытный книголюб подскажет ребятам, как выбрать нужную книгу, объяснит, как сохранить ее, переплести и т. д. Параллельно мы уже договорились с украинским телевидением о включении подобных передач в телепрограммы. Немало и других проблем в работе со школой. Это — сохранность учебников, деятельность первичных школьных организаций книголюб-ов. Их решением вместе с Министерством просвещения УССР мы заняты сейчас в первую очередь.

Не всякая книга создается на века. Хорошая заставляет пульсировать мысль и, как добрый гений, пробуждает стремление к прекрасному, желание обогатить им свой внутренний мир. Все, что создано человеком, проходит период „старения“, проверяется временем. Бывает, что книги, имевшие громадный успех, вдруг забываются. А остаются — лучшие из лучших.

ЗАРУБЕЖНАЯ ШОЛОХОВИАНА

1.

За рубежом роман М. Шолохова „Тихий Дон“ (т.1) впервые был выпущен в свет издательством Компартии Германии „Литератур унд Политик“ (Берлин) осенью 1929 года¹. Его переводчица коммунистка Ольга Гальперн спустя многие годы—в декабре 1965 года в Будапеште—говорила мне, что она и ее муж Андор-Габор, известный венгерский писатель (в конце 20-х годов—собкор „Правды“ в Берлине), впервые прочли „Тихий Дон“ в журнале „Октябрь“ (1928) и были навсегда очарованы шолоховской поэтикой, самобытностью стиля, лепкой трагических характеров, изображением жизни Дона и в особенности—войны и революции. Ольга Осиповна Габор-Гальперн, уроженка города Могилев-Подольского, оргсекретарь Всегерманского Союза пролетарских писателей, прекрасно знавшая русский, немецкий и французский языки, уже в 20-х годах была известна как великолепная переводчица на немецкий язык романа Федора Гладкова „Цемент“ и других произведений советских писателей. По ее словам, Андор Габор, прочитав первый том „Тихого Дона“, сказал:

— Это книга на века! „Тихий Дон“ должно знать все человечество. Его будут читать на баррикадах. В тюрьмах он будет вдохновлять борцов... Враги еще не знают, какие, образно говоря, электростатические и какую магнетическую силу таит в себе „Тихий Дон“. Дело твоей чести—поскорее перевести его на немецкий.

На мой вопрос, как немецкие писатели встретили „Тихий Дон“, Ольга Осиповна ответила:

— Во Всегерманском Союзе пролетарских писателей роман был признан шедевром. Загляните в статьи Франца

¹ Scholochow M. Der stille Don. Roman. Von Frieden zum Krieg. Autorisierte Übersetzung aus dem Russischen von Olga Halpern. Wein; Berlin, 1929, S. 482.

Вейскопфа, в отклики прессы тех лет... Я счастлива, что неожиданно оказалась первооткрывателем „Тихого Дона“ Шолохова в Европе. Просто я выполнила свой долг коммуниста: долг перед Родиной и Коминтерном.

Издательство „Литератур унд Политик“ выпустило „Тихий Дон“ в твердых полотняных переплетках. На цветной суперобложке был обаятельный портрет Шолохова в серой кубанке и изображение Аксиньи у берега величественного Дона.

Коммунистическая пресса Германии, пропагандируя роман, называла „Тихий Дон“ новинкой пролетарской литературы, наперекор критикам-рапповцам, именовавшим Шолохова писателем „непролетарским“... Еще осенью 1929 года редакция журнала „Линкскурве“ опубликовала перевод статьи Александра Серафимовича из газеты „Правда“ от 19 апреля 1928 года, в которой был дан глубокий анализ шолоховского романа как выдающегося произведения советской литературы². В этом же номере журнала редакция поместила статью одного из руководителей Союза пролетарских писателей Франца Вейскопфа, который, не вступая в полемику с рапповцами, соотнес „Тихий Дон“ с лучшими произведениями советской литературы и русской классики. «Шолоховский „Тихий Дон“, как мне кажется,— писал Франц Вейскопф,— является выполнением того обещания, которое молодая советская литература дала начавшему внимать ей Западу своими произведениями... „Тихий Дон“ свидетельствует о том, как развивается новая литература, сильная своей самобытностью, литература, которая широка и необъятна, как русская степь, молода и неукротима, как новое поколение в Советском Союзе. И то, что в известных уже произведениях молодых русских прозаиков („Разгром“ Фадеева, „Бруски“ Панферова, новеллы и повести Бабеля и Иванова) часто еще только намечалось, было еще зародышем,— новый угол зрения, обращение к проблеме с совершенно неожиданной, новой стороны, сила художественного отображения,— все это в романе Шолохова получило уже свое полное развитие. Величием своего замысла, многогранностью жизни, проникновенностью воплощения этот роман напоминает „Войну и мир“ Льва Толстого...»³

Как был воспринят „Тихий Дон“ мировым рабочим классом и зарубежной прессой?

Мною получены десятки писем из ГДР от немецких антифашистов о „Тихом Доне“, часть из которых опубликова-

² Die Linkskurve. Berlin, 1929, Nr. 3, S. 16.

³ Op. cit., S. 34.

на в книге «„Тихий Дон“ сражается». Так, например, член революционной группы „Спартак“ (1918), коммунист с 1919 года Макс Валенда из города Фалькензее в августе 1966 года писал: «...Михаил Шолохов в „Тихом Доне“ сказал *новое о России*, ярко изобразил диалектику революции, кровавые битвы с белогвардейцами и интервентами.

Как ни одна книга, „Тихий Дон“ вызвал в 30-е годы дискуссии в пролетарских клубах, горячие споры в рабочих семьях Германии. „Тихий Дон“ помогал нам в острых спорах с оппозицией. Учил предвидеть коварство и жестокость фашистов. Шолохов открыл нам много нового из опыта русской революции. Поэтому роман я сберег в целости, несмотря на обыски гестапо (так он был мне дорог!)».

Член СЕПГ из Южного Мерзебурга Артур Кек также прислал письмо, в котором сообщил: «В 1929—1932 годах „Тихий Дон“ завоевал в Германии огромнейшую популярность. Я прочел его залпом. Для меня он был событием не меньшим, чем просмотр знаменитого кинофильма «Броненосец „Потемкин“» Эйзенштейна. „Тихий Дон“, несомненно, великое произведение нашего века. Он мне помог разобраться не только в неизбежном развале царского режима России, но и в неминувшей гибели фашизма в Германии. Благодаря „Тихому Дону“ Шолохова, я понял, что фашизм не обязательная и не вечная судьба нашей нации... Я имею два тома „Тихого Дона“ и согласен подарить их вам. Пусть для наших друзей в СССР эти книги — *борцы подполья* — будут доказательством того, что в черную ночь фашизма и в годы преступной войны против Советского Союза многие немцы глубоко верили в справедливую борьбу и победу советского народа».

Коммунисты супруги Пауль и Гертруда Дрезе из Южного Мерзебурга в августе 1966 года писали мне так: „Мы, коммунисты, широко использовали „Тихий Дон“ в пропагандистской работе в 30-е годы. Роман Шолохова принес нам правду о русской революции и героизме большевиков. „Тихий Дон“ вооружил нас против буржуазной клеветы, распространявшейся о Советской России... Многие годы я находился в концлагерях Лихтенбург и Бухенвальд. Но моя жена, несмотря на угрозы гестапо, все же сохранила первое издание „Тихого Дона“ 1929 года, и мы охотно дарим его вам»⁴.

Первый секретарь ЦК СЕПГ Вальтер Ульбрихт (в 30-е годы — секретарь ЦК КПГ по оргвопросам) в ответ на мое письмо сообщил в апреле 1963 года о том, что художественные

⁴ См. кн.: Прийма К. „Тихий Дон“ сражается. 2-е изд. М., 1975, с. 68, 70, 74.

произведения советских писателей, издававшиеся немецкими коммунистами, «разрушили стену антисоветской клеветы, воздвигнутую реакционными и фашистскими силами, и воспроизвели истинную картину строительства социализма в Советском Союзе. Искусство стало оружием в борьбе рабочего класса за свое освобождение.

„Тихий Дон“ Шолохова, наряду с книгами Горького, Фадеева, Серафимовича и других советских писателей, стал для многих немецких рабочих, а потом и для растущего числа трудовых крестьян, не только большим литературным событием, но и руководством к действию»⁵.

Шолоховский роман „Тихий Дон“ оказал огромное плодотворное воздействие на формирование мировоззрения — идейных, эстетических, нравственных, интернациональных взглядов — в коммунистических и рабочих партиях всего мира. Так уж исторически сложилось, что переводы „Тихого Дона“ на иностранные языки совпали со становлением и развитием мирового коммунистического движения. Шолоховский роман в довоенные годы помогал марксистам-ленинцам Запада и Востока в их борьбе, учил „алгебре революции“, как образно об этом говорил в Ростове-на-Дону (1932) немецкий коммунист, сотрудник „Роте Фане“, переводчик „Поднятой целины“ Леон Мареш.

„Тихий Дон“ Шолохова содействовал выработке стратегии и тактики коммунистов, в том числе и в решении важнейшего вопроса теории диктатуры пролетариата — о союзе с крестьянством.

Поэтому с логической закономерностью тогда возникла необходимость у коммунистов продвинуть „Тихий Дон“ в самые широкие массы рабочего класса, в каждый дом, в каждую семью. В связи с этим по указанию Эрнста Тельмана с ноября 1929 года роман „Тихий Дон“ стали публиковать 20 окружных коммунистических газет, в которых печатались призывы к читателям: «Нашим товарищам следует прочитать эту книгу — „Тихий Дон“ Шолохова. Они из нее могут узнать многое о работе большевиков на войне и многому научиться... Эту книгу надо рекомендовать всем пролетариям»⁶.

«Этот новый русский роман дает читателю необычайное наслаждение не только глубиной чувств, избытком ярких красок и гениальностью художественного изображения, но в равной степени радует своим призывом к борьбе против

⁵ Прийма К. „Тихий Дон“ сражается. 2-е изд. М., 1975, с. 68, 70, 74.

⁶ Hamburger Volkszeitung, 1930, 1 Nov.

империалистической войны,— писала коммунистическая газета „Трибуне“ (Магдебург) 5 ноября 1929 года, начиная публикацию романа Шолохова.— „Тихий Дон“ так захватывающе повествует о раскрепощении русского крестьянства, что становится учебником для трудящихся города и деревни в округе Магдебург-Ангальт; роман учит, как они должны будут однажды поступить со своими угнетателями, которые в течение столетий переплавляют их пот и кровь в золото!»

Вот оно, самое заветное, что „Трибуне“ нашла в „Тихом Доне“ Шолохова для своих читателей, самое главное, чего пролетарии, трудящиеся крестьяне и бывшие солдаты первой мировой войны не обнаружили в прославленных романах Ремарка, Олдингтона и Хемингуэя о „потерянном поколении“,— оружие борьбы за свое освобождение.

Центральный орган Компартии Германии газета „Роте Фане“ печатала на своих страницах главы из „Тихого Дона“, в том числе о казни белогвардейцами отряда Подтелкова, и в своих аннотациях, предостерегая коммунистов, пролетариев от ошибок, писала о том, что „в вооруженной, как и в политической, борьбе не может быть никакого примирения с врагом“. Своими публикациями текста „Тихого Дона“ и статьями о нем редакция „Роте Фане“ учила немецких рабочих вооружаться опытом русской революции.

2.

Уже в конце 1929 и начале 1930 года немецкий перевод „Тихого Дона“ проник в европейские страны, произведя в кругах литературной общественности огромное впечатление. В январе 1930 года роман выходит в свет в Париже, в августе— в Стокгольме, в октябре— в Мадриде, в ноябре— в Праге, в декабре— в Гааге.

В январе 1931 года перевод романа Шолохова с крупными цензурными сокращениями появляется в Токио, в ноябре— в Шанхае (с вырубленными цензурой Чан Кайши 166 страницами шолоховского текста!).

С триумфом встречали читатели „Тихий Дон“ всюду, где в 30-х годах появлялись его переводы: в Дании, Болгарии, Польше, Англии, США, Венгрии, Югославии.

Во Франции, как сообщила мне в письме переводчица Сюзанна Кампо, дирекция издательства „Пайо“ с большим трудом согласилась взять у Василия Сухомлина и у нее перевод „толстого советского романа“ и выпустила всего лишь 5 000 экземпляров. Издатель уверял, что русский роман не пойдет!

Однако первый тираж „Тихого Дона“ разошелся в недельный срок. Директор „Юманите“, член Политбюро ЦК Компартии Франции Марсель Кашен через Анри Барбюса в феврале 1930 года пригласил переводчиков в редакцию и попросил у них разрешения на публикацию перевода „Тихого Дона“ в газете.

По словам С. Кампо, Кашен назвал их перевод „подвигом“, а роман Шолохова — „несомненным шедевром“. Барбюс в этой беседе пророчески сказал: «Путь „Тихого Дона“ будет опасным и тернистым. Реакция сделает все, чтобы запретить его, фальсифицировать, сжечь или предать забвению. Но я уверен в том, что, отмеченный знаком вечности, „Тихий Дон“ пробьется к читателям всей планеты».

С 25 марта 1930 года „Юманите“ начала публикацию „Тихого Дона“. А еще раньше, 2 марта, на первой странице редакция напечатала портрет Михаила Шолохова, взятый с суперобложки немецкого издания романа, и в своем сообщении о предстоящей публикации „Тихого Дона“ назвала его автора „великим писателем современности, истинно русским Поэтом, вышедшим из гущи народа и сохранившим всю свою самобытность“. 4 марта „Юманите“ в другом сообщении писала: „Вскоре наши читатели будут иметь возможность ознакомиться с чудесным шедевром писателя-революционера Михаила Шолохова“.

„Юманите“ по опыту немецких окружных газет печатала главы „Тихого Дона“ как фотокопию книжных страниц романа, чтобы читатели могли эти газетные публикации сложить, сброшюровать и превратить в книгу. Со страниц „Юманите“ двухсоттысячным тиражом „Тихий Дон“ пошел в массы рабочего класса Франции, проник в Алжир, Тунис, Марокко, на Мадагаскар и в Индокитай! Таков был размах вступления „Тихого Дона“ в тридцатом году в Париж.

Английские буржуазные издатели пять лет не признавали Шолохова. Наконец, под давлением литературной общественности, они опубликовали роман (со значительными сокращениями). Но даже в этом урезанном виде „Тихий Дон“ вызвал среди англичан сенсацию.

В письме от 20 июля 1966 года директор английского издательства „Путнам“ Джон Хантингтон сообщил мне, что в 1934 году его дед Констант Хантингтон выпустил шолоховский роман (две книги в одном томе) десятью массовыми тиражами за четыре месяца.

Это был успех, неведомый английским издательствам, тем более с книгой в 755 страниц.

Но самое оригинальное было то, что читательский спрос

на „Тихий Дон“ превысил издательские тиражи. Книги в продаже явно не доставало, и тогда одна из буржуазных газет „Санди график энд Санди ньюс“ в мае, в воскресных приложениях, начала публиковать вторую книгу шолоховского романа, отдавая ему по 6—8 страниц.

27 мая 1934 года в аншлаге газеты редакция заявила: «„Тихий Дон“— это книга, которая удивила мир». А в своем вступлении к публикации глав писала: «Сегодня „Санди график...“ начинает публикацию выдающегося, одного из наиболее сенсационных, правдивых и очаровательных романов. „Тихий Дон“ завоевал похвалу самых известных критиков-литературоведов, и его успех поразил всю Англию. За два месяца потребовалось четыре издания романа, но они не удовлетворили спроса. В США и на континенте Европы уже продано 1,5 миллиона книг Шолохова...

„Тихий Дон“ — чарующий роман, который обсуждают все!» Отметив, что еще „никогда не было написано более ужасного обвинения войне, чем то, которое содержится в этом мощном и животрепещущем романе“, редакция далее подчеркнула: «„Тихий Дон“ повсюду признан более потрясающей книгой, чем знаменитый роман Э. М. Ремарка „На Западном фронте без перемен“».

Буржуазные литературные критики Берлина, Парижа, Праги, Лондона вначале пытались организовать „заговор молчания“ против „Тихого Дона“. Однако невиданный успех книги у рабочего класса и студенчества, творческой интеллигенции, в разных кругах буржуазии и даже среди представителей русской эмиграции, выход романа огромными тиражами не только в „красных“ издательствах, но и в буржуазных и публикация его в газете „Санди график энд Санди ньюс“, — заставили печать Запада высказаться о шолоховском „Тихом Доне“.

Отдадим должное литературным критикам коммунистической прессы, которые ранее других научно обосновали главный свой тезис: в лице Шолохова в Советской России появился выдающийся писатель, сравнимый по таланту со Львом Толстым. Мы имеем в виду статью писателя-коммуниста Белы Иллеша „Новый Толстой в русской литературе“, напечатанную в коммунистическом журнале „100 процентов“ (Будапешт, 1929, март), а также выступления писателя-коммуниста Франца Вейскопфа в „Линкскурве“ (Берлин, 1929, № 3) и критика Жоржа Альтмана в журнале Анри Барбюса „Монд“ (Париж, 1930, февраль).

Вслед за ними, через год-два, и в буржуазной прессе появились статьи авторитетных ученых и писателей, признав-

ших „Тихий Дон“ эпохальным произведением XX века. Так, например, известный шведский поэт Йоханнес Эдфельт в статье „Казачий эпос“ восхищался „Тихим Доном“ и утверждал, что его автор — «врожденный эпический поэт, реалистическое искусство которого сравнимо с искусством великих русских писателей. „Тихий Дон“ характерен спонтанной гениальной радостью повествования».

«„Тихий Дон“ Шолохова — это событие не только на литературном фронте, — отмечал профессор О. Фербер в газете „Вадишер беобахтер“, — это одновременно признание и открытие народа... И тот факт, что тираж „Тихого Дона“ превысил тираж Ремарка „На Западном фронте без перемен“, заставляет нас, из ущелий дряхлой Европы, обратить свои взоры на народные массы Востока!»

Известный французский критик-литературовед Андре Левинсон писал: „Новоприбывший, возвращенный на еще нетронутой донской целине, он (Шолохов. — К. П.) сразу возвестил о себе произведением такой мощи, что успех его превратился в подлинное событие. Шолохов всецело сливается со своими героями из семьи Мелеховых, казаками и земледельцами. Мы читаем об их жизни, но перед нами встает жизнь всего этого края. Смееу сказать, что <...> это самая великолепная фреска из народной жизни, блестяще удавшаяся автору“.

Английский еженедельник „Обсервер“ в апреле 1934 года заявил: «„Тихий Дон“ есть книга, которая возвысилась среди тысячи!» Даже известная своей антисоветской позицией газета „Таймс“ в литературном приложении от 5 апреля 1934 года писала о „Тихом Доне“ Шолохова: „Его творение полно великой жизненности, жестокости, красоты, строгого реализма и истинной поэзии казачьих традиций... В изображении жизни, ужасов войны и дикости, страстей и жестокости, личных невзгод и насилий Шолохов поражает беспощадной прямотой и честностью“.

Коммунистическая пресса повсеместно давала решительный отпор искажению идейно-художественного замысла шолоховского „Тихого Дона“ и клевете в буржуазной и социал-демократической печати.

Так, например, „Роте Фане“ 10 ноября 1930 года, отвечая социал-демократическому „Форвертсу“ и другим газетам, в большой статье „Война и революция“ писала о том, что Шолохов, как никто из западных писателей, показал классовую сущность войны как народного бедствия, что Шолохов оказался на голову выше многих литераторов, так как изобразил войну с классовых пролетарских позиций.

«...Именно этот, почти незаметный поворот в сознании

солдат,— читаем мы в „Роте Фане“,— рождение новых мыслей, появление новых, еще ранее никогда не существовавших знаний у уставших от войны солдат царской армии и отличают второй том „Тихого Дона“ Шолохова от всех других романов о войне и революции. Казаки Шолохова — „железная гвардия“ царизма (которая поднимала сабли и нагайки против любого восстания) — отказываются выступать против петроградских рабочих. И здесь Шолохов показал также *классовое отмежевание казаков от офицеров*, ярко изображая, как эти владевшие землей крестьяне еще долго колеблются между революцией и контрреволюцией. Одни казаки уже присоединяются в Петрограде или на фронте к Красной Гвардии когда-то „презренных“ русских рабочих и солдат, а другие — возвращаются на тихий Дон. Но Дон уже больше *не тихий!*.. И заслугой Шолохова является то, что читатели романа невольно становятся на сторону революции».

В венгерской коммунистической прессе выступил тогда беспартийный писатель Петер Вереш: „Я потрясен тем, как Шолохов схватил и изобразил рождение нового мира, новых людей и новых мыслей в окопах войны, на Дону и в ходе революции. Люди у Шолохова — живые... И как это своеобразно схвачено и запечатлено! Законы движения жизни в ходе революции и своеобразную логику революционного действия — вот что открыл Шолохов“⁷.

Некоторые социал-демократические газеты, в особенности шведские, чешские и датские, сразу же заняли весьма дружественную позицию к Шолохову и опубликовали о его романе восторженные статьи. „Тихий Дон“ — это событие века, — писала газета „Социал-демократен“ 27 ноября 1930 года, — на фронте у Григория Мелехова открываются глаза на то, что он воюет во славу богачей, чтобы сделать их еще более богатыми, <...> его прежние понятия о царе, родине, казацком долге — ломаются».

Газета „Арбетет“ 18 октября 1931 года утверждала, что „Тихий Дон“ — еще не оконченный роман — представляется одним из самых важных вкладов в новую русскую литературу».

3.

19 июня 1969 года Генеральный секретарь ЦК Компартии Бразилии Луис Карлос Престес в Москве в беседе со мною дал весьма глубокую оценку политических аспектов мирового

⁷ Gondolat, 1936, III.

значения „Тихого Дона“ и его автора: „М. А. Шолохов — не просто всемирно известный писатель. Это летописец советской революции. Писатель, который шагнул дальше других и сказал больше, чем многие художники, в разоблачении первой мировой войны. И главное, он художественно ярко и правдиво показал всему миру советскую революцию, рождение нового мира, победу диктатуры пролетариата в России. В этом — суть вопроса, почему реакция его боится...“

Да, действительно, с выходом „Тихого Дона“ за рубежи нашей Родины правящие круги и идеологи многих капиталистических стран сразу же повели ожесточенную борьбу против романа и его автора.

В фашистской Италии „Тихий Дон“ как „роман о красной буре“ был запрещен к изданию еще в 1930 году. Надо полагать, поэтому правительство Рима в декабре 1930 года отказало М. А. Шолохову в визе на въезд в Сорренто по приглашению А. М. Горького.

В странах, кичившихся своей свободой, — в Англии и США — роман „Тихий Дон“ в 1934 году подвергся жестокой цензурной расправе. В ряде случаев были перемещены события, изъяты многие главы и эпизоды. Всего из шолоховского текста романа было вырублено 115 страниц, без объяснения этого позорного факта на титульной странице, как того требует международное авторское право.

Все сокращения в „Тихом Доне“ были направлены к тому, чтобы убрать шолоховские разоблачения злодеяний царских генералов Корнилова, Каледина, Краснова и других, чтобы скрыть от западных читателей, что и англо-французская военная миссия, и германские грабители находились на Дону и помогали русской контрреволюции проливать народную кровь, стремясь разгромить Советскую Россию.

Переводчик Стефан Гарри так далеко зашел в своем рвении, что народного героя-революционера Михаила Кривошлыкова (при предъявлении революционными казаками ультиматума генералу-атаману Каледину в Новочеркасске) превратил в контрреволюционера.

Важно подчеркнуть, что эта беспрецедентная расправа с прославленным на весь мир „Тихим Доном“ долго оставалась за рубежом незамеченной. И лишь благодаря документу коммуниста-политэмигранта Мета Блаича, сохранившемуся в архивах, мне удалось исследовать этот вопрос и в 1968 году в № 38 журнала „Огонек“ подвергнуть критике произвол издательств „Путнам“ (Лондон) и „Альфред Кнопф“ (Нью-Йорк), которые до сих пор не желают восстановить шолоховский текст романа в своих изданиях.

Роман „Поднятая целина“ за рубежом также привлек внимание коммунистического авангарда, самых широких кругов читателей, даже представителей буржуазного мира. Книгу охотно издавали.

Так, в 1933 году, в сентябре, „Поднятая целина“ вышла в свет на японском языке в переводе Уэда Сусуму в издательстве „Наука-ся“ (Токио) и вызвала в дружественных СССР кругах большую сенсацию и „огромный интерес к социалистическому эксперименту русских“, как об этом писала в журнале „Кайдзо“ (Токио, 1936, № 2) выдающаяся пропагандистка творчества Шолохова Иосизэ Абэ.

В декабре 1933 года „Поднятая целина“ выходит на чешском языке в Праге, а в январе 1934-го публикуется в новом переводе издательством „К. Борецкий“. Весной 1934 года „Поднятая целина“ издается в Варшаве, а в сентябре выходит в свет с некоторыми сокращениями в Лондоне. Английская буржуазная пресса встречает ее в штыки. Между тем через месяц этот роман издается в США, и крупнейшие газеты Нью-Йорка, напротив, дают „Поднятой целине“ весьма положительную оценку.

В 1935 году роман Шолохова появляется в Норвегии под заглавием „Новая земля“, и в Швеции, где большинство буржуазных газет опубликовало яростные клеветнические статьи. И только коммунистическая „Ню Даг“ и „Социал-демократен“ откликнулись в том же году статьями, в которых заявили: „Михаил Шолохов, как никто другой, достоин Нобелевской премии“; «„Поднятая целина“— великолепнейший образец социалистического реализма в литературе».

По совету А. М. Горького известная писательница Мария Тереса Леон и переводчик Х. Ледесма переводят „Поднятую целину“ на испанский язык и издают ее в 1936 году в Барселоне. (Этот роман, как и „Тихий Дон“, был позднее взят на вооружение республиканцами — защитниками Мадрида.) В том же году „Поднятая целина“ выходит в свет в Голландии, затем в Китае— в Яньани, а в конце 1936 года издается подпольно в Шанхае знаменитым писателем и переводчиком этого романа Чжоу Либо, с предисловием, в котором „Поднятая целина“ названа „могучим произведением советской литературы, авторитетно возвестившим миру о силе социалистического реализма“.

В 1938 году „Поднятая целина“ издается в Брно (Чехословакия) на венгерском языке, в 1940-м, со множеством цензурных сокращений,— в Югославии.

К концу 30-х годов шолоховские книги, преодолев множество преград, завоевали широчайшую популярность во многих

зарубежных странах как романы о событиях мирового значения. Прогрессивная критика за рубежом с самого начала рассматривала творчество М. А. Шолохова как закономерное развитие на новом этапе истории лучших традиций русского реализма. Ярko и убедительно об этом сказал известный болгарский писатель-революционер Камен Калчев, который познакомился с романом Шолохова в 30-е годы в тюрьме: «Я был просто ошеломлен, когда впервые прочел „Тихий Дон“... Нет,—думал я,—не пропало дело Толстого, не прервалась нить русских традиций, оставленная великими реалистами. Живы и Тургенев, и Чехов, и Короленко! И как будто из огня революции возникло оно, „как птица Феникс!“, волшебное русское слово, и сияет алмазным блеском, неповторимой красотой, наперекор всем пессимистам и самозванным пророкам, которые предрекали гибель и культуры, и искусства в Советской России»⁸.

4.

В 40-е годы произведения М. А. Шолохова получают за рубежом еще большее признание. В 1940 году вышло первое английское издание 3-й и 4-й книг „Тихого Дона“ (в одном томе); в июле 1941 года оно перепечатывается в США. Успех романа в Америке привел к тому, что издательство „А. Кофф“ в июне 1942 года вновь публикует его, а через год переиздает в двух томах. В 1941—1942 годах в США и Англии „Тихий Дон“ был встречен подавляющим большинством газет, ведущих и провинциальных, с невиданным энтузиазмом. В американской прессе печатались не только рецензии, но и обстоятельные статьи, глубоко анализирующие роман М. А. Шолохова. Лучшие из них принадлежат перу Малькольма Каули („Нью-Рипаблик“), Леона Дэннена („Дейли Уоркер“), Сэмюэля Силлена („Нью-мэссиз“). О значении реализма Шолохова убедительно писал в „Паст меридиэн“ прогрессивный критик Эдвин Сивер: „В век, когда великие писатели пытались изобразить человеческие существа, как тени в ритуальном танце, и утопить себя в потоке времени, Шолохов, романист социалистического общества, вернул художественной литературе ее назначение и достоинство. Великие традиции русского реализма еще раз дали о себе знать всему миру“.

Руководитель антифашистской группы в Берлине 1933—1934 годов неуловимый Эрвин Шлейзенер сообщил мне в

⁸ Съветската литература в България. 1918—1944. София, 1961, т. 1, с. 197.

письме, что у них в подполье была библиотечка советских романов на немецком языке: „Мать“, „Тихий Дон“, „Поднятая целина“, „Цемент“, „Железный поток“, „Разгром“ и другие... В труднейшей борьбе с фашистским режимом для подпольщиков образ Бунчука из „Тихого Дона“ был примером стойкости и мужества перед лицом смерти. „Тихий Дон“ Шолохова помогал нам укреплять классовое сознание рабочих, вдохновлял на борьбу с ненавистным наци-режимом».

По свидетельству антифашистов Эмми и Бруно Якоб (Берлин), роман Шолохова вдохновлял и подпольщиков знаменитой тайной организации „Красная капелла“, радист которой Ганс Коппи, преследуемый гестапо, принес к ним в дом самое дорогое — „Коммунистический Манифест“ и „Тихий Дон“. Эту книгу ветераны сохранили и прислали нам для выставки «„Тихий Дон“ сражается» (1966).

Для прогрессивных, патриотических кругов поработенных фашизмом стран „Тихий Дон“ Шолохова был знаменем и оружием в борьбе сил Сопротивления, символом их глубоких симпатий к Советскому Союзу, который героически сражался на тысячекилометровом фронте против гитлеровцев. Именно так мы оцениваем издание „Тихого Дона“ в годы второй мировой войны в ряде европейских стран: выход седьмой части „Тихого Дона“ в Праге, перевод которой сделал в подполье бывший редактор „Руде право“ Властимил Борек, публикация в Италии летом 1941 года первой книги в двух миланских издательствах — „Бомпиани“ (пер. М. Раковской) и „Гарцанти“ (пер. Н. Бавастро), тираж которых был сразу же конфискован властями. В 1942 году „Тихий Дон“ с множеством цензурных сокращений и почти полным изъятием текста восьмой части вышел в четырех томах в Будапеште в издательстве „Черепфалви“ (в переводе Шандора Бенами, Рене Суран и Лёринц Коваи). В 1943-м выходит первая книга „Тихого Дона“ в Барселоне в издательстве „Аретуза“ (пер. Педро Камачо) и в том же году, со множеством цензурных изъятий, под заглавием „Донские казаки“ роман Шолохова появляется в Бухаресте в переводе Юлиана Веспера.

В Китае в 1940—1941 годах прогрессивные деятели сумели издать „Тихий Дон“, правда, тиражом всего лишь в одну тысячу экземпляров, в издательстве „Гуанмин шуцзюй“ (пер. Цзинь Жэнь).

Весной 1941 года „Тихий Дон“ с английского был переведен на язык урду (Пакистан). История этого перевода — трагическая повесть об узнике Гуджратской тюрьмы (провинция Пенджаб, тогда еще Британской Индии) Саиде Матлаби Фаридабади, который перевел роман в тюрьме, а затем

переправил рукопись на волю. „Тихий Дон“ был издан осенью 1941 года в городе Лахоре.

Глубокий социальный смысл, жизненная правда, революционный пафос эпоса Шолохова и его художественное совершенство — вот та поистине непреодолимая сила, благодаря которой его книги вдохновляли переводчиков в самых трудных условиях, в том числе и в тюрьмах, бороться за продвижение романа в массы.

* * *

После победы над фашизмом книги М. А. Шолохова вступили, вопреки давлению империалистической реакции, на все континенты и приобрели всемирный авторитет.

Вокруг имени Шолохова, его творческой позиции и его произведений в зарубежной прессе развернулась напряженная идеологическая борьба. Ее отзвуки мы находим в издательских аннотациях, в предисловиях и рекламе произведений Шолохова, в откликах прессы, в энциклопедиях и литературных справочниках.

Несмотря на ожесточенные атаки на Шолохова и выступления против него антисоветчиков разного толка, в Западной Европе, Америке, Азии, а теперь и в Африке и Австралии, произведения Шолохова „Тихий Дон“, „Поднятая целина“, „Судьба человека“ издаются часто, большими тиражами, читательский интерес к ним неизменно возрастает.

По словам Генерального секретаря Компартии Великобритании Джона Голлана, приславшего мне письмо весной 1963 года, „Тихий Дон“ в Британии признается современной классикой.

Председатель Национального Исполкома ЦК Компартии США Генри Уинстон так охарактеризовал значение произведений Шолохова для американцев: «„Тихий Дон“ в США — это одна из наиболее читаемых и любимых книг. Благодаря „Тихому Дону“ новые поколения американцев — белых и черных — по-новому стали смотреть на СССР... „Тихий Дон“ образно и общедоступно поведал миру, что такое *настоящая протарская революция*»⁹.

А газета „Нью-Йорк геральд трибюн“ 16 октября 1965 года в заметке „Трудно найти книгу Нобелевского лауреата“ сообщала о том, что в США „шолоховские романы в продаже идут нарасхват“.

⁹ Огонек, 1970, № 21, с. 25.

„Роман этот правдиво и реально показал итальянскому народу великую эпопею революции и социалистического строительства. Поэтому мы его ценим и любим как один из шедевров литературы всех времен“, — написал 10 марта 1964 года на книге М. Шолохова „Тихий Дон“ (издание „Эдитори Риунити“, 1963) Генеральный секретарь Итальянской компартии Пальмиро Тольятти.

В ФРГ первые книги „Тихого Дона“ были изданы в 1949 году, а тома 3-й и 4-й — лишь в 1959-м издательством „Пауль Лист“. Успех романа был колоссальным. И это издательство впоследствии несколько раз переиздавало Шолохова.

Во Франции 4-я книга „Тихого Дона“ впервые появилась в 1949 году. Полное издание „Тихого Дона“ в четырех книгах впервые вышло во Франции в 1959 году. Организаторами нового массового издания шолоховского романа были коммунисты. В 1960 году „Тихий Дон“ начал свое второе триумфальное шествие по Франции, когда „Юманите“ предприняла публикацию по главам всех четырех книг романа.

Полный перевод четырех томов „Тихого Дона“ в Японии появился в 1952 году (пер. Сиро Сотомура) с послесловием члена ЦК Компартии Японии, выдающегося критика-марксиста Куракура Корэхито. С середины 50-х годов книги Шолохова приобрели такой огромный авторитет в стране, что стали издаваться в Японии массовыми тиражами в семи разных переводах, что было подтверждено в 1966 году президентом Ассоциации японских писателей Нива Фумио.

В 1956 году „Тихий Дон“ выходит в свет в Норвегии в четырех томах (пер. И. Дигернеса) в издательстве „Тиден“. В 1957-м в Швеции выпускается 12-е издание „Тихого Дона“, выходит вторая книга „Поднятой целины“ и два сборника рассказов Шолохова.

В 50—60-е годы не только коммунистическая, но и буржуазная пресса стала чаще писать о Шолохове как о любимом писателе миллионов читателей, как о классике социалистического реализма. Литературоведы, критики в своих статьях называют (подобно шведу Стигу Карлсону) роман „Тихий Дон“ „фантастическим (по таланту) произведением“¹⁰.

По утверждению норвежского профессора и критика Мартина Нага, написавшего мне из Осло в январе 1965 года, книги Шолохова в Скандинавии „стали народным чтением“.

Однако самое широкое признание произведения Шолохова получили в странах социалистических. В восточной части Германии еще в 1946—1947 годах книжное издательство

¹⁰ Morgon Tidningen, 1958, 23 Feb.

Советской военной администрации „SWA-Verlag“ в Берлине выпустило в свет первую книгу „Поднятой целины“. „Тихий Дон“ был опубликован в 1947—1948 годах народным издательством „Фольк унд велът“. Пресса откликнулась на выход „Тихого Дона“ множеством статей. Газеты подчеркивали „актуальность шолоховского романа“, так как он „всюду будет помогать изблечать и разрушать ложь, которую кое-кто снова распространяет о Советском Союзе“¹¹.

За двадцатилетие (1952—1972) „Поднятая целина“ издавалась в ГДР 22 раза, а „Тихий Дон“ и знаменитый рассказ „Судьба человека“ — около 30 раз. Когда в 1964 году М. А. Шолохов посетил ГДР, тираж „Тихого Дона“ и „Поднятой целины“ превысил миллион экземпляров. Книги Шолохова в ГДР вошли в каждый дом, его творчество изучается в школах и вузах.

„Тихий Дон“, а прежде всего „Поднятая целина“, — писал мне Первый секретарь ЦК СЕПГ Вальтер Ульбрихт, — в полном смысле слова были нашим настольным политическим справочником в период коллективизации сельского хозяйства в ГДР». Творчество Шолохова оказало огромное влияние на немецких писателей. Анна Зегерс в одной из своих статей подчеркивала: „Книги Шолохова — это голос совести, призыв, обращенный к литераторам: *пишите правду!*“

В эти же годы произведения М. А. Шолохова массовыми тиражами издаются в Польше („Тихий Дон“ выпущен 15 раз, „Поднятая целина“ — 14 раз, полумиллионным тиражом каждая). Польские критики и литературоведы посвятили Шолохову сотни статей. „Польское обозрение“ в 1965 году отмечало, что художники слова всегда обращаются к Шолохову как к „великому неисчерпаемому морю. Назовем его морем мудрости“. В эти же годы произведения Шолохова издаются 200—300-тысячными тиражами в Югославии, Венгрии, Румынии. Известный писатель, академик Братко Крефт в книге „Портреты“, вышедшей в 1956 году в Любляне, посвятил Шолохову специальную главу, в которой пишет о том, что советская литература благодаря „Тихому Дону“ „заняла первое место в современном мировом романе“, потому что „общечеловеческая и всенародная сущность — ядро подлинного реализма и социалистического гуманизма Шолохова“.

Румынский писатель Еуджен Барбу дал высочайшую оценку самобытности Шолохова: «Шолохов — это прежде всего явление, которое мы называем национальным писателем, воплощающим все характерные черты культуры и лицо

¹¹ Berliner Zeitung, 1948, 24 Jan.

нации... Шолохов положил в основу своего романа постоянное стремление русского человека к справедливости, его тягу к правосудию, и в этом, в сущности, и заключается смысл его „Тихого Дона“»¹².

В Китае в 1946 году издательство „Шэнхо судянь“ открыло серию „Шедевры мировой литературы“ выпуском романа „Поднятая целина“ в переводе писателя-коммуниста Чжоу Либо.

В том же году книга „Поднятая целина“ переиздавалась в Пекине, Кантоне, Мукдене, Нанкине, Яньани и других городах. В связи с коллективизацией в деревне в 1950 году „Поднятая целина“ была снова издана массовыми тиражами в Пекине, Шанхае, Нанкине. В эти же годы семь раз издавался „Тихий Дон“ (пер. Цзинь Жэнь). Китайская пресса тогда давала произведениям Шолохова самые высокие и восторженные отзывы.

Однако такое положение решительно изменилось, когда Мао Цзедун круто повернул внутреннюю и внешнюю политику Китая против СССР и всех социалистических стран. С этого времени объективная оценка творчества Шолохова исчезла со страниц китайской печати. Переводчики Цзинь Жэнь, Чжоу Либо и другие были репрессированы, роман „Тихий Дон“ в печати объявлен „ядовитой травой“, а „Поднятая целина“ — „одой кулачеству“. Эта гнусная клевета на шолоховские произведения распространялась центральным органом КПК „Женьминь жибао“, которая осенью 1967 года опубликовала несколько страниц клеветы на Шолохова, произведения которого, как и всех советских писателей и русских классиков, в Китае были сожжены...

Во Вьетнаме первое шолоховское произведение появилось в 1946 году. Это была „Наука ненависти“. В 1957 году ханойский журнал „Советская литература“ опубликовал рассказ „Судьба человека“, который затем трижды переиздавался 100-тысячным тиражом. Перевод „Тихого Дона“ на вьетнамский язык появился в 1959 году в издательстве „Культура“ (пер. Нгуен Тхюи Бнг) в восьми книгах. „Поднятая целина“ во Вьетнаме была издана в 1959—1961 годах и сразу же превратилась „в настольную книгу трудящихся, строящих социализм“¹³. В 1962 году в Ханое было выпущено специально для бойцов Народной Армии сокращенное карманное издание „Поднятой целины“ в трех брошюрах.

¹² Lucafarul, 1965, 23 Okt.

¹³ Предисловие к книге М. Шолохова „Поднятая целина“. Ханой, 1961.

5.

Особенно широкую популярность творчество Шолохова завоевало в послевоенные годы в странах, сбросивших иго колониализма. В Индии „Поднятая целина“, например, была впервые выпущена на пенджабском языке (1945) в переводе поэта М. Сингха. В дальнейшем произведения Шолохова издавались в Индии на 11 языках: урду, тамили, пенджаби, бенгали, хинди, ория, малаялам, телугу, ассами, гуджарати и каннада.

В связи с выходом „Тихого Дона“ на языке бенгали прогрессивная газета „Свадхината“ писала: «Шолоховская эпопея о Доне заслужила всеобщее признание. Этот роман открывает читателям новый мир, огромный и прекрасный... Если Октябрьская революция стала началом новейшей истории человечества, то „Тихий Дон“ Шолохова — художественное обобщение первой главы этой истории».

В 1968 году Пенджабский университет (гор. Патиала) издал сборник „М. Шолохов. Литературные исследования“ — первый индийский коллективный труд о Шолохове.

В арабском мире книги Шолохова вначале появились на английском и французском языках. Лишь в 1958 году в Каире издательство „Ад-Дар ал-Мисрийя ли-д-Кулуб“ выпустило первую и вторую книги „Тихого Дона“. Перевод был сделан с английского купированного издания.

С 1960 года в Багдаде (Ирак) на арабском издается „Поднятая целина“ и „Они сражались за Родину“, а в журнале „Кутуб ли-ль-джа-ми“ печатается рассказ „Судьба человека“. В 1962 году в Багдаде выходит в свет новое издание „Тихого Дона“, а в 1965-м в Бейруте (Ливан) публикуются все четыре тома „Тихого Дона“ в переводе с французского. Из всех арабских переводов шолоховского романа это, несомненно, самый лучший и полный (пер. Мишеля Сулеймана).

Видный египетский поэт Абд-ар-Рахман аль-Хамиси, будучи гостем Москвы, при встрече со мною сказал следующее: «Великий шолоховский эпос — наше могучее оружие... Шолохов — это не просто великий русский писатель, он уже давно принадлежит всему прогрессивному человечеству. Шолохов — одна из величайших вершин современной мировой литературы... „Тихий Дон“ Шолохова учит — и это хорошо понимают читатели во всех уголках планеты! — ценить в человеке гуманность, поиск истины и справедливость. Вот этим Шолохов покори́л мир!»

Присуждение М. А. Шолохову Нобелевской премии в 1965 году было с удовлетворением воспринято всем прогрессивным

человечеством как торжество справедливости. Весьма недвусмысленно высказалась в связи с этим газета „Нуэстра палабра“ — орган ЦК Компартии Аргентины: „Присуждение премии великому советскому писателю в действительности означает, что Нобелевская премия выполнила свое назначение вопреки многолетним маневрам и идеологической дискриминации, которые применялись в Нобелевском комитете по отношению к Шолохову — гениальному художнику-гуманисту“. Жизнь подтвердила этот тезис коммунистической газеты.

После второй мировой войны произведения М. Шолохова, наряду с книгами А. Фадеева, А. Толстого, А. Серафимовича, И. Эренбурга, В. Маяковского, С. Есенина, Ф. Гладкова, К. Федина, А. Твардовского и других, оказали могучее воздействие на прогрессивных писателей за рубежом, сыграли решающую роль в становлении и утверждении литературы социалистического реализма.

В 1975 году прогрессивная общественность зарубежных стран широко отмечала 70-летие М. А. Шолохова. Важнейшими событиями были, конечно, новые издания произведений юбиляра — „Тихого Дона“, „Поднятой целины“, „Судьбы человека“ — в Софии, Берлине, Праге, Варшаве, Белграде, Осло, Токио, Барселоне, Дамаске и других столицах.

Крупный вклад в научную разработку проблем творчества М. А. Шолохова внесли Международная шолоховская конференция в Варшаве (1975), труды которой опубликованы в журналах „Славия ориенталис“ (1975, № 4), и „Пшеглэнд хуманистични“ (1975, № 11), а также Международный шолоховский симпозиум в Лейпциге (1975), доклады которого опубликованы в специальном сборнике.

За рубежом появились новые монографии о Шолохове — Х. Дудевского (София), М. Новикова и Г. Барбы (Бухарест), М. Заградки (Прага; Оломоуц), а также публикации в журналах новых крупных работ Б. Бялокозовича, В. Заворского, М. Хаенцкой, В. Грабского, Р. Срочиньского (Польша), М. Бабовича, Б. Косановича (Югославия), Е. Каман, Б. Лэндела (Венгрия), В. Байтц, Г. Дудек, Х. Конрад, Э. Хексельшнейдера, Э. Ковальского, А. Хирше (ГДР) и других.

В буржуазном мире наибольший интерес представляют работы группы ученых Новой Зеландии во главе с президентом Ассоциации преподавателей русского языка (Великобритания), зав. кафедрой русской и советской литературы Нового университета Ольстера профессором Брайаном Мэрфи. Эти ученые проделали огромную работу по составлению «исторического комментария к четырем томам „Тихого Дона“ с переводом и объяснением сложных и трудных донских оборотов речи,

пословиц, поговорок». В „Новозеландском журнале славистики“ (№ 1 и 2 за 1975 год и № 1 и 2 за 1976 год) уже развернута публикация этих трудов.

Большой резонанс в зарубежной печати и литературоведении получила исследовательская работа группы норвежских и шведских ученых во главе с профессором Гейром Хетсо (Осло), который опубликовал большую статью «Буря вокруг „Тихого Дона“» в журнале „Скандо-Славика“ (Копенгаген, 1976, № 22), а также в сборнике «„Тихий Дон“: уроки романа» (Ростиздат, 1979).

Велика и безгранична любовь и признательность миллионов читателей к вешенскому „чародею слова“.

Огромен творческий вклад М. А. Шолохова в сокровищницу русской, советской и мировой литературы. Книги Шолохова стали энциклопедией опыта Великого Октября, гениальным изображением революционного переворота в России. Шолохов создал свой самобытный стиль, явил нам пример строгого историзма в идейно-художественной трактовке проблем мировой и гражданской войн, предстал как художник, с ленинских позиций решающий проблемы исторические, военно-политические, нравственные, творчески развивающий лучшие традиции великих реалистов и на практике утверждающий жизненность метода социалистического реализма.

Идейно-художественный мир произведений М. А. Шолохова, его неповторимая манера письма оказали и продолжают оказывать плодотворное воздействие на многих советских и зарубежных писателей. В настоящее время мы с полным основанием можем говорить о шолоховской традиции и школе в современной мировой литературе.

Очень верно и убедительно об этом писал болгарский журнал „Философская мысль“ (1975, № 8):

„Михаил Шолохов есть реальное и живое доказательство неиссякаемого потенциала социалистического реализма, самого прогрессивного художественного метода в мире... Эпическая широта повествования, психологическая глубина изображения характеров, проникновенное истолкование противоречий эпохи, искрящаяся нравственная чистота революционного гуманизма — все это есть настоящая школа — *шолоховская школа творчества*, единодушно признанная выдающимися творцами-художниками...

Творчество Шолохова — это знамя нашего времени“.

ПОЭЗИЯ РУССКОЙ ГРАВЮРЫ

(Ф. Д. Константинов и книга)

Толковый словарь определяет гравюру как рисунок, воспроизведенный с клише, предварительно вырезанного или вытравленного ручным способом. Прежде всего останавливает слово „рисунок“, перекликающееся с „художеством“. Да, это художество, да еще труднейшее. Рисунок ложится не непосредственно на бумагу или картон, а на дерево, которое дает отпечаток на бумаге или картоне. Это общеизвестно. И вместе с тем — всякий раз поражаешься этому древнему искусству. Искусству, которое так ревностно и самозабвенно служит книге. Гравюра на книжном листе, — мы привыкли к этому чуду. Оно живет в нашей культуре. И мне хочется сказать здесь об одном из мастеров, гравюры которого украшают сотни книг классиков и современников. Федор Денисович Константинов представляется мне хранителем высокой традиции русской гравюры. Поэтом книжной иллюстрации.

Есть произведения художников-живописцев, скульпторов, графиков, которые запоминаются надолго и сопутствуют вам на протяжении всей жизни. Иное лицо на портрете говорит вам не меньше (если не больше), чем лицо родственника, соседа, друга. Очевидно, это имел в виду русский поэт Николай Заболоцкий, когда с восторгом писал, как с портрета Рокотова на него смотрит (именно — смотрит) Струйская.

Среди живых лиц, сопровождающих меня (да и не только меня) на протяжении десятилетий, находится Мцыри, воссозданный художником Федором Константиновым.

Вспомните лермонтовские строки:

И в час ночной, ужасный час,
Когда гроза пугала вас,
Когда, столпясь при алтаре,
Вы ниц лежали на земле,
Я убежал. О, я как брат
Обняться с бурей был бы рад!

Ф. Д. Константинов за работой

Обняться с бурей! Это не только Мцыри. Это Лермонтов. А вместе с ним вся стихия романтической мечты.

Вы, возможно, представляли себе мятежного и гордого героя другим, совсем другим. Но вот вы увидели его в представлении Федора Константинова, в его гравюре,— и образ, вызванный к жизни воображением художника, властно завладевает вами.

Какая сила в этом изображении! Непокорный, сильный поворот головы, страстный, испытующий взгляд. И этот константиновский Мцыри ведет вас за собой. Вы ему поверили: он „... знал одной лишь думы власть, одну— но пламенную страсть...“

Искусство Ф. Д. Константинова многосторонне и многообразно.

Совместить несовместимое входит в задачу художника романтического толка, каким принято называть Константинова. Название условное и выражает только одну из его черт. Ему близок и демонический порыв Лермонтова, и углубленное психологическое письмо Достоевского. На его небесах мерцают звезды, на травах—блещут росы. И все это существует не само по себе и не отъединенно друг от друга, а совместно, в едином потоке вселенной. И продолжением сельской дороги

становится Млечный путь. Кони на фронтиспise „Метаморфоз“ Овидия окликают коней с заставки сказок, повестей и поучений Древнего Египта.

Мир Константинова, вобравший в себя историю и современность, природу и культуру,— на редкость цельный и единый мир. И нам выгодно и захватывающе интересно в нем. Для того чтобы оглядеть этот мир, созданный художником, чтобы перечислить и описать работы Ф. Д. Константинова, нужна не статья, а целый том. Здесь же в беглом панорамном виде упоминаются главные циклы его работ. Узловые моменты творчества. Основные вехи его пути. Но сперва о жизни художника, о том, как она сложилась.

Федор Константинов родился в 1910 году в крестьянской семье. Он рано лишился отца — Дениса Илларионовича. Матери, оставшейся с тремя детьми, трудно было прокормить их, и она переехала в Москву. Будущий художник до девяти лет жил у бабушки с бабушкой. Уже в сельской школе мальчик начал увлеченно рисовать.

Крестьянский род Константиновых был художественно одарен. Мать Федора Денисовича Мария Сидоровна занималась вышивкой, рисовала и пела. Тяжелая жизнь забила ее дарования, лишила возможности развить их. Старший ее сын Иван после службы в морском флоте, не имея специального образования, стал гравером, резал на меди орнаменты, шрифты, портреты. Из всей семьи одному Федору Денисовичу посчастливилось развить свой огромный природный талант и помножить его на культуру.

В 1919 году бабушка и дедушка умерли от голода и тифа, и один из родственников Константинова отвез мальчика в Москву, где уже жила его мать. Она работала в столовой для беспризорных. Федор Константинов определяется в колонию Лиги спасения детей в Серебряном бору, а затем в Первый Коммунистический интернат, где он пробыл до 1927 года. Художник на всю жизнь сохранит память о годах, когда интернат посещали Н. К. Крупская, Н. И. Подвойский, Д. В. Рязанов. Вместе с учителем рисования Ф. С. Егоровым воспитанники побывали в Крыму и на Кавказе. Эти впечатления были для молодого художника драгоценными, сохранились на долгие годы и закрепились в его гравюрах.

Константинов учится на мастера по текстильным машинам в Механико-текстильной школе. Затем он работает на ткацкой фабрике и еще позднее — слесарем и инструктором на экспериментальном заводе.

В 1929 году Федор Константинов — студент Горной академии. Работа на заводе и учение совмещаются с занятиями

живописью. Постепенно она становится властителем дум молодого человека. Художество возоблададо и повелело Константинову отдать все время и все силы ему.

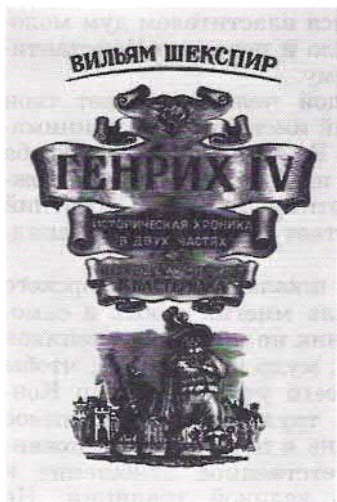
В следующем, 1930 году молодой человек подает свои работы в Московский художественный институт. Его принимают сразу на второй курс. Он в классе В. А. Фаворского. Судьба решена. Классные работы обращают на себя внимание художников. Переложенную в гравюру картину Дерена „Субботний день“ выставляют, затем ее приобретает Музей нового западного искусства.

В истории нашего искусства школа В. А. Фаворского занимает особое место. Она воспитала многих ярких и самобытных художников. Великий художник не подавлял учеников своим величием. Он был прост, добр, мудр и делал все, чтобы его ученики стали мастерами. У своего учителя Федор Константинов взял главное — огромное трудолюбие, постоянное стремление к совершенству, отношение к призванию художника как к святыне. Бережное, ответственное отношение к каждому своему листу. Помнить о великой традиции. Не повторить ее.

Цикл за циклом идут работы Ф. Д. Константинова. Многие из них — в Третьяковской галерее, в Русском музее в Ленинграде, в Литературном музее, в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина и многих других музеях, а также в зарубежных собраниях. В несметном количестве книжных изданий они разошлись по всему свету.

Владимир Андреевич Фаворский не обучал в обычном понимании слова. Он вместе с учениками искал истину современного искусства. В классе и дома у художника молодые люди имели возможность, лучше сказать — счастье, наблюдать за словом, жестом, за всем творческим поведением мастера-учителя. Положения Фаворского были выношенны и просты. Ничего невнятного, недосказанного, смутного.

Для Константинова период подражательства и ученичества был очень невелик. Он уже в ранних своих работах („Оды“ Горация, „Метаморфозы“ Овидия, трагедии Шекспира) заявляет о себе как самобытный художник, мастер, обладающий, по словам Баратынского, „лица необщим выраженьем“. Далее — „Кентерберийские рассказы“ Чосера, „Легенда об Уленшпигеле“ Шарля де Костера, „Лирика Древнего Египта“ и многие, многие другие работы, которые упрочили за Ф. Д. Константиновым славу выдающегося русского художника, создателя непреходящих духовных ценностей. Дух античности и Возрождения, Древней Руси и современности внятно и убедительно передан в гравюрах, уже прочно сросшихся в

Титульный лист
к „Генриху IV“ Шекспира

Из иллюстраций
к „Ромео и Джульетте“

нашем сознании с текстами поэтов и прозаиков, имена которых значатся на обложках книг. Пишущий эти строчки, читая Пушкина и Мицкевича, Тургенева и Фета, Тютчева и Блока, Гюго и Есенина, не может отделить любимые им тексты от любимых иллюстраций.

Миниатюрные и станковые гравюры, равно как и масляная живопись Ф. Д. Константинова, объемлют мир природы и страстей человеческих, мир дерзновенной мысли и стремительного полета ввысь. В мировой литературе художник выбирает те произведения, в которых полно и глубоко выразилась современность, породненная с вечностью, характеры сильные и глубокие. Резко-контрастные листы прочитываются как драмы и трагедии, воплощенные в характерах героев Шекспира и Чосера, Лермонтова и Достоевского, в серии гравюр, посвященных творцам (Бетховен и Паганини, Данте и Лермонтов, Моцарт и Пушкин). Мы застаем творцов в момент раздумия или работы. И мыслящий о будущем поэт, и скрипач, взметнувший над струнами смычок, и углубленный в себя композитор—все это Константинов запечатлел с беглостью эскиза и основательностью монументальной живописи. Гравюры мастера расширяют свои действительные размеры и рвутся с листа в мир, в жизнь.

Работы Ф. Д. Константинова никогда не залеживаются в его мастерской или в запасниках галерей.

Они совершили путешествия по 25 городам страны: фабричные поселки, районные и областные центры, Урал, Сибирь, Кавказ, столицы и „глубинка“. На выставках художника люди подолгу вглядываются, восхищаются, спорят. Зарубежные зрители, и среди них взыскательные критики и искусствоведы, отмечали и отмечают особенности и достоинства работ художника. «Федор Константинов, чья серия маленьких гравюр иллюстрирует „Кентерберийские рассказы“ Чосера, мой личный любимец» (Уильям Хиккей, „Дейли экспресс“). В статье Л. Уорди утверждается, что константиновские гравюры „обнаруживают в нем чрезвычайно способного и тонкого художника, чье умение владеть материалами ставит его в группу художников мирового значения, причем редких даже в мировом масштабе,— он относится к той группе художников, у которых талант и точка зрения совпадают и дают подлинно творческую личность“.

В другом отзыве иллюстрации к Марку Твену названы „чудеснейшими гравюрами на дереве“, которые по силе выраженного в них чувства юмора совершенно непревзойдены и могут быть сопоставлены лишь с иллюстрациями Доре к „Дон Кихоту“.

По-своему прочитавший как художник-мыслитель произведения русской и мировой классики, Ф. Д. Константинов проявил большое внимание к литературе народов СССР. Он иллюстрирует книги стихов украинского поэта Тычины и литовского Реймериса, чувашского Ухсяя и татарского Ерикеева, белорусского Танка и лезгинского Стальского. Передавая колорит республики переводимого автора, художник никогда не отходит от собственной манеры изображения. На любом листе иноязычному или русскому поэту вы обнаруживаете характерный почерк художника, его символику, четкие и разнообразные приемы константиновского чекана.

У Константинова в его гравюрах и живописи мятежная, певучая линия, передающая глубокие душевные движения, жизнь, исполненную труда, поиска, долготерпения, напряженности. Чувствуешь в его искусстве ту сложную и мощную корневую систему, которая уходит в глубокую историческую почву России. Да, это искусство сродни русской поэзии, ее песенной и пейзажной шири.

Уроженец Зарайска, с детства причастный к родной земле, художник влюбленно и умело воспроизвел природу срединной России. Нет, „воспроизвел“ — не то, неточное слово. Он сумел передать, более того, внушить нам высокую поэтич-

ность наших раздольных лугов, вешних потоков, неугомонных птичьих стай, осенних лесов, березовых перелесков, молодых рощ, старых дубрав, зимних, накатанных санями дорог. Какая колдовски-прекрасная песенная нота звучит при разглядывании этих гравюр!

Но всего более поэтичен, убедителен Федор Константинов, когда он ведет речь о драматичных, острых моментах в жизни природы и души человеческой. Молния, радуга, горячее объяснение влюбленных. Линия делается тогда похожей на волну. Я люблю константиновские волны. Их много, они разнообразны. Волна на взлете. Она пенится? Нет! Она закипает, а еще вернее — зацветает, цветет. Этот образ я отношу к личности художника. Явленный в гравюре образ волны можно полностью отождествить с самим романтическим взлетом его искусства.

Волна к волне — одна работа к другой. В волнах проступает ритм взлетов художника, ритм его мысли. Мне сдается, что волна — ключевой образ для Федора Константинова. Его снега, его зимние сугробы — это застывшие волны. Слово снегопад, шедший с неба на землю, обрел на земле не покой, а запечатленное в волнообразных линиях беспокойство. Или константиновские облака. То они повторяются в воде — отражением неба, то, будто волны, вздымаются в небо и живут в нем своей, им свойственной жизнью. А какой захватывающе интересный разговор ведут волны и облака на титульном развороте „Возмездия“ Гюго!

— Оказывается, небо можно рисовать! — воскликнул один художник, увидев серию работ Федора Константинова.

И верно: сплошь да рядом — в гравюре ли, в рисунке, в картине — небо нередко воспринимается просто как фон, как нечто лишь намеченное, обозначенное мимоходом. У Федора Константинова небо вовлечено в общее действие. Оно — равный среди равных участников сюжета. Лучи, пронизывающие, пронзающие облака в заставках к „Стихотворениям“ Тютчева, оборачиваются то молнией в „Метаморфозах“ Овидия, то шпагой в руке Ромео. И они же поднимают росную траву в серии „Времена года“. И они же рвутся к Пушкину, слагающему строки „Медного всадника“.

Не только снежные сугробы и облака оказываются волнами. Волною видятся мне спина барса в „Мцыри“, серп луны на портрете Сергея Есенина. Что держит Данте в руке? Рукопись? Нет, волну!

Волнами предстают константиновские радуги и ветки, кони и всадники, оружие воинов и головы мыслителей, брови древней египтянки, и одеяние античной богини. Да и словно

Портрет Данте

то же душевное движение видишь, когда Федор Денисович начинает говорить о жизни и об искусстве. Слово за словом движется, нарастая все круче, круче, и вот — гребень восторга, восклицание во весь голос, сверкание глаз, и руки, руки, рвущиеся от груди ввысь, словно волны к тучам. Человек готов на подвиг, на творчество — и творчество его, видится мне, в той великой радости, которую только и может испытывать художник за столом гравера, за мольбертом живописца.

Дума за думой, волна за волной —
Два проявления стихии одной, —

так сказано у Тютчева. И жизнь художника подтверждает высокую философичность этих строк.

— Волны повторяются, не повторяясь. Нет и не было двух одинаковых листьев дуба и двух одинаковых яблок, — говорит Федор Денисович и останавливается. — Природа позаботилась о разнообразии. Слышите: во всем, от ручья до звездного неба — переливы, переходы, перекличка. Прибой никогда не утомляет...

Беру в руки легчайшие оттиски гравюр и вглядываюсь. Волна к волне льнет и от волны отталкивается. Я улавливаю их ритм. И не только. В ритме рождается мелодия. Значит, художник, режущий гравюру, музыкант? Да, в той мере, в которой он осязает гармонию пространства, располагает предметы, пейзаж, людей в пространстве. Река, молния, дерево, трещина на земле — все говорит друг о друге и все различается. Ритм ручья и ритм звезд у Федора Константинова связаны. И то, и другое служит гармонии, служит художественному познанию мира.

Федор Константинов неистов во всем: в работе, в максимализме требований к искусству и к людям. Это неистовство передано в интенсивности восприятия мира, в упоенности жизнью, в воспевании «звездных часов» труда и творчества. Огромен его тематический и образный диапазон: разные эпохи и страны, разные состояния природы и души. Поэт России, глубокий истолкователь Пушкина и Лермонтова, Тютчева и Достоевского, Тургенева и Есенина, он легко и победно проникает в национальные характеры, в жизнь других народов.

Федор Константинов учит более глубокому чтению даже тех творений, которые, кажется, все хорошо знают. Меня легко проверить: откройте „Стихотворения в прозе“ Тургенева с его гравюрами или „Крымские сонеты“ Мицкевича, прочитайте текст без гравюр и вернитесь к тексту после того, как вглядитесь в гравюры. Вы почувствуете, как углубляются ваши читательские впечатления и познания.

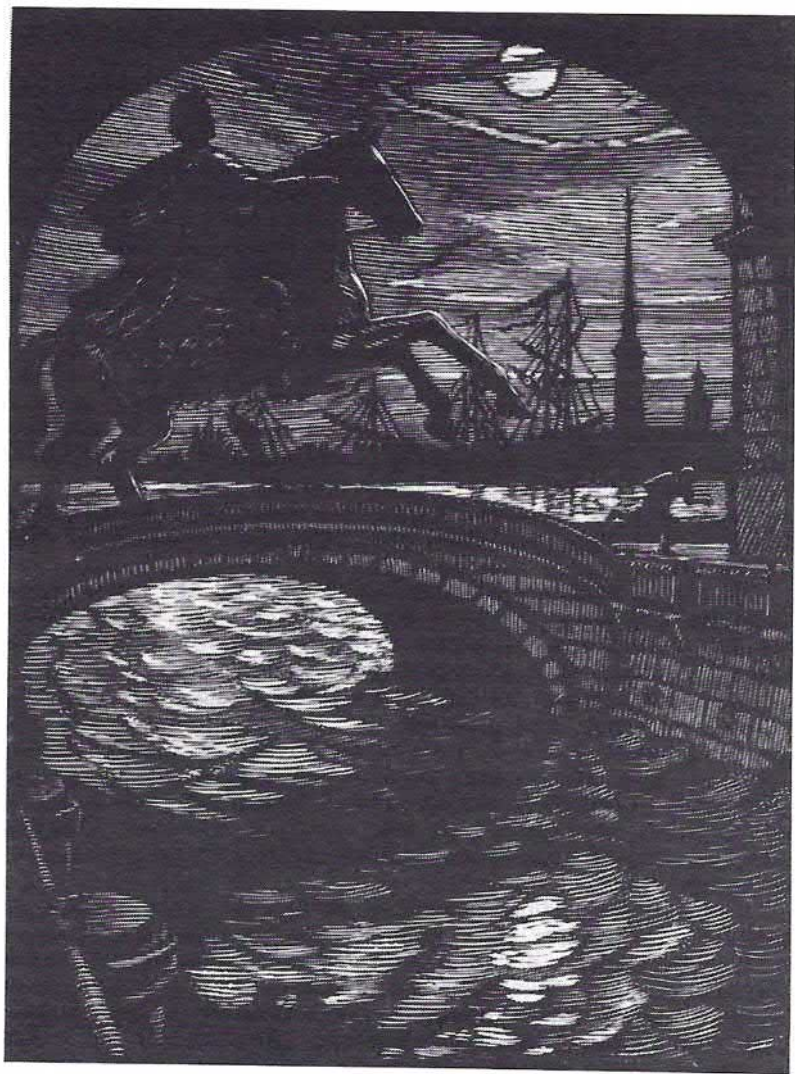

Иллюстрация к „Медному всаднику“

Взять хотя бы пушкинский цикл работ Ф. Д. Константинова. Он обширен.

Пушкинский „Медный всадник“... Выполненные решительным штрихом, в остроконтрастной манере, гравюры Константинова естественно вписываются в стихотворный текст. Художник иллюстрирует не отдельные строки или строфы, он запечатлевает узловые моменты пушкинского творения, моменты, позволяющие почувствовать мощный дух поэмы. Константиновская сюита передает музыку стиха, драматизм образов, глубочайший смысл создания Пушкина. Петербург, Евгений, наводнение, конная статуя Петра воочию предстают перед нами, питая наше воображение.

Гравюрная миниатюра производит впечатление монументальности. Все дышит у художника, пульсирует, движется, мерцает. Городской архитектурный пейзаж и Нева, а на их фоне Пушкин — столь же явные герои поэмы, как и царь Петр с Евгением. Почтительно изучив все предшествующие традиции иллюстрирования „Медного всадника“, Константинов создал свою версию, показав, что его контрастная и напряженная гравюра прекрасно подходит для передачи сложнейших образов поэмы.

Федор Константинов глубоко пережил это грандиозное творение Пушкина. Он подошел к работе, очень точно определив для себя и для читателя исторически-трагедийный смысл великой поэмы, ее философскую и образную суть.

Едва завершил Константинов работу над „Медным всадником“, как над его рабочим столом встал Афанасий Фет. После бушующей Невы, смятенного Евгения и вздыбленного Петра — Орел, Новоселки, росы и звезды, сады и лужайки срединной России. От одной работы Федор Константинов как бы зажигает другую. Порой мне кажется, что этот художник способен дать гравюрное воспроизведение чуть не всей русской литературы.

Собственно, собрав воедино сделанное художником для русской литературы, мы увидели бы не фрагменты ее, не отдельные части, а всю ее в целом. Вятен мятежный, разумный, многоцветный лик русского поэтического слова. Гравюры Ф. Д. Константинова воспитывают в нас высокое уважение к отечественной литературе, наставляют нас любить ее паче жизни своей. Художник не разъединяет творцов нашей литературы, а соединяет их, сводит в один круг. При желании можно было бы издать любопытнейший альбом — историю литературы в гравюрах Ф. Д. Константинова.

Итак, после Пушкина — Фет.

После Фета — снова Пушкин.

Пушкиниана Федора Денисовича Константинова имеет свою долгую и славную историю, заслуживающую специального исследования. Здесь я напомним важнейшие вехи, приведшие художника к „Маленьким трагедиям“.

Любовь к Пушкину родилась очень рано. Но любовь — не только состояние, она действие. И первое впечатляющее действие свершилось в 1949 году, когда страна готовилась к 150-летию со дня рождения поэта. Художник выступил со своей трактовкой лирики и „Евгения Онегина“. Тремя годами раньше вышел „Кавказский пленник“ с гравюрами Ф. Д. Константинова. Пушкинская тема не покидала художника, поэт звал его к себе, вел за собой. Исполнитель Константинов готовился к „Медному всаднику“, вышедшему в 1975 году и имевшему огромный успех у нас и за рубежом. Увлеченно шла работа над „Капитанской дочкой“ и „Полтавой“.

До работы над „Маленькими трагедиями“ Ф. Д. Константинов изучил все попытки художников-предшественников — от самого Пушкина (рисунки на „Драматических сценах“, на рукописи „Каменного гостя“) и Брюллова до Врубеля и Фаворского.

Конечно, очень важно было изучить попытки предшественников. Но еще важнее было углубиться в Пушкина и прочесть текст глазами нашего современника. И, прочитав Пушкина именно глазами современника, художник одновременно с этим уверенно входит в эпохи Моцарта и Вальсингама, Барона и Дон Гуана. Он свой человек в старой Англии и старой Испании.

Мне приходилось много раз беседовать с художником, и всякий раз я убеждался в том, что это внимательнейший читатель и толкователь текстов, точнее сказать — исследователь их. Сквозь внешнее, видимое в тексте художник проникает во внутреннее, незримое — в подтекст. Пушкин для него — мечта и загадка, собеседник и наставник, источник философских раздумий над смыслом жизни. Работая над текстами поэта, художник углубляется в его творчество, в его жизнь.

В гравюрах Ф. Д. Константинова раскрыт не только текст „Маленьких трагедий“, но и подтекст и, если можно так выразиться, надтекст. На заглавных листах каждой из четырех трагедий читатель видит в центре одну из сцен в ее живописной и символической реальности, над ней — эмблему всего произведения, под ней — почерпнутую художником глубинную мысль автора.

За внешним, открывающимся взглядом, Ф. Д. Константинов видит суть. Так, в пирующих во время чумы мы можем

Гравюра к „Полтаве“ А. С. Пушкина

разглядеть еще живых людей, но уже тень смерти не столько витает над ними, сколько ложится на них.

Пятьдесят гравюрных элементов, полученных читателем „Маленьких трагедий“ из рук Ф. Д. Константинова, намного приближают к Пушкину, к его великому созданию. Поэзия гравюры — поэзия контрастов — передает самую суть „Маленьких трагедий“. Эта константиновская серия, кровно связанная с текстом Пушкина, несет читателю и эстетическое наслаждение, и дает ему материал для размышлений, и одновременно расширяет его понимание одного из самых сильных и загадочных произведений русской литературы.

Ф. Д. Константинов, к сожалению, редко прибегает к перу литератора, мемуариста, редко делится своими заветными мыслями об искусстве, о психологии творчества. Но в тех случаях, когда он пишет о своей работе, он приближает к нашему духовному взору иллюстрируемого автора и его произведение.

Говоря о своих работах к лермонтовским поэмам „Мцыри“ и „Демон“, к роману „Герой нашего времени“, художник сообщает тонкое наблюдение о природе иллюстрирования: „...то, что писатель последовательно описывает на протяжении многих страниц, показывая героя во всей сложности, в различных ситуациях, в развитии во времени, художник должен сделать в единственном застывшем моменте и охватить не один эпизод к определенной странице, а образ всего произведения“. Ценное замечание! Образы Мцыри и Демона прекрасно подтверждают это наблюдение.

Во время работы художник испытывает не только восторг, но и сомнения. Кто может сказать заранее, что у него получится? Вопрос, в котором звучит смятение мастера, раздумчивая тревога его. И вот художник убеждает себя в необходимости немедленного действия. „Чтобы переплыть поток, надо броситься в него. Но заранее не знаешь, вдруг подводный камень или водоворот погубит тебя“. Тяжкое мгновение! „Так что же, не плыть, остаться на этом берегу, навсегда распростившись с мечтой?“ В этом вопросе есть уже доля назревающей решимости. Нет, этот человек не струсит, он рискнет. И мы в своих догадках оказываемся правы: „...я уже в потоке, нелегко, дух захватывает, но я стараюсь переплыть...“

Мы то и дело застаем художника в напряженный момент работы, раздумия, решимости.

С Федором Денисовичем Константиновым судьба свела меня по роду моей литературной работы. Рукопись книги моих стихов „Светотень“ оказалась на столе Василия Субботина, в ту пору заведовавшего отделом поэзии в издательстве „Советский писатель“.

— Светотень! — сказал Василий Ефимович. — Свет и тень. Черное и белое. Гравюра! Знаете, здесь нужен тонкий художник. А не обратиться ли нам к Константинову?

— Ну что вы! — воскликнул я. — Он занят Шекспиром, Чосером, Мицкевичем, Пушкиным. Ему не до нас.

Позвонили Константинову. Он пригласил нас в мастерскую поговорить, познакомиться поближе, узнать, чем мы дышим. Прочитал он мою „Светотень“, и отклик его был немногословный: „Буду работать“.

Через некоторое время я уже всматривался в оттиски, сделанные с самшитовых досок, и мне показалось — книга зазвенела. Иней на деревьях заиграл солнечным блеском. Стога в тумане плыли, как видения, в отсветах луны. Янтарный берег Литвы зацвел. Журавлиный клин потянулся над лесом так, что слышался шелест крыл. И мои стихи вдруг

открылись мне по-новому. Это были не иллюстрации, приложенные к книге извне, а словно бы живописный аккомпанемент. Да, я увидел свои стихи в константиновском зеркале. В известной степени могу сказать: он вернул мне мои стихи. Вот почему — замечу мельком — одной из любимых моих книг осталась „Светотень“. Она издана именно так, как мне хотелось...

Для меня стало душевной необходимостью время от времени разглядывать работы этого мастера и размышлять над смыслом его искусства. Когда я вижу рисунки, акварели, живопись, книжные иллюстрации, гравюры на дереве и на линолеуме Федора Константинова, передо мной неизменно встает лицо художника, личность художника. Это как в лирике — за строками Блока или Есенина слышатся их живые голоса.

В работах Ф. Д. Константинова я слышу переливы его живого голоса, вижу его жесты — острые, правдивые, решительные, во всяком случае определенные, за ними проглядывается на редкость самобытная и привлекательная личность. Но вместе с голосом самого художника я слышу голоса перекликающихся в столетиях поэтов, прозаиков, драматургов. Гораций и Шекспир, Пушкин и Тютчев, Лермонтов и Крылов, Тургенев и Достоевский, Байрон и Гюго, Чосер и Твен... Несметное количество голосов. И каждый голос различим по силе и тембру. Это чудо искусства явлено нам в Федоре Денисовиче Константинове, в его черно-белой палитре, в его гравюре.

А. Кутюв

КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ

Где есть поветрие на чтение,
В чести там грамота, перо;
Где грамота, там просвещение,
Где просвещение, там добро!

П. А. Вяземский

Кузнецкий мост, Книжная лавка писателей... Любой москвич не только назовет вам ее адрес, но и вспомнит, какая книга приглянулась ему недавно на прилавках. Сюда заходят все: артист и врач, инженер и рабочий, студент и школьник. Чаще всех бывает в Лавке, естественно, писатель, которому она верно служит вот уже почти полвека.

Двадцать с лишним лет назад взволнованно свидетельствовал Леонид Леонов: „Для меня и ряда моих товарищей по ремеслу Книжная лавка останется всегда любимым клубом. Выработалась привычка: каким бы маршрутом ни выйти из дому, на исходе дня непременно забрести сюда, посидеть полчаса среди милых и живых, среди великих и мертвых. И хоть пыль лежит на этих торжественных фолиантах, воздух здесь всегда казался мне чистым и тихим, как среди горных вершин. Здесь я впервые держал в руках подлинники первоизданий Дюрера и Леонардо, Пушкина и Руссо...“ В этих благодарных и доверительных словах — не лучшее ли пояснение сущности самого понятия — „книжная лавка“?..

Перелистаем страницы истории.

Первая Книжная лавка писателей в Москве была организована в сентябре 1918 года и просуществовала до 1922 года. Поначалу она размещалась в Леонтьевском переулке (ныне улица Станиславского), а последний год — на Б. Никитской (теперь улица Герцена). Через руки ее продавцов прошло огромное количество книг, среди которых было немало редчайших: французские изящные томики восемнадцатого века, старинные фолианты в кожаных переплетах, собрания гравюр, русские уникалы времен Петра Первого, альды и эльзевиры... В высокой цене были энциклопедические и иные словари, справочники, полные собрания сочинений классиков, работы по искусству. Дешевле полукопейки золотом стоила в лавке старинная книжка „Щеголеватая аптека“, которой не было ни

в одной публичной библиотеке России, копейку — „Грациан“ времени Анны Иоанновны, за два-три рубля можно было приобрести все семь альбомов издания гравюр Ровинского.

В деятельности первой писательской Книжной лавки следует отметить любопытную подробность: продажу автографов современных поэтов и прозаиков, рукописных автоизданий, изготавливавшихся обычно в одном-двух, максимум — семи экземплярах. В воспоминаниях М. А. Осоргина, одного из основателей Лавки, приведены интересные факты. Когда выходило сравнительно мало книг, то авторы надумали издавать коротенькие вещи в одном экземпляре, писанном от руки. Любители автографов заинтересовались. В витрине появились книжки-автографы поэтов, беллетристов, историков искусства, каждая из которых представляла собой самодельную маленькую тетрадочку, как правило с собственноручным рисунком на обложке. Книги эти быстро раскупались. Лавка приобретала для своей коллекции по одному автографу каждого писателя. Эта коллекция была затем подарена Всероссийскому союзу писателей, остальные уники разошлись по рукам частных любителей, и только Исторический музей в Москве приобрел несколько любопытных образцов.

Характерный штрих: в своей статье посетивший Москву американский журналист Ю. Ф. Геккер упоминает о том, как 7 декабря 1921 года, находясь в Книжной лавке писателей, он оказался свидетелем такой сцены: «Покупатель — маленький, съжившийся старикашка, в потертом пальтишке, в изношенных валенках, через дыры которых проглядывают грязные портянки. Требует он, если правильно вспоминаю, физику Дрентельна. „Да, имеется, — отвечает торговец, — но только подержанная, без обложки“. Покупатель любовно смотрит на ценный экземпляр, разглаживает задранные уголки листов, как будто ласкает книгу... Он охотно платит требуемую цену и осторожно всовывает книгу в свой рваный мешочек, сшитый из холста наподобие портфеля. Я не выдержал: „Простите, вы преподаватель физики?“ — „Нет, только любитель“, — улыбнулся он мне в ответ...»

Как заметил Л. Леонов, „Книжной лавке писателей никогда не везло в смысле помещения, соответственного ее удельному весу и значению. Все мы помним ее очередные кочевья — и тесную червоточину на Моховой... и сводчатое подземелье в Копьевском переулке...“ Речь здесь о предшественницах нынешней Лавки. В первые послереволюционные годы наравне с другими книготорговыми учреждениями существовал целый ряд небольших писательских коллективов, где за книжным прилавком стояли сами писатели. Эти книгоартелы носили

схожие названия: Лавка писателей (Леонтьевский переулок), Лавка художественного слова (улица Герцена), Лавка поэтов (проезд Художественного театра), Лавка деятелей искусств (улица Герцена), Лавка содружества писателей (улица Горького). Здесь покупатель мог без помехи искать нужный ему материал, имея свободный доступ к полкам, и не был лишен надежды сделать маленькие открытия, которые не может отнять у любителя никакая — пусть и найдательнейшая — библиография, никакой — даже наиболее развернутый и пространственный — тематический обзор. Вот почему книгоиздательство «Недра», в целях сбыта собственной продукции стремясь в 1929 году создать подобную форму книготорговли, открыло свою Литературную книжную лавку. Преемственность названия сохранила и нынешняя Лавка писателей.

Москва, Кузнецкий мост...

Решение об организации Книжной лавки в том виде, в каком она существует ныне, было принято правлением Всероссийского съезда советских писателей 3 марта 1931 года. Лавка предлагала литераторам широкий выбор изданий по всем отраслям знаний. Наряду с антиквариатом имелись значительные запасы „рабочих“ книг, поиски которых сопряжены обычно с большими трудностями. Издания на русском и иностранных языках по социально-экономическим вопросам и общей истории, по философии и истории литературы, искусствоведению, фольклору и языковедению, естествознанию и математике, собрания сочинений классиков, современная беллетристика, поэзия, справочники и словари, многотомные издания, мелкие брошюры и отдельные оттиски, зачастую чрезвычайно редкие, — все это имелось здесь.

Удовлетворяя потребности библиофилов, писательская Лавка никогда не забывала своей главной и прямой задачи — обслуживать литераторов. Однажды А. А. Фадееву понадоби-

лась книга М. Пруста „В поисках утраченного времени“ и „Белла“ Жан-Жироуду. Книжная лавка сумела удовлетворить его просьбу. Кроме того, для писателя подобрали ряд иллюстрированных изданий Достоевского с рисунками Добужинского, иллюстрированное издание „Хаджи-Мурата“ Л. Н. Толстого. Быстро откликнулась Книжная лавка и на просьбу М. А. Шолохова подобрать большую философскую библиотеку. Ему нашли книги крупнейших мыслителей, среди которых были редкие издания французских материалистов. Писатель оставил на память директору Книжной лавки первое издание „Тихого Дона“ с благодарственной надписью.

Добрым другом Книжной лавки писателей был А. М. Горький. Дня не проходило, чтобы Л. Г. Подольский, личный библиотекарь Горького, не зашел в Лавку с требованиями на те или другие новинки или старые издания, понадобившиеся писателю для работы. Каждое посещение его заканчивалось стереотипным вопросом: „А нет ли еще чего-нибудь, что могло бы заинтересовать Алексея Максимовича?“ Однажды Подольский принес писателю довольно объемистую пачку книг, среди которых были: труд Терещенко „Быт русского народа“ (Спб., 1837), два тома И. Снегирева „Русские в своих пословицах“ (М., 1831) и др. Горький с поспешной жадностью унес их к себе в кабинет и через полчаса, выйдя оттуда с довольным и улыбочивым лицом, сказал: „Что за хлам вы сегодня мне принесли?..“ Потом, уже со смехом, добавил: „Почаще таскайте мне такой хлам“. Лавка достала Алексею Максимовичу рукописную „Пермскую летопись“ начала XVIII века в деревянном переплете работы местных кустарей. Очень доволен был Горький, получив из Лавки суворинское миниатюрное издание „Евгения Онегина“, которое он разыскивал долгие годы. Когда в русском переводе вышли романы Л. Фейхтвангера „Успех“, „Семья Оппенгейм“, „Безобразная герцогиня“, Алексей Максимович захотел перечитать и „Еврея Зюсса“, а так как это издание вышло гораздо раньше (в 1926 г.), найти книгу было нелегко, но работники Лавки все-таки раздобыли ее. После возвращения писателя из Крыма была передана собственноручная записка Горького, в которой содержалось требование на следующие книги: Олдингтон — „Дочь полковника“, Кирсанов — „Золушка“, Чернецов — „Вогульские сказки“. Позднее поступило требование на книгу Тарле „Наполеон“ из серии „Жизнь замечательных людей“.

..Когда Лавка переехала в более просторное помещение, на улицу Горького, в ней удалось обособить отделы антикварных изданий и иностранной книги. Возник и обширный отдел новой книги. Как ни значителен был фонд Лавки, а все же

при постоянно возраставшем спросе на хорошую букинистическую литературу книг не хватало и приходилось изыскивать всевозможные способы пополнения запасов, покупать отдельные издания и целые библиотеки в Москве и на периферии.

Начало образованию книжных фондов Лавки положили: покупка библиотеки у наследников Ю. П. Бартенева (сына издателя „Русского архива“), состоявшей из книг по истории литературы, философии, новейшей русской литературе; библиотеки профессора В. И. Герье, включавшей книги по русской истории и искусству; коллекции А. П. Савельева, объединявшей прижизненные издания писателей пушкинской поры; книг из библиотек Бакуниных, Поленовых и Нарышкиных... В числе редких приобретений были: ценное издание „Описание Америки“ Д'Орбиньи, Острожская Библия (1580), собрание видов Петербурга, гравированных Махаевым (XVIII в.), собрания гравюр Лепренса, сочинения Струйского.

Книжная лавка... Сколько редчайших книг попало благодаря ей в наши государственные хранилища: Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина, Центральный государственный архив литературы и искусства, Государственный Литературный музей, Пушкинский Дом, библиотеку Центрального Дома литераторов.

В свое время литературовед и библиограф Н. Ашукин обстоятельно рассказал о некоторых ценных рукописях и книгах, побывавших в Книжной лавке. Среди них — переданные Лавке известным коллекционером, московским врачом Савельевым журналы „Муравейник“ и „Собиратель“ за 1831 год, которые издавал В. А. Жуковский крохотным даже по тем временам тиражом, первый сборник Н. А. Некрасова „Мечты и звуки“, почти целиком скупленный автором у книгопродавцев с целью уничтожения, не говоря уже о такой совершенной редкости, как напечатанное А. Н. Радищевым „Житие Федора Васильевича Ушакова, с приобщением некоторых его сочинений“. А чего стоили уникальные коллекции Н. Н. Бирукова или пушкиниста П. Е. Щеголева, пополнившие тогдашние книжные запасы Лавки! Или отдельные приобретения, в числе которых был экземпляр первых шести глав „Евгения Онегина“ с собственноручными поправками поэта! Экземпляр этот, некогда принадлежавший великому князю Константину, подписывавшему свои стихи в журналах псевдонимом К. Р., был обнаружен среди книг, случайно приобретенных Лавкой в разное время. Воистину, как заметил однажды Фейербах, „судьба некоторых книг столь удивительна, способ, которым они сохраняются, столь необыкновенен, что... над ними, очевидно, властвует провидящий гений“.

Л. М. Леонов называл Книжную лавку клубом — и не ошибся. Она и в подлинном смысле являлась писательским клубом, где ежедневно встречались поэты и беллетристы, драматурги и критики, литературоведы и переводчики, сатирики и публицисты... Припоминается остроумный пассаж, некогда адресованный Лавке ее завсегдатаем Бруно Ясенским: „Мопассан с теплой иронией воспевал когда-то одержимых рыболовов, в разгар военных действий пробирававшихся с удочкой в рыбные места. Зайдите в дни самых яростных литературных боев в нашу Книжную лавку, и вы застанете там представителей разных направлений, мирно занятых выживанием желанных книг“.

Где только не перебивала Лавка за свой не столь уж долгий век, и всюду служила своеобразным полюсом притяжения для писателей и книголюбов, для всех ревнителей книги. Перед войной она располагалась, как мы уже знаем, на улице Горького, вслед за тем перекочевала на улицу Герцена и наконец, как бы подтверждая сегования Фамусова, с горечью клявшегося „и книжные, и бисквитные лавки“ на Кузнецком мосту, угодила именно сюда.

Если спросить сотрудников Лавки о ее прошлом, они непременно вспомнят те времена, когда здесь было несуматошно и спокойно. Среди покупателей — большинство завсегдатаев, между которыми завязывалась беседа: о последних поступлениях в магазин и о том, какие новинки ожидаются в скором времени, о недавнем сборнике любимого поэта и о молодом, подающем надежды авторе, чья книга вызвала жаркие споры среди читателей и критиков или, напротив, в короткий срок завоевала прочные симпатии широкой читательской аудитории и одобрение в прессе. Неторопливый обмен мнениями, профессиональный разговор о старых и новых изданиях, размышления вслух о поэзии, публицистике, прозе... Нынче в Лавке яблоку негде упасть, и времени на столь проникновенные беседы остается, надо прямо сказать, мало. Народ толпится с утра до вечера. Старая Лавка хоть и уютна, все же тесна. Но и в условиях книжного бума ее работники верны традициям.

Библиофил — лучший друг Книжной лавки на Кузнецком мосту. Даже если он приходит сюда с пустыми руками, непременно принесет какую-нибудь новость. Он здесь всегда желанный гость. Впрочем, не только он. Любой покупатель может рассчитывать тут на компетентный совет.

Трудятся в Лавке преимущественно ветераны, чей стаж работы в ней исчисляется не одним и даже не двумя десятилетиями. Кто они — нынешние хозяева Книжной лавки?

Вера Васильевна Макарова — она проработала в Лавке четверть века — ведает отделом новой книги. Ее заместитель — Мария Евдокимовна Первушина, за плечами которой 30-летний опыт работы в Лавке. Когда я обратился к ним с вопросом, какие из новых книг раскупаются особенно быстро, то услышал в ответ целый перечень названий и имен, довольно-таки красноречивый. Были упомянуты Константин Симонов и Александр Чаковский, Юрий Трифонов и Петр Проскурин, Валентин Распутин и Федор Абрамов. Книги молодых писателей, тех, кто не обрел еще „маститого“ имени в литературе, „идут не шибко“ — как огорченно поведали мне в отделе. Поэзия пользуется здесь, как, впрочем, и всюду, неизменным и значительным спросом: сборники известных поэтов России и других республик расходятся почти мгновенно. Велик спрос на хорошую, а тем более красиво оформленную детскую книгу.

Здесь же, на нижнем этаже магазина, продаются старые и старинные издания: смежные и разрозненные тома полных собраний сочинений классиков, иллюстрированные альбомы начала века, давнишние монографии по искусству, справочники и словари, ветхие альманахи и журналы прадедовской поры (комплектами и поодиночке), миниатюрные книжицы стихов и афоризмов, изданные столетие назад, толстенные фолианты исторического или, скажем, этнографического содержания, стародавние учебники и пособия, сохранившие ныне лишь антикварный интерес...

Старший продавец отдела Николай Андреевич Мутускин знает свое дело доподлинно, досконально. Он сам азартный книголюб, неутомимый и страстный собиратель книг, человек с основательной эрудицией — одним словом, истый библиофил. Собственно говоря, таким и надо быть любому книжному работнику, да вот, что греха таить, не у всех это получается: иных подводит острый дефицит времени, других — нехватка образования... Кругозор работника (тем более такого магазина, как Книжная лавка писателей), его, так сказать, книжный горизонт должен быть достаточно широк, иначе посетитель уйдет разочарованным, так и не получив ответа на интересующий его вопрос. Николая же Андреевича покупатели любят и нередко приходят к нему за разъяснением и советом.

Но главная забота о поддержании в Лавке сосредоточенно-деловой атмосферы и порядка лежит на плечах ее директора. Работой магазина с 1961 года бессменно руководит Михаил Федорович Михалочкин, отдавший служению книге уже более четверти века. Его отличают организованность и собранность. Михаил Федорович — человек нелегкой судьбы. Рано лишился

родителей, рано начал свою трудовую жизнь, затем ушел в армию. Вернулся—в победном сорок пятом, с орденом Красной Звезды и медалью „За отвагу“. На фронте был ранен и контужен.

„Истинного любителя я узнаю с первого взгляда, уже по одному тому, как он касается книги“,—признается Анатолий Франс. Кто хоть раз видел, как бережно Михаил Федорович берет в руки какой-нибудь потерянный, а то и потрепанный томик, поймет, что вовсе не случай привел его в Книжную лавку писателей. Работать с книгой и покупателями книг (а все мы являемся ими) может далеко не каждый. Тут потребна и начитанность, и великолепная память, и живой интерес к нынешнему дню литературы и к ее истории, и, наконец, незаменимые качества качества души: общительность и деликатность, выдержка и такт, чуткость и уважение чужих мнений и вкусов...

Страсть книголюба у Михаила Федоровича крепла с годами. Одна дата—4 марта 1950 года—запала ему в память навсегда. В этот день он пришел на работу в знаменитый магазин. Служебная лестница, пройденная им: заведующий складом, товаровед, заместитель директора и, наконец, директор Книжной лавки,—как видим, многоступенчата. Михалочкин на собственном опыте познал, как говорится, все стадии книготорговой работы...

Быть может, наиболее отчетливо постоянная увлеченность книгой, то, что часто и оправданно называют духом библиофильства, выражается в работе писательского отдела Лавки—второго ее этажа, на который мы поднимаемся по крутой и узенькой лестнице. Его постоянными посетителями были в свое время Алексей Толстой, Константин Федин, Корней Чуковский, Демьян Бедный, Александр Твардовский. А сегодня любят заглядывать сюда Арсений Тарковский и Сергей Наровчатов, Евгений Винокуров и Анатолий Алексин...

Среди сотрудников хочется в первую очередь назвать заведующую отделом Киру Викторовну Дубровскую, чей стаж работы в Лавке перевалил за 30, и окончившего Литературный институт Олега Леонидовича Соколова, разменявшего здесь уже третий трудовой десяток. М. Ф. Михалочкин заметил как-то, что в своей работе он опирается на их помощь, подчеркнув при этом великолепное знание старой книги, которым еще с юношеских лет обладал Соколов и которое за долгие годы общения с ней многократно приумножил. Эта „книголюбская“ жилка заметно проявляется в деятельности всего отдела, руководимого Дубровской.

В отделе хранится обширная картотека. На каждой из

карточек — фамилия, имя писателя, название заказанной им книги и краткие сведения о ней. В магазин за год поступает примерно 300 писательских заявок на старые издания. Берем наудачу любую. Евгений Евтушенко заказал собрание сочинений и писем Чаадаева в 2-х томах под редакцией М. Гершензона (1913—1914). Георгий Гулиа — воспоминания Бекетовой „Александр Блок и его мать“ (Пг., 1925), книги о викингах и об открытии ими Америки. Константин Бадигин — полное собрание сочинений историка С. М. Соловьева. Сергей Наровчатов — первое издание „Вечеров на хуторе близ Диканьки“. Александр Иванов — „Поэзоантракт“ Игоря Северянина. Семен Шуртаков — сочинения Гиппократов. Сергей Михалков — „Записки мелкотравчатого“ Дрианского (Спб., 1852 — первое издание, о русской псовой охоте), „Историю новейшей русской литературы“ Скабичевского (Спб., 1906). Яков Козловский — журнал „Красный архив“. Алексей Арбузов — „Любовь к трем апельсинам, или Журнал доктора Дапертутто“ (8-й выпуск). Сергей Антонов — „Синий журнал“ Рябинина (предреволюционное издание).

Но откуда, спрашивается, все эти книги взять? Как, допустим, обеспечить Юрия Трифонова комплектами журналов двадцатых годов: „Красный архив“, „Былое“, „Дни минувшие“? Или знаменитую волошинскую библиотеку в Коктебеле — книгой Бруссона, секретаря А. Франса, „Анатоль Франс в туфлях и халате“ и книгой П. Е. Щеголева „Дуэль и смерть Пушкина“?..

Входит в магазин робкая, застенчивая старушка. У нее на даче весь чердак забит оставшимися еще от мужа старыми журналами (толстые тома „Русского архива“, „Исторического вестника“, „Русской старины“, „Вестника Европы“ и прочих повременных изданий, да в придачу какая-то уцелевшая еще от прадеда и великолепно сохранившаяся книга, которой давно уже за сто лет): „Хотела было в макулатуру сдать, да внучка удержала. Может, они, говорит, ценные? Вот и пришла спросить“. Приветили старушку, с интересом и терпеливо выслушали, записали адрес, не поленились съездить к ней. И представьте себе: Юрий Трифонов заполучил нужный ему позарез (для документальной повести „Нетерпение“) „Красный архив“, и уж вовсе неожиданно-негаданно обнаружили на старушкином чердаке „Народные приметы на урожай в Сибири“, которых несколько лет кряду тщетно, казалось, дождался Семен Шуртаков. Так журналы и книги, прозябавшие на никому не ведомой подмосковной даче, попали в руки к тем, кому они действительно были необходимы. По традиции, идущей от пушкинских времен, от знаменитой лавки Смирди-

на, продавцы книг — первые помощники литераторов, нередко посвященные в их планы и замыслы.

Теплые и даже восторженные отзывы об энтузиастах Книжной лавки 20-х и 30-х годов — Алексее Васильевиче Симакове, Давиде Самойловиче Айзенштадте — оставили и Л. Леонов, и Н. Смирнов-Сокольский, и Вл. Лидин. Теперешний коллектив магазина, приняв эстафету от „стариков“ книжного дела, укрепляет и развивает давние традиции дружбы с писателями.

Делясь со мною планами, Михаил Федорович Михалочкин сказал:

— Мне представляется, что в будущем наша Лавка непременно должна стать местом непринужденного обсуждения животрепещущих проблем, связанных с книгой, дружеских встреч писателей и читателей, превратиться, иными словами, в некий род дискуссионного книжного клуба, где всегда будут рады провести часок-другой москвичи и гости нашего города.

В заключение хочется привести заборные, стилизованные „под Бернса“ строчки В. Масса и М. Червинского, вписанные в книгу посетителей Лавки:

Кузнецкий мост. Знакомый дом.
Книг разных средоточие.
Новинки книжные кругом
И все такое прочее.
При всем при том,
При всем при том,
Поверьте нам без справки,
Мы знаем, что всегда найдем
Сердечный дружеский прием
В родной нам Книжной лавке.

Библиотеки
и библиофилов

СТРАНИЦЫ ИЗ ЖИЗНИ КНИЖНИКА

Одного из старейших московских букинистов Владимира Никифоровича Алексеева хорошо знали книголюбцы. Многим памятно заседания „Клуба друзей книги“, проходившие в магазине „Букинист“ № 28 в Столешниковом переулке в конце 1950-х годов, задолго до создания ВОК. Здесь выступали с рассказами о книгах Н. П. Смирнов-Сокольский, В. Г. Лидин и другие знаменитые библиофилы. А у входа спрашивали лишние пригласительные билеты: помещение не могло вместить всех желающих. Создателем этого клуба был директор магазина В. Н. Алексеев, мой отец.

В обширной библиотеке Владимира Алексеева главное место занимает Лениниана — более пяти тысяч книг, журнальных и газетных статей, плакатов, экслибрисов и другой печатной продукции рассказывают о жизни и деятельности вождя революции, об истории освободительного движения в России. Важно здесь не количество: некоторых книг, хранящихся в этой коллекции, нет ни в одной другой библиотеке страны. Таково редчайшее нью-йоркское издание работы В. И. Ленина „Государство и революция“ (1919).

На основе своего собрания В. Н. Алексеев не раз организовывал интересные экспозиции. Одна из них действовала постоянно. Ее можно было увидеть в столичном магазине № 201 („Доме книги“ на Марксистской улице), где работал В. Н. Алексеев. Он никогда не отказывал сам провести посетителей по этой выставке.

Москвичи любили слушать В. Н. Алексеева. Рассказывал он увлекательно и по-юношески увлеченно. Бывали недели, когда каждый вечер ему приходилось выступать перед рабочими и служащими, воинами и школьниками.

Своеобразным итогом его деятельности явился очерк „Страницы из жизни книжника“, подготовленный специально для „Альманаха библиофила“.

Валерий Алексеев

Старые книжники обычно начинают рассказ о своем собрании с того, что они любят книгу с детства. Что касается меня, то я в детстве книг не любил — я их попросту толком и не видал. Нас, детей, в семье было пять человек, отец умер рано, одним словом, было не до книг.

С книгой меня свел случай. Однажды летом, возвращаясь домой, я встретил полужнакомого соседа.

— Откуда это ты?

— С работы.

— Ну, что — нравится работа?

Я только махнул рукой. Вопрос был для меня из разряда больных: к своей тогдашней работе я был совершенно безразличен. Какая именно мне нужна, я сказать еще не мог, но ясно чувствовал, что другая... Увидев мое замешательство, сосед сказал:

— Понятно! Так иди к нам, сделаем из тебя хорошего книжника.— Я слышал, что его не так давно назначили директором какого-то книжного магазина. Терять мне было явно нечего. Почему бы не попробовать? — подумал я. И согласился.

И вот ранним августовским утром 1933 года я стою на Тверской (как тогда называлась улица Горького) у дома № 4. Перед мной яркая вывеска: «Книжная лавка писателей». Переступив порог, я окажусь в неведомом и огромном мире книг...

Однако число книг в магазине не могло ошеломить даже меня. Их было штук пять. Да, пять экземпляров однотомника избранных произведений Сергея Есенина — три на наружных витринах, а два в самом магазине. (Как сейчас помню эти небольшие томики в желтой суперобложке с кленовыми листочками.) Дело объяснилось просто. Вследствие какой-то бумажной волокиты магазину долго не отпускали средств, необходимых, чтобы начать букинистическую покупку литературы. Тогда директор нашел замечательный выход. Он взял в издательстве „Советский писатель“ несколько только что отпечатанных экземпляров вышедшего тогда сборника стихотворений Есенина, они были использованы как образцы. При этом покупателям сообщалось, что желающие смогут получить книгу при поступлении тиража в Лавку, только надо уплатить вперед полную стоимость — по тогдашним деньгам десять рублей. Вскоре в кассе появились деньги, можно было начать покупку. Ею у нас ведали Михаил Иванович Пузырев и его помощник Николай Григорьевич Слезкин. Букинистов такого класса теперь, пожалуй, почти не осталось. Мне и по сей день трудно избавиться от ощущения, что они знали все о всех книгах. Именно благодаря им наша Книжная лавка быстро завоевала популярность не только среди писателей, но и среди всех московских книголюбов. Со всех концов города приходили к нам за справкой, советом или просто так, поговорить о книгах. О таких учителях начинающий книжник мог только мечтать. Но учить меня пока что было рано: я еще не годился даже в подготовительный класс.

Помню такой эпизод, случившийся в самом начале моей „карьеры“. Как-то магазин купил большую библиотеку детских книг. Мне предстояло перенести их из комнаты Пузырева и

Слезкина в отдел художественной литературы, где я стоял за прилавком. Перенес, стал разбирать и... на глаза невольно навернулись слезы. Я ведь и предположить не мог, что бывают детские книжки, к тому же столь замечательные. Книга всегда была для меня понятием серьезным, „взрослым“, а тут детские... Может быть, картина переживаний двадцатидвухлетнего парня над потрепанными книжонками в поблекших обложках и покажется теперь кому-нибудь забавной, но мне тогда было не до смеха. Я вспоминал свое детство, которого не было, и не мог остановить слез. Заведующая нашим отделом Вера Ивановна Горчакова побегала сообщить директору о происходящих со мной странностях. Узнав, в чем дело, он сказал: „Так! Понятно! Забирай-ка все эти книжки и отправляйся домой. Пока не прочтешь все до единой, не вздумай появиться на работе“. Лишь через трое суток принес я огромный тюк с книжками обратно в магазин.

Или такой случай. Как-то раз стою за прилавком. Подходит покупатель и спрашивает, поступила ли книга Гладкова „Цемент“. Я подумал и говорю: „Спросите в отделе научной литературы, а здесь у нас только художественная“. Покупатель внимательно посмотрел на полку и сказал: „Молодой человек, мне кажется, что сюда каким-то чудом все же затесалась одна научная монография. Будьте добры, взгляните вон там, за вашей спиной!“ Поворачиваюсь и вижу: „Цемент“. Покраснев до ушей, с извинениями подаю книгу. Покупатель попросил завернуть пять экземпляров и отправился в кассу. Когда я рассказал Вере Ивановне Горчаковой эту досадную историю, она попросила описать покупателя и всплеснула руками: „Так это же был сам Федор Васильевич Гладков!“ Федор Васильевич, к счастью, не обиделся, долго еще он, заходя в Лавку, весело подтрунивал надо мной: „Мне бы что-нибудь этакое, понаучнее!“ Случай с романом „Цемент“ лишний раз убедил меня, что всякому делу надо серьезно учиться, в том числе и торговле книгами.

После своего запоздалого знакомства с детской литературой я стал ее понемногу приобретать. В то время работники Лавки пользовались при покупке книг установленной двадцатипроцентной скидкой наряду с писателями. Кроме того, ежемесячно мы получали бесплатно специальные талоны, по которым могли взять в своем магазине книг на 20 рублей (для сравнения замечу, что мое жалованье продавца составляло 80 рублей). При таких условиях грешно было не начать собирать библиотеку.

В выборе литературы мне все время помогали опытные работники магазина М. И. Пузырев, Н. Г. Слезкин, В. И. Гор-

чакова. Рекомендованные ими книги я прочитывал от корки до корки и ни разу не был разочарован.

Помню ошеломляющее впечатление от вышедшего тогда романа Николая Островского „Как закалялась сталь“. Какие все-таки удивительные слова: „Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы... и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества“... Я не мог тогда отделаться от вопроса: откуда взялись такие героические люди, как Павел Корчагин, что породило их? „Что делать?“ Н. Г. Чернышевского и „Овод“ Э. Л. Войнич познакомили меня с некоторыми предшественниками Корчагина. Я стал обращаться к В. И. Горчаковой за советом: что почитать по истории русского революционного движения. Чем больше я читал, тем больше мне хотелось узнать о людях, посвятивших себя борьбе за освобождение человечества. Я вдруг понял, что являюсь частью этого человечества, что и за меня, за мою, пусть позднюю, встречу с детской книжкой, счастье моих будущих детей, отдавали они свои жизни. Глубокое чувство благодарности тогда охватило меня.

Это и явилось главной причиной моего обращения к собиранию книг по истории революционного движения в России. Ну, а эта тема естественно привела меня к книгам Ленина и о Ленине, которые вскоре стали занимать в моей небольшой тогда коллекции центральное место.

Я очень быстро понял, что нельзя довольствоваться лишь тем, что само идет в руки. Нужные книги надо искать, руководствуясь каким-нибудь справочным пособием. Но где взять такое пособие? Теперь-то я, конечно, хорошо знаком с различными указателями литературы о жизни и деятельности В. И. Ленина и часто пользуюсь ими. Но тогда, в начале своего библиофильского пути, без компаса, я рисковал сбиться с курса в книжном море. Неожиданно компас был найден. Мне встретилось несколько указателей запрещенных царской цензурой изданий. Я стал собирать литературу, перечисленную в этих справочниках. Чиновники Главного управления по делам печати, составлявшие их для уничтожителей революционных книг, вряд ли полагали, что их пособиями будут пользоваться собиратели. Разыскиванию запрещенных царизмом книг я отдавал не меньше сил, чем жандармы, которым в свое время поручалось их изъятие, а может быть, даже и больше: ведь любовь сильнее ненависти. На первых порах „путеводители“ по революционной литературе, созданные царскими ищайка-

ми, меня вполне устраивали. Хотя сведения, в них сообщавшиеся, далеко не всегда были верны.

Чудовищным винегретом из реальных фактов и диких слухов потчевал своих коллег подполковник Отдельного корпуса жандармов Феофил Савватьевич Рожанов¹.

У меня хранится экземпляр одной книги этого „автора“. Изданная в Петербурге в 1913 году, книга носит на себе следы профессии подполковника-жандарма, насквозь пропитана самодержавным, верноподданническим духом и направлена против передовых, революционных сил. Она полна домыслов, приблизительных, а то и просто неверных оценок деятельности народно-вольческих групп, марксистских кружков, Российской социал-демократической рабочей партии, ее вождей. «Записки по истории революционного движения в России» — своеобразный «путеводитель» по демократической литературе, печальный памятник царской охранке.

Любопытны и другие издания в моей библиотеке.

У меня есть два одинаково называющихся сборника, между которыми лежит более тридцати лет, однако, связь между ними, пожалуй, крепче, чем у иных „погодков“. Я говорю о „Полярной звезде на 1823 год“, изданной А. Бестужевым и К. Рылеевым и „Полярной звезде на 1855 год“, выпущенной в Лондоне А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. На обложке второй — медальон с профилями пяти декабристов, казненных 13 июля 1826 года. Один из пяти — К. Ф. Рылеев — был издателем первой „Полярной звезды“. В объявлении о выходе другой имеющейся у меня „Полярной звезды“ А. И. Герцен подчеркивал, что его издание принимает это имя, „чтоб показать непрерывность предания, преемственность труда, внутреннюю связь и кровное родство“. Родство с декабристской „Полярной звездой“, которая „скрылась за тучами николаевского царствования“². Но, „тучи проходят — звезды остаются“³. Герцену удалось выполнить поставленную задачу в полной мере. Об этом свидетельствовал В. И. Ленин, писавший о герценовском издании: „„Полярная звезда“ подняла традицию декабристов“⁴.

Русскому освободительному движению, как никакому другому, свойственна непрерывность традиции. Это обстоятель-

¹ Рожанов Ф. С. Записка по истории революционного движения в России (до 1913 года). СПб., 1913, с. 509—510. Книга эта очень редка, она снабжена грифом „Не подлежит оглашению“. На обложке моего экземпляра имеется номер (271) и надпись от руки: „Программа РСДРП вложена в книгу“.

² Герцен А. И. Собр. соч. В 30-ти т. М., 1957, т. 12, с. 265.

³ Там же, 1961, т. 25, с. 252. (Письмо к Ж. Мишле от 31 марта 1855 г.)

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 258.

ство многократно отмечалось В. И. Лениным. Естественно, что мне хотелось в своем собрании отразить эту „преемственность труда, внутреннюю связь и кровное родство“ между участниками различных этапов революционной борьбы. Начинать надо было, по-видимому, с Радищева.

В свое время мне довелось помочь Н. П. Смирнову-Сокольскому приобрести редчайший экземпляр первого, почти полностью уничтоженного издания „Путешествия из Петербурга в Москву“. В моей библиотеке „Путешествие“ в другом издании, которое, на мой взгляд, не менее интересно, чем легендарное первое. Я имею в виду напечатанную в 1858 году в Лондоне книгу, в которой знаменитое произведение А. Н. Радищева помещено вместе с работой современного ему историка князя М. М. Щербатова „О повреждении нравов в России“⁵. Издатель — А. И. Герцен — писал в предисловии: „Князь Щербатов и А. Радищев представляют собой два крайних воззрения на Россию времен Екатерины. Печальные часовые у двух разных дверей, они, как Янус, глядят в противоположные стороны. Щербатов, отворачиваясь от распутого дворца сего времени, смотрит в ту дверь, в которую взошел Петр I, и за нею видит чинную, чванную Русь московскую, скучный и полудиккий быт наших предков кажется недовольному старику каким-то утраченным идеалом. А Радищев — смотрит вперед...“⁶ Только Герцен мог сознательно объединить два столь различных произведения под одной „крышей“; соединенные вместе, они дали на редкость цельную картину жизни империи, где были ярко нарисованы и верх (Щербатов), и низ (Радищев)⁷.

За Радищевым в моем собрании следуют декабристские издания, литература о петрашевцах, книги, выпущенные народниками. Вот, например, подписанная инициалами „В. В.“ книга „Судьбы капитализма в России“ (СПб., 1882). Автором ее был известный идеолог либерального народничества В. П. Воронцов, утверждавший, что в России нет условий для развития капитализма, выступавший в защиту мелкого товарного производства, идеализировавший крестьянскую общину. В. И. Ленин в своих работах 1890-х годов до конца

⁵ Подробное описание этого издания см. в кн.: Бельчиков Н. Ф. Зарубежные издания А. И. Герцена: Библиографическое описание. М., 1973, с. 36—38.

⁶ «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и „Путешествие“ А. Радищева с предисловием Искандера. London, 1858, с. V. Ср.: Герцен А. И. Цит. изд., 1958, т. 13, с. 272.

⁷ Ценные суждения о причинах, побудивших Герцена объединить эти два произведения, см. в кн.: Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия. М., 1973, с. 104—109.

разоблачил реакционные воззрения Воронцова. Сохранившаяся у меня книжка „В. В.“ является прекрасным комментарием к этим ленинским работам.

Раскроем другую книгу. „Я убила Мина, как убийцу восставших борцов за свободу, как убийцу тех невинных, кровью которых орошены улицы Москвы... Никакими репрессиями, ни арестами, ни тюрьмами, ни ссылками, ни каторгами, ни виселицей, ни расстрелами, ни погромами не остановить поднявшегося народного движения... Где бы мне ни пришлось умирать — на виселице ли, в каторге ли, застенках ли — я умру с одной мыслью: прости, мой народ! я так мало могла тебе дать — только одну свою жизнь“⁸. Это — речь, произнесенная на суде 25 августа 1906 года Зинаидой Коноплянниковой. За две недели до того, 12 августа, Зинаида Васильевна застрелила из браунинга кровавого карателя генерал-майора Мина, командира Семеновского полка. Это по его приказу участники карательной экспедиции расстреливали всякого, кто попадался им на глаза на Московско-Казанской железной дороге. По его приказу лились потоки невинной крови на Красной Пресне. Революционеры, члены летучего боевого отряда народных мстителей, вынесли генералу Мину смертный приговор. Привести его в исполнение было поручено Зинаиде Коноплянниковой. Она встретила Мина на прогулке и хотела бросить самодельную бомбу. Но вблизи оказались дети, и Зинаида Васильевна вернулась домой со словами: „Не могу... не могу, там дети...“ Встреча, произошедшая через несколько дней на платформе Новый Петергоф под Петербургом, оказалась для генерала роковой: детей поблизости не случилось. В книге „Русские женщины на эшафоте“ приведенные биографические рассказы о деятельности 27 революционерок. Среди них Софья Перовская (ее изображение помещено на обложке), А. А. Волькенштейн, Т. И. Лебедева, В. Н. Фигнер, У. Н. Федорова, А. А. Сердюкова и другие. Сейчас это издание является большой редкостью: книга была конфискована и уничтожена по решению суда. Узнать фамилию автора-составителя и причину гонений на книгу помогает один из указателей запрещенной литературы: «Издатель Волков за статью „Речь Коноплянниковой на суде“ приговорен к крепости на 1 г.»⁹.

14 сентября 1867 года в Гамбурге вышел первый том „Капитала“ К. Маркса. В одном из писем автор характеризу-

⁸ В...вь. Русские женщины на эшафоте. М., 1907, с. 159, 163—164.

⁹ Справочный указатель книг и журналов, арестованных с 17-го октября 1905 года. М., Б.г., вып. 1. По 1-е мая 1908 г., с. 9.

вал свою книгу так: „Это, бесспорно, самый страшный снаряд, который когда-либо был пущен в голову буржуа“¹⁰. Ленин отмечал, что с появлением „Капитала“ „...материалистическое понимание истории уже не гипотеза, а научно доказанное положение...“¹¹

Первой страной, где перевели и издали „Капитал“, была Россия. Маркс лично давал консультации первому переводчику своей книги, русскому революционеру Герману Лопатину. Однако Лопатину не пришлось завершить работу: он был арестован в конце 1870 года после попытки освободить из ссылки Н. Г. Чернышевского. Начатый им перевод 1-го тома закончили Н. Ф. Даниельсон и Н. Н. Любавин, а напечатал (в 1872 г.) прогрессивный издатель Н. П. Поляков. Из 3000 экземпляров, которые были отпечатаны, в первые же полтора месяца разошлись 900, что по тому времени считалось немалым успехом для научной книги¹². Царская цензура далеко не сразу оценила по достоинству революционное значение „Капитала“. Цензор Д. Скуратов для убедительности докладывал о книге вразрядку: „Можно утвердительно сказать, что ее немногие прочтут в России, а еще менее поймут ее“¹³. Господин Скуратов ошибся: весьма скоро книгу прочли в России многие и многие поняли.

Помню, с каким волнением я принес домой встретившийся мне после долгих поисков экземпляр первого русского издания „Капитала“. Меня ждала неожиданность: на корешке были вытиснены инициалы „Р. Ч.“ Они показались мне знакомыми. Стал вспоминать. Кажется, так — „Русский человек“ — подписывал некоторые свои произведения Н. П. Огарев.

Сверился со „Словарем псевдонимов“ И. Ф. Масанова — все верно. Неужели?.. Библиофилу никогда не надо торопиться с выводами. Осмотрев книгу в сотый, наверное, в тот день раз, я обнаружил идущую вдоль среза страниц разочаровывающую надпись мелкими буквами: „Р. Вас. Чернышов“. Да, заставил меня поволноваться далекий Рудольф, или Рафаил, или, может быть, Роман Васильевич Чернышев. Но человек, с такой любовью хранивший „Капитал“, достоин доброй памяти. Спасибо ему!

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 31, с. 453.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 139—140.

¹² Подробнее об этом издании см.: Уроева А. В. Книга, живущая в веках. 2-е изд., доп. М., 1972, с. 91—156.

¹³ Карл Маркс и царская цензура. — Красный архив, 1933, № 1 (56), с. 7 (разрядка в подлиннике).

был отдать имевшуюся у него редкость за какое-нибудь издание для своей коллекции. Я потратил около года на розыски прижизненного Достоевского. Наконец нашел человека, у которого был роман „Подросток“ (Спб., 1876, ч. 1—2). Но владелец „Подростка“ собирал русскую поэзию начала XX века. Год ушел на поиски, наконец мне удалось приобрести сборник „Явь“ (М., 1919), где печатались К. Бальмонт, А. Мариенгоф, Б. Пастернак и другие... Этот сборник вполне удовлетворил собирателя поэзии, „Подросток“ занимает место рядом с другими прижизненными изданиями Ф. М. Достоевского, и вот заветная книга у меня в руках! Долго был путь к ней! Ну что же, пора назвать книгу, доставившую мне одно из самых радостных переживаний в жизни. Это было французское издание „Капитала“ 1872—1875 годов¹⁴. Что же заставило меня проявить такое упорство и настойчивость в приобретении этой книги? Прежде всего ее история¹⁵. Издание было начато вскоре после выпуска русского перевода „Капитала“, в том же 1872 году, а завершено в 1875 году. К. Маркс жил в то время в Лондоне, издатель Морис Лапатр (1814—1900) переезжал из Испании в Бельгию, а оттуда — в Швейцарию, скрываясь от преследования французского правительства, ибо он успел принять участие в событиях Парижской Коммуны. Переводчик с немецкого Жозеф Руа работал в Бордо. Типография же находилась в Париже. Рукопись перевода, гранки, письма, где обсуждались организационные вопросы, путешествовали по Европе из Франции в Англию, Испанию и снова во Францию. Маркс задерживал корректуры из-за болезни и занятости другой работой. Первый том выходил выпусками. Это обстоятельство явилось одной из причин того, что, несмотря на большой по тем временам тираж (10 000 экз.), издание в полном виде встречается крайне редко. В нашей стране известно 19 экземпляров его. Любопытны иллюстрации к этому изданию. Современный читатель, раскрыв том, с изумлением обнаружит на титульном листе изображение римского Пантеона. Этот рисунок, так же, как и заставки и концовки, Лапатр взял из выпускавшейся им одновременно с „Капиталом“ антиклерикальной „Истории папства“. Впрочем, в книге имеются и иллюстрации, прямо относящиеся к тексту: это

¹⁴ Marx K. Le Capital. Par Karl Marx. Trad. de M. J. Roy entièrement revuee par l'auteur. Paris [1872—1875], vol. 1, 352 p., fig., portr., facs.

Пользуясь случаем, чтобы исправить досадную опечатку в работе А. В. Уроевой (Указ. соч., с. 303), где при описании этого издания указано 325 страниц вместо 352.

¹⁵ Обстоятельный рассказ об этом издании см. в кн.: Уроева А. В. Указ. соч., с. 157—216.

прекрасный гравированный портрет Маркса и несколько факсимильных воспроизведений страниц рукописи.

Есть у меня и другие интересные издания „Капитала“ — это трехтомный английский перевод (Лондон, 1912), аккуратно переплетенная рукописная копия русского перевода, гектографированный вариант русского перевода и другие. А в этой брошюре дается популярное изложение экономического учения Маркса. Называется она „Царь-Голод“, написал ее народоволец Алексей Николаевич Бах (впоследствии выдающийся советский биохимик, академик, кавалер четырех орденов Ленина). „Царь-Голод“ выдержал множество изданий, как правило, без означения места и года, и бесчисленное количество раз был гектографирован. Это не удивительно: рабочий нуждался в такой книге, где бы доступным ему языком объяснились понятия „товар“, „деньги“, „заработная плата“, рассматривалось образование прибавочной стоимости. Изучая историю брошюры, я натолкнулся на мемуарное свидетельство о В. И. Ленине, важность которого не вызывает сомнения. Однако, по-видимому, из-за крохотного тиража (500 экз.) источника, где оно приводится, свидетельство это не слишком известно в научной литературе. Рассказывает Н. Алексеев, встретивший В. И. Ленина на нелегальной студенческой вечеринке незадолго до сходки 4 декабря 1887 года: «...за стаканом чая шли споры. И вот тут Владимир Ильич скромно, но убедительно говорил об учении Маркса и зачитывал некоторые места из ходовой тогда брошюры с девизом Некрасова: „В мире есть царь, этот царь беспощаден — голод названье ему“. Уже тогда Владимир Ильич был увлечен политической экономией и с увлечением реферировал эту брошюру. Между прочим, тут же он спросил, нет ли у кого гектографа, чтобы можно было размножить эту брошюру. Гектограф был у меня, и мы дали обещание напечатать экз. 20—25 и к 15 декабря доставить их Владимиру Ильичу. Он хотел раздать их в рабочих кружках, кажется, на заводе Крестовникова»¹⁶.

...Передо мной первая легальная книга В. И. Ленина. Называется она „Экономические этюды и статья“, выпущена тиражом 1200 экземпляров под псевдонимом Владимир Ильин. Книга вышла между 9 и 15 октября 1898 года¹⁷, хотя на обложке указан 1899 год. Состоит она из пяти статей,

¹⁶ Каримова Р. А. Книга А. Н. Баха „Царь-Голод“. Казань, 1957, с. 10—11. Автор работы указывает, что цитируемые ею неопубликованные воспоминания Н. Алексеева хранятся в архиве казанского Дома-музея В. И. Ленина.

¹⁷ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1970, т. 1, с. 187.

направленных против идеалистических взглядов народников: „К характеристике экономического романтизма“, «Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы „кустарной промышленности“», „Перлы народнического прогректства“, „От какого наследства мы отказываемся“ и „К вопросу о нашей фабрично-заводской статистике“. В легальном издании Ленину пришлось прибегнуть к эзопову языку: писать „новейшая теория“ вместо „учение Маркса“, „известный немецкий экономист“, вместо „Карл Маркс“, „трактат“ вместо „Капитал“ и т. п. Это, однако, не помешало широкому общественному признанию ценности книги. Участник петербургского „Союза борьбы за освобождение рабочего класса“ М. А. Сильвин, находившийся в ссылке в Минусинске, поместил под псевдонимом Бер статью-рецензию в одной из красноярских газет, где писал: «Давно не приходилось нам испытывать такого наслаждения при чтении научной книги, какое доставили нам „Экономические этюды“ г. Ильина оригинальностью и смелостью мысли, широтой точки зрения, любовью к истине, страстной жадой к ее открытиям, презрением к иллюзиям и самообману. „Конец народничества“ — вот заглавие, которое мы охотно дали бы этой книге. Мы впервые в русской литературе встречаем в книге г. Вл. Ильина беспощадную критику мешанских утопий современного народничества, основанную на тщательном изучении и умелой группировке данных русской экономической действительности...»¹⁸

Заинтересовалась книгой и полиция. 18 ноября 1898 года петербургская охранка доносила в департамент полиции: «Вышло в свет и продается в книжном магазине „Знание“... новое произведение легальной социал-демократической литературы под заглавием „Экономические этюды и статьи Владимира Ильина“, С.-Петербург, типография Лейферта, 1899 г. Названный автор более известен под другим своим псевдонимом — „Тулин“... Настоящую его фамилию знают немногие, так как социал-демократы держат ее в большом секрете, оберегая в этом авторе одного из своих вожаков. В действительности это — политический ссыльный Владимир Ильич Ульянов, родной брат террориста Александра Ульянова, казненного в 1887 году. О чем имею честь доложить вашему превосходительству»¹⁹.

Кстати, о псевдониме „Тулин“. Ленин часто его использовал. Подпись „К. Тулин“ стояла под работой „Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве“,

¹⁸ Енисей, 1898, 9 дек.

¹⁹ Красный архив, 1934, № 1 (62), с. 124—125.

опубликованной в 1895 году в сборнике „Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития“, к сожалению, у меня отсутствующем (он был конфискован и сожжен из-за названной ленинской работы). Так же подписана работа „Принципиальные вопросы избирательной кампании“ в журнале „Просвещение“ (1911, № 1), который мне посчастливилось встретить в столичном магазине „Книжная находка“. Что же побудило Ленина с таким постоянством на протяжении десятилетий употреблять этот псевдоним? Откроем „Толковый словарь“ В. И. Даля. Одно из значений слова „тула“ — „скрытое, недоступное место“. Следовательно, псевдоним можно толковать, как „скрытый“, „тайный“, „подпольный“. Это в известной степени объясняет выбор Владимиром Ильичем этого псевдонима.

Самые разнообразные способы употребляли революционеры для того, чтобы написанные в „скрытых, недоступных местах“ книги В. И. Ленина доходили до читателя. Интересна судьба работы Владимира Ильича, которая называлась „Доклад об объединительном съезде социал-демократической рабочей партии. (Письмо к петербургским рабочим)“ (М., 1906). Брошюра печаталась в Петербурге, в арендованной на средства большевистской партии электропечатне товарищества „Дело“.

Все понимали, что рано или поздно полиция узнает об этом и примет решительные меры к уничтожению книги. Поэтому была применена следующая хитрость. На титульном листе фамилию автора не указывали: в огромной массе другой литературы, выпускавшейся типографией, несброшюрованные листы безымянной книжки могли остаться незамеченными при обыске. Пачки готовых оттисков немедленно отправляли в Москву, где в одной из частных типографий их брошюровали, „одевали“ в обложку и отправляли в партийную экспедицию для рассылки. 4 июня 1906 года полковник Петербургского охранного отделения Герасимов докладывал департаменту полиции: «№ 10596. 3-го июня, вечером, ввиду имевшихся указаний, что в типографии товарищества „Дело“, арендуемой социал-демократической газетой „Вперед“, печатается брошюра Н. Ленина „Доклад об объединительном съезде РСДРП“, сделано было распоряжение о производстве осмотра типографии (д. № 96 по Фонтанке). При осмотре обнаружено около 40 пудов заключительной части брошюры с 81 страницы, матрицы для печатания этой части брошюры и обложки, на которой местом издания помечена Москва, а также разные наборы этой брошюры, почему на место для производства обыска был вызван офицер губернского жандармского управления и това-

рищ прокурора»²⁰. 28 июня Санктпетербургский комитет по делам печати, рассмотрев брошюру, обратил внимание на то, что „половину книги составляет фактический материал о деятельности съезда“— „постановления явно бунтовщического характера“²¹. Было решено на книгу наложить арест, а виновных в ее издании привлечь к ответственности. Дело об уголовном преследовании виновных перешло к судебному следователю. Хотя цензурный комитет уже сообщал прокурору о том, что „имя, отчество, звание и местожительство“ Н. Ленина ему неизвестны, судебный следователь почел своим долгом вновь запросить об этом Главное управление по делам печати, а последнее, в свою очередь, цензурный комитет. Комитет отнесся к градоначальнику. Тот запросил старшего инспектора типографий, который сообщил, что сведений об авторе „Доклада“ „в делах его канцелярии не имеется“²². Пока в Петербурге совершался этот бюрократический круговорот, большая часть тиража была благополучно доставлена из Москвы на места и тайно распространена. Большевистские организации и рабочие кружки получили возможность познакомиться с работой В. И. Ленина и ясно представить себе, что происходило на IV съезде РСДРП. Однако некоторое количество экземпляров брошюры все же попало в руки властей и было уничтожено²³.

Гораздо менее благополучно сложилась судьба ленинского сборника „За 12 лет“— он дошел до читателя далеко не сразу после выхода и далеко не в полном виде. Это издание представляло собой по существу первую попытку выпустить собрание сочинений В. И. Ленина. Готовилось оно в издательстве „Зерно“, возглавлявшемся большевиками М. С. Кедровым и Н. И. Подвойским. Предполагалось, что в трехтомник „За 12 лет“ войдут основные работы Ленина, публиковавшиеся до этого на страницах „Искры“, „Зари“, „Пролетария“. Первый том „За 12 лет“ вышел в 1908 году. В него вошли „Что делать?“, „Шаг вперед, два шага назад“, „Две тактики социал-демократии в демократической революции“ и другие работы. По свидетельству В. Д. Бонч-Бруевича, Ленин держал корректуру сборника, правил, вносил добавления²⁴.

²⁰ Цит. по статье: Метлицкий Б. Электротечатня товарищества „Дело“.— Нева, 1970, № 3, с. 141—142.

²¹ Яковлев Н. Ленин в цензуре. (Архивная справка).— Красная летопись, 1924, № 2 (11), с. 27.

²² Там же.

²³ См.: Ковалев И. Ф., Полянская Л. И. Борьба царской цензуры с произведениями В. И. Ленина.— Вопросы архивоведения, 1965, № 1, с. 67.

²⁴ См.: Бонч-Бруевич В. Большевистские издательские дела в 1905—1907 гг. Л., 1933, с. 89.

Цензура тщательно просмотрела напечатанные в первом томе ленинские работы. Цензор С. А. Хан-Мирабов писал в своем докладе Петербургскому комитету по делам печати: „Все эти статьи заключают в себе изложение учения социал-демократии и отличаются явно революционным направлением. Они имеют главной целью уяснить способы борьбы рабочего класса и крестьянства с капиталистическим и существующим в России государственным строем, с абсолютизмом вообще и русским самодержавием в особенности, развивать и поддерживать в названных классах стремление к ниспровержению самодержавия путем вооруженного восстания и провозглашения демократической республики“²⁵. Ничего удивительного нет в том, что получившая такую (вполне, впрочем, справедливую) аттестацию книга была конфискована, а издатели Кедров и Подвойский — арестованы. С трудом большевикам удалось спасти часть тиража и перевезти в надежное место. Чтобы не привлекать внимания охранки ко второму тому, издательство „Зерно“ решило разбить его на две части. Так, в 1908 году вышла из печати первая часть второго тома, на обложке которой стоял псевдоним В. И. Ленина — Вл. Ильин. Готовилась к выходу в свет и вторая часть второго тома, в нее, в частности, вошла новая работа „Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов“. Однако этой работе было суждено увидеть свет только в 1917 году. О судьбе ее рассказывает сам автор: „Настоящая работа написана в конце 1907 года. В 1908 году она была напечатана в Питере, но царская цензура захватила и уничтожила ее. Уцелел всего один экземпляр, в котором недостает конца (после 269-й страницы данного издания), так что этот конец приписан теперь“²⁶. Не правда ли, эта история способна взбудоражить воображение — где он, этот экземпляр, спасший для человечества ленинскую работу?

Между тем судьба 1-го и 1-й части 2-го тома также далеко небезынтересна. Послушаем рассказ М. С. Кедрова: «Когда после отбытия почти трехлетнего одиночного заключения в крепости я в 1911 году вышел на свободу, тотчас же приступил к ликвидации громадных книжных запасов, и в первую очередь нелегальных. „За 12 лет“ предложил Петербургскому комитету нашей партии безвозмездно, но получил ответ, что распространить ее комитет не имеет возможности... „За 12 лет“ удалось сложить на склад писчебумажной фабрики

²⁵ Ковалев И. Ф., Полянская Л. И. Указ. соч., с. 70.

²⁶ Ильин В. (Ленин Н.). Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов. Пг., 1917, с. 270.

„Сскол“, где она благополучно дождалась Февральской революции. В марте или апреле 1917 года, когда в революционной книге ощущался форменный голод, всю эту литературу, в том числе и сочинения Владимира Ильича, я передал в распоряжение ЦК нашей партии и ее военной организации, причем книги Ильича были расхвачаны в течение 2—3 недель, и в таком количестве, в каком они едва разошлись в предшествующие десять лет»²⁷.

Настушило время, когда потребность в ленинском слове стала велика, как никогда до этого. Тираж одной из первых книг В. И. Ленина „Развитие капитализма в России“ (Спб., 1899) был для своего времени вовсе не мал—2400 экземпляров. На обложке брошюры „Успехи и трудности Советской власти“ (Пг., 1919) читаем следующие тиражные сведения: „1—200-я тысячи“. Произошла революция в сознании народа, ему требовались книги, учащие жить по-новому, и никаких тиражей ленинских работ хватить не могло. Книги Ильича служили плакатом и листовкой. Призывный, боевой характер его работ, написанных в первые годы Советской власти, становится особенно заметен, если взять в руки их первые издания. Они выпущены в доступной для самого малограмотного рабочего или крестьянина форме. Например, статья „Ответ на вопросы американского журналиста“, опубликованная в „Правде“ 25 июля 1919 года, напечатана отдельно под заглавием „Ответ буржуям на пять вопросов“—слово „журналист“ было тогда понятно не всякому.

Как известно, работа „Ответ на вопросы американского журналиста“ была написана в 1919 году, после того, как агентство „Юнайтед Пресс“ прислало В. И. Ленину пять вопросов с заверением, что ответы будут полностью напечатаны более чем в ста американских газетах. Пятый вопрос гласил: „Что имели бы Вы еще довести до сведения общественного мнения Америки?“ Отвечая на него, Владимир Ильич убежденно писал: «Капиталисты, буржуазия, могут в „лучшем“ для них случае оттянуть победу социализма в той или другой отдельной стране ценой истребления еще сотен тысяч рабочих и крестьян. Но спасти капитализм они не могут. На смену ему пришла Советская республика...»²⁸. Этот ответ Ленина „Юнайтед Пресс“ предпочло по газетам не рассылать, исключив его как „чисто-большевистскую пропаганду“. Пока „Юнайтед Пресс“ столь блистательно демонстрировало истин-

²⁷ Кедров М. С. Из красной тетради об Ильиче.— Цит. по сб.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1956, т. 1, с. 414.

²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 116.

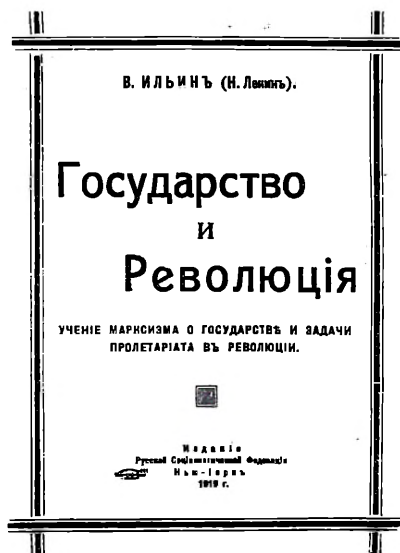
ную цену обещаниям западных пресс-агентств, в том же году в Соединенных Штатах вышла книга, о которой стоит рассказать подробно.

Однажды, в 1953 году, зайдя в букинистический магазин на улице Горького, 3 (теперь на его месте стоит огромное новое здание гостиницы „Националь“), я познакомился с очень симпатичным человеком. Звали его Сергей Густавович Шпет. Новый знакомец был страстно влюблен в книгу. Очевидно, это пристрастие (вместе с огромной библиотекой) досталось ему от отца — известного советского философа Густава Густавовича Шпета. Общая страсть к книге сблизила и подружила нас. Я не уставал удивляться эрудиции и памяти Сергея Густавовича — это был не человек, а литературная энциклопедия (причем далеко не „краткая“). Помню, магазин „Книжная находка“ проводил с книголюбамы вечер, посвященный творчеству Маяковского и Есенина. Один из главных докладчиков по какой-то причине не явился. Тогда директор магазина Александр Иванович Фадеев обратился к С. Г. Шпету: „Вы все-таки в высшей школе преподаете,—выручайте!“ И Сергей Густавович выручил — больше часа он рассказывал о Маяковском и Есенине (и как рассказывал!), читал наизусть их малоизвестные стихи. И вот в канун 1960 года ко мне, как это часто бывало, пришел С. Г. Шпет. Тайственная улыбка показывала, что Сергей Густавович приготовил какой-то сюрприз и что на сей раз его визит будет не совсем обычным. Шпет посидел минут пять как ни в чем не бывало, потом не выдержал бремени собственной таинственности и вынул из кармана завернутую в бумагу книжку: „В твоё собрание Ленинианы! Ручаюсь, что такого даже ты никогда не видел!“ Сергей Густавович был совершенно прав: подобной книги я действительно никогда не встречал ни до того, ни после. По сведениям Института марксизма-ленинизма, ее нет ни в одной библиотеке Советского Союза.

Эта тоненькая книжечка заключена в бледно-зеленую обложку с надписью: «В. Ильин (Н. Ленин). Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. Издание „Русской Социалистической Федерации“. Нью-Йорк, 1919 год».

Тут же мельчайшим шрифтом по-английски: „Объединенный Совет профсоюзов печатников, г. Нью-Йорк, порядковый номер 257“.

Текст книги не имеет никаких разночтений с первым изданием работы (Пг., 1918), только на 19-й странице к словам «„Дело народа“, орган правящей партии, социалистов-революционеров...» сделано редакционное примечание (сноска

*Уникальное издание
книги В. И. Ленина
„Государство и
революция“.
Нью-Йорк, 1919*

стоит после слова «правлящей»): «Ленин писал эти строки в то время, когда Керенский еще находился у власти».

Известно, что работа «Государство и революция», переведенная вскоре после выхода в России в 1918 году на многие языки, сыграла роль в создании коммунистической партии в США и во многих других зарубежных странах. Но почему же книга вышла в Америке не на английском, а на русском языке? И что представляла собой Русская социалистическая федерация?

Эти вопросы для меня прояснились после беседы с Николаем Никандровичем Накоряковым, который с 1912 по 1917 год жил в США и был главным редактором социал-демократической газеты «Новый мир», издававшейся в Нью-Йорке на русском языке. Русская социалистическая фе-

дерация была организацией, объединявшей русских эмигрантов в Америке. В нее входило около сорока профессиональных отделов: портных, печников, столяров и т. д. Федерация активно выступала вместе с американскими рабочими в защиту Советской России. Кроме газеты «Новый мир» русский отдел социалистической партии издавал журналы, брошюры и книги. Многие русские эмигранты были связаны с революционной Россией. Они вели большую просветительную работу, разъясняя американскому народу значение Октябрьской революции. Не удивительно поэтому, что когда в Америку попала работа В. И. Ленина «Государство и революция», ее решили срочно издать²⁹. С поражением военной интервенции против Советской России в январе 1920 года на русских эмигрантов обрушились

²⁹ В августе 1919 г. в Нью-Йорке Украинской социалистической федерацией был издан осуществленный П. Ладаном перевод „Государства и революции“ на украинский язык.

правительственные репрессии — начались обыски в партийных комитетах и типографиях, массовые аресты. Коммунистическая партия США была объявлена вне закона. Большая часть тиража нью-йоркского издания «Государства и революции» на русском языке была уничтожена...

Несколько лет назад мне позвонили и сказали, что есть возможность осмотреть библиотеку, оставшуюся после смерти одного из ветеранов нашей партии. Хотелось отобрать что-нибудь для магазина. С утра до позднего вечера рылся я в книгах. Собрался уже было уходить, как вдруг заметил одну книжку... Увидев, какое впечатление произвела на меня эта потрепанная брошюра, хозяйка дома любезно подарила мне ее. Так я стал обладателем этой уникальной книги. В ней всего восемь страничек вместе с портретом и титульным листом, но каждая страничка стоит многих томов! Читаю заглавие: „В. И. Ульянов (Н. Ленин). Краткая биография. Издательство Всерос. Центр. Исполн. Комитета Совета Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих депутатов. Москва, 1918 год. Отпечатана в типографии И. Д. Сытина“. Эта биография В. И. Ленина была написана по заданию ЦК партии коллективом авторов. В кратком предисловии сказано: „Имя тов. Ленина стало известно решительно во всех странах мира. Одни произносят это имя с бешеной злобой, другие — с величайшей любовью и доверием и почти нет равнодушных к нему. Вполне понятно поэтому желание многих товарищей ознакомиться с жизнью и деятельностью товарища Ленина, вождя величайшей в истории народов революции“. До реставрации, которую мне любезно помогли сделать в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, прочесть приведенные строки было, пожалуй, невозможно из-за ветхости страниц. Вообще надо сказать, что старые издания произведений В. И. Ленина и книг о нем практически всегда встречаются в „плохом“, с точки зрения обычного библиофила, состоянии. Короче говоря, они всегда зачитаны до дыр. Но для меня они тем и ценны: наглядно видно, скольким поколениям читателей принесли они свет!

За пять лет до выхода первой ленинской биографии в типографии И. Д. Сытина (ныне Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова) была отпечатана книга, имеющая к ленинской теме весьма отдаленное отношение, но тем не менее по-своему любопытная. Помню, как я начал разглядывать титульный лист этой книги, принесенной в букинистический магазин пожилой женщиной, и... оторопел. Судите сами: „Избранные сочинения А. С. Пушкина для детей школьного возраста. Сборник, составл. В. Лениным, с биограф. рассказом

А. Ульянова. Со многими рисунками и снимк. с портр. и картин. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. 2-е испр. изд. М., 1913". Звоню в Литературный музей. „У нас есть первое издание этой книги, мы ее купили много лет назад. Что же касается имен составителей, то нам самим непонятно...“ Нахожу описание книги в библиографическом справочнике³⁰, но и здесь нет никаких объяснений. Сотрудники справочно-библиографического отдела Института марксизма-ленинизма рассказали мне, что вопросы, связанные с этим изданием, им приходилось слышать не раз. Конечно, эта книга ни к В. И. Ленину, ни к А. И. Ульянову никакого отношения не имеет.

Но кто же тогда составитель этого сборника? Как всегда в трудных случаях, помог „Словарь псевдонимов“ И. Ф. Масанова. „В. Ленин“ — псевдоним Василия Ивановича Сытина, сына знаменитого издателя. Он заведовал детским отделом в товариществе своего отца, ему, по-видимому, было неудобно подписываться собственной фамилией. Напечататься у И. Д. Сытина — большая честь, а тут явно родственные отношения, к тому же заведующий отделом... В качестве псевдонима Василий Иванович избрал имя своей младшей дочери Елены.

Что же касается А. Ульянова, то им был известный для своего времени московский педагог. Как явствует из „Словаря псевдонимов“, это любопытное совпадение уже было однажды разъяснено („Известия“, 1935, № 71).

Обо всех интересных книгах, хранящихся в моем собрании, здесь рассказать невозможно. Есть у меня экземпляр „Что делать?“ Н. Г. Чернышевского, принадлежавший петрашевцу И. М. Дебу³¹, издание протоколов V съезда партии, находившееся в Женевской библиотеке РСДРП имени Г. А. Куклина³², и многое, многое другое.

Я часто передаю книги из моего собрания в дар многим музеям: от Центрального музея В. И. Ленина в Москве до народного музея В. И. Ленина в городе Стрый Львовской области, от библиотеки Института марксизма-ленинизма Германской Демократической Республики до музея В. И. Ленина при авиационном училище в Минске. По моему глубокому убеждению, коллекция должна быть всегда открыта для общест-венности.

³⁰ Фомин А. Г. Puschkiniana, 1911—1917. М.; Л., 1937, с. 15 (№ 19).

³¹ См.: Алексеев В. Н. Библиографический уникум.—Альманах библиофила. М., 1973, вып. 1, с. 257—258.

³² См.: Алексеев В. История одной библиотеки.—Огонек, 1970, № 2, с. 9—10.

Через всю свою жизнь книжника и библиофила я пронес в сердце образ Ленина и не могу не порадоваться, что следом за мной в мир русской революционной книги отправился мой сын Валерий, посвятивший себя изучению печати периода первой русской революции 1905—1907 годов. Им уже опубликовано более 30 статей, сделано множество докладов. Он, я уверен, расскажет о тех сокровищах нашей библиотеки, о которых не успею рассказать я.

Евграф Кончин
ДОСТОЯНИЕ НАРОДА

Николай Петрович Киселев. Имя его знакомо, наверное, каждому книговеду, не говоря уже о сотрудниках Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, где он проработал несколько десятков лет до своей кончины в 1965 году. Видный ученый. Крупнейший специалист по истории западноевропейской печатной книги. Знаток истории русской литературы XVI—XIX веков. Автор трудов по истории книги, он занимался и книжной иллюстрацией, и литературоведением, и даже историей массонства и церкви в России. После окончания историко-филологического факультета Московского университета в 1910 году стал работать в библиотеке Румянцевского музея, позже — Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина. С 1912 по 1919 год — младший помощник библиотекаря. С 1919 по 1926 год возглавляет общий научный отдел.

Работает он над организацией Музея книги, затем Отдела редких книг, которым заведовал с 1925 по 1930 год. Участвовал в создании библиотеки ВЦИК СССР. Член Ученых советов Московского полиграфического института и Всесоюзной книжной палаты. Профессор, наставник нескольких поколений советских книговедов.

Человек незаурядный, человек высокой культуры, обширных знаний, удивительной скромности и большого обаяния. Прекрасно сказал о Киселеве доктор физико-математических наук Алексей Иванович Маркушевич: „Когда вспоминаешь о нем, о его неутомимой деятельности, вновь перечитываешь его... удивительно наполненные, проникновенные работы, то хочется печатать его скромные звания — Библиолог, Библиотекарь, Библиограф, Библиофил — с самой большой буквы, какая только найдется в типографской кассе!“¹

¹ Федоровские чтения — 1974. М., 1976, с. 122.

Но, пожалуй, мало кто даже из людей, близких Николаю Петровичу, знает, что в годы гражданской войны он принимал активное участие в спасении книжных богатств, что эта его деятельность, до сего времени почти неизвестная, сопряжена была с опасностью и значительными трудностями. Об этом рассказывают документы, обнаруженные мною в московских архивах.

Начать поиск побудил меня один весьма небезынтересный факт. В августе 1918 года в Курской губернии близ города Рыльска были сохранены и вывезены в Москву огромные художественные, исторические и книжные сокровища дворца князей Бяратинских Марьино. Это был пример революционной сознательности крестьян, героизма и самоотверженности сотрудников Наркомпроса — участников спасения этих сокровищ в тяжелой для молодой Советской республики обстановке лета 1918 года. К Марьино подходили немецкие войска, смотревшие на тамошние богатства как на лакомый военный трофей. Несколько раз пытались захватить дворец анархистские и иные банды. Эсеры подбивали крестьян разделить имущество дворца „по дворам“.

Никаких подробностей о спасении ценностей Марьино известно не было. А главное — кто и каким образом эвакуировал их в Москву? Долгое время розыск в архивах не давал никаких результатов. Я уже стал сомневаться, сохранились ли вообще какие-либо документы об этом событии — время-то грозное было...

Наконец в Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ) отыскал предписание ученого секретаря Румянцевского музея, направленное хранителю отделения музея, куда свозились национализированные художественные и книжные коллекции из Москвы и с периферии. В нем предлагалось „передать в Румянцевский музей 11 ящиков с гравюрами, доставленных Вадимом Игоревичем Раевским и Николаем Петровичем Киселевым из имения кн. Бяратинских“². Затем встретил и описи нескольких сотен первоклассных картин русских и западных мастеров, нескольких тысяч старинных гравюр и рисунков, изделий из серебра, фарфора, хрусталя, коллекций восточной и римской скульптуры, именного оружия, богатейшего архива и, наконец, библиотеки, насчитывающей 18 тысяч томов.

Вывезли все это, повторяю, при обстоятельствах чрезвычайных. 17 июля 1918 года коллегия Наркомпроса решает спешным образом направить в Марьино специальных эмисса-

² ЦГАЛИ, ф. 686, оп. 1, ед. хр. 39,3.

ров (они так и назывались) и незамедлительно эвакуировать оттуда историко-художественные сокровища. Сам нарком просвещения А. В. Луначарский телеграфирует в местный волостной Совет и требует „усилить охрану дворца Барятинских, не допускать никого до приезда делегации и комиссии...“³ Его заместитель М. Н. Покровский лично контролирует выполнение решения коллегии.

В конце июля Киселев и Раевский выезжают в Курскую губернию. 5 августа они посылают в Румянцевский музей письмо, в котором просят срочно направить к ним еще одного технического работника, чтобы ускорить упаковку художественных ценностей и книг „ввиду угрожающей военной обстановки и других условий“. К ним направляется служащий Румянцевского музея Николай Емельянович Дейков.

Эмиссары с помощью крестьян погрузили на телеги 55 больших ящиков. Получился целый обоз. До станции Колонтаевка, что в 12 верстах от Марьино, его сопровождали крестьяне с винтовками — опасались нападения бандитов, прознавших о том, что золото и серебро навсегда увозят из усадьбы. Однако те на внушительную охрану напасть не решились. Имущество поместили в три вагона воинского эшелона, который прибыл в Москву в ночь на 30 августа.

Итак, спасли эти богатства В. И. Раевский и Н. П. Киселев. Кто такой Киселев, мы знаем. Раевский же оказался сотрудником Музейного отдела Наркомпроса, умер он в начале 1920 года.

Библиотека Барятинских действительно была богатейшей. Киселев отобрал редкие английские, немецкие, французские издания. Нашел здесь дневник генерала Патрика Гордона, ближайшего сподвижника Петра I, одного из его учителей и вдохновителей, три объемистых тома в кожаных темно-зеленых обложках с золотым тиснением. Сотни книг на экономические, строительные и сельскохозяйственные темы. Они принадлежали, скорее всего, И. И. Барятинскому, которого называли первым агрономом своего времени в России. Многие книги по военным вопросам были с пометками фельдмаршала, наместника царя на Кавказе А. И. Барятинского. Ему же принадлежали издания по истории русской армии и войн, роскошные фолианты, присланные в Марьино русскими императорами.

Именно фельдмаршальское собрание — редкостная и разнообразная библиотека, насчитывающая более сорока тысяч томов, — особенно интересовало Киселева. Правда, значитель-

³ Искусство, 1940, № 6, с. 66.

ная часть книг была А. И. Барятинским и его наследниками передана в Румянцевский и Исторический музеи. Однако в Марьино оставалось еще много ценных изданий. Хранились здесь книги военного министра и председателя Государственного Совета князя А. И. Чернышева, бывшего в близких родственных отношениях с владельцами Марьино.

Свои книги Чернышев, не мудрствуя лукаво, помечал обычным карандашом: „Из собрания кн. А. И. Чернышева“. Без замысловатых книжных символов, таких, как у Барятинских.

У тех на титуле отпечатан был сложный фамильный герб: княжеская корона с крестом, три поля с изображениями на них, поддерживаемые львами. Или с гербом и латинскими инициалами кого-либо из представителей семьи. У А. И. Барятинского — книжный знак овальной формы, с гербом и латинской надписью: „В боге лишь моя надежда“.

Подобные отметки встречаются почти на каждой из 18 тысяч книг, вывезенных из Марьино и ныне хранящихся в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина, Библиотеке иностранной литературы, в ряде других книжных собраний страны.

Богатый архив целиком вошел в фонды Отдела рукописей Ленинской библиотеки. Он обработан, имеются три книги его описей.

Если вам, дорогой читатель, попадется в руки старое издание с печаткой или книжными знаками Барятинских, то вспомните о тех, кто спас эти тома в августе восемнадцатого года...

Я много раз пытался отыскать список книг, вывезенных из Марьино. Такой список существовал. Встретилось глухое упоминание о том, что он был „составлен на 72 листах“. Опись, как видите, солидная. Да и не мог такой обстоятельный человек, как Николай Петрович, не оставить письменного изложения результатов столь ответственной командировки. Ни отчета, ни списка я не сыскал. Не то бумаги погибли, не то где-то затерялись. Но попали мне в руки другие документы, которые существенно дополнили сведения о деятельности Киселева по спасению книжных богатств в годы гражданской войны.

С первых же дней своего существования Советское государство приняло все меры для сохранения книжного богатства. Уже на третью ночь после победы Октябрьской революции В. И. Ленин говорил управляющему делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевичу о необходимости собирать и сохранять брошенные архивы и библиотеки, рукописные собрания и

ценные коллекции книг⁴. В начале ноября 1917 года А. В. Лучачарский получил от него распоряжение об организации охраны культурных ценностей и библиотек. В специальном обращении к крестьянам В. И. Ленин призывал их строжайше оберегать „бывшее помещичье имущество, которое отныне стало общенародным достоянием и которое поэтому сам народ должен охранять“⁵. 17 июля 1918 года В. И. Лениным был подписан декрет Совнаркома „Об охране библиотек и книгохранилищ РСФСР“.

Активное участие в сохранении книжных собраний приняли работники Румянцевского музея, в том числе и Киселев. В частности, он участвовал в вывозе в Москву библиотеки, архива и художественных ценностей из бывшего имения графов Воронцовых-Дашковых, которое находилось близ села Новотомниково Шацкого уезда Тамбовской губернии (ныне Рязанской области). Судя по найденным в архивах документам, Николай Петрович ездил в Новотомниково и Шацк, вероятнее всего, дважды: в апреле 1918 года — тогда московские эмиссары составили опись художественных и книжных богатств, организовали их охрану, наконец, наиболее ценные издания взяли с собой в Москву. Затем Киселев с уже знакомым нам В. И. Раевским и техническим служащим Румянцевского музея В. А. Соловьевым отправляется в Новотомниково и Шацк в июле. Они и вывезли огромное количество книг, картины, архив, изделия из металла, фарфора, стекла и хрустала.

От эмиссаров потребовалась предельная тактичность и большая разъяснительная работа, чтобы убедить местный Совдеп отправить эти богатства в Москву.

В архиве Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина нашлась опись библиотеки Воронцовых-Дашковых. Значатся в ней книги на иностранных языках, художественная литература, книги по истории, археологии, географии, естественным наукам, статистике, литературоведению и языкознанию, по истории русской церкви, а также альбомы с рисунками и старинными гравюрами, различные справочники, календари, подшивки журналов. Кроме того — картины, фамильные портреты, иконы.

Еще один любопытный документ я обнаружил в архиве. Это — телеграмма, отправленная Киселевым и Раевским 6 июля 1918 года из Шацка в Москву, в Румянцевский музей. Ее

⁴ См.: Абрамов К. И. Библиотечное строительство в первые годы Советской власти. М., 1974, с. 50.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 68.

текст гласил: „Совдеп предоставил в наше распоряжение редкие собрания, в том числе тридцать ящиков архива первостепенного значения. Совдеп предлагает взять по нашему выбору из имений Енгальчевых, Воронцовых-Вельяминовых, Корнеевых архивы, художественные ценности, которым иначе угрожает гибель. Телеграфируйте Шацк, номера Новикова.

Разрешите затратить до тысячи рублей—на вывоз в случае обнаружения особо ценных предметов“⁶.

Какова была реакция Ученого совета Румянцевского музея на телеграмму? Долгое время я этого узнать не мог. Наконец отклик на призыв эмиссаров обнаружил в Отделе рукописей Ленинской библиотеки, в фонде К. И. Козакова, юриста, литератора, поэта, позже сотрудника Музейного отдела Наркомпроса и, как потом я выяснил, близкого родственника и друга В. И. Раевского. Здесь же находились черновики официальных заявлений в Народные комиссариаты земледелия и имуществ Республики, в Управление железных дорог с просьбой Румянцевского музея „срочно предоставить его эмиссарам два вагона для вывоза художественных и книжных ценностей, имеющих исключительно важную, которым угрожает гибель в этой местности“.

Но самое главное—в архиве Козакова нашел я копию упомянутой телеграммы с пометками, вероятнее всего, самого Константина Ивановича, а также,—что прежде всего и интересовало меня,—черновики ответа на нее. К сожалению, они составлены, вероятно, в крайней спешке, поэтому с большим трудом удалось разобрать всего несколько фраз: „Ученый совет Румянцевского музея разрешает использовать деньги на вывоз особо ценных предметов“, Музей „весьма заинтересован в получении мальцевского архива“ (что это за архив—узнать не удалось!), „все инструкции сообщит нарочный, который спешно выезжает в Шацк“⁷.

Наверное, этим нарочным был Козаков. Ведь именно в его личном фонде находились эти документы. К тому же при просмотре его записных книжек и автобиографических заметок выяснилось, что он действительно выезжал в Тамбовскую губернию в июле 1918 года.

Были ли вывезены в Москву библиотеки, архивы, художественные ценности из перечисленных в телеграмме бывших помещичьих имений? Этот вопрос остается пока без ответа, ибо никаких иных документов я не смог отыскать. Запросы в

⁶ Архив ГБЛ, ф. 17.

⁷ ОР ГБЛ, ф. 144, к. 3, ед. хр. 3; к. 6, ед. хр. 12; к. 8, ед. хр. 23.

Государственный архив Рязанской области также ничего не дали.

И, наконец, поиск привел меня к „личному делу“ Киселева, которое мне любезно показали в архиве Ленинской библиотеки. Читаю в автобиографии Николая Петровича: „С весны 1918 года принимал деятельное участие в собирании книжных богатств, оставшихся от дореволюционного времени и лично перевез в Библиотеку из провинции до 70 000 томов“⁸. (выделено мной.— Е. К.).

70 тысяч томов! Это же крупная городская или даже областная библиотека! Притом составленная из литературы большей частью редкой, ценнейшей!

Это — спасенные от гибели книги из Марьино, из собрания Воронцовых-Дашковых, вероятно, из ряда других помещичьих усадеб Тамбовской губернии. Кстати, в 1920 году Николай Петрович вновь едет в Тамбовскую губернию, в город Моршанск. Здесь он совместно с В. М. Викентьевым, сотрудником Музейного отдела Наркомпроса, осматривает и вывозит в Москву библиотеку и архив Мансуровых, а также библиотеку Вельяминова-Зернова. Далее он участвует в спасении богатейшего книжного собрания Корсаковых из имения Тарусово в Дмитровском уезде Московской губернии, нескольких библиотек из помещичьих особняков Звенигородского уезда, национализированных библиотек Москвы. В Оптину пустынь Калужской губернии он отправляется с сотрудником музейного отдела Наркомпроса Н. Н. Померанцевым, ныне заслуженным деятелем искусств РСФСР, лауреатом Государственной премии.

— Как же, хорошо помню эту поездку,— рассказывает Николай Николаевич.— С интересным и знающим человеком ездил— с Киселевым. Я занимался иконами, а он— книгами, рукописями. Привез в Румянцевский музей редкие издания, о которых с большим жаром мне рассказывал по дороге. О каких именно? Этого я уже не помню. Но очень был доволен Николай Петрович командировкой! Еще мы помогли наладить в Оптиной пустыни охрану оставшихся там книжных и художественных ценностей, организовать местный музей...

Но возвратимся к „личному делу“ Н. П. Киселева. Документы рассказывают о том, что 23 июля 1918 года Н. П. Киселев вместе с А. К. Виноградовым и А. А. Борзовым избирается от Румянцевского музея в только что созданный Центральный комитет государственных библиотек, который способствовал библиотечному строительству в Советской России. Он

⁸ Архив ГБЛ, ф. 311, оп. 161.

участвовал в работе совещания московских специалистов библиотечного дела, по результатам которого Совнарком 17 июня 1919 года поручил Наркомпросу „разработать проект декрета об охране библиотек в России (особенно в бывш. усадьбах) и внести его на рассмотрение СНК 4 июля с. г.“⁹.

Еще об одном интересном факте из биографии Н. П. Киселева я хотел бы упомянуть. В библиотеке В. И. Ленина в Кремле находился путеводитель по Государственному Румянцевскому музею, изданный в 1923 году. В каталоге библиотеки Председателя Совнаркома он упомянут под номером 6740¹⁰. Владимир Ильич мог прочитать в путеводителе, что один из его авторов является заведующий Отделом библиотеки Румянцевского музея Н. П. Киселев, что он написал главу „Книжный состав“. В предисловии говорится также, что „подготовка к печати производилась ученым секретарем Н. Ф. Гарелиным при участии Н. П. Киселева“.

Кроме того, в путеводителе перечислены наиболее значительные, наиболее ценные книжные собрания, поступившие в 1918—1922 годах в Румянцевский музей. Номером первым значится „Библиотека гр. И. И. Воронцова-Дашкова“, следующей идет „Библиотека кн. Барятинских“.

⁹ Архив ГБЛ, ф. 311, оп. 161.

¹⁰ Библиотека В. И. Ленина в Кремле: Каталог. М., 1961, с. 530.

ХРАНИТЕЛЬ ПАМЯТИ

Юрия Борисовича Шмарова знают многие историки, литературоведы. Гостеприимный хозяин с радостью принимает каждого, кто интересуется деятелями культуры России, их жизнью, творчеством, родственными и деловыми связями. Комната Ю. Б. Шмарова напоминает пантеон российских родов. Им собрано около десяти тысяч русских старинных портретов. Гравюры, рисунки, акварели, пастель, масло... Юрий Борисович хранит память того, что уходит в историю. По крупицам воскрешает он события, давно считавшиеся забытыми, восстанавливает подробности биографий предков.

К исследователю-энциклопедисту частенько приходят в гости кинематографисты. Редкий фильм, где требуется воссоздать обстановку XIX столетия, обходится без его консультации. Скажем, экранизация тургеневской „Первой любви“ или „Анны Карениной“ Толстого. Какую форму надевали офицеры на скачках? Какого цвета была кираса у конногвардейца? Какими орденами были награждены декабристы — участники войны 1812 года? На эти вопросы сразу же даст ответ Ю. Б. Шмаров.

Подспорьем в изыскательском труде ему служит специальная библиотека. Издания, и среди них редчайшие, аккуратно расставлены на стеллажах. И все здесь уютно, удобно, располагает к заинтересованной, деловой беседе...

Если можно назвать добровольно взятую на себя Шмаровым работу профессией, то она чрезвычайно редка. Можно прибавить — уникальна. Скорее — это призвание. Определить суть этого нелегкого труда можно так: сведение воедино важнейших данных по истории российской культуры.

Проходят годы, и собирать ценные сведения о людях былого все труднее. Каждая цифра, каждое имя, каждый документ приобретает в наши дни особую важность, как свидетель минувших эпох...

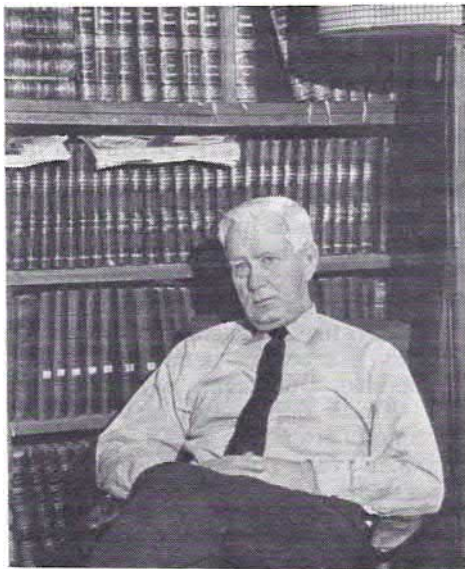
Мы предлагаем вниманию читателей статью Екатерины Киселевой, в которой рассказывается о становлении и жизненном пути Юрия Борисовича Шмарова — библиофила, архивиста, собирателя.

К. Ковалев

Живет в Москве человек, который собирает сведения о жизни людей, о тех, чьи имена не звучат громко, но все же оставили след в отечественной истории. Многих ученых выручают его рукописные книги, содержащие бесценные факты. Его имя широко известно в мире исследователей — Юрий Борисович Шмаров.

Не сразу пришел Юрий Борисович к своему замечательному делу, не просто составила его нужная для работы

библиотека. Началось все с далекого детства среди Тамбовских степей. У деда — Михаила Васильевича Шмарова — хранилась небольшая, строго им оберегаемая шкатулка. Как хотелось в нее заглянуть! Наконец она была открыта. В ней хранились письма и бумаги всех родственников семьи Шмаровых. Для постороннего, равнодушного глаза это были клочки обветшалой, пожелтевшей бумаги, исписанные трудно разбираемым почерком. Но для деда Юрия Борисовича в них заключалась честь и слава их семьи.

Ю. Б. Шмаров

По этим бумагам дед стал однажды составлять генеалогическое древо рода, а внука привлек в помощники. Началось интереснейшее путешествие в историю. В рассказах деда оживали картины прошлого, обретали особую значимость обрывки бумаг, фотографические портреты, адреса на пожелтевших конвертах, листы свидетельств и документов.

Дед не успел дойти в составлении генеалогического древа и до половины.

Шкатулка осталась в семье, но вскоре перешла в руки Юрия Борисовича. Этот драгоценный предмет приобщил молодого человека к труду историка.

Юрий Борисович становится военным. Затем он окончил юридический факультет Московского университета, работал юриконсультантом.

В начале 20-х годов в Историческом музее была организована Комиссия по изучению старой Москвы. Возглавил ее художник А. М. Васнецов, а практическую работу осуществлял известный историк П. Н. Миллер. Здесь готовились и читались доклады, к ним устраивались однодневные выставки, отмечались юбилейные даты, связанные с историей города. Ю. Б. Шмаров входил в состав молодого поколения Комиссии.

В то время было принято решение серьезно изучать памятники Подмосковья. Вокруг столицы были разбросаны интереснейшие образцы усадебной архитектуры. Там хранилась живопись, мебель, шитье... Так возникло известное в 20-е годы Общество изучения русской усадьбы. Здесь Юрий Борисович начинает вести активную деятельность. Члены Общества поставили на учет все сохранившиеся памятники культуры Подмосковья, выпустили путеводители экскурсий. В журналах публиковались результаты обследований. Некоторые издания Общества были даже нумерованные. В 1927 году И. М. Карташов выпустил составленный им опыт библиографического указателя „Усадьбы Московской губернии“. Были выпущены: „Памятники усадебного искусства“; „Подмосковные музеи“ — шесть выпусков, редакция И. И. Лазаревского и В. В. Згура; „Сборник Общества изучения русской усадьбы“.

Юрий Борисович, как член правления Общества изучения русской усадьбы, имел свой участок Подмосковья, который должен был подробнейшим образом обследовать, а затем составить описание каждого встреченного на участке памятника. Вопросы, на которые давали ответ члены Общества, были следующими: 1. Название памятника. 2. Местонахождение. 3. Последний владелец. 4. Преобладающий архитектурный характер. 5. Сохранность в настоящее время. 6. Историческая справка. 7. Архитектура (перечисление и краткое описание памятника). 8. Садовая архитектура и парк. 9. Внутреннее убранство усадебного дома. 10. Коллекции. 11. Библиотека. 12. Архив.

Словом, нужны были подробнейшие сведения, составленные по определенной, выработанной Обществом системе.

Эта работа оказалась для Юрия Борисовича чем-то вроде продолжения рассказов его деда. Находил он и портреты, часто неизвестные, архивные документы, книги с пометками — следы былой жизни, оставшейся неведомой. Держа в руках потемневший от пыли портрет, рисунок, акварель, фотографию, Юрий Борисович пытался угадать или представить себе характер, род занятий изображенного человека. Помимо той картотеки, которая требовалась Обществу, Юрий Борисович завел карточки на обнаруженные им в поездках портреты, делал с них фотографические копии. Сразу стало понятно, что установить личность на картине, одетую в гражданский костюм, — почти невозможно. Другое дело — военный. Тут начинался увлекательный путь расследования. Юрий Борисович многое знал о форме, мундирах. Кто носил эполеты, а кто погоны, какие галуны, звездочки, цвет мундира и пуговиц, какое оружие, нумерация на погонах... Масса вопросов, и все

они требовали ответов, а их могли дать только книги. Начинаясь кропотливое, серьезное изучение литературы. Так появился один из разделов библиотеки Юрия Борисовича, посвященный военному костюму.

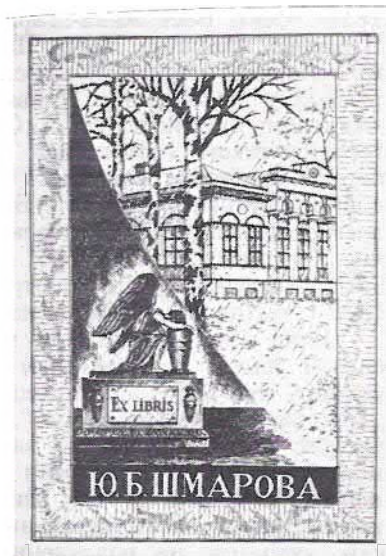
В Общество изучения русской усадьбы входили люди, которые могли дать исчерпывающие ответы, справки по многим вопросам истории. Юрий Борисович знакомится с А. М. Макаровым, их собирательские интересы соприкасались, и очень скоро возникла дружба, которая сохранилась до конца дней Александра Михайловича Макарова.

Гордостью геральдической части библиотеки Ю. Б. Шмарова являются такие книги, как «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи» (1798—1836, 10 частей), «Гербы городов, губерний, областей и посадов», «Малороссийский гербовник», замечательно оформленный Егором Нарбутом, «Русская геральдика» Ал. Лакиера в 2-х книгах, журнал «Гербовед», выпускаемый С. Н. Троицким в 1913—1914 годах, и многие другие книги, изданные всего по 25—50 экземпляров.

Генеалогический раздел библиотеки Ю. Б. Шмарова включает в себя книги по истории сословий, работы, посвященные отдельным губерниям, книги о происхождении отдельных фамилий и всевозможные справочники вроде „Московского Некрополя“ (Спб., 1908).

Библиотека Юрия Борисовича замечательна. И все же трудно сказать, что представляет большой интерес,— она или иллюстрирующие ее портреты и генеалогические росписи. Пожалуй, они интересны вместе.

Коротка справка об А. Ф. Бестужеве в Русском библиографическом словаре. У Ю. Б. Шмарова в дополнение к ней вы найдете портрет, да еще не в одном варианте, а в нескольких, разных времен его жизни, аккуратно наклеенных на паспарту. На обороте одного из них в дополнение к найденным сведениям можно прочесть: «Александр Федосеевич Бестужев (1761—

Экслибрис Ю. Б. Шмарова

1810). Отец Бестужева-Марлинского Александра, еще дети— Николай, Михаил, Петр, Павел. Окончил артиллерийский и инженерный корпус. В морском сражении близ острова Сексара был тяжело ранен. Правитель канцелярии при президенте Академии художеств гр. А. С. Строганове. Управляющий Екатеринбургской гранильной фабрикой. Писатель. Создатель первой фабрики холодного оружия в России. Коллекционер картин, гравюр, эстампов. Библиограф. Русский библиографический словарь, „Отечественные записки“ 1860, Записки Греча, „Русский Вестник“ 1861 г., М. Ю. Барановская „Декабрист Ник. Бестужев“. Его портрет работы Боровиковского В. Л. 1806 г. находится в Кировском областном музее им. Горького».

Если изображенный на портрете человек оказался удостоенным быть помещенным в Русский библиографический словарь или оказался упомянутым в „Московском Некрополе“, „Петербургском Некрополе“, в каком-нибудь из энциклопедических словарей, то на обратной стороне паспарту с его портретом Юрий Борисович не пишет ничего, кроме фамилии, имени, отчества и дат жизни. Но если вдруг попадутся какие-нибудь дополнительные факты, интересные подробности, указание на родственные отношения с известной, чем-нибудь замечательной личностью — словом, сведения, которых нет в общеупотребительных источниках, тогда они появляются на оборотной стороне паспарту.

Третье направление в работе Юрия Борисовича (после портретов и библиотеки)—вычерчивание генеалогических древ попавших в орбиту его внимания родов, так или иначе отличившихся, оставивших хоть небольшой след в истории русской культуры, русской армии. Юрий Борисович называет эту работу — росписи.

Они хранятся в отдельных папках и являются уникальными добавлениями к портретам. Из всего сделанного Юрием Борисовичем это, вероятно, самая трудоемкая работа. Но насколько она трудоемка, настолько необходима, особенно историкам культуры. Для составления одной росписи Юрий Борисович затрачивает дни, месяцы, годы и годы в государственных исторических архивах Москвы и Ленинграда. Он просматривает древние акты, огромное количество документов, бумаг, дел, чтобы найти нужный факт, нужную запись...

Для примера приведем роспись рода Левашовых. Огромный, несколько раз подклеенный лист общей сложностью более трех метров только в длину и метра полтора-два в ширину включает в себя 400 с лишним имен. Одно из них — имя писателя Павла Артемьевича Левашова. Он автор книг, которые вполне могут попасть в поле зрения исследователей

литературы, и не только ее, скажем— „Плен и страдание россиян у турков, или Обстоятельное описание бедственных приключений претерпенных ими в Царь-граде по объявлении войны и при войске, за которым влачили их в своих походах; с приобщением дневных записок о воинских их действиях в прошедшую войну, и многих странных, редких и любопытных происшествий“ (Спб., 1790). Или вторая его книга— „Картина, или Описание всех нашествий на Россию татар и турков и их браней, грабительств и опустошений, начавшихся в половине десятого века и почти непрерывно чрез восемьсот лет продолжавшихся. С приложением нужных примечаний и разных известий касательно Крыма, прав Российских государей на оной, и проч.“ (Спб., 1792).

Другой Левашов из этого же рода— воевода в Балахне— был послан князем Д. М. Пожарским из Ярославля в Москву с одним из передовых отрядов навстречу врагам. Был среди Левашовых и герой войны 1812 года, участник всех крупнейших сражений этой войны, в том числе и на Бородинском поле, награжденный Владимиром 4-й степени с бантом (эту награду давали за проявление храбрости).

Или, скажем, роспись рода Полторацких, к которому принадлежали Анна Петровна Керн и Катенька—Екатерина Павловна Бакунина,—в которую лицеистом был влюблен А. С. Пушкин. Один из Полторацких—Сергей Дмитриевич (1803—1884), известный библиофил. Был среди них и герой 1812 года К. М. Полторацкий.

Добрался со временем Юрий Борисович и до шкатулки своего деда. Он обнаружил, что сам дед был участником Крымской войны 1854—1855 годов, воевал на Малаховом кургане и участвовал вместе с Л. Н. Толстым в вылазке на Сапун-гору. В шкатулке лежало и письмо прадеда к своей матери: „Милостивая государыня-матушка. Я писал Вам по почте в 1798 г., когда выступили мы из границ российских в Австрию, потом из Италии два письма Вам послал, теперь при реке Требе участвовал в сражении, при городе Наве ранен...“ Так выяснил Юрий Борисович, что прадед его участвовал в походах А. В. Суворова.

В роду Шмаровых—декабрист Александр Михайлович Булатов. Он был членом Северного Общества. До этого участвовал в походах 1813—1814 годов, в битве под Парижем обратил на себя внимание генерала Ермолова, который награждал его за храбрость золотой саблей. После подавления восстания декабристов Булатов был посажен в Петропавловскую крепость, где покончил жизнь самоубийством, разбив голову о стену каземата.

Все, что касается декабристов и той эпохи, у Юрия Борисовича пользуется особым вниманием. Его связывает тесная дружба с Музеем декабристов в Ялutorовске, он член Ученого совета и консультант Музея „Бородинская панорама“, консультант Музея А. С. Пушкина в Москве.

Ю. Б. Шмарова интересовало окружение великого поэта. Поэтому, не занимаясь специально А. С. Пушкиным, Ю. Б. Шмаров может помочь тем, кто исследует его творчество. В собрании книг Ю. Б. Шмарова можно, например, найти рассказы Николая Раевского „Нащочкины“ с автографом автора: „Глубокоуважаемому Юрию Борисовичу от признательного автора“ и, конечно, книгу Н. Раевского „Портреты заговорили“, тоже с автографом.

Журнал „Советские архивы“ № 2 за 1973 год. Статья О. В. Петровой „Генеалогия и поиск документов личного происхождения XIX — начала XX века“: „Успех поиска обеспечивается знанием литературы и библиографии по генеалогии и малоизвестных собраний рукописных родословных. В настоящей статье дается краткий обзор ряда комплексов генеалогических материалов, в том числе собрания ныне здравствующего генеалога Ю. Б. Шмарова... Частное собрание Ю. Б. Шмарова представляет собой единый комплекс взаимодополняющих частей: родословных книг с рукописными дополнениями, картотек и коллекции портретов... В собрании Ю. Б. Шмарова имеется уникальная коллекция портретов, которая является приложением к росписям. Обращение к коллекции исключительно важно при разысканиях...“

О Ю. Б. Шмарове писал в своей книге „Жемчужины Подмосковья“ (М., 1972) В. Осокин. Автор книги „Беседы об архивах“ М. Чудакова пишет: „...Ю. Шмаров занимается делом, совершенно необходимым исторической науке...“ Большую статью о Шмарове поместил на своих страницах журнал „Огонек“ в № 25 за 1977 год. Наконец, в книге „Справочники по истории дореволюционной России“ под редакцией профессора П. А. Зайончковского Ю. Б. Шмарову вынесена благодарность за ряд ценных замечаний.

Иной раз трудно предсказать, как и где понадобятся сведения, содержащиеся в рукописных книгах Шмарова, его росписях и справочной библиотеке. Например, живет в Днепропетровске Алексей Петрович Шишкин, который собирает... жетоны. Те, что выдавались порой в разных местах России и по разным причинам вместо денег. Жетоны счетные, трактирные марки — словом, почти до двух тысяч разновидностей. На жетонах стоят имена. Надо их расшифровать и таким образом установить время их выдачи и место. Письмо А. П. Шишкина

к Юрию Борисовичу написано на 12 страницах, и все это — вопросы по генеалогии Раевских, Мамоновых, Глебовых, Дальских, Толстых... А вот и другое: „Калуга, 2 марта 1979 г. Дорогой Юрий Борисович! Большое спасибо за родословную роспись Тепловых, которую я получил сегодня. Тепловы имеют отношение к Тургеневу, которым мы занялись вплотную. Я разыскиваю документы в архиве. А. С. читает его письма насквозь и выписывает, и выискивает все моменты соприкосновения с Калужским краем. Со временем мы подготовим какое-нибудь сообщение о калужском окружении Тургенева. Чем могу отблагодарить Вас за такую работу! Вы потратили массу времени на составление росписи, а у Вас его и так, как у всех, в обрез...“

Да, Юрий Борисович успеваает невероятно много — видимо, благодаря своей дисциплинированности, систематичности в работе. Он живет в одном из переулков, прилегающих к Арбату. Дом принадлежал когда-то декабристу, барону Владимиру Ивановичу Штейнгелю, члену Северного общества, приговоренному к каторжным работам на двадцать лет. Интерьер квартиры Юрия Борисовича так же необычен, как и дело, которым он занимается. Все стены сверху донизу увешаны собранными за всю его жизнь портретами. Здесь и произведения живописи, и акварельные работы, рисунки, пастель, гравюры. Бросается в глаза портрет друга Чаадаева — Е. Г. Левашовой, друга Лермонтова по школе подрапорщиков писателя В. А. Вонлярлярского, портрет дочери В. А. Соллогуба, автора „Тарантаса“, которой, как считается, поэт А. К. Толстой посвятил стихи „Не ветер, вея с высоты...“ Почти о каждом есть что сказать. Рядом с портретами — книги и папки, в которых тоже портреты и росписи, а на столе, за которым работает Юрий Борисович, — деловые письма, письма со словами благодарности.

Он живет среди своих книг и портретов и продолжает делать свое дело мудро и целенаправленно. К нему приходят с вопросами, ему звонят. Юрий Борисович знает, что он ищет, знает, где надо искать, и какими усилиями, каким поистине гигантским трудом обретаются находка...

П. Бондаренко, В. Фельдман

БИБЛИОТЕКА ВОРОНЦОВЫХ
В ОДЕССКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Одесса славится библиотеками. Будучи сравнительно молодым городом, она по размеру и содержанию книгохранилищ может соперничать с такими давно признанными культурными центрами, как Львов, Рига, Харьков. И в том, что на протяжении менее чем двух столетий своего существования Одесса дала нашей стране целую плеяду ученых, писателей, деятелей революционного движения, артистов, художников,— немалая заслуга и книжных собраний города.

Научная библиотека Одесского государственного университета имени И. И. Мечникова — старейшая в городе (создана в 1817 году как библиотека Ришельевского лицея), насчитывает 2,5 млн. книг. Более полутора столетий она оказывает заметное влияние на культурную жизнь Одессы.

За это время в библиотеку поступило в виде покупок и даров множество личных книжных собраний. Они влились в общий фонд, и только по старым инвентарным книгам или сохранившимся экслибрисам можно судить, кому принадлежало то или иное издание.

Здесь в виде отдельных собраний хранятся восемь частных библиотек (Воронцова, Готлиб-Готалова, Григоровича, Лупанова, Петруня, Строганова, Терещенко, Шильдера). Входят они в состав Отдела редких книг. Каждое такое собрание отражает не только интересы владельцев, но является памятником культуры своей эпохи.

Одним из самых ценных именных собраний является библиотека Воронцовых, о которой мы и хотим рассказать.

...В один из летних дней 1884 года секретарь положил на стол ректора Императорского Новороссийского университета¹

¹ Новороссийский университет — нынешний Одесский университет. Назывался Новороссийским по имени Новороссийского края, как именовался тогда юг Украины. Основан в 1865 г. на базе Ришельевского лицея.

профессора чистой математики Семена Петровича Ярошенко конверт с княжеским вензелем. В конверте было письмо княгини Марии Васильевны Воронцовой, в котором она сообщила, что ее покойный муж Семен Михайлович Воронцов „словесно... передал мне разные распоряжения свои и желания, которые я обещала ему свято исполнить; одно из этих желаний, самых пламенных, неоднократно им повторенное, было отдать его библиотеку, находившуюся в майоратном² доме в Одессе, Новороссийскому университету, в знак его горячей любви к бывшему Ришельевскому лицезу, где он получил свое высшее образование“.

Далее М. В. Воронцова писала, что она лишена возможности выполнить волю мужа, так как на майоратное имущество претендуют графы Шуваловы, но считала своим долгом заявить, „что эта библиотека, по воле князя Семена Михайловича Воронцова, должна составлять собственность Новороссийского университета“³.

Текст письма был зачитан на заседании Совета университета. Зная, какую огромную ценность представляет библиотека, члены Совета определили: „Выразить светлейшей княгине М. Воронцовой глубокую признательность от имени Совета за пожертвование... опубликовав об этом вместе с письмом в местных газетах, в Московских Ведомостях и Новом Времени“⁴. Решение о публикации письма было хорошо продуманным ходом: огласка ставила в неудобное положение Шуваловых. Хотя последние согласились с тем, что библиотеку следует передать университету, окончательно она была оприходована и перевезена только в декабре 1898 года. Так началась новая жизнь этого замечательного книжного собрания.

Для того чтобы читатели получили представление о нем, приведем следующие красноречивые данные.

В библиотеке представлены издания с XVI века по 80-е годы XIX века. Здесь собраны книги на 26 языках. Больше всего их на французском, английском, русском, немецком, итальянском, латинском и польском. Меньше — на испанском, голландском, датском, норвежском, украинском, греческом, грузинском. Имеется также небольшое количество книг (от одного до пяти названий) на татарском, молдавском, чувашском, осетинском, армянском, бирманском, коптском, фарси,

² Майоратным по дореволюционному русскому праву называлось недвижимое имущество, переходившее по наследству только старшему в роду.

³ Маркевич А. И. 25 лет Императорского Новороссийского университета. Одесса, 1890, с. 596, 597.

⁴ Маркевич А. И. Цит соч., с. 597.

хинди, абиссинском, арабском, португальском языках. Количественная характеристика: 13 690 названий, 52 801 том, около 130 тысяч инвентарных единиц. Ввиду особой ценности собрания и наличия в его составе многочисленных конволютов и крайне редких журналов, каждый экземпляр периодики получил свой инвентарный номер, поэтому число инвентарных номеров превышает количество томов.

Библиотека Воронцовых, будучи универсальна по охвату тем, имеет все же гуманитарный уклон, ибо книг по технике, сельскому хозяйству, медицине, физико-математическим и естественным наукам набирается всего около 500 названий. Основная масса книг и журналов посвящена истории, литературе, искусству, праву, путешествиям, политике, религии, философии. Первое место по количеству занимают книги на французском языке.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Среди французских изданий особенно выделяется большая группа книг и журналов, связанных с историей Великой Французской революции.

Основатель библиотеки Семен Романович Воронцов с 1785 по 1806 год был русским послом в Англии и внимательно следил за событиями в революционной Франции, столь пугавшими Екатерину II и Павла I. В Лондоне тогда было много представителей французской (контрреволюционной) дворянской эмиграции. Может быть, благодаря им в библиотеке появились редчайшие издания той эпохи, такие, как Политический кодекс Франции⁵, знаменитая газета „Монитор“ полными комплектами с 1789 по 1835 год, журнал „Французский патриот“ (1789—1790), революционные „Патриотические и литературные анналы“ (1789—1796) и роялистские „Акты апостолов“.

Из многочисленных книг и брошюр этой бурной эпохи можно указать „Письмо г. Марата, друга народа, об устройстве правосудия“, многочисленные памфлеты и анонимные брошюры как якобинские, так и антиякобинские, вроде „Истории заговора М. Робеспьера“ (1796). Очень много книг эпохи Наполеона—его биографии, мемуары офицеров, описания войн. Очевидно, очень редкой является „История секретных обществ в армии и заговоров, имевших целью разрушить

⁵ В Национальной библиотеке Франции, судя по каталогам 20-х годов нашего века, не было 2, 3, 5 томов этого издания, у Воронцова—полный комплект.

правление Наполеона". Авторы настоящей статьи не встречали упоминаний об этом издании в доступных им источниках.

Эпохой революции, Наполеона, реставрации не ограничивается собрание исторических монографий Воронцовской библиотеки. Хорошо представлена история Франции XVII века, ее провинций и городов, среди изданий — „История Парижа“, „История Лангедока“, „История жизни министра кардинала Ришелье“ (этой книгой пользовался А. Дюма при написании „Трех мушкетеров“). Очень интересен конволют, получивший условное название „Мазариниада“. Это собрание памфлетов, сатирических стихов и песенок, документов и записок очевидцев периода Фронды, направленных против кардинала Мазарини. Много изданий документов и мемуаров, среди них исключительная по своей ценности „Полная коллекция мемуаров, относящихся к истории Франции“ в 72 томах, изданная в первой трети XIX века.

Художественная литература Франции представлена очень полно: Корнель, Расин, Буало, Сюдери, Скаррон, Руссо, Лесаж, Мариво, Прево, Бомарше, Седен. Много изданий Вольтера; кроме отдельных произведений, есть два собрания сочинений в 70 и 72 томах.

Исключительно полно представлена драматургия эпохи революции 1789 года. Помимо отдельных изданий известных и малоизвестных авторов того времени, имеется неизвестный сборник „Театр революции“ — 39 томов. Здесь неизвестным лицом, работавшим у первого владельца библиотеки, тщательно собрано несколько сот пьес, вышедших с 1789 по 1804 год и поставленных на подмостках театров революционной и после-революционной Франции. Многие из этих пьес отражают политические события дня, передавая неповторимый аромат эпохи. Нам неизвестно имя скромного библиотекаря, подбравшего с такой любовью и тщательностью драматургическую историю французской революции. Очень сомнительно, чтобы „полномочный министр при Английском королевском дворе“, как официально именовался граф Воронцов, лично занимался этим.

Хорошо подобрана художественная литература первой половины XIX века: Гюго, де Сталь, Мюссе, Жорж Санд, А. Дюма, Теофиль Готье, Эжен Сю, Стендаль, Бальзак, Мери-ме, Ансло, Ламартин, Шатобриан, Огюстен Скриб. Интересно издание песен Беранже 1821 года (в 1821 году Беранже судили за антимонархическую и антиклерикальную направленность стихов).

Очень много книг по истории России, изданных во Франции: часть из них — переводы с других языков, в том

числе с русского, другие — оригинальные работы французских авторов.

Любопытной особенностью этой библиотеки является наличие многотомных сборников, таких, как „Развлечение деревни, двора и города“ (в 12-ти т.), „Пестрота, или Любопытная и поучительная смесь“ (в 20-ти т.). Французская литература первой половины XIX века читалась „образованным обществом“ всей Европы, поэтому сборники дают представление о вкусах огромной читательской аудитории.

АНГЛИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Собрание английской художественной литературы много беднее французской. Основная масса произведений представлена не в оригиналах, а в переводах на французский и русский языки, хотя основатель библиотеки С. Р. Воронцов прожил в Англии около 40 лет, а его сын Михаил Семенович Воронцов провел там детство и юность и получил образование. Среди русских переводов английских авторов большинство относится ко второй половине XVIII и первой трети XIX века. Английские издания датируются периодом с XVI до середины XIX века. Книги 70—80-х годов XIX века почти не встречаются.

Из оригинальных изданий можно указать 50-томное шотландское издание сочинений В. Скотта, отдельные произведения и ранние сборники Ч. Диккенса. Любопытно венецианское издание „Робинзона Крузо“, напечатанное на армянском языке. Безусловный интерес для историка английской литературы представляют комплекты английских сатирических журналов Аддисона и Стиля „Болтун“, „Зритель“, „Опекун“.

Весьма представлен отдел книг по истории, праву, политике XVIII и XIX веков. Здесь собраны многотомные издания: „История Англии“ Д. Юма, „История Англии“ Макинтоша, „История Ирландии“ Томаса Леленда, „Сборник договоров, грамот, писем и других документов королей Англии с 1101 по 1800 год“, а также исторические описания графств, городов, литература по отдельным историческим вопросам. Например, „Морская история Великобритании с 1793 г.“, „История британских колоний“ Монтгомери, „История английских пиратов“ Фонзона, „История мятежа и гражданской войны“ Клареддона, „История революции 1688 г.“ Мазюра.

Интереснейшая часть фонда — собрание памфлетов, преимущественно анонимных, отражающих события политической жизни Англии. Велика коллекция мемуаров, имеются

сборники отчетов о заседаниях парламента, выступления депутатов, дебаты по отдельным проблемам внешней политики, например, восточному вопросу, англо-русским отношениям.

Воронцовых, очевидно, интересовала проблема рабства: этот интерес нашел свое отражение в виде весьма полной подборки изданий об истории рабства и борьбе с ним в английских владениях в начале XIX века. Среди этих книг есть чрезвычайно редкие, отсутствующие в других библиотеках нашей страны. Примером может служить трехтомный сборник „О рабстве негров“, отражающий взгляды английских аболиционистов, или очень редкий даже для английских книгохранилищ журнал „Антирабский ежемесячник“ (№ 1—105 с 1825 по 1833 г.). Журнал издавался обществом „Против рабства“ и отражал программу и деятельность этой прогрессивной организации.

Довольно велика группа журналов, посвященных Азии, Африке и английским колониям на этих материках. Примером могут служить „Азиатские ежегодные отчеты“ (1799—1811), „Исследования Азии“ (1806—1818). Насколько разнообразен репертуар английских журналов, можно судить хотя бы по такому (редкому не только для наших книгохранилищ) журналу, как „Кантонский альманах“. В 1831 году этот журнал издавался в Кантоне и выходил в переплете из китайского шелка. В журнале печатались самые разнообразные материалы о Китае.

РУССКАЯ ЧАСТЬ БИБЛИОТЕКИ

Книги на русском языке по количеству названий находятся на третьем месте, а русская художественная литература занимает второе место в собрании Воронцовых (600 названий), уступая первенство французской. Тут представители всех литературных направлений и эпох: Антиох Кантемир, Василий Тредиаковский, Ломоносов (в редких прижизненных и посмертных изданиях), Державин (первое издание), Богданович и Василий Майков. В библиотеке хранится большое количество анонимных произведений. Эта часть собрания нуждается в отдельном исследовании и, возможно, специалистов по истории русской литературы XVIII века ждут интересные находки.

Великолепно собрание трагедий, комедий, либретто опер. Есть выпедший в последнее десятилетие XVIII века сборник „Российский Феатр, или Полное собрание российских феатральных сочинений“ — в 39-ти томах.

Литература первой половины XIX века представлена произведениями Анны Буниной, Жуковского, Капниста, Загоскина, Булгарина и несколькими анонимными историческими романами. Очень скромное место в библиотеке занимают произведения трех крупнейших фигур русской литературы этого времени: Гоголя, Пушкина, Лермонтова — они представлены буквально 2—3 разрозненными томами каждый. Правда, до нас дошли сведения о том, что Елизавета Ксавьеревна Воронцова еще в 70-е годы хранила у себя книги Пушкина. Этим можно объяснить незначительное количество пушкинских изданий в библиотеке.

Русская литература 60-х и последующих годов представлена только отдельными и явно случайными книгами.

Пребывание Воронцовых в Одессе пополнило библиотеку несколькими одесскими литературными сборниками, изданиями анонимных повестей, стихов и пьес. Необходимо отметить, что раздел литературного краеведения Воронцовской библиотеки нуждается в специальном и подробном исследовании.

Интересной особенностью собрания русской художественной литературы является большое количество переводов русских авторов на английский, немецкий и особенно французский языки. Это переводы исторических романов Загоскина, повестей Булгарина, басен Крылова, а также различных антологий и сборников. Русская периодика представлена в библиотеке 155 названиями, что дает возможность получить весьма подробное представление об общественной мысли и художественной литературе XVIII и первой половины XIX века. Рядом с поэмой, повестью в журналах тогда печатались философские трактаты, исторические исследования, экономико-статистические обзоры, описания городов и стран.

В библиотеке имеются „Санкт-Петербургские ведомости“ с 1742 по 1774 год, журналы „Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие“ (1755—1764), „Собеседник любителей российского слова“, „Праздное время, в пользу употребленное“ (1759—1760), „Живописец“, выпущенный Новиковым (2-я и 3-я части), полный комплект журнала „Утренние часы“, „Беседующий гражданин“ и „Зритель“ (1792), издаваемые Крыловым, два комплекта Новиковского журнала „Утренний свет“ (1788—1790). Есть и такие редкие издания, как первый русский исторический журнал „Древняя российская вивлиофика“, а также большинство номеров первого русского журнала для детей „Детское чтение для сердца и разума“. Много журналов XIX века: „Вестник Европы“ (1802—1830), „Невский зритель“ (1820—1821), в котором печатались Пушкин, Кюхельбекер, Рылеев, „Библиотека для чтения“, „Отечествен-

ные записки“, полный комплект „Современника“ за 1847—1862 годы. Из числа прогрессивных журналов 60-х годов XIX в. еще имеется „Русское слово“ за 1860—1865 годы, когда в нем печатался Д. И. Писарев. В составе библиотеки 10 русских исторических журналов, в их числе „Русский архив“ (1863—1878) и „Русская старина“ (1870—1879). 12 названий журналов по сельскому хозяйству, горному делу, географии, медицине—небольшими комплектами до 3—5 лет. Около трех десятков местных изданий, в их числе не менее половины одесских. Это газеты, журналы, альманахи, календари. (Например, редкий „Женский календарь“ 1875 года, издававшийся в Одессе „для образования стипендий женщинам, учащимся в высших учебных заведениях“, как сказано в редакционном обращении.) Среди периодики Воронцовской библиотеки—18 названий журналов, выходивших в России на иностранных языках. Этот вид периодических изданий изучен, как нам кажется, недостаточно, хотя там часто публиковались весьма интересные материалы: первые переводы русских писателей на английский, французский, немецкий языки, литературно-критические статьи. Царская цензура относилась к этим изданиям более снисходительно, очевидно потому, что журналы подобного рода имели относительно узкий круг читателей.

Исключительно интересно представлена в Воронцовской библиотеке иностранная периодика, где кроме вышеуказанных насчитывается 300 названий, в их числе старейшая газета Франции „Французская газета“ (1728—1758), редкая „Европейская литературная газета“, выходившая в Амстердаме (1764—1767) и печатавшая материалы, запрещенные цензурой во Франции. Свыше 100 названий английской периодики, в том числе „Журнал для джентльменов“ за 127 лет. Такого полного комплекта нет ни в одной библиотеке нашей страны. Имеется ряд бельгийских, голландских, немецких журналов XVII, XVIII, XIX веков, среди них—один из старейших в Европе—„Голландский Меркурий“ 1675—1686 годов. Собрание европейских газет и журналов Воронцовской библиотеки дает возможность проследить не только все крупнейшие события в большинстве стран мира, но и массу мелких бытовых и культурных событий, обычно отсутствующих в исторических монографиях и прекрасно характеризующих жизнь прошлых веков. В этих изданиях достаточно полно освещен период с 1675 по 1835 год.

Очень интересна часть фонда Воронцовых, посвященная географическим описаниям разных стран, особенно запискам путешественников. Около 400 названий путешествий по России, в том числе исключительно интересные записки иностран-

цев о Кавказе, Украине, Крыме, освещающие культуру, экономику, положение населения этих районов в первой половине XIX века. Коллекция книг по путешествиям настолько богата и интересна по своему содержанию, что заняла 15 разделов в составленном главным библиотекарем А. К. Папаспираки систематическом каталоге Воронцовского собрания. Практически большинство наиболее известных и серьезных описаний путешествий по странам мира, вышедших на русском, английском и французском языках с 40-х годов XVIII века можно здесь встретить.

Насколько серьезно собиралась библиотека, можно судить по отделу энциклопедий и справочных изданий (197 названий).

Сюда не входят языковые словари, находящиеся в другом отделе. Здесь мы находим первые издания знаменитой „Энциклопедии наук, искусств и ремесел“ Дидро и Д'Аламбера, первые русские энциклопедии от словаря Татищева до „Энциклопедического лексикона“ Плюшара, а также большинство основных энциклопедических изданий Европы второй половины XVIII и первой половины XIX века.

Очень интересно собрание нотных рукописей. По ряду признаков они были приобретены Елизаветой Воронцовой. В этом фонде есть несколько альбомов нот народных итальянских мелодий, партитуры опер и другой нотный материал, преимущественно 30—40-х годов XIX века.

Следует остановиться на итальянских и польских книгах в библиотеке Воронцовых. Здесь мы видим, в частности, много томное собрание поэтов Италии с XIV по XVIII век в изящном венецианском издании 70-х годов XVIII века. Само полиграфическое выполнение этих книг превращает их в произведения искусства. Несмотря на то что в состав библиотеки влилось собрание из имения Елизаветы Воронцовой в Мошнах, а сама Воронцова, урожденная Бронницкая, полька по национальности,— книги на польском языке мало, но изданий по истории Польши и „польскому вопросу“ на французском довольно много. Среди немногочисленных книг на польском укажем очень редкую Библию издания 1563 года — первый перевод Библии на польский язык. Этот перевод, осуществленный и изданный на средства Радзивилы Черного, тщательно уничтожался сторонниками ортодоксальной католической церкви, так как в то время самый факт перевода Библии на национальный язык считался ересью.

Книга является ценным памятником польского языка, польской культуры XVI века. Описание ее вошло в „Энциклопедию польских древностей“.

ИСТОРИЯ БИБЛИОТЕКИ ВОРОНЦОВЫХ

Воронцовым принадлежали четыре библиотеки. Собрание петербургского дома Воронцовых в 1880 году было частично продано известному в то время букинисту В. И. Ключкову и разошлось по частным лицам. Так, например, в библиотеке историка Н. К. Шильдера есть редкая книга на французском языке „Современное состояние России“ (1783) с экслибрисом дома Воронцовых в Петербурге. Книга была приобретена у Ключкова в 1885 году.

В имении, принадлежавшем Е. К. Воронцовой в Мошнах, была хорошая библиотека. Она была перевезена в Одессу одновременно с поездом М. С. Воронцова в 1823 году.

В конце 30-х годов XIX века была создана библиотека в Алушкинском дворце Воронцовых. Она насчитывала до 20 тысяч томов и носила энциклопедический характер. Часть фонда в 50-х годах нашего века была передана библиотеке АН СССР. Значительное собрание книг, карт, гравюр, изданных в XVIII и первой половине XIX века (до 15 тыс. ед.), хранится в Музее-дворце в Алушке.

Петербургская библиотека имела экслибрис: „Библиотека дома Воронцовых в Петербурге“, герб и родовой девиз Воронцовых „Semper immota Fides“ (всегда непоколебимо верен). Алушкинская библиотека имела такой же экслибрис с надписью „Библиотека князя Воронцова. Алушка“.

Четвертая и самая большая коллекция была в Одессе и хранится теперь в Научной библиотеке Одесского государственного университета. Основавший ее С. Р. Воронцов, будучи человеком разносторонних знаний, имел, по словам современников, собственные суждения, иногда противоречащие взглядам царского двора.

В состав коллекции вошли книги из библиотеки Александра Романовича Воронцова (1741—1805), крупного русского государственного деятеля, дипломата и канцлера, человека весьма передовых для царского сановника взглядов, покровителя Радищева. Можно предполагать, что очень интересное собрание русских переводов из энциклопедии Дидро, относящихся к 60—80-м годам XVIII в., принадлежало именно ему.

Собрание библиотеки продолжал сын С. Р. Воронцова Михаил Семенович (1782—1856)—крупный администратор, храбрый офицер, участник Бородинского сражения, битвы при Краоне, Русско-турецкой войны 1827—1828 годов. С 1823 по 1844 год—генерал-губернатор Новороссийского края, а потом наместник царя на Кавказе. При жизни М. С. Воронцова библиотека усиленно пополнялась иностранными и русскими

изданиями. Этот период истории библиотеки отражен в мемуарной литературе⁶ и даже в поэме Ивана Бороздны „Поэтические очерки Украины, Одессы и Крыма“ (М., 1837). Описывая посещение дома Воронцовых, Бороздна пишет:

Средь этих роскоши вместилищ
Не меньше увлекают взор
Сокровища книгохранилищ,
Где для души такой простор,
Где все века и все народы,
Где жизнь веков и ход природы,
Как в зеркале отражены,
И навсегда сбережены
От безотрадного забвенья
Во славу Муз и просвещенья!

Имеются веские основания утверждать, что библиотекой пользовался А. С. Пушкин во время своего пребывания в Одессе. Из переписки поэта видно, что он, живя в Одессе, читал сборник новелл Пьетро Аретино „Ragionamenti“ (Cosmopolis, 1660). Книга имеется в библиотеке Воронцовых, а это настолько редкое издание, что едва ли возможно наличие в те годы в Одессе второго экземпляра.

В предисловии к изданию „Записок Екатерины II“, выпущенных Герценом в Лондоне, указывалось, что они напечатаны по тому списку, который А. С. Пушкин сделал для себя в библиотеке Воронцовых в Одессе.

Эти и другие факты были опубликованы академиком М. П. Алексеевым, который в 20-е годы просмотрел многие тысячи томов в библиотеке Воронцовых в поисках пушкинских помет; но Александр Сергеевич был аккуратный читатель и на чужих книгах пометок не делал... Результатом работы академика Алексеева в Воронцовской библиотеке является интереснейшая статья „Пушкин и библиотека Воронцовых“ в издании „Пушкин. Статьи и материалы“ (Одесса, 1926, вып. 2, с. 92—98).

Третьим владельцем-собирателем библиотеки был последний прямой потомок семьи Воронцовых, Семен Михайлович Воронцов (1823—1882), любитель-археолог, в течение нескольких лет—городской голова Одессы. При нем библиотека пополнилась рядом историко-археологических изданий, в том числе большим собранием трудов музея в Неаполе с материалами о раскопках в Помпее, а также сведениями по истории городского хозяйства Одессы.

Сокровища Воронцовской библиотеки вошли в научный оборот только в годы Советской власти. Собрание книг и

⁶ Муракевич Н. Н. Записки.—Русская старина, 1887, т. 54, № 4, с. 143—144.

периодики эпохи французской революции послужило материалом для нескольких статей разных авторов и капитальных работ профессора К. П. Добролюбского „Термидор“ и „Классовая борьба во Франции 1794—1795 гг.“, профессора О. Л. Вайнштейна „Очерки по истории французской эмиграции (1789—1796)“, а также диссертаций Е. П. Ковальчук „Драматургия Мари-Жозеф Шенье“, Л. В. Скрипниковой „Британский колониальный режим в Вест-Индии в первой трети XIX в. и освободительное движение рабов“, И. М. Шкляжа „Колониальная политика Англии в Южной Африке“.

В библиотеке университета большое внимание уделяется научному описанию Воронцовского фонда. Для АН СССР была составлена картотека изданий эпохи французской буржуазной революции и перед войной передана в Москву.

В период Великой Отечественной войны вывезти библиотеку из осажденной Одессы не представлялось возможным. В спасении собрания принимали участие В. И. Литовченко, В. Е. Демьяненко, Е. М. Черницкий, Т. З. Ходжаш. Из-за близких разрывов бомб стекла книгохранилища, где размещалась Воронцовская библиотека и некоторые другие редкие фонды, были выбиты. Солдаты оккупационной армии, обыскивая здание, пропустили это помещение, так как Тамара Захаровна Ходжаш успела замаскировать вход горой из макулатуры и старой мебели. Окна были забиты досками. В том же помещении хранились каталоги Воронцовской и Строгановской библиотек. Весь период оккупации, с октября 1941—по апрель 1944 года, фонд Воронцовых находился в „подполье“.

Картографическая часть Воронцовской библиотеки, в составе которой несколько сот единиц, в том числе итальянские портуланы—рукописные карты Черного и Азовского морей XV и XVI веков, первые карты Крыма, юга Украины и Бессарабии конца XVIII и начала XIX века, была перед войной вынесена в помещение картографического кабинета географического факультета и сгорела во время обстрела...

Вторая жизнь уникальной библиотеки началась после Великой Отечественной войны. Впервые была проведена полная инвентаризация; главным библиотекарем Андреем Константиновичем Папаспираки, как уже упоминалось, создан подробный систематический каталог. Для работы с книгами Воронцовского фонда в Одессу приезжают ученые из разных городов нашей страны, из-за рубежа.

Уникальное собрание продолжает служить народу.

КАК Я СОБИРАЛ СВОЮ БИБЛИОТЕКУ

На протяжении десятилетия вел я литературное объединение на Московском автозаводе имени Лихачева. Это — старое прославленное объединение. Здесь была создана атмосфера доброжелательной строгости, в которой и возможно обсуждение новых произведений заводских авторов и собеседования на самые трудные темы искусства слова.

Вспоминаю участников объединения: Сарцевича и Намлегина, Ушатикова и Новичкова, Елизарову и Копылову, Шейнкман и Фокина, Шарова и Киселева, Альперт и Кислякова и многих, многих содержательных и ярких людей. Среди них был и любознательный юноша, спорщик и книжник, слесарь, до сих пор верный этой прекрасной специальности, — Валентин Резник.

В дореволюционную пору такое сочетание — „слесарь и книжник“ — было бы немыслимо. Книголюбительство в наше время охватило все слои общества. И среди рабочих я находил и нахожу примечательных собирателей. Это неистовые ценители печатного слова. Явление, заслуживающее пристального внимания.

Библиотека Валентина Резника, о которой он рассказывает в своей статье, создавалась постепенно, по велению ума и сердца. Собиралась долгие годы и стала органической частью биографии этого человека. Ее состав и способы поиска необходимых изданий могут служить материалом для портрета собирателя. Для него библиотека — не складское помещение, а средоточие духовных интересов, воплощенных в книге.

Предлагаемая статья, на мой взгляд, убедительно говорит об этих интересах и показывает, как много значит книга в жизни и труде нашего рабочего.

Лев Озеров

„Война с саламандрами“ да библиотечный томик Чехова — вот книжный фонд нашей семьи (с которым я в детстве, кстати, так и не познакомился). Ни сказок, ни томов фантастики, никаких приключенческих серий. Послевоенный быт — коммуналки, нехватки. Тут не до личных библиотек. И у своих одноклассников что-то не помню этажерок или полок с книгами. В четырнадцать лет был вынужден пойти работать. Через год пошел в вечернюю школу. Времени хватало только на уроки, и, хотя я готовил их в детском читальном зале Библиотеки имени В. И. Ленина, в окружении сотен прекрасных книг, все же интерес к чтению возник много позднее.

В один из весенних дней 1957 года зашел в гости приятель старшего брата — Саша Сухарев. Брата не было дома. Чтоб скоротать время, Александр предложил почитать стихи, в том числе и свои. Вероятно, последнее меня и заинтриговало. Я, разумеется, знал, что есть поэты: Пушкин, Лермонтов, Некрасов, но это все классики, которых мы проходили в школе, заучивали, сдавали по ним экзамены, а тут живой поэт, да еще приходящийся другом моему брату. Читал он превосходно. Честно говоря, я не видел разницы между опусами Саши и стихами, которые он с таким упоением цитировал. После примерно часовой декламации, когда чтец малость подустал, я спросил, кто авторы запавших мне в голову строчек. И тогда впервые услышал имена Багрицкого и Пастернака. Именно этих поэтов в тот вечер обильно читал Сашка. Немаловажно и то, что читал он на память, а это впечатляет. Я ничего не выдумываю задним числом: случилось так, что то, чего не могла добиться ни дневная, ни вечерняя школа — приобщить одного из своих, правда, не слишком старательных учеников к изящной словесности, — блестяще удалось простому смертному, обремененному страстью к стихам.

В первую же получку после этого знаменательного события я направился в магазин и приобрел книгу Э. Багрицкого. Этот томик и сейчас украшает одну из моих полок. Затем последовали: «Солнцеворот» Луговского, «Избранное» Дмитрия Кедрина, Светлов. Вначале покупал только советских, современных авторов. Юность вообще самая прекрасная пора для приобщения к поэзии; если человек, имея за плечами восемнадцать, не воспользовался этой возможностью, то в зрелом возрасте трудно наверстать упущенное.

Два года читал одни стихи. Голова буквально ломилась от них, но интерес к поэзии не уменьшался. Не удивительно, что домашние и приятели стали с понятным сожалением на меня поглядывать. Допрыгался! А тут вместе с любовью к стихам исподволь росло желание иметь книги любимых поэтов под рукой. Сейчас редко, а тогда довольно часто спрашивали: почему покупаю, а не беру в библиотеке? Деньги, потраченные на книги, мог бы, дескать, пустить на что-нибудь более необходимое. На этот вопрос никогда не мог исчерпывающе ответить.

Но вернемся к стихам. Повторяю, два года только стихи. Пора, думаю, переходить на прозу. Но первые попытки читать прозу окончились плачевно. Было скучно, хотя авторов — Тендрякова и Сергея Антонова — скучными не назовешь. Пробовал читать и других — то же самое. Что делать? Испугал-

ся. Может, и вправду от этих стихов малость того... Помог случай. Как-то, ночуя у знакомых, у которых в то время был ремонт, взял наугад из вороха сваленных в углу томиков один, без переплета и названия. Оторваться от него смог только под утро. Так открыл для себя Герцена. Стоит ли говорить, что через несколько дней «Былое и думы», а это были они, заняли место на моей, пока еще в основном стихотворной полке. Поразил язык Герцена, его метафоричность, какая-то недосказанность, плотная изящность мысли. Чего стоит одно только название самих мемуаров: «Былое и думы». Сколько раз при мне спрашивали в различных библиотеках дать почитать что-нибудь о любви, и ни разу я не слышал, чтобы кому-нибудь посоветовали Герцена. А много ли в мировой литературе найдется таких страниц о любви, как герценовские? А мысли о воспитании? А портреты Чаадаева, Белинского, Гервега, Аксакова, Маццини, Гарибальди, Витберга. Александра Лаврентьевича Витберга! При своей довольно дырявой памяти до сих пор повторяю наизусть библейского чекана строки: „Середь этих уродливых и сальных, мелких и отвратительных лиц и сцен, дел и заголовков, в этой канцелярской раме и приказной обстановке вспоминаются мне печальные, благородные черты художника, задавленного правительством с холодной и бесчувственной жестокостью“. Мне жалко людей, которые прошли мимо этой великой книги.

Следующим автором, внезапно пленившим меня, был Паустовский. Вот именно, что внезапно. Взял в том же доме, где и Герцена, увесистый коричневый том — и прощай ощущение времени, прощайте приятели, прощайте свидания: все лето 1961-го прошло под знаком прозы Константина Георгиевича. У меня в жизни было немало счастливых минут, но чтобы целых три месяца без перерыва!!! Это было первое собрание сочинений, прочитанное от корки до корки. Я снова стал посещать Ленинку; после работы, наскоро перекусив, летел туда. «И Ленинка моим лицом стала...» Паустовскому я обязан своим интересом к поэзии девятнадцатого века и вообще русской — от Пушкина до Пастернака. В его произведениях разбросаны сотни строк Баратынского, Тютчева, Фета, Лермонтова, Блока и, конечно, Пушкина. По ходу чтения прозы Паустовского, которая сама — поэзия, вы незаметно принимаете в себя поэтов, цитируемых с таким вкусом и обилием. Мне трудно представить человека, прочитавшего Паустовского и оставшегося равнодушным к Тютчеву или к Фету. Паустовский открыл мне также Бунина и Куприна. В альманахе „Тарусские страницы“ я впервые прочитал заметки Паустовского о Бунине. Они не уступают по изобразительности

лучшим страницам самого Ивана Алексеевича. Чтение Бунина на всю жизнь осталось для меня праздником. Несмотря на то что впоследствии я приобрел его девятитомник, все-таки до сих пор храню и перечитываю прекрасно изданный издательством „Московский рабочий“ однотомник со вступительной статьей Паустовского.

Помню потрясающее впечатление от писем Чехова. Их хотелось конспектировать, заучивать и, конечно, иметь при себе. Кстати, с писем и началось мое знакомство с Чеховым, которое продолжается и сейчас.

Чтение и собирание книг шло параллельно. Хотя я не очень люблю слово „собирать“ применительно к книгам. Сейчас бытует выражение „собрать библиотеку“, но есть в нем оттенок коллекционерства что ли, а далеко не всякий коллекционер является запойным читателем. На мой взгляд, сейчас первые довольно сильно потеснили вторых. Не редкость, когда в доме, где тесно от книжных полок, о книгах-то как раз и не говорят. Они здесь выполняют лишь роль интересера.

Зимой 1962 года я остановился у лотка, расположенного возле книжного магазина на Кировской. Шел крупный снег, засыпая лоток с выставленной на нем стопой книг. Как и всякого незнакомого автора (а об авторе продававшегося в тот день тома я действительно ничего до этого не слышал), начал листать с середины, потом заглянул в конец, потом — в начало и, поспешно заплатив два рубля, торопливо направился домой. Но уже в метро, что называется, присосался к страницам. Книга называлась как-то по-научному „Опыты“. Автор — Монтень. Из послесловия явствовало, что он жил и умер в XVI веке. Что уж такого можно было написать в те времена, чтобы современный молодой человек, для которого книга уже стала ежедневной радостной потребностью, мог уединиться в прекрасный зимний день с этим самым Монтенем и нисколько об этом не пожалеть? Я стал обладателем, правда, пока еще только третьего тома „Опытов“. Пришлось изрядно походить по „букам“ в поисках двух остальных. Наконец все три тома вместе. Монтень, пожалуй, стоит целого университета. Его заметки поразительны не только по стилю, но и по громадному количеству цитируемых авторов, в основном древних. Десятки имен, дотоле мне незнакомых. Кого там только не было: Плиний, Демосфен, Геродот, Цицерон, Тацит, Гомер, Сенека, Плутарх, Светоний, Апулей... трудно остановиться. Если продолжать, то придется перечислить почти всю серию „Литературные памятники“, которую я стал собирать по прочтении „Опытов“. О Монтеме я могу говорить часами. Великолепно написал о нем Юрий Олеша в своей, в чем-то монтеневской,

книге „Ни дня без строчки“. Во всяком случае, каждый раз, перечитывая Монтеня, я затем перечитывал эту обворожительную вещь. Чтобы закончить с Монтенем, скажу одно: случись (не дай бог, разумеется) пожар, первое, что я бросился бы вырывать из огня—это три его тома.

Так я все больше и больше втягивался в этот неразрываемый теперь круг: чтение, поиски книг, которые понравились, и снова чтение. Никакой системы у меня не было. Я покупал то, что останавливало мое внимание. В один день, например,—сборничек мало кому тогда известного поэта Булата Окуджавы „Острова“, а назавтра—солидный том „Литературного наследства“, посвященный символистам. Надо еще учесть и необычайную дешевизну книг того времени. За том о символистах я отдал три рубля, сейчас мне за это же издание пришлось бы выложить двухнедельную зарплату, да еще в том маловероятном случае, если бы посчастливилось наткнуться на него в букинистическом магазине.

Мне повезло. Поэзия и проза в лучших своих образцах расширяли границы моих интересов, прививали вкус к смежным искусствам: театру, живописи, музыке. Я начал приобретать письма, дневники, трактаты художников, артистов, композиторов. Дневники Гонкуров, Делакруа, Дюрера; письма Ван Гога, Крамского; мемуары Репина, Шаляпина, Коровина.

О мемуарах следует сказать особо. Как и у многих читателей, они пользуются у меня повышенным вниманием. Все лучшее, что выходило в серии „Памятники литературного быта“, я прочитал, а что удалось, и приобрел. Отсюда рукой подать до „ЖЗЛ“. Собираю в основном изданные в этой серии книги о писателях, а также со вкусом издаваемую серию „Жизнь в искусстве“—преимущественно о художниках. Увлечение искусством потянуло за собой покупку альбомов, монографий. После чтения Аввакума появился интерес к древнерусской литературе.

Библиотека обогатилась сборником Кириши Данилова, „Повестью временных лет“, „Воинскими повестями“, томиком Аввакума, вышедшим в издательстве „Academia“.

Самое время рассказать о моем отношении к книгам этого издательства поподробнее. Впервые я столкнулся с ними, когда начал разыскивать книги по так называемому „монтеневскому“ списку. Искал Светония „Двенадцать цезарей“ (тогда еще он не выходил в „Литературных памятниках“ и достать его было не так-то просто). Когда же, наконец, увидел толстый томик величиною с ладонь, то сразу мелькнула мысль, что он удобен для чтения в дороге. Легко умещается в кармане пальто, а это качество немаловажное, поскольку одна поездка

на работу занимала у меня два часа в оба конца, а тратить столько времени попусту, глаза по сторонам, сами понимаете, нерентабельно. Так чисто утилитарный поначалу интерес к формату издания сделал меня его поклонником. Потом каждый раз, посещая книжные магазины, я спрашивал так полюбившиеся мне томики. Покупал нечасто. Все-таки стоили они втрое дороже, чем обычные издания, а материальная сторона играла для меня существенную роль.

Один-два томика за месяц я позволял себе купить, правда, потом приходилось садиться на голодный книжный паек и неделями ограничиваться просто перелистыванием, а не покупкой. „Academia“ приучила меня смотреть на книгу как на произведение искусства. После того как вы подержите в руках один из томиков „Тысячи и одной ночи“ и насладитесь полиграфической частью книги, ее супером, заставками, шрифтом, которые как бы выполняют роль гида и усиливают впечатление от прочитанного во много раз, вам уже станет далеко не безразличным внешний вид книги. При покупке я начал обращать внимание на эту сторону дела. Так книга своим видом приучала ценить ее не только за содержание, но и за форму. Тогда же возник интерес и к литературе о книгах. Безусловно, я не мог пройти мимо мемуаров старых книжников, таких как Смирнов-Сокольский, Шилов, Берков, Маркушевич, Мартынов. Недавно удалось приобрести книгу И. И. Лазаревского „Среди коллекционеров“. Кстати, просматривая каталог библиотеки В. И. Ленина в Кремле, я нашел там целый список книг подобного рода, в том числе и бахрушинскую „Кто что собирает“. Книгу, которую безуспешно пытаюсь найти вот уже в течение пятнадцати лет.

Так в моей библиотеке появился еще один раздел. В него же входит и все, что связано с иллюстрацией книги. Побочным результатом этого увлечения стал интерес к гравюре, рисунку вообще. Так одно увлечение тянет за собой другое. Надо только не очень противиться...

Рассказывая о книгах, трудно остановиться. Сам поиск заинтересовавшей вас книги, охота за ней, встреча с десятками людей, одержимых страстью к книге,—все это само по себе доставляет огромную радость. Мир книги неисчерпаем. Раз соприкоснувшись с ним, трудно от него отойти. Только тот, кто хлебнул его воздуха, знает всю целительность книжной пыли, особый какой-то запах книжных собраний. Даже просто смотреть на полки, заставленные книгами,—удовольствие ни с чем не сравнимое, а что же говорить, если они к тому же и прочитаны, а многие—по несколько раз.

Перечитывание любимых книг является признаком высо-

кой культуры читателя. Книга редко открывается полностью с первого раза. Здесь мне хочется сослаться еще раз на Ю. К. Олешу, который говорил, что любимые книги как бы забываются, и всякий раз вы их читаете как будто впервые. (Хотел точно привести слова Юрия Карловича, но, открыв „Ни дня без строчки“, в который раз попал под обаяние этой книги. Помимо того что Олеша замечательный писатель, он еще и замечательный читатель. Его заметки о прочитанных книгах стоят многих лекций по истории литературы.)

Библиотека меж тем разрасталась. Появились новые разделы. Книги путешественников и о путешествиях, дневники мореплавателей, первопроходцев, ученых. Вот несколько из них на выбор: „Америка глазами первооткрывателей“ Бейкесса, „Боги, гробницы, ученые“ Керама, «Фрегат „Паллада“» Гончарова, „Книга“ Марко Поло, „Путешествия и исследования в Южной Африке“ Давида Ливингстона, Нансен, Скотт, Тур Хейердал, серия „XX век: путешествия, открытия, исследования“, альманахи „Бригантина“ и, наконец, отец географии Страбон—солдатенковское издание 1879 года.

Я уже упоминал о приобретении тома „Литературного наследства“, посвященного символистам. Начиная с него, я понемногу, когда была возможность, стал приобретать тома этого издания. Подкупило оно меня своими уникальными и, как правило, впервые публикуемыми материалами. Здесь письма, дневники, сопроводительные и обзорные статьи наших лучших литературоведов, таких как Л. Гроссман, Ю. Тынянов, Б. Эйхенбаум, В. Жирмунский. Десятки имен известных и малоизвестных. Чего стоит только одна публикация писем Чаадаева (в т. 22—24): примечания, комментарии, справочный аппарат. За исключением нескольких томов удалось собрать все, что выходило до войны. Могут спросить, да и спрашивали: для чего вам такое сугубо профессиональное издание? Любопытствующих отправляю к самим томам „Литературного наследства“. Своим содержанием они дадут исчерпывающий ответ. А главное—это просто интересно. Как дополнение к „Литературному наследству“ стоят на полке книги по теории литературы, о мастерстве писателей, сборники критических статей. Мне все это надо знать.

Дело в том, что с 1959 года я посещаю занятия литературного кружка при заводе имени Лихачева. Человек, отважившийся взяться за перо, должен быть не просто начитан. Ему необходимо глубокое изучение предмета, которым он занимается. Отсюда, кстати, и потребность в книгах. Нельзя же за каждой интересующей тебя книгой обращаться в библиотеку, да и не всегда там могут удовлетворить твой спрос. Не всякая

библиотека, даже городская, может выдать вам, к примеру, книгу О. Мандельштама „Египетская марка“, или Б. Лифшица „Полутораглазый стрелец“, или мемуары Екатерины II. Я не похвалбы ради назвал эти книги, а как доказательство нужности домашней библиотеки.

Есть у меня и полка книг по философии. В основном из серии „Философское наследие“. Есть и антикварные книги. Так, однажды, лет пять назад, купил в букинистическом магазине воспоминания Ф. Ф. Вигеля (издание 1860-х годов под редакцией Каткова). Три тома в отменном состоянии, кои и прочитал в скором времени. Конечно, покупки мои носят во многом случайный характер, но в этом есть своя прелесть. Библиотека должна отвечать в первую очередь потребностям души собирателя. Я довольно равнодушен к фантастике, и на полках у меня почти нет книг этого жанра, хотя собирать фантастику считается престижным. Каждому свое. Главное, чтобы приобретаемые книги читались, а не создавали хозяину ореол книголюбца.

Здесь, наверно, уместно сказать, как я отношусь к тому, чтобы давать свои книги другим. Самым положительным образом. Вот список книг, находящихся сейчас на руках моих знакомых и приятелей: М. Булгаков „Избранное“, однотомник Гонкуров, А. Моруа „Жизнь Бальзака“, однотомник В. Распутина, Э. Хемингуэй „По ком звонит колокол“. Сам я также широко пользуюсь книгами своих товарищей. Не помню случая, чтоб книгу зачитали или что-нибудь в этом роде. Единственный автор, которого я не даю,—Монтень. Этот писатель из разряда подподушечных. Редкий день проходит, чтобы я не прочитал несколько страниц его „Опытов“.

Конечно, большую часть моей библиотеки составляют стихи. Юношеская страсть к ним с годами не ослабла. И большая серия „Библиотеки поэта“, и малая все время пополняются. Покупаю и новые сборнички стихов, правда, не в таком количестве, как раньше, да и вообще много меньше покупаю. Почти все, что хотелось бы иметь, вроде бы есть, но вот читаю тематические планы издательств и понимаю, что без некоторых книг, которые должны выйти в ближайшие годы, буду чувствовать себя глубоко несчастным. А значит, жизнь продолжается.

В заключение—несколько цифр. Общее количество книг—чуть больше двух тысяч. Точно не знаю: никогда не считал. Нетрудно, конечно, затратив с полчаса и пересчитав по корешкам (благо стоят они в один ряд), узнать точное количество, но не вижу необходимости. Хотя определенный учет прочитанного веду. Начиная с 1963 года каждую прочи-

танную книгу заносу в записную книжку. Запись ведется по годам. Все это несколько отдаёт бухгалтерией, но имеет и свою организующую прелесть. Если книга не дочитана, то я ее не фиксирую, и она как бы повисает в воздухе, а поскольку непрочитанную книгу, как правило, на полку не ставлю, то вот вам налицо проблема, пусть и несколько искусственная,— куда ее ставить? Таким образом я отучился не дочитывать книгу. Или книга стоит того, чтобы ее дочитать, или „солдат, прощайся с ней“. Неси сдавать. Меня могут упрекнуть: мол, признавался в любви к чтению, а сам создает какую-то принудительную систему. Оправдываться не буду, но я с этой системой сжился, и она мне не в тягость, стимулирующее начало в ней, безусловно, присутствует. А потом, чем не каталог?

Веду я тетрадь, куда выписываю удачный оборот или оригинальную мысль, поразившую меня, или свежую трактовку какого-нибудь явления, с которой я могу быть и не согласен. Подобные записи приучают к внимательному чтению. Пустая книга не вызовет желания что-то из нее выписать, такое свойство имеет только настоящая литература. Так, очень подробно я в свое время „законспектировал“ Анатолия Франса, Чехова, Романа Роллана. Тетради с Франсом сохранились, и, перечитывая их, я как бы освежаю его произведения в своей памяти. Часто делаю пометы по ходу чтения. Кстати, это одна из причин, заставивших меня покупать книги. На чужой книге не очень-то попишешь, хотя сам я с интересом отношусь к чужим пометкам на полях. Происходит как бы обмен читательскими мыслями по поводу прочитанного, своеобразный турнир вкуса; восприятие текста становится богаче при полемике, проходящей на мирных полях трактатов, повестей, поэм. Вообще, мне кажется, все эти галочки, „нота-бене“ свидетельствуют о творческом восприятии книги. Есть и другая точка зрения, но думаю, что все, что обогащает нас в процессе чтения, надо брать в помощники.

В связи с этим как не пожалеть о распространенной сейчас тяге к быстрому чтению? Вот и случается, что иной человек прочитал эвересты книг, но на его интеллекте это не отразилось. Скорость чтения имеет свой предел, в особенности для художественной литературы, а настоящая литература всегда художественна.

Поиски

и находки

СУДЬБА КНИГИ Д. Л. МОРДОВЦЕВА

В начале нашего века в России, особенно в провинции, одним из самых читаемых авторов был Даниил Лукич Мордовцев. Журналист, беллетрист, историк и публицист, правдивый бытописатель-демократ, он в своих многочисленных романах, повестях и исследованиях подымал неизвестные публике и старательно обойденные официальной наукой пласты народной жизни. О многих событиях трех последних веков отечественной истории широкий читатель впервые узнавал из книг Мордовцева.

Свое кредо ученого он предельно ясно сформулировал в „Исторических пропилеях“, говоря о будущей правдивой истории России, „которая не занималась бы исключительно войнами, генералами да законодателями, а поставила бы перед нами живым весь русский народ с его нуждами и стремлениями“¹. Писатель Б. В. Глинский очень верно сказал о пафосе творчества Мордовцева на праздновании 50-летия его литературной деятельности: „...вы, как историк-романист, никогда не стремились к идеализации и прославлению героев и вельможных личностей... Вдумчивый читатель найдет в ваших работах... обширную народную панораму“².

Мордовцев высоко ценил и поэзию Шевченко, прямо признавая: «А уж говорится: „Куда иголка — туда и нитка“. Я и был такой же ниткой: куда Герцен и отец Тарас, туда и я»³.

С „отцом Тарасом“ Мордовцев несколько раз виделся в 1859 году, а на следующий год в шестом номере „Русского слова“ опубликовал рецензию на его „Кобзаря“, ставшую заметным явлением в демократическом шевченковедении.

¹ Мордовцев Д. Л. Исторические пропилеи. Спб., 1889, т. 1, с. 37.

² Юбилей Д. Л. Мордовцева.— Исторический вестник, 1905, № 6, с. 946.

³ Літературно-науковий вісник. Львів, 1902, т. 18, с. 244.

Она свидетельствовала о прямом влиянии на рецензента оценок творчества Шевченко, принадлежащих Чернышевскому.

Мордовцев до конца жизни остался неутомимым пропагандистом творчества великого украинского поэта, бессменным организатором ежегодных шевченковских вечеров в Петербурге.

С гимназических лет Мордовцев дружил с двоюродным братом Н. Г. Чернышевского — А. Н. Пыпиным. В одном из писем 18-летнего Николая Чернышевского к Пышину говорится: „...кланяйся от меня постоянно... Бахметьеву, Мордовцеву...“⁴ Бахметьев стал прототипом Рахметова, Мордовцев — автором смелой книги „Накануне воли“. Молодой Пыпин в письме к Мордовцеву сообщал: „Недавно читал он <Чернышевский> отрывок из повести... там был один характер, совершенно снятый с него — характер не из обыкновенных пошлых характеров“⁵. В 1889 году именно таким Мордовцев изобразил Чернышевского в романе „Профессор Ратмиров“.

В молодые годы Даниил Лукич был одним из лучших учеников известного филолога, лингвиста и палеографа И. И. Срезневского, всячески поощрявшего самостоятельную деятельность молодых ученых. Трудясь всю жизнь над „Материалами для словаря древнерусского языка по письменным памятникам“, Срезневский доверил работу над летописями трем своим ученикам: Пышину — над Новгородской, Чернышевскому — над Ипатьевской и Мордовцеву — над Псковской.

Первые тучи над головой Мордовцева собрались в 1859 году. За статью, напечатанную в „Саратовских губернских ведомостях“ и обличавшую офицера, зверски бившего по лицу на улице ни в чем не повинного нижнего чина, автору грозило заключение в крепость. Тогда Чернышевский сказал при встрече молодому журналисту: „Читали, читали ваше обличение... Да за это... сидеть вам в месте злачном, месте прохладном...“⁶ Мордовцев в тюрьму не попал, но в своих книгах воссоздал подлинную картину жизни народа, скромно считая, что положил всего лишь „первый камень под великое здание будущей истории русского народа“⁷.

Первая попытка опубликовать большую работу размером более 35 печатных листов о положении русского крестьянства

⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1949, т. 24, с. 71.

⁵ Письмо А. Н. Пыпина Д. Л. Мордовцеву без даты цитируется по статье Б. В. Глинского „Александр Николаевич Пыпин“. — Исторический вестник, 1905, № 1, с. 282.

⁶ Літературно-науковий вістник. Львів, 1902, т. 18, с. 248.

⁷ Мордовцев Д. Л. Исторические прописи, т. 1, с. 38.

относится к 1872 году. Тогда в седьмом номере демократического журнала „Дело“ на 40 страницах появилась первая публикация из готовой к печати работы под названием „Русское крестьянство накануне воли“. О цели исследования говорилось во вступлении: „Мы ничего не прикрашиваем, ничего не прибавляем и не убавляем... Предлагаемые очерки выводят на сцену народ накануне его воли. Это целый роман, тяжелый, давящий, как груды архивных бумаг, в которых погребено наше прошлое“⁸.

Готовя очерки о русском крестьянстве, Мордовцев максимально сохранил колорит эпохи, перемежая рассказ подлинными документами: крестьянскими жалобами и просьбами, казуистическими канцелярскими справками, жестокими приговорами.

Передовые взгляды писателя на роль народных масс в истории во многом сложились под влиянием идей Чернышевского, который вслед за программным романом „Что делать?“ в 1863 году писал в Петропавловской крепости наброски автобиографии. В них есть полные сарказма строки: „Всякая история, обещая рассказывать жизнь народа, вместо того рассказывает жизнь правителей, чего обещается не делать“. И далее он с тем же сарказмом писал об „эпохе Алексея Давыдовича Панчулидзева“, саратовского губернатора, правление которого в глазах „бабушкинской компании“ было „один непрерывный праздник, двадцатилетнее всенародное ликование“⁹.

Мордовцев не знал этих строк Чернышевского, но через 9 лет на страницах „Дела“ дал описание „художеств“ правителя губернии, рассказав историю жалобы крепостных помещика Малова на невыносимые притеснения и издевательства. Протокольные записи дел в „Накануне воли“ при сличении их со строками из автобиографии Чернышевского производят впечатление удачных иллюстраций к мыслям революционера-демократа. Совпадение глубоко знаменательное!

Очерки в „Деле“ Мордовцеву не простили. Дальнейшее печатание их запретили, губернатору указали, что правителя канцелярии следует уволить.

Работой Мордовцева о русском крестьянстве заинтересовалась А. П. Философова, одна из основательниц Высших женских курсов в Петербурге. Она пыталась через жену министра внутренних дел А. Е. Тимашева, одного из реакци-

⁸ Мордовцев Д. Л. Русское крестьянство накануне воли.— Дело, 1872, № 7, с. 165.

⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1939, т. 1, с. 648, 649.

НАКАНУНЪ ВОЛИ

Архивные силуэты

Д. Л. Мордовцева

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типография Н. А. Дельбюва. Невский просп., д. № 9
1890

Титульный лист
книги Д. Л. Мордовцева

дах — без работы о русском крестьянстве. Ни в некрологах, ни в энциклопедии Брокгауза и Ефрона эта монография не упоминалась. Она была напечатана лишь в 1908—1910 годах в первом посмертном собрании сочинений писателя, изданном И. П. Перевозниковым в 60-ти томах. Тут ей были отведены 2 тома: 44 и 45 и восстановлены авторские подзаголовки¹⁰.

Издательский анонс Перевозникова, опубликованный дважды — в 42 и 43 томах, извещал, что два тома из десяти, объединенных общим заглавием „Политические движения русского народа“, отведены „Накануне воли“ и здесь впервые подзаголовок „Архивные силуэты“ получал равные права с терминами „исследование“, „статья“. В том же анонсе указано: „Накануне воли. (Архивные силуэты). Из истории движения русского народа. Первое издание“¹¹. Когда в 1908 году вышел 44 том, а в 1910—45-й, то на их титульных листах стояло „Издание второе, без перемен“. Это изменение нумерации

онных деятелей 70-х годов, добиться разрешения продолжить печатание статей Мордовцева, но безуспешно. Вопрос о продолжении публикации откладывался на неопределенный срок.

Вышедшая в 1890 году книга Мордовцева была принята властями как дерзкая попытка сказать всю правду о жизни крепостных и о помещичьих притеснениях. Она была запрещена, и 5 июля тираж уничтожен. На титуле немногих уцелевших экземпляров указан 1889 год, на обложках — 1890-й.

Автор так и не увидел свою книгу напечатанной. Единственное прижизненное собрание его сочинений в 50-ти томах вышло в 1901—1902 го-

¹⁰ Мордовцев Д. Л. Накануне воли. (Архивные силуэты). Рабовладение. (50 лет назад. Картинки прошлого). Спб., 1908, т. 44, с. X. (Первое посмертное полн. собр. соч.).

¹¹ Мордовцев Д. Л. Первое посмертное полн. собр. соч., т. 42, 43. „Из истории движения русского народа“ — явно вставка издателя, равно как и дополнения на титульных листах 44 и 45 томов в подзаголовках.

изданий объясняется просто. Издание Перевозникова было вторым. В нем восстанавливалась авторская воля в отношении структуры книги и подзаголовков, но оно было первым для широкого читателя, ибо от первого издания остались считанные экземпляры. Умный читатель, сличая анонс и титульный лист книги Мордовцева, без особого труда мог догадаться, что в руках у него издание, которое ранее было уничтожено.

Стоит заметить, что в содержательной статье, посвященной Мордовцеву, в третьем издании БСЭ в отношении „Накануне воли“ допущена неточность: в скобках указано „1872, опубл. 1889“¹². Несмотря на предельную краткость статьи в БСЭ, ее размер позволял дать более полные и точные сведения об изданиях этой смелой книги русского историка. В тех же скобках можно было сообщить: „1872, уничтожено изд. 1890, опубл. 1908—1910“. Об издании Перевозникова не упоминают ни „Краткая литературная энциклопедия“, ни „Советская историческая энциклопедия“, хотя важно знать, когда книга попала к широкому читателю,—это не трудно сообщить в фундаментальных современных справочных изданиях.

Как мы упоминали, первое издание „Накануне воли“ имеет разные даты выпуска на титульном листе и на обложке. Это породило курьезы в работах известных библиографов и библиофилов. Первым попал впросак известный библиограф и писатель С. Р. Минцлов. В его труде „Редчайшие книги, напечатанные в России на русском языке“, изданном тиражом 100 экземпляров не для продажи в 1904 году, книга Мордовцева упоминается дважды и под номерами 141 и 142 попадает в разряд уничтоженных до выпуска из типографии с пометой „большая редкость“. Первая записана даже под 1869 годом (явная опечатка), вторая—под 1890¹³. После революции его ошибку повторил П. П. Шибанов в изданной в 1927 году тиражом 200 нумерованных экземпляров „Дезидерате русского библиофила“. Здесь то же удвоение. Первый раз она записана под № 337 и тем же 1869 (!) годом и оценена в 10 рублей. Автор не указан. Второй раз она фигурирует как книга Мордовцева под № 363 и стоит уже 15 рублей¹⁴. У ленинградского коллекционера П. В. Губара был 152-й экземпляр этого редкого издания и пометами на полях он отметил ошибку Шибанова.

¹² БСЭ. 3-е изд. М., 1974, т. 16, с. 571.

¹³ См.: Минцлов С. Р. Редчайшие книги, напечатанные в России на русском языке. Спб., 1904, с. 31.

¹⁴ Дезидерата русского библиофила. Редчайшие книги и их современная расценка/Сост. П. П. Шибанов. М., 1927, с. 14.

Почти правильно книга Мордовцева описана А. Е. Бурцевым. Им указан обозначенный на титульном листе 1889 год, но опущен год запрещения книги, указанный на обложке,— 1890. Сделана важная приписка: „Означенное издание в настоящее время составляет библиографическую редкость. Куплен мною экземпляр за 20 рублей“¹⁵. Почему книга стала библиографической редкостью, не раскрыто.

Под тем же 1889 годом она описана Л. И. Жевержеевым в „Описи моего собрания“, отпечатанной тиражом 99 экземпляров¹⁶.

Наиболее полно, правда не до конца верно и с опечаткой, сведения о двух изданиях „Накануне воли“ даны в 33 выпуске „Трудов Саратовской ученой архивной комиссии“ за 1916 год. Здесь сказано: «Накануне воли. Архивные силуэты. Спб., 1890. Издание второе, в 44-м томе „Сочинений Д. Мордовцева“. Издание И. Перевозникова. Спб., 1999, в 2-х частях. Постановлением „Комитета министров“ эта книга была уничтожена цензурой в 1890 г. в целом своем составе»¹⁷. Если не считать опечатки в годе издания 44-го тома (1999 вместо 1908), отсутствия указания на 45-й том и утверждения, что тираж первого издания был полностью уничтожен, эта библиографическая запись соответствует действительности.

Последнее, что нам удалось разыскать в старых каталогах о книге Мордовцева, это изданный в 1913 году в Петербурге скромный „Каталог“ книжного магазина Василия Леонтьевича Лебедева. Его сберег пунктуальный и рачительный книжник П. В. Губар. Здесь в первом отделе, посвященном романам, повестям и рассказам, под № 1675 читаем: „Мордовцев Д. Накануне воли, 2 т., 548 стр. Изд. 2-е, в 1-м изд. было запрещено“¹⁸. Здесь не указаны годы первого и второго изданий, точно названо количество томов второго, нет и неверной записи о полном уничтожении первого издания.

В 1905 году в „Вестнике Европы“ печатались „Мои заметки“ А. Н. Пыпина, вышедшие отдельной книгой в 1910 году. Старый друг автора „Накануне воли“, который пережил его всего на пять месяцев, вспоминал издание 1890 года и признавался: „Читая ее <книгу Мордовцева> в эти последние

¹⁵ Бурцев А. Е. обстоятельное библиографическое описание редких и замечательных книг. Спб., 1901, т. 3, с. 293.

¹⁶ Жевержеев Л. И. Опись моего собрания: Русская литература и беллетристика. Пг., 1915, т. 1, с. 112.

¹⁷ Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1916, вып. 33, с. 178.

¹⁸ Книжный магазин Василия Леонтьевича Лебедева: Каталог. Спб., 1913, с. 34.

годы, я находил в ней много знакомых имен, какие слышал в местных рассказах и легендах сороковых годов: для меня становились ясны фактические источники этих рассказов и легенд¹⁹. Интересно не только само авторитетнейшее свидетельство ученого о важности книги в историческом и фольклорном отношениях. У Пыпина явно был экземпляр издания 1890 года.

А сейчас где этот том и уцелел ли? В следующем, 1906 году, „Силуэты“ использует в публицистических „Рассказах по русской истории“ Леонид Шишко, один из основателей „Фонда вольной русской прессы“ в Лондоне. До выхода первого тома второго издания оставалось еще два года. Трудно предположить, что в распоряжении Шишко был рукописный список. Об их существовании ничего не известно. Очевидно, он владел еще одним уцелевшим экземпляром.

По данным полицейского акта об уничтожении тиража 1890 года из 1250 экземпляров сохранилось только шесть²⁰. И до сих пор были известны именно шесть. Четыре хранятся в Москве: два — в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина, два других — в Государственной публичной исторической библиотеке. Два находятся в Ленинграде: экземпляр с цензурными пометами — в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, второй — в Библиотеке Академии наук СССР. Но сохранилось их на самом деле больше. Нам удалось установить, что в безупречной сохранности существует еще три. Можно надеяться, что читатели „Альманаха библиофила“ внесут еще поправки в число известных уцелевших экземпляров.

Один из трех, которые мы держали в руках, хранится в Москве в библиотеке Института мировой литературы имени А. М. Горького. На нем нет экслибрисов, владельческих штампов, маргиналий. Он в мягкой издательской обложке и история его остается неизвестной. У двух других примечательная владельческая судьба. Первый в составе коллекции ленинградского антиквара и библиофила П. В. Губара стал одним из экспонатов Государственного музея А. С. Пушкина в Москве, второй принадлежит В. Н. Алексею. Он в дорогом владельческом темно-синем полукожаном переплете с царской короной на корешке.

¹⁹ Пыпин А. Н. Мои заметки. М., 1910, с. 12.

²⁰ См.: Добровольский Л. М. Запрещенная книга в России. 1825—1904: Архивно-библиографические разыскания. М., 1962, с. 177; Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века: Книги и периодические издания. М., 1971, ч. 3, с. 399—400.

Судьбу губаровского экземпляра во многом проясняют экслибрисы и карандашные надписи на нем. Очевидно, книга быстро попала в надежные руки книголюба, что доказывает ее идеальная сохранность. По воле хозяина издательскую обложку бережно прикрыл богатый владельческий полукожаный переплет „Шнель“ зелено-голубого цвета с уголками, изящными узкими золотыми полосками на обложке и золотой надписью „Мордовцев. Накануне воли“ на корешке.

На переднем форзаце — экслибрис известного собирателя раритетов, ленинградского инженера-строителя Сергея Леонидовича Маркова. Как и Губар, Марков с особой страстью собирал прижизненные издания Пушкина и его современников, альманахи пушкинской поры, гравюры, литографии и рисунки с видами старого Петербурга. Много лет он хранил бесценную семейную реликвию. Это была рукопись А. С. Пушкина на 22 страницах — записка „О народном воспитании“. Николай I испещрил ее неодобрительными вопросительными и восклицательными знаками. Она увидела свет только в сборнике Бартенева „Деятнадцатый век“, который вышел в один год со статьей Мордовцева о русском крестьянстве в „Деле“. Затем рукопись выпала из поля зрения пушкинистов. Только после смерти Сергея Леонидовича согласно его воле старейший ленинградский букинист И. С. Наумов передал рукопись поэта в Пушкинский Дом.

В 1969 году книга Мордовцева была приобретена ленинградским магазином № 53 „Старая книга“, во главе которого уже 10 лет стоял Иван Сергеевич Наумов. На заднем форзаце под карандашной пометой „редкость“ это подтверждает экслибрис знаменитого „наумовского“ магазина. Из рук Ивана Сергеевича книга попала к Павлу Викентьевичу Губару. Он украсил передний форзац наиболее поэтичным экслибрисом: в проеме окна на стопке книг сова, символ мудрости, а рядом девушка в платье и капоре начала нашего века.

На издательской обложке сверху легко читается карандашная помета „уничтожен 6“. Из справочника Л. М. Добровольского владельцы знали официальную цифру оставшихся экземпляров. На библиотечной карточке Губара кроме записи „редкость“ сделано краткое пояснение „Экз. без ценз. разреш. был уничтожен“. Купленный за немалые деньги антикрепостнический раритет недавно подарен государству вдовой Губара — Анастасией Григорьевной Ливер.

Еще более драматична история алексеевского экземпляра, в котором красным карандашом по линейке тщательно перенесены цензурные пометы, чтобы не утрудять монарха, владельца книги, отыскиванием крамольных мест.

Круглый с вензелем „Н. А.“ под императорской короной экслибрис сделан по рисунку хранителя Эрмитажа и библиофила барона А. К. Фелькерзама, что подтверждает опубликованная в 1924 году статья А. К. Соколовского „Указатель вензельных книжных знаков“²¹. Н. А.—это Николай Александрович—великий князь, а с 1894 года последний русский император.

В вихре революционных бурь книга Мордовцева не только уцелела, покинув царскую библиотеку, но и в неприкосновенности сохранила обложку и николаевский экслибрис. На полях появились новые отчеркивания, сделанные рукой внимательного и вдумчивого читателя, возможно, специалиста-историка. Вот одно из них: „Обнаружение преступлений заменяется благовидным их маскированием. Засеченные жертвы оказываются уже не засеченными, а умершими естественной смертью... В большинстве случаев крестьяне являются несправедливыми доносчиками и за это вновь наказываются“²².

Немало лет назад книга попала к последнему владельцу. Только в канун 60-летия Великого Октября при подготовке материалов для печати просмотр редкого по содержанию конволюта из 15 брошюр натолкнул его на третью часть „Рассказов по русской истории“ Леонида Шишко, что и заставило вернуться к монографии Мордовцева.

Как на ценнейший документальный источник в 1926 году на книгу Мордовцева ссылался известный специалист по крестьянскому вопросу Е. А. Мороховец в работе „Крестьянское движение в Поволжье в 1839 году“, пользуясь для исследования 44 и 45 томами издания Перевозникова²³.

Книга Мордовцева, представляя интерес и для науки, и для библиофилов, остается достойным памятником отечественной документальной публицистики прошлого столетия.

²¹ См.: Соколовский А. К. Указатель вензельных книжных знаков.—Труды Ленинградского общества экслибрисистов. Л., 1924, вып. II—III, с. 27. Экслибрис воспроизведен в книге У. Г. Иваска „Описание русских книжных знаков“ (М., 1905, вып. 1, с. 1, нenum., рис. 1).

²² Мордовцев Д. Л. Накавуне воли. (Архивные силуэты). Спб., 1890, с. 170—171.

²³ См.: Мороховец Е. А. Крестьянское движение в Поволжье в 1839 году.—В кн.: Труды института истории. Сб. статей. М., 1926, вып. 1, с. 452—453.

ПЕРВЫЙ КОММЕНТАТОР ПУШКИНА

Кто был первым комментатором Пушкина? Он сам. Многие его комментарии можно назвать библиографическими: они дополняют, уточняют, документируют стихи и прозу ссылками на источники. И в то же время это своего рода подстрочная публицистика, крепко соединенная с художественным текстом.

Особенно много сносок в «Евгении Онегине». Двадцать пять из них имеют литературное значение. Примечания сопровождали отдельные издания первой и седьмой глав, значились как обязательная часть публикации всего романа и охватывают его, хотя неравномерно, с начала до конца. Они написаны, в основном, позже, в виде дополнения, полностью приведены в первом издании 1833 года и, по мысли автора, должны читаться вместе с романом.

Лишь в 1970-е годы примечания Пушкина стали предметом рассмотрения и даже полемики пушкинистов (Д. Д. Благого, Ю. Н. Чумакова, С. М. Громбаха). Спор о соотношении примечаний и стихотворного текста «Евгения Онегина» несколько отвлек внимание от самих примечаний. Некоторые из них, неразрывно связанные с кругом чтения Пушкина, раскрываются ниже.

„Днепровская русалка“.

12-е примечание к „Евгению Онегину“ указывает источник краткой цитаты — „Из первой части Днепровской русалки“.

Волшебно-комическая опера Карла-Фридриха Генслера „Дунайская женщина“ сделала имя этого писателя известным в конце XVIII — начале XIX века далеко за пределами Вены. С 1803 года русская переделка в трех частях, осуществленная предприимчивым переводчиком Николаем Краснопольским, была инсценирована и с огромным успехом шла в России почти тридцать лет подряд. Арии „Приди в чертог ко мне

златой“ и „Мужчины на свете, как мухи, к нам льнут“ распевались в обеих столицах и в провинции. По городам и весям их разносили пользовавшиеся необычным спросом песенники. Один из них — „Новейший российский песенник...“ Другой — дважды изданный, в 1816 и 1820 годах — „Избранный песенник для прекрасных девушек и любезных женщин...“, на обложке которого гречанка в хитоне держит кувшин в руках.

В песенники вошли арии также четвертой части, повторяющей название первой — „Русалка“, — известного драматурга А. А. Шаховского, который дописал не завершенную Генслером, но изданную им „Нимфу Дуная“ — окончание „Дунайской женщины“.

Барышни разучивали модные арии, подыгрывая себе на гитаре, с затаенной целью привлечь молодых людей. Вот кого высмеивала XII строфа второй главы „Евгения Онегина“. О Дуне, завлекающей Ленского, беспощадно сказано:

И защитит она (бог мой!)
Приди в чертог ко мне златой!..

Невиданная популярность „русалочьих“ арий была подорвана строкой великого поэта, как свидетельствует в книге „Украинские мелодии“ (М., 1831, с. 129) поэт, музыкант, этнограф Н. А. Маркевич.

В библиотеке Пушкина были все три части текста „Русалки“ (Спб., 1804—1817)¹. В четвертом явлении первого действия первой части из озера выходила русалка Леста с ребенком — дочкой ее и князя Видостана. Покинутая водяница зывала к забывшему ее прогуливающемуся по берегу аристократу:

Приди в чертог ко мне златой,
Приди, о князь ты мой драгой!
Там все приятство обретешь,
Невесту милую найдешь.

„Невеста“ звучало запоздало, поскольку возлюбленный успел жениться. На протяжении длинной оперы с вставными номерами, балетами и хорами обитательница вод гоняется за Видостаном. Она убивает его жену, затем воскрешает, прощает его измену и желает супругам полного благополучия.

Нелестно характеризую Дуню и арию, Пушкин косвенно дал отрицательную оценку опере в целом. В печати о ней были разные мнения. Подводя итог победному шествию „Днепров-

¹ См.: Модзалевский В. Л. Библиотека А. С. Пушкина. Спб., 1910, с. 53—54.

ской русалки“, журнал „Московский телеграф“ (1829, № 23, с. 381) категорически не соглашался с тем, что она глупа, и назвал „десертом для ума“. Что-то в ней было. Отталкиваясь от оперы, Пушкин создал свою „Русалку“.

„Задумчивый Вампир“.

В XII строфе третьей главы романа перечисляются литературные герои, которые „нынче“ (действие происходит летом 1820 г.) „тревожат сон отроковицы“ — девочки-подростка.

Перед нами „задумчивый Вампир“. Следует примечание: „Вампир, повесть, неправильно приписанная лорду Байрону“.

Русское издание — маленькая, почти квадратная книжечка: „Вампир. Повесть, рассказанная лордом Байроном. С английского П. К.“ (М., 1828). В предисловии читаем, что поэт-путешественник симпровизировал эту сверхъестественную историю в Женеве, в аристократическом доме, в присутствии Шелли, а доктор Джон-Вильям Полидори, секретарь Байрона, зафиксировал услышанное и напечатал. Пушкин правомерно считал доктора автором литературного изложения.

Нечто подобное произошло с ним самим. Его устный рассказ записал и, с его согласия, опубликовал в 1828 году под заглавием „Уединенный домик на Васильевском“ Тит Космократов — литератор и дипломат В. П. Титов.

Вампир — „необыкновенное существо“, лорд с мертвящим, сатанинским сверкающим взглядом, бледный, словно выходец с того света, ко всему равнодушный, „совершенно в самого себя погруженный“ и заставляющий глубоко задумываться над собой. Отсюда пушкинский эпитет „задумчивый“.

Путешествуя, подобно Байрону, лорд-вампир, в отличие от него, приносит всем зло, более того, закалывает или кусает девиц, пьет их кровь. В конце книжки поясняется, что повесть имеет древние истоки. Приводится „достоверное известие об одном странном случае вампиризма“ из старинного, падкого на сенсации лондонского журнала. Рассказы о мертвецах, сосущих кровь живых, нашли отражение в двух „Песнях западных славян“. Обе тематически связаны с „Вампиром“, тем более что „вардулак“ (вурдалак!) — синоним вампира, включает переводчик П. К. — знаток семи языков, собиратель фольклора и славянофил П. Киреевский. В одной из „Песен“ („Марко Якубович“) кровопийцу-убийцу навсегда прогоняют прочь. Вторая („Вурдалак“) высмеивает бессмысленный страх перед вымышленным чудовищем. В круг чтения отроковицы входит также „Мельмот, бродяга мрачный“. Комментарий разъясняет, что „Мельмот гениальное произведение Матюрина“. Это — Ч.Р. Метьюрин, священник-бунтарь, соотечественник Свифта. Герой большого сложного социально-

разоблачительного романа — демоническая, вроде персонажа „Вампира“, одинокая, скитающаяся из страны в страну, не находящая ни в чем радости, запродавшая душу дьяволу и наделенная даром волшебства личность. Видимо, есть некое сходство между этим романтическим героем и Онегиным, чья неприкаянность обусловлена не потусторонними, а вполне реальными обстоятельствами, а мрачность носит отчасти книжный характер. В какой-то мере „бродяга мрачный“ применим к обоим.

Пушкин прочитал роман по-французски, как и некий Н. М., переведивший его на русский язык. Появился „Мельмот Скиталец. Сочинение Матюрена, автора Бертрама, Альбигойцев и проч. Перевод с французского Н. М. В 6 частях“ (Спб., 1833). „Бертрам, или Замок Сент-Альдобрандо“ — антиклерикальный исторический роман, последнее произведение Метьюрина. В библиотеке Пушкина было первое английское издание „Мельмота“². Роман и его главный персонаж четырежды обыгрываются в „Евгении Онегине“. Петербургский денди прихватил с собой в деревню близкую ему книгу вместе с несколькими другими.

Его вкус разделяли юные читательницы новой формации. Их кумиры —

Или задумчивый Вампир,
Или Мельмот, бродяга мрачный...

Татьяне, воспитанной на литературе предшествующего, XVIII века, приходится догонять их, читая книги, оставленные молодым человеком, с которым она едва познакомилась и который не оправдал ее надежд. Мельмот ставится в параллель Онегину.

Чудак печальный и опасный,
Созданье ада иль небес,
Сей ангел, сей надменный бес,
Что ж он? Ужели подражанье,
Ничтожный призрак...—

с досадой думает Татьяна об исчезнувшем столичном франте.

Их отношения до его отъезда сравнимы с сюжетом романа Метьюрина. Вот что в нем происходит. На острове в Индийском океане поневоле оказалась прекрасная Иммали. Мельмот возвращается ее домой — в Ирландию. Она обретает свое настоящее имя — Исидора. С места в карьер ей прочат жениха, которого она в глаза не видела. Девушка отказывается от него. „...Лучше пусть я погибну, чем нарушу свою клятву, сделав-

² См.: Модзалевский Б. Л. Указ. соч., с. 284.

шись женой человека, полюбить которого не могу“. Она очарована Мельмотом и внутренне очень близка Татьяне, которая может сказать вместе с ней: „Я полюбила один раз — и навсегда!“

Убийство Ленского на дуэли напоминает аналогичное убийство брата Исидоры, сперва отвергаемой, затем замученной Мельмотом. Пожалуй, не случайно Татьяна называет погибшего Ленского „братом“. Герои русского романа продуманно сопоставляются с героями английского.

О Мельмоте судят и рядят, его боятся. С ним светская молва сопоставляет Евгения, который появляется в Петербурге на балу после замужества Татьяны. Подобно английскому бродяге, он возвращается в исходный пункт своих странствий. Тот погибает. Какова участь Онегина? Об этом можно только гадать.

„Мельмот Скиталец“ соприкасается и с другими сочинениями Пушкина. Подобно Метьюрину, он цитирует без кавычек в „Истории села Горюхина“ то место „Автобиографии“ английского историка Эдуарда Гиббона, где тот говорит о завершении своего классического труда, долго писавшегося, но своевременно прозвучавшего в конце XVIII — начале XIX века в Англии, Франции, России. Неприметно приоткрывается сокровенный смысл „Истории села“, т. е. Российской империи, поставленной рядом с „Историей упадка и падения (курсив мой.— М. И.) Римской империи“ Гиббона. В черновике сохранилось указание на источник цитаты. Белкин юмористически поднимает Гиббона до себя: „...некоторый англичанин, подобный мне (!) историк“.

В распоряжении Пушкина был французский перевод исследования Гиббона в тринадцати томах (Париж, 1828)³, и он помог Погодину получить это издание из Франции. „Теперь сию за Гиббоном...“ — сообщил историк. В противовес ему, Пушкин разрезал и прочел всего-навсего полтора тома. Проницательность гения! Именно первая часть получила мировую известность и была переведена в России (знаменательно!) перед восстанием декабристов. Книга в желтой обложке с виньеткой в рамке называлась «История упадка и разрушения (вместо более точного современного „падения“.— М. И.) Римской империи. Сочинение Гиббона, сокращенное Г. Адамом. Перевод с французского с примечаниями русского переводчика» (М., 1824).

Примечания корректировали просветительское прекраснодушие автора. Отвергалось утверждение, будто римляне ува-

³ Модзалевский Б. Л. Указ. соч., с. 239.

жали императоров: они „страшились сих извергов“! „Римская империя не была раем“, ибо половина жителей страдала „под бичами господ бесчеловечных“. Трезвые возражения вызывали такое же сопоставление Российской империи с Римской, как в „Истории села Горюхина“.

Есть сходство с романом Метьюрина и в „Метели“. Сюжет повести перекликается с сюжетом вставной „Повести о двух влюбленных“ — главы „Мельмота Скитальца“. В ней жених не является в церковь, сбитый с толку матерью, не желающей брака сына.

Как и Метьюрин, Пушкин использует в „Дубровском“ характер мольтеровского Амфитриона в качестве синонима хлебосольтства, впрочем, хлебосольтства двоедущного, разыгрываемого дряхлым волокитой с корыстной целью.

Художник проницательный, эрудированный, тонкий, Метьюрин метафорически осмысливает, как позже Пушкин, малайское ядовитое дерево. Омерзительный монах, преступник и провокатор, растоптанный потом негодующей толпой, саморазоблачает себя в английском романе. „Я стою, как опаленное дерево; меня поразило в самое сердце, в самый корень, я сохну — один, — говорит он, корча страдальца, и лицемерно обвиняет юношу, которого предал, в худшем предательстве: — А вы, вы — ядовитое дерево Упас, от смертоносного сока его погибает все живое... проступившие капли яда, если им не на кого устремиться, обращаются вовнутрь и добираются до вашего собственного сердца...“

Все это не исчерпывает, конечно, примечания: „Гениальное произведение Матьюрина“.

Корсара, также кумира отроковицы — замкнутого в себе разбойника Конрада, — Пушкин не комментирует. Одноименную поэму Байрона русские читатели хорошо знали. „Таинственный Сбогар“, опять-таки разбойник, выдающий себя за достопочтенного богача, ненавидящий сильных мира сего, привлек к себе читателей лишь десятилетие спустя. Новый французский роман „Жан Сбогар“ (1820), не переведенный на русский язык по причине „крамольности“, был малодоступен: его давали читать за большую плату. Пушкин счел нужным отметить и, тем самым, порекомендовать „известный роман Карла (Шарля. — М. И.) Нодье“.

„Лет чрез пятьсот“.

42-е примечание. К строчке в седьмой главе „Евгения Онегина“ о плохих дорогах приводится веский аргумент — отрывок из стихотворения Вяземского „Станция“. Фельетонные размышления автора, застрявшего на почтовой станции за отсутствием лошадей, с подзаголовком: „Глава из путеше-

ствия в стихах, писанная 1825 года“, появились в альманахе А. А. Дельвига и О. М. Сомова „Подснежник“ (Спб., 1829). На внутренней стороне обложки купидон прижимает к себе вазу, наполненную полевыми цветами. В середине титульного листа — виньетка: мольберт, женщина, трубящая в рог, неизбежная лира и бюст Сократа.

Одновременно „Станция“ вышла в том же Петербурге отдельным изданием — крохотной, с ладонь, тоненькой тетрадкой, напечатанной в типографии Департамента внешней торговли. Брошюрку заключают „Примечания“, обосновывающие необходимость, в тех или иных случаях, авторского комментирования художественных произведений: „Поэт волею или неволею должен... писать комментарии на самого себя... Пускай читатель даст себе труд отыскать сам соотношения между стихами и примечаниями“. Это — кредо и Пушкина. Сносками он сплошь и рядом выражает то, чего нельзя было сказать в тексте.

В „Евгении Онегине“ не упомянуты другие, близкие к „Станции“, путевые стихи Вяземского — „Зимние карикатуры“ с подзаголовком „Отрывок из журнала (дневника. — М. И.) зимней поездки в степных губерниях. 1828“, мелко набранные в альманахе „Денница“ на 1831 год, издаваемом М. А. Максимовичем, который хорошо знал Пушкина. Если XXXIV строфа седьмой главы „Евгения Онегина“ имеет в виду „Станцию“, предыдущая, XXXIII, перекликается с последней по счету, четвертой „зимней карикатурой“ — стихотворением „Ухабы. Обыы“.

Вяземский раздумывает здесь об урожае, „плодах земных работ“, „народном бюджете“, „капителе земли“, которые активизируют транспорт, вконец портящий зимние дороги. Сидя у огня в кресле, автор „не хуже, чем Дюпень“, радуется избытку „движенья сил земных“ и... проклиная их, садясь в кибитку.

Речь идет о французском просветителе и математике Шарле Дюпене и его восемь раз изданной в Париже, переведенной в России книге „О производительных и торговых силах Франции“ (М., 1831). Инициатива издания принадлежала сыну купца, журналисту Н. Полевому. „От души пожелать надобно, чтобы кто-нибудь перевел... введение и две первые книги дюпонова сочинения, — писал он. — ...Надо было просвещать и очеловечивать народ“ (Московский телеграф, 1829, № 18, с. 225—226).

Книгу выпустила типография Августа Семена при Медико-хирургической академии — та самая, которая печатала ратовавший за это журнал с цветными картинками парижских мод. Издатель журнала Полевой удовлетворенно встретил

перевод и мимоходом раскрыл инициалы переводчика Н. Р.— Н. Розанова (Московский телеграф, 1831, № 5, с. 98). Сей экономист поднес экземпляр книги Николаю I, который высочайше пожаловал ему бриллиантовый перстень. В период оживления предпринимательства сторонник развития производительных сил Карл (так переводилось, как мы видели, имя Шарль) Дюпен пришелся буквально ко двору. Недаром Розанов посвятил книгу „пользам российской промышленности и сподвижников ее“.

Тем острее ирония Вяземского насчет торгово-промышленного прогресса в России. Иронию подхватывает Пушкин, возражая, прежде всего, против типично просветительских иллюзий о всесии просвещения:

Когда благому просвещенью
Отдвинем более границ,
Со временем (по расчисленью
Философических таблиц,
Лет чрез пятьсот) дороги верно
У нас изменятся безмерно...

„Философические таблицы“ и есть книга Дюпена, фигурирующего в черновых набросках „Евгения Онегина“ как автор „таблиц“.

„Благое просвещенье“, „по расчисленью философических таблиц“, „лет чрез пятьсот“— фразеология едкой насмешки. Сарказм— в неожиданном соединении слов „философические“ и „таблицы“. Концовка XXXIII строфы седьмой главы романа— издевка над российским прогрессом, апофеоз которого—

На каждой станции трактир.

Пушкин солидарен с Вяземским, писателем-единомышленником, в оценке книги Дюпена. Французский прогрессист считал просвещение, улучшение нравов, распространение грамотности главным рычагом хозяйственного развития. К книге приложена „Топографическая карта народного просвещения Франции“. В границах департаментов выставлены цифры— количество жителей, приходящихся на одного ученика. Вот откуда в „Евгении Онегине“ слова „по расчисленью философических таблиц“!

Пушкин и Вяземский сатирически выразили свое отношение к сочинению, которым восторгался буржуазно мыслявший Н. Полевой и которое пришлось по вкусу всероссийскому императору, поощрявшему торгово-промышленный капитал.

„Школы Левшина птенцы“.

Характеризуя книги и персонажей, комментарии уделяют также внимание литераторам. Среди них— Левшин, автор многих сочинений „по части хозяйственной“ (сноска 41-я).

Известны „Русские сказки“ В. А. Левшина (его не надо путать с историком и писателем А. И. Левшиным, которого Пушкин цитирует в „Истории Пугачева“). Менее известны его разнообразные прикладные сочинения: „Совершенный егерь, стрелок и псовый охотник...“ (Спб., 1791, 2 ч.), „Всёобщее и полное домоводство...“ (М., 1795), „Словарь поваренный...“ (М., 1795—1797, 6 ч.), „Красильщик...“ (М., 1819, 4 ч.), „Книга для охотников до звериной и птичьей ловли, также до ружейной стрельбы и содержания певчих птиц“ (М., 1813—1814, 4 ч.), „Полная хозяйственная книга“ (М., 1813—1815, 10 ч.), „Карманная книжка для скотоводства...“ (М., 1817), „Новейший и полный конский врач“ (М., 1819—1820, 5 ч.), „Цветоводство подробное...“ (М., 1826, 2 ч.) и множество других.

Плодовитый писатель, романист, драматург, переводчик, Василий Алексеевич Левшин был членом петербургского Экономического вольного общества, Саксонского экономического общества, Итальянской академии наук, сотрудником книгоиздателя Новикова. А. Т. Болотов по праву назвал его „трудолобцем“. Среди огромного количества книг Левшина большинство посвящено хозяйственно-экономическим темам. Поэт напомнил о нем спустя четыре года после его смерти в IV строфе седьмой главы „Евгения Онегина“:

Вот время: добрые ленивцы,
Эпикурейцы-мудрецы,
Вы, равнодушные счастливцы,
Вы, школы Левшина птенцы,
Вы, деревенские Приамы,
И вы, чувствительные дамы,
Весна в деревню вас зовет...

Ссылаясь на эти строки, журнал „Москвитянин“ (1843, № 5) писал: «Пушкин не мог умолчать о В. А. в своем „Евгении Онегине“, и его два стиха скорее напомнят о Левшине отдаленному потомству, нежели полтораста томов, написанных В. А. ...Справедливо, Левшин основатель школы по части хозяйственной...»

Однако „школы“ не получилось⁴, хотя старозаветные помещики охотно покупали справочники „по части хозяйственной“ и пытались с помощью, так сказать, науки сводить концы с концами в изменившемся, капитализируемом мире. Поместные Эпикуры — равнодушные ко всему, кроме самих себя, владельцы крепостных, патриархальные хозяева хиреющих деревенок, ведущие натуральное хозяйство, чье влады-

⁴ См.: Шкловский В. Чулков и Левшин. Л., 1933, гл. „Дворянин Левшин“, с. 137—149.

чество рушилось, как владычество царя разрушенной ахейцами древней Трои.

Совершенно очевидно, Пушкин говорит о „школе Левшина“ юмористически-метафорически. „Птенцы“-помещики — не „птенцы гнезда Петрова“, упоминаемые в „Полтаве“, — не передовые, государственно мыслящие, но отставшие от века, судорожно цепляющиеся за старое люди. „Вот время...“ — грозно звучит для них начало строфы.

„Мой брат двоюродный Буянов“.

Начало XXV строфы пятой главы:

Но вот багряною рукою
Заря от утренних долин
Выводит с солнцем за собою
Веселый праздник именин

сопровождается 34-м примечанием: «Пародия известных стихов („Оды на день восшествия на престол е. в. государыни императрицы Елисаветы Петровны, 1748 года“. — М. И.) Ломоносова...» „Пародия“ направлена, конечно, не против Татьяны, а против пышного празднества в ее честь, контрастно предвещающего надвигающуюся трагедию — гибель Ленского и ее разочарование.

Вспомним карикатурно очерченных визитеров, съезжающихся на именины. Среди них

Мой брат двоюродный Буянов,
В пуху, в картузе с козырьком
(Как вам, конечно, он знаком)...

В 35-м примечании, к слову „козырьком“, находим строки поэмы Василия Львовича Пушкина:

Буянов, мой сосед,

.....
Пришел ко мне вчера, с небритыми усами,
Растрепанный, в пуху, в картузе с козырьком...

(Опасный сосед)

„Родство“ основывалось не только на том, что Буянов был созданием, так сказать, „сыном“ родного дяди Пушкина и, следовательно, „кузенom“ племянника. Поэма приобрела популярность, главным образом, благодаря своей острой социальной направленности. Ее переписывали от руки. О напечатании не приходилось и думать. Небольшая, в 155 строк, она была написана в 1811 году, накануне войны с Наполеоном, когда всюду, даже в баснях Крылова, прорывался антикрепостнический протест. Несколько раз издавалась в Германии, а на родине появилась спустя сто два года после создания (М., 1913) в количестве 75 экземпляров — „не для продажи“. Вскоре

читатели получили сразу два ее издания (Пг., 1917 и М., 1918). Одновременно со вторым вышло третье, в московском издательстве „Библиофаг“ со вступительной статьей С. П. Боброва, тиражом 600 нумерованных экземпляров.

Мытарства „Опасного соседа“ и обращение к нему Пушкина дают понять, что поэма — не однодневка. Буянов — разорившийся помещик, пьяница, ругатель, драчун. От него несет публичным домом и кабаком. Он из породы „секунов, серальников“, говоря словами Герцена. Автор от него отмежевывается.

Дерзко опубликовав в примечаниях к изданию „Евгения Онегина“ 1833 года цитату из бесцензурного произведения и взяв в роман Буянова, Пушкин подкрепил свою сатиру на крепостников. Ведь Буянов пополняет коллекцию гостей-монстров на балу Лариных. Вот в чем суть „родства“ с ним Пушкина!

Поводом для установления „семейного сходства“ послужил комический эпизод, рассердивший было поэта. Мемуарист сообщает, что, когда он привел Пушкина к своему знакомому, последний спросил вполголоса, не тот ли это Пушкин, который написал Буянова. Уже в тексте „Евгения Онегина“ содержится намек, что Буянов — из какого-то чужого произведения. Предвидя будущее, племянник известного тогда дяди-поэта писал, что все творения Василия Львовича «вместе не стоят Буянова („Опасного соседа“.— М. И.), а что с ним будет в потомстве? Крайне опасаясь, чтобы двоюродный брат мой не почелся моим сыном...». Комментарий предупреждал против путаницы. Спасал от полного забвения поэму, ставшую, между прочим, первой русской книгой, напечатанной литографским способом.

ИЗДАТЕЛЬ И ТИПОГРАФ СЕМЕН СЕЛИВАНОВСКИЙ

В 1785 году тринадцати лет от роду сын крепостного Семен Селивановский поступил учеником в типографию своего дяди Матвея Пономарева.

О самом Пономареве известно сравнительно немного, что же до его изданий, то, по наблюдению Е. И. Осетрова, „характер литературы, выпущенной Пономаревым, свидетельствует о том, что он был последовательным учеником великого русского просветителя Николая Новикова“¹. В этой же типографии служил корректором юноша по имени Евфимий — будущий церковный просветитель и библиограф, который впоследствии под именем Евгения Болховитинова будет занимать важные посты в иерархии православной церкви. На всю жизнь подружился Семен Селивановский с этим незаурядным человеком.

В 1789 году семнадцатилетний Семен Селивановский оставляет московское предприятие дяди и отправляется в Петербург, где около года совершенствуется в печатном и словолитном деле в типографии, содержавшейся неким немцем, имя которого до нас не дошло.

Незадолго до того, как Семен собрался в Петербург, волею случая ему довелось прикоснуться к истории. Вернее, история сама явилась к нему в тесную контору типографии в образе уже немолодого господина, предложившего напечатать рукопись книги, называвшейся „Путешествие из Петербурга в Москву“. Вот как рассказывает об этом эпизоде сын Селивановского, Николай, по всей вероятности, со слов отца: „Пробежав оригинал и поняв всю важность его содержания, батюшка оставил книгу. Является автор. Ему отвечают, что книги печатать не станут. Тот разгорячился, наговорил грубостей“.

¹ Осетров Е. И. Золотой ключ. Этюды о книгах и книжниках. М., 1977, с. 43.

но затем „смягчил тон“ и „расспросив о деле типографском“², решил сам завести типографию. Хотя рассказ сына Селивановского содержит много неточностей (он, например, называет „Путешествие“ „Поездкой“ и сообщает, что Радищев напечатал книгу в своей деревне, а не в Петербурге), у нас нет оснований ставить под сомнение сам факт обращения Радищева к Селивановскому. Тем более, что из воспоминаний сына Радищева известно, что „Путешествие“ действительно первоначально цензуровалось в Москве и автор вначале не предполагал печатать книгу сам. Известно также, что основное типографское оборудование Радищев приобрел у Шнора в одной из лучших петербургских типографий. Можно предположить, что направил к нему Радищев в ответ на его расспросы о типографском деле именно молодой Селивановский, сам, может быть, собиравшийся к нему. В этом случае более чем вероятно, что „немцем“, у которого стажировался Селивановский, и был петербургский типограф Шнор.

По возвращении в Москву в 1790 году Селивановский заключил контракт на содержание типографии книготорговца Завьялова. Восемнадцатилетний юноша, как видим, начинает самостоятельное дело. Он знакомится с книгопродавцем и библиографом В. С. Сопиковым, архитектором М. М. Масловым, издателем „лексикона латинского“ Ф. Ф. Розановым, возобновляет знакомство с известным поэтом В. П. Петровым.

По воспоминаниям сына Селивановского, эти знакомства были полезны его отцу, „умевшему из всего извлекать пользу и дополнять свое образование умными знакомствами“³. Свидетельством такого „полезного знакомства“ стала описанная в литературе, но отсутствующая в крупнейших книгохранилищах СССР книжечка с замысловатым названием: „Роспись российским книгам, продающимся в С.-Петербурге в Суконной линии Гостиного двора, выходя из ворот оного на правой руке под № 16, в книжной лавке у книгопродавца Василья Сопикова и в Москве в типографии С. Селивановского“ (1796)⁴.

Первые издания собственной типографии С. Селивановского помечены 1792 годом, последние — 1797-м (указ о закрытии „вольных“ типографий вышел в конце 1796-го). За эти годы, как нам известно, Селивановский выпустил по крайней мере 61 книгу самого различного содержания; причем в

² Записки Н. С. Селивановского.— Библиографические записки, 1858, № 17, с. 518.

³ Там же, с. 517.

⁴ См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. 1725—1800: Дополнения. Разыскиваемые издания, уточнения. М., 1975, т. [6], с. 96.

некоторых случаях он выступал не только типографом и издателем, но и редактором или составителем. Эти годы не были легкими для молодого предпринимателя. Денег на покупку оборудования, видимо, не хватало. Пришлось открывать предприятие на паях; все эти годы типография именовалась „Селивановского и товарищи“. Но и „товарищи“ не всегда выручали. В конце 1793 года Евгений Болховитинов, немало способствовавший распространению книг типографии и обеспечению ее заказами, писал из Воронежа „любезному другу Семену Аникичу“: „Сжалюсь на вашу бедность, посылаю вам при сем 25 р. из своей кассы, потому что теперь получил я жалованье“⁵. Жизнь, как видим, не очень баловала начинающего типографа.

В 1796 году Екатерина II повелела „в прекращение разных неудобств, которые встречаются от свободного и неограниченного печатания книг... частными людьми, заведенные типографии, в рассуждении злоупотреблений, от того происходящих... упразднить“. Типографы один за другим покидают Москву. Матвей Пономарев отправляется во Владимир, где снимает губернскую типографию. Селивановский же едет в Николаев на должность смотрителя Черноморской Адмиралтейской типографии, куда по рекомендации В. П. Петрова его пригласил адмирал Н. С. Мордвинов — человек образованный и либеральный.

Около трех лет провел в Николаеве Селивановский, заведывая типографией и одновременно не брезгуя казенными подрядами. Молодой типографщик и важный сановник за эти годы стали короткими знакомыми. И хотя находились эти люди на разных ступенях сословно-иерархической лестницы, да и встречались впоследствии не часто, знакомство это не прерывалось. Каждый из них сумел завоевать уважение другого.

В 1800 году Селивановский возвращается в Москву, где снимает Сенатскую типографию у ее содержателя В. И. Окорокова.

Здесь ему довелось выпустить книгу, которая, будь даже его единственным изданием, сохранила бы его имя для потомства. Еще до появления Селивановского Сенатская типография, находившаяся в изрядном запустении и расстройстве, начала печатать „Слово о полку Игореве“ по рукописи, незадолго до того найденной Мусиным-Пушкиным. Опытный типограф и безупречный подрядчик, Селивановский, забрако-

⁵ Библиографические записки, 1859, № 3, с. 71 (письмо от 22 декабря 1793 г.).

вав и перепечатав многие уже напечатанные листы, выпустил первое издание „Слова“, которое, наряду с копией, снятой когда-то специально для Екатерины II, до сих пор служит для нас первоисточником текста этого памятника древнерусской литературы.

В 1802 году, после того как указом Александра I частные типографии были вновь разрешены, Селивановский, не прекращая аренды Сенатской типографии, открывает собственную. Уважающий и любящий книгу типограф превращает свое предприятие в одно из лучших в Москве.

Вот как передает свой разговор с петербургским типографом В. Ф. Рыкаловым москвич С. П. Жихарев: „Я объяснил Рыкалову, что у нас, в Москве, во всех типографиях есть корректоры отличные, особенно у Селивановского и Попова с товарищи. Дело другое,— продолжал Рыкалов,— в Москве университет и множество студентов и грамотных людей, не имеющих занятий: они рады работать почти за ничто. Селивановский человек приветливый и живет открыто: он приглашает студентов к себе, ласкает их, оставляет обедать, и они проводят у него целые дни“⁶. Как видим, Селивановский уже не испытывает такой нужды, как в 90-е годы.

В 1807 году при типографии открылась библиотека, где помимо новейшей литературы были сочинения Ломоносова, новиковские издания, „Почта духов“ Крылова, сочинения любимых Селивановским французских просветителей Вольтера, Руссо, Дидро.

Ко времени войны 1812 года типография Селивановского была процветающим заведением, печатавшим не только на русском, но и на немецком, французском, латинском и греческом языках. До самого вступления Наполеона в Москву не останавливалась ее работа: за три дня до оставления столицы напечатано воззвание Ростопчина с призывом к москвичам: собираться для последнего сражения с французами. После московского пожара Селивановский издает книги сам, печатает по заказам авторов и других издателей. Дело приобретает все больший размах. Так, в 1815 году Селивановский предлагает Карамзину неслыханный по тем временам гонорар 6000 рублей за „Историю государства Российского“. А еще через десять лет за право повторного издания трех поэм „Руслан и Людмила“, „Кавказский пленник“ и „Бахчисарайский фонтан“ он предлагает Пушкину 12 000 рублей⁷. Любо-

⁶ Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л., 1955, с. 400.

⁷ См.: Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. [М.], 1956, с. 94 (письмо А. С. Пушкину от 12 марта 1825 г.).

пытно, что издавший эти поэмы в 1827—1828 годах Смирдин заплатил Пушкину 10 000 рублей.

Предприятие Селивановского было, по-видимому, крупнейшей в России частной типографией в период от Новикова до Смирдина. Помимо наборного и печатного производства, она имела словолитню, изготавливавшую не только русские, но и иностранные шрифты, которые у современников „почитались наилучшими“. Предприятие снабжало другие типографии не только шрифтами, но и станками и приборами. Известно, например, что в 1819 году для поправки типографии Саратовского губернского правления у Селивановского был куплен один типографский стан с принадлежностями и 44 пуда шрифтов. Заодно Селивановский „исполнил комиссию“ и нанял для работы и обучения местных рабочих наборщика и печатника и купил старый шрифт Саратовской типографии. По этой сделке можно уверенно сделать вывод, что типография Селивановского была предприятием довольно широкого профиля.

Высокое качество и аккуратность в исполнении заказов, сочетающиеся с умеренной ценой, привлекают к Селивановскому такого требовательного клиента, как отставной канцлер граф Н. П. Румянцев,—любителя и собирателя древнерусских рукописей, коллекции которого легли в основу будущего музея. По проекту Румянцева в Москве была создана „Комиссия печатания государственных грамот и договоров“ и в 1813 году началось издание многотомного „Собрания Государственных Грамот и Договоров, хранящихся в Государственной Коллегии Иностранных Дел“. Первый том этого издания был выпущен типографией Н. С. Всеволожского, а в 1816 году условия на печатание „Собрания“ были подписаны с Селивановским. Типография Селивановского выпустила второй, третий и четвертый тома „Собрания“, не нарушив целостности всего издания. Кроме того, по заказу Румянцевского кружка Селивановский печатает второе издание книги „Древние российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым“ (1818 г., первое издание этого сборника вышло из типографии Селивановского еще в 1804 г.), „Законы Великого князя Иоанна Васильевича“ (1819), „Иоанн, ексарх Болгарский“ (1824) и ряд других исследований. Деятельность кружка Румянцева заставила современников и позднейших исследователей говорить о „румянцевской эпохе“, а Селивановского считать не только исполнителем изданий Румянцева, но и его сотрудником. В эти же годы Селивановский осуществляет еще одно аналогичное издание, содержавшее описание рукописей и старопечатных книг из собрания Ф. А. Толстого.

Исторические издания Селивановского выделялись красотой и благородством, что достигалось в основном чисто типографскими приемами: прекрасными шрифтами, изящными бордюрами и виньетками, использованием гравюр для титульных листов. Особо следует отметить высокое качество факсимиле и применение специально изготовленных шрифтов, делавших там, где требовалось, печатную страницу похожей на рукописную.

Важное место среди изданий Селивановского занимали журналы и альманахи. Еще в 1801 году в Сенатской типографии он печатает „Пантеон российских авторов“ — иллюстрированный словарь русских писателей, изданный Платоном Бекетовым при участии Н. М. Карамзина. „Пантеон“ считается первым русским иллюстрированным журналом. В 1828 году в типографии Селивановского печатается составленный И. М. Петровым „Енисейский альманах“ — первый сибирский альманах. А в 1834 году тот же Петров, перебравшийся уже в Харьков, напечатал у Селивановского альманах „Утренняя звезда“, который занимает видное место в истории украинской литературы.

Широкий и характерен круг русских авторов, печатавшихся у Селивановского: Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский, И. И. Дмитриев, К. Ф. Рылеев, А. А. Бестужев-Марлинский, Д. В. Давыдов, А. Ф. Вельтман, Д. В. Веневитинов, А. Ф. Мерзляков, Ф. Н. и С. Н. Глинки, П. Л. Яковлев. В 1818 году Селивановский издает сатиру писателя-радищевца С. К. Ферельтца „Путешествие критики“, прошедшую цензуру еще в 1810 году, а в 1823-м выходят подготовленные крепостным вольнодумцем Андреем Лоцмановым „Переводы и сочинения в прозе“. Вряд ли в те времена нашелся бы в России другой издатель для этих, по меньшей мере, рискованных книг.

Не менее интересен круг переводов, выходивших из типографии Селивановского. Среди них мы видим сочинения Мильтона, Вольтера, Монтескье, Дидро, Руссо, Бюффона, Виланда, Вальтера Скотта, Ричардсона, Юнга. Отбор, можно сказать, безупречный и направленный.

В 1820 году по заказу Вольного общества любителей российской словесности, многие члены которого оказались впоследствии причастны к движению декабристов, Селивановский напечатал „Таблицы букв, складов отдельных слов и чтения“. „Таблицы“ были предназначены для школ взаимного обучения, которыми так интересовались будущие декабристы. Это издание, вскоре после выхода, привлекло внимание правительственного комитета во главе с известными мракобе-

сами Голицыным и Магницким. „По высочайшему повелению“ были отобраны не только все имеющиеся где бы то ни было экземпляры „таблиц“, но и граверные доски. Издание это было сожжено полностью, вплоть до двух обязательных экземпляров, изъятых, несмотря на просьбы дирекции, из Императорской публичной библиотеки. О содержании „таблиц“ сегодняшние исследователи могут судить лишь по кратким выдержкам, приведенным в официальных документах. Несомненно, однако, что издание было предназначено не только для обучения грамоте, но и служило целям революционной пропаганды...

Можно гадать, почему Вольное общество решило печатать „таблицы“ в Москве, но выбор из всех московских типографов именно Селивановского легко понять, если учесть, что почетными членами Общества были Евгений Болховитинов (с 9 декабря 1818 г.) и Н. С. Мордвинов (с 15 ноября 1820 г.); да и сам типограф имел уже вполне определенную репутацию. Связь Селивановского с Вольным обществом не была случайным эпизодом его биографии. В августовском номере „Соревнователя просвещения и благотворения“ — ежемесячном журнале Общества за 1822 год — читаем, что „общество долгом своим поставляет принести истинную благодарность свою“ Селивановскому, пожертвовавшему в библиотеку Общества только что изданную им „Жизнь Али, Паши Янинского, со времени его детства до 1821 года“. А рядом, кстати, „сообщение о поступивших вновь суммах на благотворение“ — 200 рублей от почетного члена Н. С. Мордвинова.

В 1824 году Селивановский получает предложение печатать две книги Рылеева: сборник „Думы“ и поэму „Войнаровский“. Делами по изданию этих книг занимались в основном друзья Рылеева Петр Муханов и Вяземский. К участию в этих изданиях, по всей вероятности не без помощи Селивановского, были привлечены хорошо знакомые ему по румянцевским изданиям историк П. М. Строев и гравер А. А. Флоров. Выполненный последним гравированный титульный лист „Дум“ стал классическим образцом этого приема оформления книги. В декабре 1824 года, оказавшись проездом в Москве, Рылеев лично познакомился с Селивановским. Типограф произвел впечатление на автора. В январе 1825 года Рылеев писал в Москву: „Прошу сказать мое истинное почтение г. Селивановскому. Он у меня из головы не выходит. Истинно почтенный человек!“⁸

⁸ Рылеев К. Ф. Полн. собр. соч. М.; Л., 1934, с. 480 (письмо П. М. Строеву).

После восстания декабристов множество друзей и знакомых Селивановского оказались за решеткой. Всплыло на допросах и его имя. 30 апреля 1826 года московский знакомый Селивановского В. И. Штейнгель показал: „Еще в 1824 году Рылеев говорил мне: нельзя ли в Москве приобрести членов между купечеством, которые могли бы быть полезны пособиями и приготовлением других из своего сословия к свободным правилам, так как в Москве центр всего русского купечества <...> На вопрос Рылеева я тогда решительно отвечивал, что в Москве на купечество нельзя рассчитывать, ибо нет ни одного, которому бы можно безопасно верить тайну общества, что один только Селивановский — известный типографчик — преобразованнее других, но что, впрочем, он не капиталист, а притом и без приема в обществе содействует оному изданием книг, к распространению свободных понятий служащих“⁹.

Завидная характеристика Селивановскому была дана в беседе двух декабристов. Из всего немалочисленного русского купечества самым близким к декабристам оказался уже далеко не молодой типограф.

Сообщение Штейнгеля всполошило власти. „Революционная зараза“, оказывается, пустила корни в кругу людей, казалось, ни о чем подобном никогда не помышлявших.

Распоряжения последовали немедленно. Уже 3 мая московский военный губернатор князь Голицын получил приказ произвести обыск в типографии. Но в составленном впопыхах отношении оказалась ошибка, вместо фамилии „Селивановский“ было написано Синельников. Как выяснила московская полиция, два московских купца и шесть мещан, носивших эту фамилию, типографии не имели. На всякий случай произвели обыск у мещанина Котельникова, 30 лет назад снимавшего типографию в Калуге, а теперь торговавшего старинными книгами.

Наконец вечером 9 мая из Петербурга поступили необходимые уточнения и в 4 часа ночи 10 мая в дом к Селивановскому явилась полиция во главе с самим московским обер-полицеймейстером и статским советником, состоящим при московском губернаторе. Основной их добычей стали материалы подготавливавшегося Селивановским многотомного Энциклопедического словаря.

Выполняя „высочайшую волю“, полиция отобрала и отпечатанные тома Энциклопедии, и материалы, заготовленные для последующих томов. Вместе с делами, касающимися Энциклопедии, полиция изъяла и другие бумаги Селиванов-

⁹ Восстание декабристов: Документы. М., 1976, т. 14, с. 166.

ского: „...переписку по делам его, бумаги в его комнатах найденные и билеты Цензурного Комитета, по коим можно видеть, какие именно в типографии его печатаны были прежде книги“¹⁰,— как доносил московский генерал-губернатор начальнику Главного Штаба барону Дибичу. Изъятые материалы были уложены в три короба (заметьте, не три папки, не три коробки, а три короба) и отправлены в Петербург, в Главный Штаб „для дальнейшего предупреждения председателю высочайше учрежденной комиссии для изысканий о злоумышленных обществах“, военному министру А. Н. Татищеву.

В своих показаниях Штейнгель особо выделил издание Энциклопедии, которую готовил Селивановский: «...желая способствовать к развитию просвещения и свободомыслия изданием книг, он занимается изданием Энциклопедического словаря, который не что иное есть, как перевод известной книги „Conversation Lexikon“ с выпусками статей, не могущими выдержать цензуры, и с прибавлением статей о России... По напечатании первой части словаря он писал митрополиту¹¹, можно ли ее выдать, но преосвященный ответствовал,—я сам видел это письмо,—что не советует, ибо при теперешних обстоятельствах... тотчас доберутся, из какого источника взят этот словарь, а оригинал в замечании и подозрении правительства, поэтому советует напечатать частей шесть и вдруг издать, пока между тем обстоятельства переменятся»¹².

Вместе с тремя коробами материалов, касающихся издания Энциклопедии, в Петербург были отправлены и показания Селивановского: „Содержатель типографии московский купец Семен Селивановский с 1821 года предпринял издание Энциклопедического словаря, составленного по выбору из разных иностранных сочинений... дополняя касающиеся до России и до жизни знаменитых умерших Россиян, или местными сведениями, или справками о службе и деяниях их, а большею частью занимая из разных российских сочинений, прежде всего изданных по одобрению цензуры. Когда собрал материалы первых трех частей, то представил оную в Цензурный Комитет Императорского Московского Университета, который рассматривал оную и не нашед ничего противного Уставу и Цензуре, одобрил к печатанию. Почему Селивановский приступил к изданию с московским купцом Григорием Усачевым и в настоящее время оканчивает печатанием третью часть

¹⁰ ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 265, л. 7—7 об.

¹¹ Имеется ввиду Евг. Болховитинов, в то время митрополит Киевский и Галицкий.

¹² Восстание декабристов, т. 14, с. 171.

сказанного словаря, но которого по сие время не было выпущено в публику не только никакой части, но даже и отрывком из оного. Переводами статей для оного занимались и занимаются разные особы, имена коих означены в приложенном списке, под непосредственным наблюдением Селивановского. Напечатанные части и листы при сем прилагаются без заглавий еще не напечатанных¹³ — так показывал на допросе сам Селивановский в 1826 году¹³.

К этим показаниям, собственноручно подписанным Селивановским, был приложен список переводчиков Энциклопедии. Среди 22 переводчиков — студентов, священников, сотрудников Московского университета и чиновников — значатся „Строев Павел Михайлович, переводчик Иностранной Коллегии“, „Кюхельбекер Вильгельм“. Одновременно Голицын писал Дибичу: „Насчет самого Селивановского обязываюсь сообщить Вам, милостивый государь мой, что он занимается в Москве печатанием книг более 30 лет, состояние имеет весьма избыточное и никогда не обращал на себя с худой стороны внимания правительства ни зазорным поведением, ни образом худых мыслей, и весьма близко известен самому г. сенатору Кушникову, который завтрашнего дня по высочайшей воле отпущается в С.-Петербург¹⁴ и будет иметь счастье о нем лично всеподданнейше Его Императорскому Величеству донести“¹⁵.

Несмотря на такой благожелательный отзыв о Селивановском, московский губернатор приказал оставить его под секретным полицейским надзором, а печатание Энциклопедии остановить.

В показаниях Селивановского ничего не говорится о возникновении замысла самого издания, и мы можем лишь догадываться о нем.

После выхода в свет Энциклопедии французских просветителей интерес к подобным изданиям не ослабевал в Европе. В различных странах стали выходить переводы из знаменитой французской, а также свои национальные энциклопедии. Так, в России еще в 1767 году были выпущены три тома переводов отдельных статей Энциклопедии. А в 1793 году в Москве вышел 1-й том издания, которое в духе времени называлось: „Пространное поле, обработанное и плодоносное, или Всеобщий исторический оригинальный словарь, из наилучших авторов, как российских, так и иностранных, выбранный,

¹³ ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 265, л. 2—2 об.

¹⁴ Сенатор С. С. Кушников был членом Верховного Уголовного суда, вынесшего приговор декабристам.

¹⁵ ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 265, л. 8.

сочиненный и по азбучным словам расположенный...“ В первом томе на 783 страницах было помещено 422 статьи на букву „А“, второй том вышел в 1794 году, и на этом издание прекратилось. Однако мнения о необходимости выпуска русской Энциклопедии высказывались неоднократно. Так, в 1817 году секретарь Вольного общества любителей российской словесности А. А. Никитин не без участия председателя Общества Ф. Н. Глинки внес предложение приступить к подготовке „полной Российской энциклопедии“, а в 1818 году он предлагал утвердить особый комитет, который должен был заняться подготовкой энциклопедии. Для того чтобы „избавить многих фанатиков от ложного страха“¹⁶, энциклопедию предлагалось назвать „словарем“, как это и сделал Селивановский. Однако предложение Никитина не встретило одобрения у реакционно настроенной части Общества; а в Комитете Министров безызвестный адмирал Шишков усмотрел в идее Никитина попытку противопоставить Вольное общество императорской Академии наук, которая, „не торопясь, поспешала“ с созданием русской Энциклопедии. Вполне вероятно предположить, что мысль об издании Энциклопедического словаря возникла у Селивановского под влиянием дебатов о нем в Вольном обществе, тем более что член Общества лицейский друг Пушкина Вильгельм Кюхельбекер был официально назван сотрудником издания, а среди неназванных был почетный член Общества и друг Селивановского все тот же Евгений Болховитинов. Однако необходимо отметить, что как раз в это время из типографии Селивановского вышла первая русская военная энциклопедия — двухтомный „Военный словарь“ генерал-майора Тучкова. А если оглянуться немного назад, то можно вспомнить такие строки из письма Селивановского книгопродавцу И. П. Глазунову, с которым он предполагал издать „Словарь Юридический“ Чулкова: „Издание сей полезной книги получить можем не только одни выгоды интересные, но и заслужить надеемся честь себе, не опасаясь тех беспокойств и хлопот, каковые встречаются при издании такого рода романов, которые публикою жадно раскупаются“¹⁷. Так высоко ценил справочно-энциклопедическую литературу Селивановский еще в 1803 году.

„Высочайше учрежденная комиссия“, не найдя в бумагах Селивановского „ничего подозрительного“ относительно восстания 14 декабря, пришла к выводу, что материалы Словаря

¹⁶ Базанов В. Г. Ученая республика. М.; Л., 1964, с. 100.

¹⁷ См.: Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых за сто лет. 1782—1882. Спб., 1903, с. 13.

„подлежат подробнейшему рассмотрению цензуры“¹⁸. Изъятые бумаги были уложены в два ящика и, как следует из письма Татищева Голицыну от 1 июля 1826 года, возвращены в Москву. В литературе нередко высказывалось мнение, что после восстания декабристов все материалы его Словаря были конфискованы. Как видим, это не так. Не имеют под собой почвы и встречающиеся иногда утверждения, будто благодаря своим связям и большим денежным средствам Селивановский нашел защиту у князя Голицына. Вряд ли у всех московских купцов, вместе взятых, могли найтись средства, чтобы подкупить московского генерал-губернатора в таком деле, как прямая причастность к восстанию 14 декабря. Тут князья и графы, полковники и генералы, имевшие влиятельнейших родственников при дворе, заплатились многими годами каторги и ссылки.

Селивановского спасли его осторожность да счастливое стечение обстоятельств. И хотя Семен Иоанникович не остался даже в подозрении у властей, москвичи были другого мнения. В связи с закрытием, за публикацию „Философического письма“ П. Я. Чаадаева, журнала „Телескоп“ в 1836 году было предпринято „расследование“. Поскольку журнал печатался в типографии Селивановского (после смерти С. И. Селивановского она принадлежала его сыну), филеры заглянули и туда.

Осведомитель III отделения Капшинцев 2 декабря 1836 года сообщил: „Есть мрачный глухой гул, что будто бы типография сия подвергалась подозрению еще в 1826 году... что там намеревались заговорщики печатать буйные прокламации. Но это эхо прошедшего весьма теперь не внятно, ибо если что и было, то, без сомнения, все давно истреблено, и будто и тогда уже заблаговременно и самые литеры были перелиты“¹⁹.

К этому же времени относится и извет профессора Московского университета, цензора И. М. Снегирева, найденный в бумагах В. П. Барышникова, служившего при московском генерал-губернаторе чиновником особых поручений. Снегирев также сообщает о перелитых шрифтах, а самого Селивановского называет участником заговора 14 декабря, у которого печатались манифесты злоумышленников²⁰.

Но вернемся к судьбе Словаря.

Получив из Петербурга материалы, Селивановский от-

¹⁸ ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 265, л. 13 об.

¹⁹ Цит. по: Оксман Ю. Г. Белинский и политические традиции декабристов.— В кн.: Декабристы в Москве: Сб. статей. М., 1963, с. 196.

²⁰ См.: Русский архив, 1901, № 3, с. 528.

нюдь не забросил это издание. Цензурные трудности и подозрительность властей по отношению к Энциклопедии не были для него неожиданностью. Еще в 1822 году Болховитинов предупреждал его: „Верю, что вам много хлопот и с переводчиками, и с переписчиками... а с цензурою еще больше будет хлопот“²¹. Да и многолетний опыт самого Селивановского не сулил гладкой дороги. Однако отступать было нельзя. Уже к моменту обыска 10 мая 1826 года издержки на издание Словаря составили около 30 тысяч рублей, не принеся никаких доходов. Таких убытков Селивановский позволить себе не мог. Известно, что вскоре после этого Семен Иоанникиевич начал искать доходов вне типографии. Не исключено, что на это его толкали, в частности, и издержки по подготовке Энциклопедии, что же до типографии, то тут у него уже появился помощник — сын Николай, учившийся в это время в Московском университете.

Из письма Евгения Болховитинова видно, что в 1827 году Селивановский просил его доставить статьи о писателях на буквы В, Г и Д, а тот в свою очередь просил выслать ему отпечатанные тома и отдельные, видимо заново перепечатанные, листы. В том же году Болховитинов писал Селивановскому: „Итак, ваш Энциклопедический словарь опять пошел“²².

Через 10 лет после начала работы над Словарем Болховитинов еще надеялся на выход издания. В конце 1831 года он писал старому другу: „Когда отпечатаете Энциклопедию, то ссудите и меня“²³.

Однако Энциклопедический словарь Селивановского так и не увидел света. Разгром декабристов и наступившая в стране реакция не способствовали его появлению. А осторожный Селивановский и не менее осторожный его советчик и покровитель Болховитинов упустили благоприятный момент для выхода Словаря. Как мы знаем, они не стали выпускать его до 14 декабря 1825 года. Не вышел Словарь и в 1826 году по возвращении всех материалов из Петербурга, когда они уже прошли первую проверку. Материалы устаревали, а в начале 30-х годов петербургский издатель Адольф Плюшар, располагавший гораздо большими средствами, начал подготовку „Энциклопедического лексикона“. К подготовке этого издания он привлек без малого 200 сотрудников, среди них 38 профессоров и 20 академиков. Главному редактору „Лексикона“

²¹ Библиографические записки, 1859, № 3, с. 73 (письмо от 16 января 1822 г.).

²² Там же, с. 76 (письмо от 29 марта 1827 г.).

²³ Там же, с. 79 (письмо от 14 октября 1831 г.).

Н. И. Гречу только за первый год работы Плюшар заплатил 22 тысячи рублей. На издательскую арену в России выходили дельцы новой формации, с которыми Селивановскому было трудно соперничать. Правда, и Плюшару не удалось закончить издание своей Энциклопедии. В 1834—1841 годах он издал 17 томов, включавших статьи от „А“ до „Д“, и на этом издание прекратилось.

Словарь же Селивановского, так и не выйдя в свет, был продан на вес. Еще в 1870 году С. Соболевский аттестовал его как „библиографическую редкость первой степени“.

В 1835 году шестидесяти трех лет издатель скончался. Но „типография Селивановского“, перейдя в руки его сына Николая, не прекратила своей деятельности, просуществовав до 1859 года.

Выпустив в свет за свою жизнь около тысячи книг, сын крепостного стал замечательным деятелем русской книги.

С. Белов

ПОИСКИ МАТЕРИАЛОВ О Ф. М. ДОСТОЕВСКОМ

В 1960 году известный советский исследователь творчества Достоевского профессор Аркадий Семенович Долинин познакомил меня с живущим в Ленинграде внуком писателя Андреем Федоровичем Достоевским. Мне уже приходилось писать о судьбе этого незаурядного человека¹. Много было в нем черт, унаследованных от деда: и бескорыстие, и какая-то стремительность во всем, и преданность своим друзьям, и чувство долга. Мы очень сблизились с Андреем Федоровичем, и однажды я попросил его продиктовать мне все, что связано в его памяти с именем великого писателя. Андрей Федорович родился в 1908 году, т. е. через 27 лет после смерти своего деда и за 10 лет до смерти своей знаменитой бабки Анны Григорьевны Достоевской. Естественно, что он многое сохранил в памяти, связанное с именем этой замечательной русской женщины. Читатели, несомненно, помнят прекрасную статью Андрея Федоровича об Анне Григорьевне „Мудрость любящего сердца“².

I. АННА ГРИГОРЬЕВНА ДОСТОЕВСКАЯ

В течение нескольких вечеров Андрей Федорович продиктовал мне целую толстую тетрадь. Многие в этой тетради посвящено А. Г. Достоевской, так как с ее смертью 9 июня 1918 года в Ялте связано таинственное исчезновение многих рукописей писателя, которые Анна Григорьевна взяла с собой, когда летом 1917 года выехала на юг.

Анна Григорьевна исполнила свою мечту и свезла своих внуков на Кавказ, где в 14 верстах от Адлера, в горах, над

¹ См.: Нева, 1962, № 3; Звезда, 1969, № 1.

² Лит. газета, 1967, 14 июня.

морем, был у нее маленький земельный участок с небольшим трехкомнатным домиком. Весь этот участок Анна Григорьевна хотела завещать своим внукам и назвала его поэтому „Отрада“. 22 августа 1917 года Анна Григорьевна вместе со своей невесткой Екатериной Петровной (жена Федора Федоровича — сына писателя) и внуками выехала на станцию Хоста, а затем в Туапсе. Однако здесь Анна Григорьевна чувствует себя неуютно и вскоре переезжает в знакомую ей Ялту. Екатерина Петровна вместе с сыновьями отправляется в Пятигорск, где в это время находился с Московским конным заводом Федор Федорович Достоевский — крупный специалист по коневодству.

Так Анна Григорьевна оказалась в Ялте совсем одна. Связи между городами не было никакой, и поэтому никто из родственников своевременно не узнал о ее смерти. Последние заботы об Анне Григорьевне несли посторонние люди. По словам Андрея Федоровича, лишь в конце 1918 года Федору Федоровичу удалось попасть в Крым и получить лишь некоторую часть рукописей писателя, которые были при Анне Григорьевне. Эта часть рукописей, доставшаяся Федору Федоровичу, была передана им в Москву в Центральный архив М. Н. Покровскому.

Были ли еще рукописи при Анне Григорьевне кроме тех, что достались Федору Федоровичу? Безусловно, были. Просматривая русскую зарубежную печать 20-х годов, я встречал неоднократные упоминания о находке в Крыму и на Кавказе рукописей Достоевского (например, заметка в газете „Последние известия“, Ревель, 1925, 9 авг., так и называется — „Находка рукописей Достоевского“). Правда, никаких публикаций текстов вслед за этими сообщениями тогда не появлялось, однако, несомненно, речь шла о рукописях, которые были при Анне Григорьевне в 1918 году в Ялте. Возможно, эту загадку смогли бы разрешить те, кто был тогда в Ялте с Анной Григорьевной. Андрей Федорович часто говорил мне, что в Ялте в то время все же находились многие знакомые Анны Григорьевны, у которых вполне могли сохраниться некоторые материалы. Андрей Федорович несколько раз писал им, но так и не получал ответа.

Анна Григорьевна всю жизнь бережно хранила все, связанное с именем Достоевского, и, несомненно, если бы она, собираясь летом 1917 года на юг, хоть на минуту могла предположить, что уже больше не вернется в Петроград, никогда бы не взяла с собой рукописей писателя. Она оставила бы их у родных или сдала на хранение в комнату Достоевского при Историческом музее в Москве или в Государственный

банк, как поступила, например, в 1907 году с полным экземпляром рукописи „Братьев Карамазовых“. Правда, рукопись эта исчезла, и ее местонахождение в настоящее время неизвестно. Однако напрасно многие верят в легенду, будто в 20-х годах рукопись „Братьев Карамазовых“ купил за баснословную цену Стефан Цвейг. Эта легенда безосновательна, так как достаточно прочесть напечатанную в 1930 году на немецком языке статью Стефана Цвейга „Моя коллекция автографов“, чтобы убедиться, что о „Братьях Карамазовых“ там нет ни слова. Но, может быть, Цвейг забыл упомянуть о полной рукописи романа или приобрел ее после 1930 года? Тогда откроем вышедшие уже посмертно на немецком языке мемуары Цвейга „Вчерашний мир“. На четырех страницах Цвейг снова перечисляет свою коллекцию автографов: здесь и Моцарт, и Бетховен, но о „Братьях Карамазовых“ опять ни звука.

Но много загадок и в материалах самой Анны Григорьевны, связанных с именем писателя. До сих пор не напечатан полностью заграничный „Дневник“ А. Г. Достоевской 1868 года, хранящийся в ЦГАЛИ, где она скрупулезно, с редкой непосредственностью, день за днем, занесла стенографически свои впечатления о пребывании с мужем за границей. Несколько лет назад стенографистка Ц. Пошеманская сумела расшифровать небольшие записи Анны Григорьевны, хранящиеся в Пушкинском Доме. Совсем недавно Ц. Пошеманская расшифровала „Дневник 1868 года“ А. Г. Достоевской и частично опубликовала его в 86 томе „Литературного наследства“.

Гораздо больше повезло „Воспоминаниям“ А. Г. Достоевской, которые были изданы дважды: в 1925 и 1971 годах. В эти издания вошло все, относящееся к жизни самого Достоевского, с 1866 года, когда молоденькая стенографистка Нечочка Сниткина впервые вошла в дом писателя, по 1881 год. „Воспоминания“ А. Г. Достоевская писала на склоне своих дней, с 1911 по 1916 год. Однако в ее архиве в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ф. 93, р. III, к.1, ед. хр.1) мне удалось найти различные ранние отрывки, а также варианты более позднего текста „Воспоминаний“. Эти фрагменты живо и непосредственно, без последующей литературной редакции и некоторой ретуши, передают впечатления Анны Григорьевны о Достоевском.

Например, в одном из отрывков, на котором стоит дата 26 мая 1883 года, Анна Григорьевна рассказывает о первой встрече со своим будущим мужем: „Я должна сделать одно замечание: ни один человек в мире, ни прежде, ни после, не производил на меня такого тяжелого, поистине удручающего

*Старая Русса. Ильинская улица,
по которой любил гулять Достоевский*

впечатления, какое произвел на меня Федор Михайлович в первое наше свиданье. Я видела пред собою человека страшно несчастного, убитого, замученного. Он имел вид человека, у которого сегодня-вчера умер кто-либо из близких сердцу; человека, которого поразила какая-нибудь страшная беда. Мне было бесконечно жаль его.

Когда я вышла от Федора Михайловича, мое розовое, счастливое настроение разлетелось как дым. Я увидела, что ни одной из моих надежд не сбыться; что работа у нас не пойдет и помощь моя ему не нужна вовсе. Мои радужные мечты разрушились, и я очень печальная, подавленная чем-то шла по улице. Да и все в сравнении с давешним потемнело и потускнело в моих глазах...

Я ехала домой под тем же тяжелым впечатлением: мне было жаль моих разрушившихся надежд, мне было жаль и этого странного, несчастного и непонятого мне человека“.

В архиве А. Г. Достоевской мне удалось найти также отрывок под названием „Нитка“ — краткое изложение основных событий четырехлетнего периода заграничной жизни Достоевских в 1867—1871 годах, когда они буквально бежали из Петербурга, спасаясь от кредиторов, родственников, от суетной и безалаберной жизни. И хотя более подробно эти

события освещены в „Воспоминаниях“ А. Г. Достоевской и в ее „Дневнике“, однако в отрывке „Нитка“ мы узнаем несколько новых фактов, например, о желании Достоевского познакомиться во время пребывания в Праге с известными деятелями славянского движения Ф. Палацким и Ф.-Л. Ригером, о чтении писателем этнографических очерков „Окраины России“, изданных Ю. Самаринным. Подтвердились и мемуары Н. Страхова, рассказывавшего об интересе Достоевского к широко известной в середине XIX века книге „Сказания о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле инок Парфения“, которую высоко ценили также Салтыков-Щедрин, Тургенев, Анненков. Поэтичность и простота описаний Парфением своих странствий по Востоку произвели большое впечатление на Достоевского, и он использовал эту книгу для лексики и фразеологии Макара Ивановича в „Подрутке“. В этой же книге Парфений рассказывает о посещении Оптиной пустыни и, очевидно, после ее чтения у Достоевского тоже возникло желание поехать в Оптину пустынь³.

За пределами „Воспоминаний“ остался рассказ Анны Григорьевны о ее жизни после смерти Достоевского. Просматривая эту неизданную часть „Воспоминаний“, я обнаружил в отдельных главах невольное возвращение мемуаристки к совместным годам жизни с Достоевским. Например, в главе „1881 г. Первое полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского“ Анна Григорьевна, рассказывая о блестящем успехе принятого ею издания собрания сочинений писателя, вспоминает: «Но при всем довольстве успехом издательства меня часто раздражала и мучила мысль: зачем эти большие средства явились так поздно, когда уже нет на свете моего дорогого мужа? Как много радости доставили бы они ему одною утешительною мыслью, что дети его не останутся без образования, что семья после его смерти не впадет в нищету. Лишний десяток тысяч дал бы мужу возможность спокойно работать и, может быть, хоть раз в жизни написать художественное произведение не торопясь, не портя его, как приходилось портить многие из-за всегдашней нашей необеспеченности. В литературе и в обществе часто сравнивают произведения Достоевского с произведениями Тургенева и других писателей и восторгаются стройностью и ювелирной отточенностью их романов в сравнении с романами мужа. И редко кому

³ См. об этой книге в моей статье „Об одной книге из библиотеки Ф. М. Достоевского.“—Альманах библиофила. М., 1975, вып. 2, с. 183—188.

приходит на мысль взвесить те обстоятельства, при которых работал и жил тот и другой автор. В то время, когда другие писатели, пользовавшиеся хорошим здоровьем и обеспеченные состоянием или службою, могли отделывать, переписывать и исправлять по нескольку раз свои произведения, мой муж, страдавший двумя тяжелыми болезнями, обремененный семьей, кругом в долгах, был всегда озабочен думами о насущном хлебе, о средствах к существованию. Была ли какая возможность при таких обстоятельствах обдумывать и отделывать свои произведения! Сколько раз случилось, что первые три главы романа были уже напечатаны, четвертая набиралась в типографии, следующая шла по почте в редакцию, а остальные были еще не написаны и только задуманы. И как часто Федор Михайлович, прочтя напечатанную главу своего романа, вдруг ясно видел свою ошибку и приходил в отчаяние, сознавая, что испортил задуманную вещь.

— Если б можно было вернуть,—говаривал он,—если б глава не была еще напечатана, и я мог бы ее исправить! Теперь я вижу, в чем затруднение, вижу, почему мне не удастся роман. Я, может быть, эту ошибку вконец убил мою „идею“!

И это была истинная скорбь художника, увидевшего, в чем он ошибался, и не имеющего возможности исправить ошибки! Да, к несчастью, никогда не представлялось ему такой возможности: нужны были деньги для жизни, для уплаты долгов, а потому приходилось, несмотря на болезнь, иногда на другой день после приступа эпилепсии, с отуманенной головой, садиться за работу, спешить, еле просматривать рукопись, только бы она была послана к сроку и можно было бы получить за нее гонорар. И никогда-то (кроме „Бедных людей“) не довелось Федору Михайловичу написать произведение не наспех, не торопясь, обдумав все детали романа и обстоятельно обсудив его план, словом, создать произведение. Такого великого счастья судьба не послала Федору Михайловичу, хотя это было всегда его задушевной, но, увы, недостижимой мечтой...»

Архивы А. Г. Достоевской, исчезнувшие рукописи писателя в Ялте летом 1918 года— вот первое звено в цепи моих поисков неизданных материалов Достоевского. Второе звено в этой цепи связано с именем дочери писателя Любови Федоровны. Из четырех детей Анны Григорьевны выжили двое— Любовь Федоровна и Федор Федорович. По словам Андрея Федоровича, его отец, Федор Федорович, несомненно обладал литературным талантом, но одна лишь мысль о том, что он должен подписываться именем „Достоевский“, приводила его в

ужас, и Федор Федорович так и не решился что-либо напечатать. Федор Федорович скончался в Москве от тифа в 1921 году. Все, что было при нем „достоевское“, т. е. завещанное отцом или подаренное матерью, он еще при жизни передал государству.

II. ЛЮБОВЬ ФЕДОРОВНА ДОСТОЕВСКАЯ

Иной оказалась судьба Любви Федоровны. Она росла болезненным ребенком, и значительная часть ее жизни прошла на различных, в основном заграничных, курортах и в санаториях, где она лечилась от своих многочисленных недугов. Болезни, неудачи в личной жизни сделали Любовь Федоровну крайне самолюбивой, неуживчивой и недоброжелательной. Андрей Федорович неоднократно подчеркивал мне, что в их семье о Любви Федоровне говорили сдержанно. Она как дочь Достоевского не выдержала бремени славы. В то время как ее мать, Анна Григорьевна, продолжала скромно и незаметно трудиться — выпускала собрания сочинений писателя, организовывала музейные выставки, составляла библиографический указатель, — дочь все больше тянулась к великосветским салонам.

Любовь Федоровна выпустила в начале века романы „Адвокатка“, „Эмигрантка“ и сборник рассказов „Больные девушки“. Литературное достоинство этих произведений очень невысоко, они интересны лишь тем, что их написала дочь Достоевского. В 1913 году Любовь Федоровна, как обычно, выехала для лечения за границу, однако больше уже в Россию не вернулась. За границей жила литературным трудом и издала на немецком языке книгу об отце под названием „Dostojewski, geschildert von seiner Tochter“ (Мюнхен, 1920). В русском переводе под ред. А. Г. Горнфельда эта книга вышла в сокращенном варианте под названием „Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской“ (М.; Пг., 1922).

Книгу Л. Ф. Достоевской нельзя назвать мемуарной в точном смысле этого слова: когда умер ее знаменитый отец, ей было всего 11 лет. И там, где она строго придерживается документальных фактов, воспоминаний современников, семейных преданий и, что самое важное, запомнившихся ей рассказов отца и матери, — там изображение Достоевского соответствует действительности. Однако в русском издании 1922 года не вошли многие ценные факты. Я это понял, когда раскрыл немецкое издание книги Любви Федоровны. Особенно заинтересовали меня две главы — „Первые шаги“ и „Салон

Здание острога в Омске, где был заключен Достоевский

графини Толстой“. В главе „Первые шаги“ читатели найдут пропущенные в русском издании сведения об истории создания Достоевским повести „Неточка Незванова“: «Мой отец особенно хорошо чувствовал себя у Виельгорских, у которых можно было послушать отличную музыку... Граф Виельгорский был большим любителем музыки, покровительствовал музыкантам и умел отыскивать их в закоулках столицы. Вероятно, тот особый тип бедного, спившегося, честолюбивого и ревнивого скрипача, которого граф Виельгорский отыскал на чердаке и заставил играть на своих музыкальных вечерах, произвел впечатление на фантазию моего отца, так как для графа Виельгорского он издал свой роман „Неточка Незванова“».

Безусловно, творческий процесс Достоевского был неизмеримо сложнее, чем его изображает Любовь Федоровна, но, независимо от этого, исследователи „Неточки Незвановой“ должны отныне учитывать и приводимые ею факты.

Глава „Салон графини Толстой“ совсем не попала в русское издание 1922 года. После смерти отца Любовь Федоровна продолжала бывать в салоне С. А. Толстой, сумела

многое узнать от нее и рассказала подробнее, чем это сделала в своих „Воспоминаниях“ А. Г. Достоевская.

Дружба, беседы и встречи с С. А. Толстой — одна из самых светлых страниц последних лет жизни Достоевского. Софья Андреевна Толстая (1824—1892) — жена поэта А. К. Толстого. Умная, образованная, очень начитанная, она была в дружеских отношениях с выдающимися людьми своей эпохи: с Гончаровым, Тургеневым, Вл. Соловьевым. Вот что пишет Любовь Федоровна: «Среди литературных салонов Петербурга, которые посещал Достоевский в последние годы своей жизни, самым значительным был салон графини Софьи Толстой, вдовы писателя Алексея Толстого...

Почитатели Достоевского, принадлежавшие к высшим кругам петербургского общества, обращались к графине Толстой с просьбой познакомить их с отцом. Она всегда с готовностью соглашалась на это, но не всегда это было легко. Достоевский не был светским человеком и совсем не старался быть любезным с людьми, которые ему не нравились. Если он встречал людей доброжелательных, чистые и благородные души, он был так добр по отношению к ним, что они никогда не могли забыть его и еще через 20 лет после его смерти повторяли слова, которые Достоевский говорил им. Но если отец видел перед собой одного из многих снобов, которыми полны были петербургские салоны, он молчал упорно. Напрасно старалась тогда графиня Толстая вырвать его из его молчания, искусно задавая ему вопросы; мой отец отвечал рассеянно „да“, „нет“ и продолжал рассматривать сноба, как удивительное и вредное насекомое. Этим своим непримиримым поведением мой отец нажил себе многих врагов; но это всегда мало его беспокоило. Это высокомерие Достоевского находилось в поразительном противоречии с изысканной вежливостью, восхитительной любезностью, с которой мой отец отвечал на письма своих почитателей из провинции; Достоевский знал, что все его мысли, его советы были священными в глазах всех этих сельских врачей, учительниц народных школ и священников из маленьких приходов, в то время как петербургские фаты интересовались им только потому, что он был в моде».

В главе „Салон графини Толстой“ Любовь Федоровна рассказывает также о встречах Достоевского в конце своей жизни с двумя замечательными русскими женщинами — женой известного дипломата Софьей Петровной Хитрово и представительницей Георгиевской общины Елизаветой Николаевной Гейден. В Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина хранится 11 неопубликованных писем

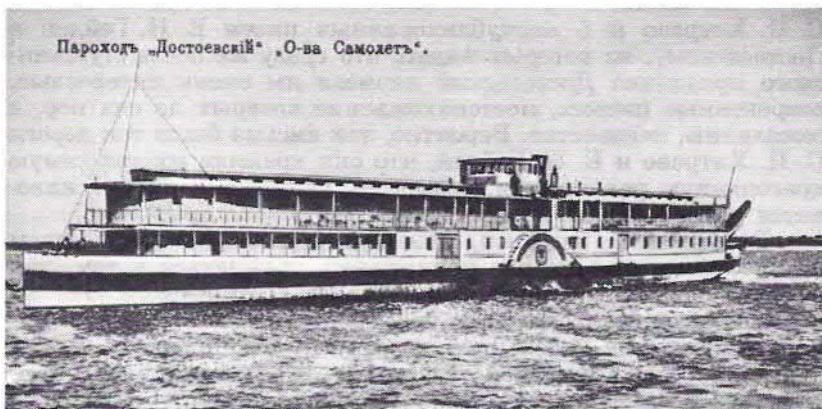
С. П. Хитрово и 5 неопубликованных писем Е. Н. Гейден к Достоевскому, из которых видно, что сразу же после Пушкинского праздника Достоевский написал им очень интересные, сокровенные письма, местонахождение которых до сих пор, к сожалению, неизвестно. Вероятно, эти письма были так дороги С. П. Хитрово и Е. Н. Гейден, что они хранили их как самую драгоценную реликвию и, возможно, сейчас эти письма находятся у кого-нибудь из потомков.

В поисках материалов, связанных с жизнью и творчеством Достоевского, мне не раз приходилось убеждаться в том, как дорого людям все, что связано с именем Достоевского. Однажды профессор Монреальского университета славист Р. В. Плетнев прислал мне небольшую заметку из нью-йоркской газеты „Новое русское слово“ под названием „Жена Павлова“. В этой заметке я обратил внимание на письмо жены физиолога И. П. Павлова Серафимы Васильевны к ученику И. П. Павлова профессору Б. П. Бабкину, где она пишет о своих „поучительных разговорах с покойным Достоевским (хорошо, что я их записала, тогда я была на 3-м курсе). Как понимал он душу человеческую и проникал в темные, бессознательные глубины“. Меня очень заинтересовало это письмо С. В. Павловой, так как из опубликованных в „Новом мире“ в 1946 году воспоминаний Серафимы Васильевны я знал о ее увлечении Достоевским в 1879 году, когда она училась на Петербургских педагогических курсах и действительно была у Достоевского дома.

Я немедленно написал в Рязань, в Музей И. П. Павлова, с просьбой сообщить мне, не сохранилось ли у них записи бесед С. В. Павловой с Достоевским. Получив отрицательный ответ, я попросил Р. В. Плетнева сообщить мне, известно ли ему что-нибудь о местонахождении интересующих меня записей жены И. П. Павлова. К сожалению, он не смог мне ничего сообщить о судьбе этих записей, но, как бы компенсируя неудачный результат моих поисков, написал мне, что в Канаде живет княгиня З. А. Трубецкая, у которой хранятся воспоминания ее матери о Достоевском. Правда, добавил Р. В. Плетнев, княгиня вряд ли расстанется с этими воспоминаниями.

III. ПРОДОЛЖЕНИЕ „БРАТЬЕВ КАРАМАЗОВЫХ“

Перефразируя известные слова Достоевского о Пушкине, можно сказать, что и Достоевский унес с собой в могилу тайну. Тайна эта была связана с продолжением романа „Братья Карамазовы“.

Пароход „Достоевский“. С открытки 1910 г.

Существует четыре версии, четыре свидетельства современников о продолжении романа „Братья Карамазовы“. Прежде всего, предисловие самого Достоевского „От автора“ к роману, во-вторых, „Дневник“ А. С. Суворина, в-третьих, свидетельство Вл. Соловьева, которому Достоевский изложил „главную мысль“, а отчасти и план целой серии задуманных романов, и, наконец, воспоминания педагога и детского писателя А. М. Сливичского о беседе Достоевского с молодежью на Пушкинских торжествах в Москве в 1880 году. Все эти версии достаточно известны в нашем литературоведении, но Л. П. Гроссман в примечании к „Братьям Карамазовым“ в десятом томе собрания сочинений писателя (М., 1958) отмечает, что существует еще одна версия, принадлежащая Н. Гофман. Однако в чем заключается эта версия, где она изложена — на все эти вопросы Л. П. Гроссман не дает ответа.

Меня заинтересовало это краткое сообщение. Мне показалось, что я где-то уже читал про исследовательницу Н. Гофман, и действительно, просматривая еще раз в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина неизданную часть „Воспоминаний“ А. Г. Достоевской, я натолкнулся на упоминание имени Гофман. Примерно лет десять назад в букинистическом отделе „Академкниги“ на Литейном проспекте в Ленинграде я приобрел книгу Нины Гофман „Th. M. Dostojewsky“ (Берлин, 1899), в которой прочел слова Н. Гофман о том, каким должен быть по замыслу Достоевского второй роман о Карамазовых.

Летом 1898 года, т. е. за год до выхода своей биографической книги о Достоевском, Н. Гофман специально приезжала в Петербург, чтобы собрать все необходимые биографические данные у друзей и близких писателя. Вот что пишет А. Г. Достоевская в неопубликованной главе своих „Воспоминаний“, которая так и называется „Nina Hoffmann“: „Летом 1898 года до меня дошел слух, что в столицу приехала из Вены г-жа Hoffmann, автор нескольких немецких статей о произведениях Достоевского. Говорили, что она задумала написать о нем большое произведение... В Петербурге г-жа Гофман познакомилась с некоторыми нашими литераторами (между прочим, с Вл. Соловьевым) и, наконец, приехала познакомиться со мной. Узнав, что она поклонница моего мужа и пишет о нем и о его произведениях, я приняла ее как истинного друга...“

В своей книге „Th. M. Dostojewsky“ Н. Гофман, опираясь, как она пишет, на сведения, полученные ею от самой А. Г. Достоевской, рассказывает о втором романе о Карамазовых: „Алеша должен был, таков был план писателя, по завещанию старца Зосимы идти в мир, принять на себя страдание и его вину. Он женится на Лизе, потом покидает ее ради прекрасной грешницы Грушеньки, которая пробуждает в нем карамазовщину, и после бурного периода заблуждений и отрицаний, оставшись бездетным, облагороженный, возвращается опять в монастырь; он окружает себя там толпой детей, которых он до самой смерти любит и учит и руководит ими. Кому не придет здесь в голову связь с рассказом Идиота о детях, кто не вспомнит маленького героя, все те восхитительные детские черты, которые открывает только любовь“.

IV. ВСТРЕЧАЛСЯ ЛИ ДОСТОЕВСКИЙ С ГОГОЛЕМ?

Есть в моем собрании одна крайне любопытная статья. Она называется „Встреча Достоевского и Гоголя“ и принадлежит перу слависта Юрия Эммануиловича Маргулиеса. Опубликована она в нью-йоркском альманахе „Воздушные пути“ (1963, № 3). Статья эта любопытна тем, что автор ее впервые в литературе предполагает возможности личной встречи Достоевского и Гоголя осенью 1848 года в Петербурге. Статья меня очень заинтересовала, и я постарался найти ее автора. Оказалось, что Маргулиес — многолетний переводчик ООН и в настоящее время живет в Женеве. У нас завязалась переписка, и Юрий Эммануилович сообщил мне, что в „Воздушных путях“ была напечатана лишь часть его статьи. Я попросил его прислать полный вариант работы, что он и сделал.

Работа Ю. Э. Маргулиеса служит как бы недостающим звеном к книге Ю. Н. Тынянова „Достоевский и Гоголь (к теории пародии)“ (Пг., 1921). Если Ю. Н. Тынянов блестяще разрешил проблему «Достоевский—Гоголь и „Село Степанчиково“» с формальной точки зрения, то Ю. Э. Маргулиес пытается решить эту проблему с биографической и идейно-художественной точки зрения. Но гипотеза Ю. Э. Маргулиеса важна не только для биографов Гоголя и Достоевского, эта гипотеза позволяет нам по-новому заглянуть в творческую лабораторию Достоевского, представить заново все стадии работы писателя над „Селом Степанчиковым“ и, наконец, по другому понять самую структуру этого произведения. Но предоставим слово Ю. Э. Маргулиесу (цитируется по присланному мне полному варианту статьи):

«...Всегда живо интересовавшийся литературными движениями, Гоголь, естественно, особенно стремился рассеять невыгодное впечатление, произведенное „Перепиской“ в глазах литературной молодежи. Для этой цели, осенью 1848 г., находясь в Петербурге с середины сентября до середины октября, он обратился к своему приятелю А. А. Комарову, прося устроить ему встречу с молодыми писателями. Комаров был выбран за свои либерально-литературные связи — он был другом Белинского, и Гоголь именно у него и встречался ранее с Белинским. Зная, что либеральные литературные круги особенно резко осуждают его — известное письмо Белинского от предыдущего года не оставляло в этом никаких сомнений, — Гоголь хотел попытаться объяснить с ними. Тот факт, что Комаров любил хорошо поесть и сам искусно готовил, так что стол его пользовался заслуженной славой и высоко ценился, в частности, еще самим Белинским, является лишним аргументом в пользу выбора посредника. Встреча состоялась, но результат оказался, по-видимому, далеко не благоприятным. Вот как описывает ее в своих записках И. И. Панаев, сам на ней присутствовавший:

„Гоголь изъявил желание А. А. Комарову приехать к нему и просил его пригласить к себе несколько известных новых литераторов, с которыми он не был знаком. Александр Александрович пригласил, между прочим, Гончарова, Григоровича, Некрасова и Дружинина. Я также был в числе приглашенных, хотя был давно уже знаком с Гоголем...

Мы собрались к А. А. Комарову часу в девятом вечера. Радужный хозяин приготовил роскошнейший ужин для знаменитого гостя и ожидал его с величайшим нетерпением. Он благоговел перед его талантом. Мы все также разделяли его нетерпение. В ожидании Гоголя не пили чай до десяти часов,

но Гоголь не показывался, и мы сели к чайному столу без него.

Гоголь приехал в половине одиннадцатого, отказался от чая, говоря, что он его никогда не пьет, взглянул бегло на всех, подал руку знакомым, отправился в другую комнату и разлегся на диване. Он говорил мало, вяло, нехотя, распространяя вокруг себя какую-то неловкость, что-то принужденное. Хозяин представил ему Гончарова, Григоровича, Некрасова и Дружинина. Гоголь несколько оживился, говорил с каждым из них об их произведениях, хотя было очень заметно, что не читал их. Потом он заговорил о себе и всем нам дал почувствовать, что его знаменитые „Письма“ писаны им были в болезненном состоянии, что их не следовало издавать, что он очень сожалеет, что они изданы. Он как будто оправдывался перед нами.

От ужина, к величайшему огорчению хозяина дома, он также отказался. Вина не хотел пить никакого, хотя тут были всевозможные вина.

— Чем же вас угощать, Николай Васильевич?— сказал наконец в отчаянии хозяин дома.

— Ничем,— отвечал Гоголь, потирая свою бородку.— Впрочем, пожалуй, дайте мне рюмку малаги.

Одной малаги именно и не находилось в доме. Было уже между тем около часа, погреба все заперты... Однако хозяин расослал людей для отыскания малаги.

Но Гоголь, изъявив свое желание, через четверть часа объявил, что он чувствует себя не очень здоровым и поедет домой.

— Сейчас подадут малагу,— сказал хозяин дома,— погодите немного.

— Нет, уже мне не хочется, да к тому же поздно...

Хозяин дома, однако, умолил его подождать малаги. Через полчаса бутылка была принесена. Он налил себе полрюмочки, отведал, взял шапку и уехал, несмотря ни на какие просьбы...

Не знаю, как другим, мне стало как-то легче дышать после его отъезда“.

Впечатление, очевидно, было самым невыгодным, и несчастный эпизод с малагой как будто немало этому способствовал, если судить по месту, которое он занимает в описании встречи, затемняя собою все и вытесняя полностью разговоры. Записки Панаева, заключающие в себе этот эпизод, были опубликованы впервые в 1860 году. Кроме него о встрече этой писали А. Панаева, очевидно, со слов Некрасова, а также со слов того же Некрасова Суворин, но оба уже значительно позже, настолько, что они явно путают и место и время этой встречи.

Однако раньше, чем появились все эти описания, в 1859 г. вышла в свет повесть Ф. М. Достоевского „Село Степанчиково и его обитатели“ и в ней мы читаем следующее:

„Да не хочешь ли подкрепиться—а? так, эдак... рюмочку маленькую чего-нибудь, чтобы согреться...

— Малаги бы я выпил теперь,—простонал Фома, снова закрывая глаза.

— Малаги? Навряд ли у нас есть!—сказал дядя, с беспокойством смотря на Прасковью Ильиничну.

— Как не быть!—подхватила Прасковья Ильинична,—целые четыре бутылки остались,—и тотчас же, гремя ключами, побежала за малагой, напутствуемая криками всех дам, облепивших Фому, как мухи варенье. Зато господин Бахчевев был в самой последней степени негодования.

— Малаги захотел!—проворчал он чуть не вслух.—И вина-то такого спросил, что никто не пьет!“

Нам кажется, достаточно сопоставить эти два отрывка, чтобы тождественность их бросилась немедленно в глаза. Невозможно допустить совпадения—Достоевский определенно и намеренно пародировал поведение Гоголя на ужине у Комарова, неоспоримо утверждая тождество Гоголя и Фомы в глазах всех тех, кто знал об инциденте с малагой у Комарова.

Но откуда он сам мог знать эти подробности приема? Его повесть появилась в печати целым годом раньше записок Панаева, а начата писанием еще на два года раньше: других описаний он читать не мог, так как их не было; выслушанный от кого-либо из присутствовавших устный рассказ навряд ли бы оставил в его уме след настолько яркий и неизгладимый, что он пронес его через всю каторгу и восстановил полностью десять лет спустя.

Единственное, само собою напрашивающееся объяснение: Достоевский сам присутствовал на пресловутом вечере, где видел Гоголя, а описанную Панаевым сцену он воспроизвел по личному своему, непосредственному воспоминанию...

Так же, как и работа Ю. Э. Маргулиеса, у нас совсем неизвестна маленькая книжечка А. Л. Погодина «„Идиот“ Достоевского и „Калисте“ Де-Шаррьер» (Белград, 1930). Много лет искал я эту книжку, и вот совсем недавно мне любезно пересняли ее сотрудники университетской библиотеки „Svetosar Markovic“ в Белграде. В этой книжечке А. Л. Погодин впервые пытался доказать возможность влияния на роман „Идиот“ романа французской писательницы Изабеллы Шаррьер (1741—1806) „Calliste, ou lettres écrites de Lausanne“, который первый раз вышел в 1786 году, а затем выходил

неоднократно, в том числе в Париже в 1845 году со специальной статьей Сент-Бева.

Весьма возможно, что гипотеза А. Л. Погодина имеет свои основания, так как Достоевский исключительно чутко „улавливал“ идеи, и он один из тех писателей, у которых ничего нет „случайного“. И если, скажем, Смердяков перед самоубийством читает Исаака Сирина, то это „не случайно“. Что-то произошло в душе Смердякова перед смертью, а может быть, ему „врезалось“ изречение Исаака Сирина: „Молчание есть тайна будущего века, а слова суть орудие этого мира“, — изречение, на котором, собственно, и зиждется легенда о Великом Инквизиторе в „Братьях Карамазовых“.

Уже давно я пытаюсь найти следы двух бесед Достоевского с оптинским старцем Амвросием. Правда, эти беседы проходили наедине, в келье Амвросия, но, может быть, потом кто-нибудь записал их разговоры со слов Амвросия. Пока известно только, что Достоевский понравился оптинским старцам, а во Владимире Соловьеве, который был вместе с ним, они нашли много „гордыни“. Собирая материалы об Амвросии, как о возможном прототипе Зосимы в „Братьях Карамазовых“, я обратил внимание на то, что глава „Тлетворный дух“ в седьмой книге романа во многом перекликается со словами старца Амвросия, которые Достоевский мог слышать в Оптиной пустыни, так как их часто повторял Амвросий: „Много я от людей славы при жизни принял и потому от меня будет смрад“. Эти слова старца Амвросия приводятся во многих популярных книжках о его жизни и деятельности, в частности, в книжке Е. Поселянина „Детская вера и Оптинский старец Амвросий“ (Спб., 1913). Известно, что оптинские старцы и, в частности, Амвросий не „приняли“ Зосиму, не сочли его до конца православным. Возможно, беседы Достоевского с Амвросием помогли бы нам прояснить этот любопытный факт.

Ленинград

М. Чудакова, Е. Тоддес

ПРОТОТИПЫ ОДНОГО РОМАНА

Интерес к прототипу — существенная черта читательского отношения к литературе. Можно сказать, что нет библиофила, который не интересовался бы прототипами героев книги, привлекая его внимание. Этот интерес поддерживается и исследовательской традицией, нередко приобретающей почти детективный характер, когда разыскания озаглавливаются: „По следам героев такой-то книги“. Но сама связь „герой— прототип“ не однозначна. Разграничение разных ее видов может начаться хотя бы с очевидного различия случаев, когда герой и прототип носят одно и то же имя—как в историческом или биографическом романе,—и когда они разноименны. В первом случае автор неминуемо ориентируется на некоторое предварительное внелитературное читательское представление о прототипе (личности, событии, явлении и т. д.). Предполагается, что читатель и критика так или иначе—с позиции научного или популярного знания или бытового сознания, „здорового смысла“—сопоставят это свое представление с тем, как отражен в произведении фактический и легендарный материал, которым располагал автор. В принципе неважно, что читательское представление может быть элементарным и смутным (если текст издается с комментариями, оно дополняется и проясняется специально подобранными сведениями),—важно условное отождествление героя и прототипа. (Иногда само произведение принимается за источник—например, „Блокада“ Чаковского в массовой читательской аудитории; аудитория другого типа относится к произведению как к интерпретации источников и подвергает эту интерпретацию—или даже источники—критической проверке.)

Во втором случае, вообще говоря, прототип либо остается частью творческой истории произведения и не сохраняет значения для его художественной системы (примеры этого

рода мы не будем рассматривать), либо встроен в произведение так, что отсылка к нему от героя — предполагается, как в цитате, включенной в художественный текст, предполагается отсылка к источнику, из которого она взята.

В литературе 1920-х годов можно указать несколько таких романов, герои которых проецируются на прототип подобным образом. Один из них — „Скандалист, или Вечера на Васильевском острове“ (1927) В. Каверина.

Роман интересен в большой степени как раз благодаря тому, что построен целиком на прототипах, взятых вместе с их литературно-бытовым окружением, и рассчитан на прочтение именно в этом плане. В этом же плане и выдержаны настоящие заметки.

Творческая история романа освещена автором в одной из статей, где отмечено, что важнейшим звеном работы стало „появление Некрылова“¹. В нем определенная читательская аудитория должна была легко угадать прототип — В. Б. Шкловского.

Персонажи первых рассказов Каверина можно определить, пользуясь подзаголовком „Пятого странника“, — „театр марионеток“. Дальнейший путь очень скоро привел писателя к противоположному принципу построения персонажа — „созданию характера“ (письмо к Горькому от 20 декабря 1923 г.)². Рукописи и печатные тексты показывают, как обращение к прототипам служило тем рычагом, которым он поворачивал свою работу. Впервые этот способ был испробован в „Большой игре“ (1923) (хотя, по-видимому, во вспомогательных целях): Панаеву приданы некоторые черты Е. Д. Поливанова, как позднее Драгоманову в „Скандалисте“³, а о заключительной сцене автор писал Л. Лунцу 14 января 1924 года: „...извини, дружище, посадил в последней главе за стол в клубе тебя (под твоей фамилией) среди Федина, Тихонова, Виктора и Эдвина Вуда“⁴. В печатном тексте подлинных имен нет, кроме имени Виктора; если воспользоваться авторским указанием, то банкомет — Тихонов, „курчавый молодой человек“ — Лунц; „спокойный человек с ясным лицом и стеклянными глаза-

¹ В сб.: Как мы пишем. Л., 1930, с. 65. Авторами статей, вошедших в сборник, были: Велький, Горький, Замятин, Зощенко, Каверин, Лавренев, Либединский, Никитин, Пильняк, М. Слонимский, Тихонов, А. Толстой, Тынянов, Федин, Форш, Чапыгин, Шипков, Шкловский.

² Литературное наследство. М., 1963, т. 70, с. 181.

³ Каверин В. Избр. произв. М., 1977, т. 2, с. 339 (далее автобиографическая трилогия „Освещенные окна“ цитируется по этому изданию, ссылки даются в тексте сокращенно — ИП, с указанием страниц).

⁴ Звезда, 1979, № 3, с. 86.

ми“—Федин; автор ввел в эту сцену и себя—„юноша с горбатым носом, почти мальчик“. Шкловский как прототип появляется и в черновике „Конца хазы“: „Виктор. Шофер, неокончивший студент, хороший писатель—привести некоторые статьи Виктора. Теоретик литературы. Экспансивен, чертовски смел, при сильном горе очень плачет и ревет громко, часто смеется. Некрасив очень, лыс. Мотивирует все теорией литературы, а теорию литературы—автомобильным делом. (Извини, дорогой Эренбург, если в моем романе нечаянно зарежут такого человека.) Бежит из провинциальной тюрьмы, чтобы отомстить“⁵. Как видим, этому персонажу отводилась роль, которую получил затем Сергей Веселаго (в первой публикации⁶—Травин). Замысел остался нереализованным, но его, несомненно, следует считать подготовкой Некрылова в „Скандалисте“. (Дуэль в „Конце хазы“ появилась, как это видно из рукописи, в связи с дуэлью Шкловского, описанной в его „Сентиментальном путешествии“.)

В „Скандалисте“ особенностью взаимосвязи „герой—прототип“ было то обстоятельство, что Некрылов, как и его прототип,—писатель. Обозначение героя, вынесенное в заглавие романа, совпадает с прозвищем Шкловского в кругу Серапионовых братьев—Брат Скандалист (или Брат Беснующийся). В речи Некрылова, Драгоманова, повествователя много цитат из Шкловского—если не точных, то вариаций и т. п. Герой и прототип—автор цитируемых текстов—стоят между источником и цитатой, опосредствуют их связь.

Такого рода связь героя с прототипом ставит нас перед вторым вопросом—о функционировании данного произведения в читательской среде в момент выхода книги и в дальнейшем, по мере обновления читательской аудитории, которое изменяет представление о прототипе и затушевывает саму связь с ним персонажа.

Литературных героев, рассчитанных на узнавание прототипа, можно представить себе как фигуры двухконтурные: „большой“ контур, ориентированный на неопределенную читательскую аудиторию, более расплывчат, но очерчивает более многозначный объем, открытый разным толкованиям. Внутренний, „малый“ контур, ориентированный на определенную аудиторию, очерчен гораздо более четко и плотно заполнен отсылками к конкретной внетекстовой информации—и потому внушает более определенное толкование. Писатель использует неоднородность читательской среды и с помощью прототипа

⁵ Архив В. А. Каверина.

⁶ Ковш. Л., 1925, кн. 1.

расслаивает ее еще и по этому особому признаку, тем самым ее определенным образом организуя и активизируя (создаются устные, а затем и письменные тексты вокруг данного произведения, разгадывающие прототипные реалии, намекающие на них и т. п.). В качестве примера можно указать на Фому Опискина из „Села Степанчикова“ Достоевского: какая-то часть читателей, очевидно, улавливала связь с Гоголем и создала соответствующее предание, какая-то — видела только большой контур, который поглощал — в сознании последующих поколений — те отсылки к прототипу, которые впоследствии реконструировал Ю. Тынянов в работе „Достоевский и Гоголь“. В комментариях такого рода нуждается спустя полвека и фигура Некрылова.

Интересным представляется определение, данное вскоре после выхода романа В. Шкловским: „Писатели, начавшие безматериально, люди типа Каверина и Вагинова, перешли к памфлетным мемуарным романам“⁷. Речь идет о романах К. Вагинова „Козлиная песнь“ (Л., 1928) и „Труды и дни Свистанова“ (Л., 1929), которые критики называли в одном ряду со „Скандалистом“⁸. В героях Вагинова — Тептелкине и Ку-ку — современники видели прототип — литературоведа Л. В. Пумпянского⁹. Если понимать памфлетность в плане негативном, то она окрашивает в романе Каверина только страницы, посвященные Роберту Тюфину или Кекчееву-младшему. Ракурс, в котором изображены Некрылов или Драгоманов, спроецированный на выдающегося языковеда Е. Поливанова, совсем иной — историзация лица-прототипа.

Среди признаков, ее образующих, не только „всемирная известность“ (когда узнавание отдельных реплик или деталей вызывает в памяти читателя весь объем знаний о прототипе, во-первых дополняя ими текст, во-вторых давая почву для сопоставлений: похож — не похож, „правильно“ или „неправильно“ оценен и т. д.), но и соотнесение со „своим“ историческим временем. В связи с этим в авторской речи „Скандали-

⁷ Литература факта. Первый сб. материалов работников ЛЕФа. М., 1929, с. 124.

⁸ См., в частности: Селивановский А. Островитяне искусства. — На литературном посту, 1928, № 22, Берковский Н. Текущая литература. М., 1930, с. 21; рецензии В. Гоффеншефера (Молодая гвардия, 1928, № 12) и Н. Берковского (Красная газета, вечерний вып., 1929, 12 января). Берковский находил, что «портретное начало еще сильнее у Вагинова, в его аналогичной Каверину „Козлиной песни“». Тон этой рецензии вызвал отповедь О. Мандельштама в статье „Веер герцогини“ (Киевский пролетарий, 1929, 25 января).

⁹ Кожин В., Конкин С. Михаил Михайлович Бахтин: Краткий очерк жизни и деятельности. — В кн.: Проблемы поэтики и истории литературы: Сб. статей. Саранск, 1973, с. 7.

ста“ создаются специфические развернутые метафоры времени: „Прошло и навряд ли когда-нибудь возвратится загадочное время, когда на историческом театре, под гром и молнии гражданской войны, появилась с пером в руках комнатная Россия. Она сидела в валенках за канцелярским столом, вброшенным в княжеские и купеческие особняки, и листала журнал входящих и исходящих бумаг, превращенный в новое евангелие новых канцеляристов“¹⁰.

Историзация прототипа предполагает отсутствие в персонаже той пародийности, которая есть в романах Вагинова (где герою приданы черты лица скорее уж „последнего исторического“, поскольку показано вымывание исторического начала, замещение исторического времени — календарным) или в „Театральном романе“ Булгакова (написан в 1936—1937 гг.), где, скажем, историзация прототипов Ивана Васильевича и Аристарха Платоновича уже произошла в реальности — и автор придает ей в романе гротескный характер. Если некоторые из героев „Скандалиста“ сопоставимы с героями „Театрального романа“, то Некрылов и Драгоманов сопоставимы скорее с героями „Сумасшедшего корабля“ О. Форш (1930), где, однако, в отличие от романа Каверина, историзация подвергнут момент десятилетней давности, а не мимотекущая современность.

Одновременно с Кавериним и его старшие современники испытывали потребность оценить литературное значение Шкловского — не только Тынянов и Эйхенбаум, которые в 1928—1929 годах намеревались издать книгу о нем¹¹, но, например, и далекий от этого круга А. Белый¹². Б. М. Эйхенбаум писал о Шкловском: „Он существует не только как автор, а скорее как литературный персонаж, как герой какого-то ненаписанного романа — и романа проблемного“¹³. „Проблемой“ являлось само биографическое поведение Шкловского, а оно было обращено им в излюбленную литературную тему. В записях, сделанных Кавериним в 1926 или 1927 г. для занятий руководимого им семинара по современной прозе в Ленинградском институте истории искусств, о героерассказчике Шкловском говорится: „Характер настолько четкий, что, имея в виду его книги, можно писать о нем как о

¹⁰ Цитаты из „Скандалиста“ даются по 1-му изданию романа (Л., 1929).

¹¹ См.: Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977, с. 569—570.

¹² Белый А. Ветер с Кавказа. [М.], 1928, с. 180—182.

¹³ Эйхенбаум Б. Мой современник. Л., 1929, с. 131.

герое литературного произведения. Сам лезет в роман¹⁴. Поэтому под прототипом Некрылова надо понимать не только реальное лицо, но и литературную личность, про которую было сказано: „...тот Виктор Шкловский, про которого я пишу, вероятно, не совсем я, и если бы мы встретились и начали разговаривать, то между нами даже возможны недоразумения“¹⁵. Шкловский строил свою прозу так, как если бы читатели знали биографию автора или даже были знакомы с ним и его друзьями и, в частности, включал в нее свои письма к Тынянову, Эйхенбауму и другим. Таким образом, роман Каверина возник на литературно-биографической основе, созданной самим прототипом. Объясняя появление Некрылова, можно вспомнить и следующие слова Шкловского: „Я больше говорил, чем писал. То, что я говорил, помогало писать, но не записано“¹⁶. Это „не записанное“ было „записано“ Кавериным и помогало построению романа.

„Скандалист“ был задуман как опровержение литературных взглядов Шкловского, отрицавшего в спорах о путях развития русской прозы саму возможность современного, не эпигонского, романа. Отсюда слова Драгоманова в его последнем разговоре с Некрыловым, отраженные затем в финале, — об „учениках“, которые „не умеют писать романы, но для того, чтобы вывести тебя, они научатся этому делу“ (с. 289). „Человеческие судьбы, личные отношения не хотят пересекаться с материалом“, — писал Шкловский¹⁷. Задачей Каверина (как он пишет об этом в „Очерке работы“, открывающем его собрание сочинений 1963 г.) было опровергнуть точку зрения и прогнозы Шкловского. „Человеческие судьбы“ и „личные отношения“ в „Скандалисте“ включены в литературный быт, но он дан не как у самого Шкловского, шедшего за В. Розановым, а именно как „быт“ в традиционном социально-психологическом романе. При этом Каверину удалось „историзовать“ узкий, казалось бы, круг специфически профессиональных „страстей“ — за ними ощущаются коллизии более широкого значения. Чтобы понять это, следует обратиться к основному литературному источнику образа Некрылова — книге Шкловского „Третья фабрика“ ([М.], 1926); к ней дана в „Скандалисте“ прозрачная, с указанием издательства, отсылка: «Она выходит в „Круте“, в декабре» (с. 94).

¹⁴ Архив В. А. Каверина.

¹⁵ Шкловский В. Гамбургский счет. Л., 1928, с. 106.

¹⁶ Шкловский В. Пять человек знакомых, 1927, с. 95.

¹⁷ Там же, с. 97.

„Третья фабрика“ написана об отношениях автора с текущим временем (не в философском, но социальном и историческом смысле слова), и этим отличается от „Сентиментального путешествия“ — воспоминаний о недавнем прошлом (войне и революции). „Время не может ошибаться, время не может быть передо мной виноватым“ (с. 16). „Мы лен на слище“ (с. 39) — эта метафора проходит через всю книгу, задавая тон и не связанным с ней прямо высказываниям: „Если отрезать Брику ноги, то он станет доказывать, что так удобней“ (с. 62). „Нет сил сопротивляться времени и, может быть, не нужно. Может быть, время право. Оно обрабатывало меня по-своему“ (с. 93), а через две страницы: «Боюсь уступить своему времени. Все выйдет хорошо и вдруг окажется, что ты согласился с —,без ног лучше»» (с. 96). Скандалы Некрылова, их значение в романе могут быть достаточно поняты только с учетом этих колебаний Шкловского. Они скрыто присутствуют и в кульминационном заявлении Некрылова: „Я живу со своей эпохой, я знаю, как это делается“. В этих словах основной мотив „Третьей фабрики“ соединяется с известной опоязовской формулой (работа Шкловского «Как сделан „Дон-Кихот“»; ср. в „Третьей фабрике“: „Если я... успею разобрать, как сделана 1001 ночь...“ — с. 33). И то и другое знание поставлено в романе под сомнение.

Литературная и бытовая личность Шкловского так сфокусировала в себе именно в конце 1920-х годов изменения, которые произошли за несколько лет в жизненном поведении людей, что фигура Некрылова ввела в роман Каверина тему времени — в смысле „Третьей фабрики“: того времени, которое в течение недолгого календарного срока разделилось для современников на несколько исторических полос. Каверин стал писать о людях, которые „рождены одной эпохой, вскормлены другой и пытаются жить в третьей...“ (с. 11). Проецируя свой роман на „Третью фабрику“, он использует, в частности, то место из книги Шкловского, где говорится о полинезийцах, измерявших время по горению трухлявых деревьев: „Говорят, что если деревья выбраны неудачно и горят слишком скоро, то целое племя может умереть от преждевременной старости“ (с. 119). Это место цитируется в речи Некрылова на ужине литераторов в его честь: „Товарищи, у готтентотов были такие племена, где люди измеряли время огнем. Они зажигали дерево, и оно медленно горело. Я где-то писал об этом (выделено нами. — М. Ч., Е. Т.). Они медленно считали время. Потом они переселились на другое место, где дерево горело в несколько раз быстрее. И они умерли. В три года. Товарищи, нам есть еще о чем говорить! Не будем считать время

по-разному“ (с. 140—141). Очень важная фраза: „Нужно это давление времени использовать!“ (с. 141)—вариация лейтмотива „Третьей фабрики“; сама же метафора подсказана следующим рассуждением: „Мы (Опояз) не трусы и не уступаем давлению ветра. Мы любим ветер революции. Воздух при 100 верстах в час существует, давит. Когда автомобиль сбавляет ход до 76, то давление падает. Это невыносимо. Пустота всасывается. Дайте скорость“ (с. 17). Некрылов своими скандалами пытается продлить горение, увеличить скорость, заполнить пустоту.

Сходным образом варьируется текст „Третьей фабрики“ в обращенных к Некрылову словах Драгоманова об учениках: „Они проедут на велосипедах по тем местам, по которым ты прошел с барабанным боем“ (с. 289),—ср. у Шкловского: „Вешайте мой портрет, друзья, в университетском коридоре... и катайтесь мимо меня на велосипедах“ (с. 33; ср. с. 20—об „изобретении велосипеда“). Фраза Драгоманова „И не нужно торговать наукой“ (с. 290) связана с главой „Роману Якобсону“ в той же книге Шкловского: „Наукой ты не торгуешь“ и „Я не торгую, я танцую наукой“ (с. 68). Эта блестящая автохарактеристика была обгрызана в критике: „Он танцует и литературой. Его книги—литературный балет, иногда литературная акробатика“¹⁸. Отсюда очевидна неслучайность такой детали, как танцующая походка Некрылова—в противоположность хромоте Драгоманова, которая также могла осмысляться в качестве косвенного указания на прототип (ср. свидетельство И. Ю. Крачковского: „...постепенно мне вспомнилось, что человек, с которого Каверин писал литературный портрет, был безруким.—Звезда, 1937, № 6, с. 227; одноруким был сделан Панаев в „Большой игре“).

Другие книги Шкловского также отразились в „Скандалисте“, хотя и в меньшей степени. Когда упоминается „чувствительность“ Некрылова (с. 82), то имеется в виду не только и, может быть, не столько определенная черта личности прототипа, сколько конкретные тексты Шкловского, особенно „ZOO“—например: „Разрешите мне быть сентиментальным“ или: „Я очень сентиментален, Аля“¹⁹. Шкловский писал о Каверине: „Из всех Серапионов он один не сентиментален“²⁰. Говоря о „чувствительном“ Некрылове, автор „Скандалиста“ постарался оправдать эту характеристику. Отметим еще две переключки с названными произведениями Шкловского. Острота Драго-

¹⁸ Лежнев А. Современники. [М.], 1927, с. 135.

¹⁹ Шкловский В. ZOO, или Письма не о любви. Л., 1924, с. 13, 76.

²⁰ Шкловский В. Сентиментальное путешествие. М., Берлин, 1923, с. 379.

манова о Некрылове: „Если я — Робинзон, так ты — представитель от обезьяны на необитаемом острове“ (с. 88) — воспроизводит следующее место „Сентиментального путешествия“: „Я, если бы попал на необитаемый остров, стал бы не Робинзоном, а обезьяной, так говорила моя жена про меня; я не слышал никогда более верного определения“ (с. 238). Упоминание в „Скандалисте“ о „стеклянных комнатах, придуманных Велимиром Хлебниковым“ (с. 295), мотивировано вообще тем, что Хлебников — любимый поэт Шкловского, но есть и конкретная мотивировка — отсылка ко второму письму „ZOO“, где трагическая ирония строится на контрасте между хлебниковской утопией (стеклянные комнаты) и реальностью (обычная комната; могила: „Вот и нашлось помещение для странника, не стеклянное, правда“ — с. 22); темой утопического жилища по Хлебникову Шкловский начнет впоследствии свои „Поиски оптимизма“, 1931.

Ориентация на прототип была основой не одного главного героя, но общим принципом всей системы персонажей „Скандалиста“. (Ряд ценных наблюдений в этой связи был сделан английским исследователем Д. Пайпером в его книге о Каверине, 1970, и особенно К. Жанти в дипломной работе, 1974 — 1975, выполненной во время ее стажировки в СССР и широко охватывающей соответствующие факты; перечень прототипов дан также, со слов автора, Н. Сокологорской во французском издании романа, 1974.) Так осуществлялось то обучение роману, о котором думает в финале Некрылов: „Время напишет о нем роман... — А пусть-ка оно сперва научится писать романы“ (с. 292). Насколько сильной была в определенной среде потребность в историзации современности, в сопоставлениях с иными периодами русской культуры, показывает дневник В. М. Эйхенбаума, одного из тех, кто стоял в центре научной и литературной жизни Ленинграда тех лет. 9 февраля 1928 года, накануне выхода второго номера „Звезды“ с началом „Скандалиста“, он записывает: «В Институте истории искусств (на Курсах) — вечер Каверина. Я был председателем, В. А. Гофман говорил вступительное слово. Веня читал отрывки из своего романа „Скандалист, или Вечера на Васильевском острове“, часть которого я слышал раньше. Некрылов — Шкловский, Драгоманов — Поливанов (в главе, где вечеринка, он же вместо Юрия), а кругом мелькают всякие — Д. К. Петров (смерть), и П. А. Лавров, и Э. Радлов, и Садофьев, и Слонимский, и Федин вместе с Толстым (Тюфин) — вплоть до аспирантов (Бухштаб, Гинзбург). Выходит, но кое-где слишком вылезает нагота материала. Во всяком случае, после „Десять десятых“, „Ревизора“ и „Воробьиной ночи“ — новый путь. Я думал

о том, что повторяются в новом виде 60-е годы. Тенденциозная, „идеологическая“ беллетристика, с одной стороны („пролетарская“), а с другой — Тынянов, как Толстой²¹, Веня — вроде Ахшарумова, от авантюрного романа („Чужое имя“) к памфлетному — „Мудренное дело“²². Здесь, как и в приведенном выше высказывании Шкловского о Каверине и Вагинове, возникает ассоциация с памфлетным романом; любопытно, что Н. Д. Ахшарумова упоминал и Шкловский (в цит. статье из „Литературы факта“) — он говорил о романе „Натурщица“, где „выдуманная женщина судом протестует против судьбы, которую ей приписал автор“.

По устному свидетельству В. А. Каверина, помогающему расшифровать запись Эйхенбаума, некоторые черты профессора Петербургского университета славяноведа П. А. Лаврова (1856—1929) отразились в Ложкине, философа Э. Л. Радлова (1854—1928) — в Вязлове. Упоминание Эйхенбаума об испанисте Д. К. Петрове (1872—1925) указывает прототип Ершова. „Поэт с громоподобным голосом“ отождествляется с И. И. Садофьевым (с. 91); в Супецком видела „серапиона“ М. Л. Слонимского, в Красовском — лингвиста Л. П. Якубинского, ранее входившего в Опояз. В аспирантах, возражающих Некрылову (с. 138—140), Эйхенбаум не мог не узнать своих учеников по Государственному институту истории искусств Л. Я. Гинзбург и Б. Я. Бухштаба (ныне известных ученых).

Очень ценно свидетельство Эйхенбаума, подтверждаемое автором, о том, что оппонентом Шкловского на одной из встреч с ленинградскими литераторами был Тынянов (который писал в незаконченной статье о Шкловском: „...нас связывает дружба — в большом и даже порою враждебном значении этого слова“)²³. В этой связи нужно отметить, что при общей установке на прототип, внушаемой и читателю, соотношение героя и прототипа было разным для разных персонажей романа. Поэтому и узнавание может иметь разное значение — либо неопределенной и проблематичной догадки, либо разгадки, без которой восприятие романа останется неполноценным. Некрылова автор стремился максимально приблизить к прототипу, задачей было построить художественную концепцию реальной личности, создать свидетельство о ней. Драгоманову отводилась отраженная, теневая роль — роль оппонента Некрылова; приближение к научной биографии Поливанова было

²¹ Имеется в виду место исторического романа в сравниваемых Эйхенбаумом литературных ситуациях.

²² ЦГАЛИ, ф. 1527, оп. 1, ед. хр. 245.

²³ См.: Тынянов Ю. Н. Указ. соч., с. 569.

в данном случае для автора не столь важным, тогда как несомненно важны были детали поведения и эпизоды, участвовавшие в создании легенды о нем: ср. Вязлов о Драгоманове: „Третьего дня он явился на лекцию, прошу извинения, в подштанниках“—эпизод, зафиксированный устными свидетельствами современников. Поливанов с 1921 года не жил в Петрограде; в лекции Драгоманова (с. 39—41) излагаются взгляды не Поливанова, а близкие к лингвистическим воззрениям Н. Я. Марра, против которого Поливанов в действительности решительно выступал. Сложнее обстоит дело с другой его лекцией—о „речевом производстве“ (с. 251—256): здесь пародируется „лингвистическая технология, на основе научного знания решающая практические вопросы социального речевого, так сказать, поведения“ (Г. О. Винокур), которыми занимались и Л. П. Якубинский, и Поливанов. Образцом же послужила лекция-мистификация О. И. Сенковского „О древности имени русского“, прочитанная в 1847 году в Петербургском университете (причем вместо профессора произнес ее некий адъюнкт—как Леман вместо Драгоманова; упомянем, что прототипом Лемана был литературовед М. К. Клеман). Каверин занимался Сенковским, выпустил книгу о нем („Барон Брамбеус“, 1929, 2-е изд., 1966) и, в частности, изучал эпизод с мистификацией—когда на торжественном акте закрытия учебного года в присутствии министра народного просвещения и других высокопоставленных лиц была зачитана „диссертация“, в которой утверждалось, что „славянская нация, и во главе ее русское племя, есть первенствующее между народами, как самое древнее“ и что „вся древняя история есть не что иное, как хроника славянского племени“²⁴. Как свидетельствует Каверин в беседе с авторами статьи, Тынянов считал лекцию о „речевом производстве“ „великолепным концом для Драгоманова“; он вместе с автором сочинял драгомановскую схему речевых групп и „хотел очень“; фраза „А также пропала и сама машинка Адлер“ (с. 255) придумана им.

В еще большей степени отдален от прототипа Ложкин—настолько, что автор, по его словам, использовал и некоторые впечатления от Эйхенбаума, ученого совершенно иного направления и биографии, чем П. А. Лавров. Такое странное сочетание могло осуществиться только как явление творческой истории романа, но не его художественной системы (в этой же связи следует добавить, что изучение древнерусской „Повести о Вавилонском царстве“—факт биографии автора, переданный герою,— см. ИП, с. 413). С другой стороны, эпизодические

²⁴ Русский архив, 1872, стб. 1934—1936.

персонажи, даже не поименованные, рассчитаны на точную однократную идентификацию: таков, по-видимому, „усач“ (с. 59) — А. Чапыгин — или прозаик, который „грустным голосом читал забавнейший рассказ“ (с. 95), — М. Зоценко (по книге которого гадают Верочка Барабанова — с. 261; прототип — Вета (Елизавета) Долуханова, жена художника В. В. Дмитриева; в 20-е годы ею был увлечен Тынянов).

Особый интерес представляет Ногин. По признакам молодости, „ученичества“ он стоит в одном ряду с Кекчевым-младшим (прототипом которого послужил историк П. П. Щеголев, сын П. Е. Щеголева) — и противопоставлен ему. Он и Кекчев — две возможности, два пути поколения, идущего на смену поколению Некрылова и Драгоманова.

Читатель, уловивший в романе общую установку на прототип, должен был заметить в Ногине каверинские автобиографические черты. Так, в печатных автобиографиях Каверин сообщал, что учился одновременно в университете и в Институте восточных языков, — то же говорится о Ногине (с. 37); в 1926 году была напечатана первая статья Каверина о Сенковском, который сделан предметом занятий и Ногина. Друзья Ногина вспоминают, как он одевался „под Гофмана“ (с. 111), — Каверин в статье о своей работе писал об университетских годах: „...на лекции — дань увлечению немецкими романтиками — я ходил в огромном плаще“²⁵. Первый рассказ Ногина, по тому, как он передан в романе, должен был отождествляться с рассказом Каверина „Одиннадцатая аксиома“, не опубликованным, но известным достаточно широко (Серапионы, Горький, Шкловский, Тынянов, Эйхенбаум)²⁶. Другим указанием (во всяком случае, для того же круга) на автора как на прототип было имя Шваммердам в стихах Ногина²⁷. Замысел рассказа о Шваммердаме (ср. Сваммердам в „Повелителе блох“ Гофмана) — первый прозаический замысел Каверина; над этим рассказом он много работал в 1920—1921 годах, но не закончил его²⁸. И „Одиннадцатую

²⁵ В сб.: Как мы пишем, с. 60; там же указана реальная мотивировка стилизованного двучленного названия романа: вечерние лекции в университете „филологи называли вечерами на Васильевском острове“.

²⁶ Рассказ (рукопись его находится в Пушкинском Доме) был премирован на конкурсе Дома литераторов в 1921 г., что и положило начало известности Каверина в литературных кругах (см. ИП, с. 349—357).

²⁷ О коммуне, в которой происходит чтение стихов Ногина, см. ИП, с. 326—327; там же, с. 333 — о других стихах, использованных в „Скандалисте“ (с. 198).

²⁸ С этим замыслом связан рассказ „Манекен Футерфаса“ (Петроград, 1923, № 15) — „переодетый Шваммердам“, как называет его автор в письме к Л. Лунцу от 14 января 1924 г. (Звезда, 1979, № 3, с. 86).

аксиому“, и „Шваммердама“ он читал „Серапионам“. Поэтому в данном случае обращение к ранним опытам, к архиву писателя позволяет узнать то, что знала его аудитория по авторским чтениям. Тем самым вопрос о функционировании романа в читательской среде приобретает конкретное содержание. Так, Горький мог увидеть в стихах Ногина указание на прототип, поскольку он читал одну из редакций „Шваммердама“ („Повесть о портном“)²⁹. Таким образом, Ногин, как и Некрылов, отражал некоторые литературные тексты — тексты ранних не напечатанных, но известных определенной аудитории рассказов Каверина.

Отметим еще один мотив упомянутого раннего замысла, нашедший продолжение в „Скандалисте“. В „Шваммердаме“ был использован петербургский миф, идущий из XVIII века, через пушкинский „Медный всадник“, через Достоевского и „Петербург“ А. Белого (о чтении романа и знакомстве с автором см. ИП, с. 270—274). Кульминационный поединок происходит между Медным всадником — „Петром правым, защитником святым мертвого города“ — и дьявольской („левой“) „бесплотью“ — очертанием, оторвавшимся от человека. „Скандалист“ — в определенном смысле тоже „петербургский“ роман. Некоторые его фрагменты ориентированы на петербургский миф, например: „Симметрическими, невзирая на ветер, рядами стояли петровские здания. Город, как никогда, казался выдутым из кулака, высосанным из пальца... Санкт-Питер-Бурх! Парадиз!“

Ярко написанные эпизоды наводнения тщательно снабжены разного рода отсылками к пушкинской поэме и ее мифологическому контексту (война Невы с Петербургом, „предсказание о гибели города, построенного антихристом на болотных пучинах“); любопытно, что дана и „отвлекающая“ отсылка, чтобы „забыть“ Ложкина не ассоциировалось прямо с безумием Евгения в „Медном всаднике“ (см. с. 368—369).

Возвращаясь к Ногину, следует отметить его специфическую роль в романе. Он — тот „ученик“, который научится писать романы, как предсказывает Драгоманов Некрылову. А поскольку роман должен быть написан о Некрылове и прототипом Ногина выступает сам автор, предсказание оказывается сбывшимся. В романе, таким образом, идет речь о самом этом

²⁹ См.: Литературное наследство, т. 70, с. 560. Отзыв Горького здесь ошибочно отнесен к повести Вс. Иванова „Чудесные похождения портного Фокина“ — публикаторы не располагали рукописью рассказа Каверина и не могли удостовериться в том, что именно этот рассказ Горький цитирует и оценивает.

романе и, благодаря прототипным чертам персонажа,—о его авторе. В развитом виде построение этого типа хорошо известно сегодняшнему читателю по роману Булгакова „Мастер и Маргарита“. И в „Скандалисте“ оно имеет существенное значение.

Как мы уже говорили, обращению к прототипам предшествовал у Каверина „театр марионеток“; уместно указать особо на предысторию приема „автор—прототип“. Он связан, видимо, с ролью повествователя как разрушителя условности в ранних вещах, например в „Хронике города Лейпцига“. Аналогичная роль намечалась и в „Конце хазы“, по крайней мере на одном из этапов работы. В эпизоде, озаглавленном в рукописи „Кошмар Сергея“, бежавший из тюрьмы арестант разговаривает в поезде с незнакомцем, который утверждает, что знает его, видит каждый день,—„удивительно прямо, до чего трудно мне с вами. Не работал я до сих пор на таком материале“. «Я, с вашего позволения, писатель.— Писатель? Как писатель? Если писатель, то как же ваша фамилия?—Моя фамилия...—Человек в серой кепке замаялся на мгновенье, покраснел чуть-чуть.—Каверин, Вениамин Александрович.—Сергей тоже рассмеялся и снова лег на пол.—Каверин? Не знаю. Ничего не читал“. В рукописи помечено: „Автор еще несколько раз появляется в романе, жалуясь или смеясь, оплакивая друга или как-нибудь еще. Разговор о самом романе“³⁰. Излишне останавливаться на том, что такого рода разрушение литературной условности (в силу которой автор должен быть невидим, не поименован, не может участвовать в действии) тут же вводит условность иную. При ее посредстве имитируется преодоление границы между текстом и реальностью. Затем, однако, такая игра была оставлена только в предисловии, где она строилась на взаимопроникновении литературы и „жизни“, биографии, причем именно писательской биографии:

«16 мая 1924 года я закурил папиросу, взял в руки перо и принялся за повесть о веселых людях, которые заслуживают того, чтобы о них была написана повесть... Я ни в коем случае не мог бы, подобно Эренбургу, сослаться на предсмертное желание кого-нибудь из них, чтобы я запечатлел его жизнь в память потомству. Наоборот, Шмерка Барабан, например, однажды ударил меня пивной бутылкой по голове за одно намерение что-либо написать о нем. Он говорил, что о нем „достаточно писали в судебном порядке“, и пенял мне за то, что я даром трачу время... Это упорное нежелание оставить

³⁰ Архив В. А. Каверина.

хотя бы незначительную память о себе легче всего объяснить скромностью, которая всегда отличала моих друзей, и, быть может, некоторым недоверием к моим силам. Я знаю, например, что Саша Барин поручил однажды описать свою жизнь небезызвестному П-ку³¹, с которым он часто выпивал вместе, но П-к отказался якобы за неимением времени... Работа моих друзей говорит сама за себя и не нуждается в высоком стиле, который принято теперь называть словесным орнаментом. На этой скрипке еще играет кое-кто, но струны на ней ломаются с каждым годом. Поэтому пусть читатель простит мне почти протокольный тон моей истории. За последнее время так долго играли на орнаментальной скрипке, что не грех немного прокатиться на протоколе...»³²

Предисловие не вошло в печатный текст — по-видимому, автор хотел довести до конца расподобление повести с ранними рассказами. В „Скандалисте“ нет ничего похожего на „игровую“ роль повествователя, но эта его функция не просто отброшена: она „втянута“ в конструкцию персонажа (Ногина), поглощена ею — и „возвращена“ той части читательской аудитории, которая способна была уловить в Ногине прототипные черты.

Любопытно проследить, какие изменения претерпела в нескольких редакциях романа фигура Роберта Тюфина (фамилия, шифрующая фамилию К. Федина, придумана, по словам автора, с помощью Тынянова). Этот персонаж был задуман как „закрывающий в себе“ два прототипа — Федина и А. Толстого. Речь Тюфина, сохраняя, по-видимому, связь с некоторыми устными и письменными текстами первого прототипа (ср. о „мужике“ в разговоре Тюфина с редактором — с. 60 и в статье Федина в сб. „Как мы пишем“, с. 175—176), несла вместе с тем сильнейший отпечаток личности и поведения А. Толстого. Уместно будет для сравнения отослать читателя к „Театральному роману“ М. Булгакова: рассказы Измаила Александровича о Париже и рассказы Тюфина о Семьякине и артистке из театра миниатюр кажутся страницами одного и того же романа с одним и тем же героем. Второй прототип в последующих редакциях „Скандалиста“ стал побеждать. Следом этого процесса осталось разное именование героя в первом отдельном издании романа: в сцене в редакции — Роберт Тюфин, в сцене с Кекчевым-старшим (в котором современники узнавали соавтора Толстого по пьесе „Заговор императрицы“ и другим П. Е. Щеголева) — Шаховской. В следующей ре-

³¹ Т. е. Пильняку. Черновой вариант: „М. С-кому“ (т. е. Слонимскому).
³² ИРЛИ, ф. 172.

дакции, вошедшей в собрание сочинений 1930 года, изменены были портрет и характеристика героя, ставшего Николаем Шаховским: „Шаховский был толст, величествен, небрежен. Легкость, с которой он жил и работал, была предметом зависти осторожных литераторов нового поколения.

Это была легкость толстяка и писателя, не испугавшегося своих ошибок.

Русскую литературу он считал завещанной себе — и старинная фамилия, которую он носил, поддерживала в нем это убеждение“. В издании 1935 года фамилия героя еще раз изменена, но сохранена ее окрашенность: Путятин; так же в собрании сочинений 1963 года. В выходящем сейчас новом собрании сочинений „Скандалист“ дается по тексту первого издания, разумеется, с устранением разнобоя в именовании героя — он носит имя Роберт Тюфин.

Разговор Некрылова с Тюфиным, вызванный желанием „обидеть“ его, ведет к остротам Шкловского, направленным по конкретному адресу и, вероятно, имевшим устное хождение, — ср. в „Гамбургском счете“, с. 17: „Видал карточку (кажется) К. Федина. Он сидит за столом между статуэтками Толстого и Гоголя. Сидит — привыкает“. Оценка Шкловским романа Федина „Города и годы“, обращенная против „литературной реставрации“, помогает понять то, что говорит Некрылов Тюфину (с. 84—86): „Константин Федин сердится на меня и говорит, что романа я не читал... Нет, я разделил его (роман) на уроки и прочел. Разрезал роман на куски и складываю из него новые романы под Вальтер Скотта, Диккенса и Эренбурга. Умею, выбрасывая острашение и игру под Стерна, обращать лирические места в Тургенева. Но, Федин, неудача романа ведь местная, это он мне не нравится“ („Пять человек знакомых“, с. 97 и далее о роли „родства в сюжетном построении“). Некрыловские тирады в этом эпизоде могли иметь мишенью и роман Федина „Братья“ (1927—1928), и роман А. Толстого „Сестры“ (1922). В статьях Шкловского это суждение повторяется не раз — и на все более широком материале. Схема „Два брата“, пишет автор, достаточно широко известна. Она напоминает довольно известный мотив в литературе. В этом легко можно убедиться, прочитав „Враги“ Бориса Лавренева, „Лавровы“ Слонимского, „Братья“ Федина. „Сердит это и у Леонова в „Скутаревском“. По словам Шкловского, сюжет романа Юрия Олеши „сделан“ на двух братьях³³.

³³ Шкловский В. Мир до глубины. — См.: Чудакова М. О. Поэтика Михаила Зощенко. М., 1979, с. 181.

Упомянем еще одно разночтение. Некрылов зовет ленинградцев в журнал „Мена всех“ (в журнальном тексте также „Мевс“); в издании 1963 года, рассчитанном на новые поколения читателей, для которых прототипные реалии времени остались неизвестными, автор сделал название журнала более прозрачным — „Левый фланг“, указывая на „Новый лев“ (левый фронт), активным сотрудником которого был Шкловский (замечание Драгоманова: „Гимназический журнал неизвестного семейства“ целило в О. М. Брика; его же и его работу о звуковых повторах в стихе Драгоманов имеет в виду в другом эпизоде, иронизируя над Бруком,—с. 64). „Мена всех“ — подлинное название альманаха конструктивистов (1924), оно понадобилось Каверину для соотнесения с названием известного сборника „Смена вех“: переориентация, переоценка ценностей, происходящая вокруг и в нем самом, — основная проблема Некрылова. „А вехи мы не меняем. Вехи нужны не для нас, а для обозов“.— писал Шкловский за несколько лет до „Третьей фабрики“³⁴. Положение авангарда и обозов не оставалось неизменным. Автор „Третьей фабрики“ готов изменяться под давлением времени. Но это в его понимании должна быть драма, которая послужит материалом новой литературе, деланию новых художественных ценностей и право на которую (и на слово о ней) он защищает. Простое следование за временем, покорность быту, в том числе литературному, которые он видит вокруг, способны породить только эпигонскую литературную продукцию. Поэтому он хотел бы поменять или хотя бы изменить всех — от Драгоманова с его одинокой скептической гениальностью, думающего спастись от времени самоубийством или бегством в Персию, до молодого бюрократа Кекчеева. Надо учесть также и то, как воспринималась во второй половине 20-х годов научная эволюция Шкловского и близких ему литературоведов, — например, сообщение о докладе Шкловского по его книге о Л. Толстом было озаглавлено: „Смена вех“³⁵. Историзовались не только люди и события, но и слова.

Роман Каверина может быть сочтен за „младшие мемуары“, если отнести к „старшим“, например, воспоминания А. Белого, а к „средним“ — прозу Мандельштама, Шкловского и „Охранную грамоту“ Пастернака. И сами ситуации этого романизированного мемуара репродуцировались младшим автором в ситуациях реальных. Свидетельство этого оставлено на страницах дневника Б. Эйхенбаума. 5 марта 1928 года он

³⁴ Книжный угол, 1922, № 8, с. 24.

³⁵ Читатель и писатель, 1927, 24 марта.

записывал (наши пояснения даем внутри цитаты в угловых скобках): «Сегодня было заседание Отдела <словесных искусств ГИИИ опять с Витей <Шкловским, приехавшим за день до этого из Москвы>... Витя говорил сначала о разном — и очень хорошо, по-настоящему, как он один умеет. Потом прочитал целиком первую главу своей книги о Толстом. После чего попросил слова Веня <Каверин> — бледный, усталый, взволнованный, дрожащий. Тема — Ленинград и Москва. У Шкловского не выходит беллетристика — и он пустился в историю литературы, но она тоже не выходит... Не понимаю, что с ним случилось — он на себя был не похож. Неужели на него так действует ирония? Юрий <Тынянов> говорил о „Новом лефе“ (документы), я говорил кое-что. Затем разразилось. Витя заговорил спокойно, но... распался и заговорил в своем крупном плане, бешеным голосом. Это было прямо мощно. Дальше пошел разговор о Лефе и о нас < т. е. о возможности сотрудничества филологов ГИИИ с „Новым Лефом“>. Говорил С. Третьяков <член редколлегии „Нового Лефа“> — спокойно, но с упреками. „Мы думали, что здесь если не родные братья, то двоюродные. Надо решать — работать вместе или быть врагами. Нельзя считаться родственниками и потому не сожительствовать“. Говорил еще Юра, говорил я — разошлись на том, что надо связаться в Москве и поговорить деловым образом»³⁶. Так уже печатавшийся в „Звезде“ роман вклинивался в середину еще не окончившихся споров, опережал (если не прогнозировал) новые „скандалы“ и выяснения литературно-научных отношений, характерные для второй половины 20-х годов.

Запись показывает, что роман возник в литературно-общественной ситуации, которая напряженно переживалась ее участниками как момент выбора, имеющий биографическое, жизнестроительное значение. Мы видели это на примере „Третьей фабрики“ — сам автор потому и отнес ее к числу тех книг, которые „не только пишутся, но происходят, случаются“. Примерно тогда же, в декабре 1926 года, Эйхенбаум записывал в дневнике: «Вдруг наступил тот „промежуток“, который я предвидел и которого так боялся. Стало ясно, что надо что-то в своей жизни и работе переделать, — надо сделать какой-то переход, какое-то резкое и решительное движение». „Да, да, самое главное сейчас — сосредоточиться на вопросе о личном пути, об эволюции“. В этом ключе Эйхенбаум воспринял „Третью фабрику“ Шкловского. Рецензируя ее, он писал: „Анекдот и биография — вот что осталось нам от литературы.

³⁶ ЦГАЛИ, ф. 1527, оп. 1, ед. хр. 245.

Остальным завладела жизнь и кинематограф. Писателю отведен маленький участок, пустырь“; книга Шкловского „дает то, что нужно: голос человека, думающего о своей судьбе. И в этом смысле она — поступок“³⁷. Когда „Скандалист“ уже был известен читателю, Шкловский отстранился от „Третьей фабрики“ (и — в его терминах — остранил ее): „...я написал „Третью фабрику“, книжку для меня совершенно непонятную. Я хотел в ней капитулировать перед временем... Признать современность. Очевидно, у меня оказался не такой голос“ („Гамбургский счет“, с. 109). Для Тынянова также наступает в 1928—1929 годах момент итогов и кризиса.

Оценки этих лиц, входивших в прототипную сферу романа, в том числе их претензии к нему, представляют специфический интерес. Эйхенбаум отмечал „наготу материала“ (см. выше). Тынянов, отвечая на несохранившееся письмо Шкловского, писал: „В одном ты не прав: что я тебя не люблю и что Венька говорил моим голосом... у него материалы — мы — лежим на столе. А у нас с тобой этот самый материал пахнет мясом, и еще поджаренным, и еще своим“³⁸. Особенно острым было суждение Шкловского в цитированной нами статье, вошедшей в сборник „Литература факта“: Каверин и Вагинов „делают ошибку, потому что нельзя пририсовывать птичьи ноги к лошади, — птичьи ноги можно пририсовать только к дракону, потому что дракона не существует“ (с. 124). Неоднократно утверждая в те годы, что мемуары сейчас читаются как художественная проза, „факты переживаются эстетически“, Шкловский считал, что смешение „фактов“ и „вымысла“ подрывает художественную действенность „памфлетных мемуарных романов“.

В „Третьей фабрике“, оказавшейся столь важной для „Скандалиста“, Шкловский писал: „Личная судьба моя не поместилась в книжку. Кончилась в детстве. Жизнь выдуло в щели. Не были отоплены соседние комнаты“ (с. 133). Роман Каверина „сквозит“ в окружающую его литературно-общественную реальность и потому, с одной стороны, должен дополняться историко-литературным комментарием (без которого исчезает из поля зрения немалая часть его содержания), а с другой стороны — сам может служить источником для реконструкции некоторых сторон общественной обстановки (как преломлялась она в сознании определенных слоев интеллигенции) и литературно-научного быта 20-х годов.

³⁷ Красная газета, вечерний вып., 1926, 15 окт.

³⁸ ЦГАЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 723.

Дела

живущие

Ник. Старицын

ВСТРЕЧИ С ПРОШЛЫМ

Заметки букиниста

ГОСПОДИН БЕРЖЕРЕ В КНИЖНОЙ ЛАВКЕ

В 1899 году в одном из домов на Арбате родился мальчишка. Его окружало великое множество книг. Солидные тома в кожаных переплетах и скромные брошюрки в бумажных обертках заполняли шкафы, стояли стопками на полу, окнах и даже под кроватью...

Этим малышом был я, а книги принадлежали моему отцу — хорошо известному в Москве букинисту Александру Михайловичу Старицыну.

Через несколько дней после этого значительного в моей биографии события меня крестили. Об этом обычном для того времени деле не стоило бы упоминать, если бы не примечательная деталь: восприемником был закадычный друг моего отца, тоже известный букинист — Иван Михайлович Фадеев. Забегая вперед, сообщу, что спустя пять лет мой родитель стал крестным отцом сына Ивана Михайловича. Новорожденного назвали Александром. В честь моего отца. Я стоял у купели и не подозревал, что из этого горластого дитяти вырастет самый, пожалуй, знающий и известный букинист грядущих десятилетий...

О многолетнем директоре „Книжной находки“ Александре Ивановиче Фадееве, этом удивительном знатоке не только книги, но больше того — библиофильской души, умевшем доставить радость собирателям нескольких поколений, я мечтаю рассказать особо. Поэтому пойдём, дорогой читатель, дальше...

Я рос, как все дети, лишь моими игрушками были не оловянные солдатики, а книги с картинками. Отец, милый и добрый до всепрощения человек, шутливо называл меня „директором“. Я был его любимцем.

Сам же отец был плохим „директором“, лишенным какой-либо купеческой изворотливости. Основанный им еще в 1883 году магазин приносил ничтожную прибыль, которая только

что не давала семье умереть с голода. Но он тонко разбирался в книгах, славился как знаток почерков. Именно это качество помогло ему среди бумажного хлама открыть давно разыскиваемый архив любимца Петра I — князя Александра Даниловича Меншикова.

Абсолютная трезвость, обязательность и честность привлекали к отцу многих крупных собирателей. Так, по поручению известного П. И. Щукина, он объездил север России, бывал на родине — в затерянном среди архангельских лесов Каргополе. Возвращался с богатой добычей рукописей, старинных книг, народных нарядов и ремесленных поделок из кости, дерева, глины.

Среди покупателей отцовского магазина были люди разные: популярные писатели и ученые, студенты и чиновники. В 1913 году нас посетил приехавший в Москву Анатолий Франс, большой знаток редкой книги.

Отца, как назло, не было на месте. Но на писателя, видимо, доброе впечатление произвело обилие в магазине хороших книг. Среди них были и произведения самого Франса. Этот визит не прошел незамеченным. Искусствовед Абрам Эфрос издал в 1926 году изящную книжечку об этом посещении — „Господин Бержере у Старицына“. Бержере — это и есть А. Франс.

Отец до самой смерти вспоминал об этом визите. Впрочем, смерть не заставила себя ждать. В октябре того же 1913 года он умер.

СОКРОВИЩА СТАРОЙ УСАДЬБЫ

Хотя у меня было двое братьев (младший, Сергей, здравствует и ныне), книжная торговля легла на плечи меня одного, а начавшаяся мировая война нимало ее процветанию не способствовала. Голь на выдумки хитра: я назначал книгам цену в два раза меньшую, нежели у других букинистов. Этим и привлекал к себе, сводил хоть как-то концы с концами.

Говорят, новичкам везет! Наверное, это так. Ибо на всю жизнь запомнил свою первую крупную покупку. Случилось это в 1916 году. На германском фронте погиб полковник Ранцев. Его собрание славилось великолепной подборкой мемуаров, редких изданий по россике и истории войн.

Вдова Ранцева решила расстаться с библиотекой. За помощью обратилась к крупнейшему коллекционеру гравюр Сергею Петровичу Виноградову. Тот, памятуя о многочисленных книжных услугах ему моего отца, дал мне рекомендательное письмо.

Так я очутился в имении Ранцевых в Рязанской губернии — верстах в пятнадцати от станции Грязи. В старинной дворянской усадьбе обнаружил более полутысячи томов, „одежных“ в великолепный наряд — полукожаные, с золотым тиснением, переплеты. Все это я перевез в Москву. Чтобы поддержать меня, часть этих книг купили И. М. Фадеев и П. П. Шибанов.

...Грянула революция. Я стал служить в государственных книготорговых организациях. Много лет работал разъездным агентом в Отделе комплектования Библиотеки имени В. И. Ленина. Где только не довелось побывать мне, с какими потрясающими людьми и книгами не встречался за долгие годы этой работы! О некоторых из них и хочу рассказать.

ВСТРЕЧА С РАДИЩЕВСКИМ „ПУТЕШЕСТВИЕМ...“

В январе 1790 года в Петербурге начали печатать одну из самых знаменитых русских книг — „Путешествие из Петербурга в Москву“. К маю вышло 650 экземпляров. Но 30 июня автор издания А. Н. Радищев был по высочайшему повелению заточен в Петропавловскую крепость, почти весь тираж уничтожен. До наших дней дошло менее двух десятков экземпляров. Каждый из них стал государственной ценностью. Тщательно изучена их судьба. Иметь „подлинного Радищева“ — заветная, но несбыточная мечта многих поколений библиофилов.

Автору этих строк сказочно повезло: экземпляры „Путешествия...“ мне попадались дважды.

После войны мой большой друг Ф. Г. Шилов прислал мне из Ленинграда чрезвычайно взволновавшее меня письмо. Он сообщал, что продается знаменитая библиотека инженера В. М. Кантора. Его собрание славилось множеством раритетов — от инкунабул до эльзевиров. Я поспешил в Ленинград.

Не знаю дела более интересного, чем разбор книг, которые предстоит приобрести. Каждый час работы в квартире Кантора дарил незабываемые и волнующие мгновения: одна редкость сменяла другую.

И вдруг сердце от волнения едва не остановилось. У меня в руках — первое издание радищевского „Путешествия...“. Тщательно разглядываю титульный лист, проверяю пагинацию — не подделка ли? Нет, это настоящий Радищев!

Позже я выяснил историю этой реликвии. Экземпляр некогда принадлежал петербургскому собирателю Н. П. Дурову. Некоторое время хранился в библиотеке И. Остроглазова,

позже — у Н. и В. Рогожиных. Но затем его следы затерялись. И вот теперь это сокровище отыскалось!

Со всеми предосторожностями я перевез его в Москву (об этом хорошо рассказал в своей „Власти книги“ Олег Ласунский). В тот же день бесценный раритет поступил в Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина.

За отыскание этого экземпляра мое имя было занесено в Книгу Почета Библиотеки.

СМИРНОВ-СОКОЛЬСКИЙ ЛИКУЕТ...

История другого экземпляра „Путешествия...“ связана с именем моего старого друга Н. П. Смирнова-Сокольского. Мы познакомились в 1936 году, когда я работал в букинистическом магазине № 14 в Столешниковом переулке. Николай Павлович, веселый и шумный, всегда был желанным гостем в нашем магазине. Быстро проходил в кабинет директора А. Г. Миронова. Здесь его уже ждали специально отложенные книги. Миронов хорошо знал собрание Сокольского — именно ему принадлежит заслуга в комплектовании значительной части библиотеки Николая Павловича.

Справедливости ради замечу, что Сокольский не отличался особой щедростью при приобретении книг. Порой цены ему казались слишком высокими. Из-за этого он упустил немало редкостей, о которых позже искренне тужил.

Временами он собирал у себя дома друзей-букинистов. Мы приезжали обычно втроем — директор нашего магазина Алексей Григорьевич Миронов, старший товаровед Александр Сергеевич Бурденюк и я. Хлебосольная жена хозяина Софья Петровна делала вполне праздничный стол. Николай Павлович показывал последние книжные приобретения, рассказывал историю интересных изданий. Позже, читая ставшие ныне популярными „Рассказы о книгах“ (вышедшие третьим изданием) и двухтомную „Мою библиотеку“ Смирнова-Сокольского, я узнавал в них многое из тех давних бесед.

Какие редкости удавалось ему отыскать! Даже мы, умудренные многолетними книжными поисками, диву давались. И лишь когда речь заходила о радищевском „Путешествии из Петербурга в Москву“, лицо Николая Павловича становилось грустным. Как мечтал он о приобретении этого уникала! Но где его взять, если в нашей стране насчитывалось всего несколько экземпляров, да два за рубежом... Но он трепетно ждал своего часа. И дождался!

Здесь я сделаю маленькое отступление. История классиче-

ской „библиофильской“ смерти коллекционера П. В. Шапова, умершего от огорчения, когда в типографии погиб его экземпляр „Путешествия...“, хорошо известна. Издатель А. С. Суворин, желая компенсировать экземпляр, уничтоженный по неведению его типографскими рабочими, обратился за помощью к московскому антиквару П. П. Шибанову. Тот опубликовал объявления. Книгу удалось приобрести у петербургского чиновника В. М. Юзефовича (впрочем, она уже не помогла Шапову), а еще один экземпляр поступил от одного провинциального священника. Именно этот последний экземпляр имеет к моему рассказу прямое отношение. Шибанов книгу приобрел и реставрировал. Вскоре он ее продал богатым братьям-коллекционерам Харитоненко. Затем книга поменяла нескольких владельцев. В советское время она однажды продавалась в Лавке писателей.

И вот как-то букинист А. Д. Тарадин, зная меня как заядлого собирателя, предложил купить „Путешествие...“. Но цена книги показалась мне слишком „крутой“. Я попросил время, чтобы обдумать предложение. Не спал ночь, размышляя, где взять значительную сумму денег. Как у всех настоящих собирателей, у меня никогда не залеживалась лишняя копейка, все шло на приобретение книг. Оставалось только продать значительную часть библиотеки, чтобы купить единственную книгу. Но расставаться с изданиями, которые за долгие годы к сердцу прикипели, на которых изучил каждое пятнышко!

Так и не придя к окончательному решению, я утром позвонил Николаю Павловичу.

— Так уступите ее мне! — страстно заговорил Смирнов-Сокольский. — Осчастливьте!

Я не мог устоять. В тот же день Тарадин повез книгу на Бронную, к Сокольскому. Тот дал за нее целую библиотеку приключенческой литературы (владелец „Путешествия...“ сам был собирателем) и стал обладателем радищевского сокровища. Ликованию легендарного библиофила не было конца!

ФАРФОР НА ПОДОКОННИКЕ

Меня иногда просят назвать самую интересную библиотеку из тех, что мне доводилось приобретать. „Самых интересных“ было несколько.

С середины тридцатых годов я работал разъездным товароведом Мосбуккниги. Изъездил всю страну вдоль и поперек.

Однажды оказался в Муроме. Шли так называемые „плановые“ закупки. Я расклеивал объявления о том, что приобретаю книги. В определенные часы ко мне приходили желающие продать какие-нибудь редкие издания, показать альбомы с иллюстрациями.

Как-то возвращаюсь вечером после работы в гостиницу, вдруг вижу в окошке деревянного дома целую группу фарфоровых фигурок. Интересно стало. Стою, разглядываю. Дело в том, что я сам долгие годы собирал фарфор. Потом решил, зашел в подъезд, постучался в квартиру.

Дверь открыла симпатичная старушка. Я объяснил, что любопытно взглянуть на коллекцию. Меня приветливо пригласили зайти.

— Уж какая у меня коллекция!— всплеснула руками старушка.— Так, склеенные да побитые безделушки. А вот есть у меня знакомец, так у него действительно целый музей их, фигурок-то.

И собеседница тут же дала мне адрес загадочного владельца домашнего музея. Вскоре я дергал за ручку звонка заветного дома.

Дверь открыл симпатичный человек лет сорока. Он вежливо пригласил меня в квартиру.

Меня поразила обстановка: мебель красного дерева, хорошие картины и... конечно, книги. Их было довольно много, они отличались великолепием кожаных переплетов с золотым тиснением.

Выяснилось, что мой собеседник—отпрыск дворянской фамилии Мелик-Пашаевых. Обстановка—остатки прежней роскоши. Хозяин был рад моему приходу. Мы поговорили о книгах, о фарфоре, о собирательстве до полуночи. Не хотелось покидать гостеприимный дом.

На следующий день я вновь пришел к Мелик-Пашаеву. Он показал роскошные английские альбомы с цветными гравюрами конца XVIII столетия, книги по истории России, прижизненные издания Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Многое мне удалось приобрести.

Но бывали встречи с книгами и печальные. В Тамбове находилась библиотека, оставшаяся от одного из графов Толстых. В ней было отличное собрание гравюр, среди которых—шедевры Рембрандта, Дюрера, Доре. Но хранились эти сокровища крайне небрежно. Уже в Москве я был вынужден по этому поводу обратиться в соответствующие организации, чтобы навести порядок.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ И ДРУГИЕ

Мне довелось встречаться со многими интереснейшими людьми. В сороковые годы я работал в магазине № 1, что на улице Горького. В доме напротив жили многие выдающиеся деятели культуры. Один из них — Демьян Бедный.

Он почти ежедневно заходил к нам. Долгим, внимательным взглядом рассматривал книги на полках. Вкусом обладал тонким — пустяков не покупал. Любил поговорить о книгах. Иногда эти беседы затягивались, и мы продолжали их уже у него дома. О собрании Демьяна Бедного в двух словах не расскажешь: оно было, возможно, одним из самых лучших в нашей стране. Жаль лишь, что этот популярнейший поэт не оставил, подобно Н. П. Смирнову-Сокольскому, ни описания своей библиотеки, ни другого библиографического труда.

По соседству жил и Иван Никанорович Розанов. Покупал книги он редко, ибо считал, что у него уже „все есть“. Но, как и всякий собиратель, любил поговорить о книгах. Причем рассказывал о них в такой популярной и увлекательной форме, что вокруг Ивана Никаноровича обычно собиралась толпа посетителей: так всем было интересно!

Заглядывал изредка и Алексей Елисеевич Крученых. Сухощавый, порой небрежно одетый, он разыскивал некоторые недостающие у него издания футуристов десятих годов. (Заметим, что он сам был автором таких редкостей, которые оформляли Наталья Гончарова или Илья Зданевич.) Однажды он попросил меня зайти к нему домой на Кировскую. Там он мне показал целую гору футуристических дублетов, которые хотел продать. Но мне цена показалась высокой. Ведь в те времена такого рода книги подолгу залеживались на прилавках. Так мы и не сошлись на цене.

Как-то в магазин принесли довольно основательную подборку книг Ильи Григорьевича Эренбурга. Я решил позвонить автору по телефону. Был приглашен в гости.

И вот стою в квартире популярнейшего писателя. Илья Григорьевич был, видимо, ужасно занят. Он извинился, что не имеет возможности уделить мне должного внимания. Книги (это были издания 20—30-х годов) купил почти не разглядывая.

Эренбург жил в одном доме с Демьяном Бедным. Здесь же размещалась (она и нынче там находится) мастерская замечательных советских художников Кукрыниксов. М. В. Куприянов, П. Н. Крýлов и Н. А. Соколов постоянно приобретали книги по искусству.

Это милейшие люди: обаятельные, обходительные, знающие и любящие книгу. Особенно близок мне Порфирий Никитич Крылов. Сын токаря патронного завода в Туле, он благодаря необычайному таланту и трудолюбию проделал удивительный путь от кладовщика инструментального цеха до художника-академика. Простой и общительный человек, он серьезно, обстоятельно рассказывал о своих творческих планах, о вновь приобретенных книгах и картинах. Замечу, что Порфирий Никитич собрал уникальную коллекцию полотен русских живописцев. Более двухсот картин безвозмездно передал в художественный музей родного города Тулы.

На этом показательном эпизоде я и закончу свои краткие заметки.

Литературная запись В. Лаврова

Евгений Иванов

МОСКОВСКИЕ БУКИНИСТЫ

Начало века

Воскресенье. Седьмой час утра, а на старой московской Сухаревке (ныне Колхозной площади) суетится уже немало народа. Выстраиваются нескладные палатки, расстилается прямо на земле холстина для „развала“, расставляются ящики, подтягиваются возы с упакованным „на живую руку“ товаром. Через час-два здесь откроются импровизированные торговые ряды: меховые, кустарные, кондитерские, тряпичные, готового платья, музыкальный, антикварный, книжный. Книжники поспевают раньше других и давно уже рассыпают свои громоздкие тюки, перевязанные прочной веревкой. Да и не мудрено — книга требует времени на разборку, удачное размещение „глазком“ к покупателю и сортировку по содержанию.

В палатках книжного ряда будут сидеть те, кто покрепче в смысле оборотного капитала, кто обладает должным ассортиментом и кто поэтому пользуется особым авторитетом в книжном мире и знакомствами с „самостоятельным“ покупателем. Здесь, напротив старого ананьевского дома, — основная резиденция книги; здесь ее рыночный центр и место законных встреч с любителем-библиофилом. За палатками, на мостовой разбросают свой товар „земляники“, более слабые — перепродавцы, оперирующие „разнобоем“ и „липой“.

С раскладкой спешат, скоро начнут появляться неизменные покупатели Сухаревки.

Первым приезжает на разбитом экипаже московского „ваньки“ Кирилл Николаевич Николаев, владелец магазина на Сретенке. Он должен, определив конкурентов, еще до открытия базара осмотреть все „редкости“, выторговать их у владельцев и с чувством особого удовлетворения направить на свой склад. Он усердно работает глазами, руками и набитыми в бумажник кредитками.

Почти одновременно с ним у палаток начинает сновать и маленькая, шупленькая фигурка антиквария Ерыкалова, пре-

небрегающего книгой и избравшего центром своего внимания старинный фарфор, бронзу, мебель и живопись. Оба они роются так, что напоминают трудолюбивых, отыскивающих свой корм утренних кротов. Медлить нельзя — помимо скупщиков натекает лавина народа из любопытных и ищущих развлечения на праздничном рынке столичных жителей. Среди них может найтись „перехватчик“ на товар.

У „развала“ выросли завсегдатаи. Вон удивительно колоритная фигура с внешностью живописца. Это „книжник Илья“, которого Сухаревка прозвала в шутку — Пачечник, навсегда забыв его настоящую фамилию. Специальность его — „пачечная липа“. Целую неделю он скупает всякую книжную дрянь, выбрасываемую солидными букинистами за ненадобностью, переплетает ее в приличные, также купленные в „ломе“ папки и наклеивает на корешки не соответствующие содержанию названия. „Рецепты мыловарения“ он снабжает этикеткой „Полное собрание сочинений“ какого-либо писателя, например, Некрасова, а календарь Гатцука переделывает в Лермонтова. Изделия свои крепко увязывает бечевкой в пачку и по сходной цене продает наивному покупателю не разрезая, оптом. Только придя домой, счастливы обнаруживают обман: добродушные смеются над ловкостью „липача“, а серьезные — грозят неосуществимой местью. Чаще всего своими жертвами он намечает лиц состоятельных, которые реже идут на скандал...

Василий Петрович Волнухин, за которым прочно установилась кличка „Куб“, держит свой товар на опрокинутом вверх дном ящике. Прозвали его так по недавней основной профессии — работника кухмистерской, где на его обязанности лежало наблюдение за водогрейным кубом. Он — верх добродушия, простоты, на прозвище не сердится, и его любят завсегдатаи, величая в знак уважения еще и по имени-отчеству. Не столько знают Волнухина, сколько Василия Петровича Куба. Многие советуются с ним при покупке как с наиболее опытным товарищем. Если у него не спорится дело, продажа идет вяло, он со вздохом жалуется:

— Куб ты, мой куб, что ты долго не кипишь?..

Иван Алексеевич Любимов (за глаза — „тверской мужичок“ и „народник“) тоже нагрузил себя объемистыми книжными кипами и с деловым видом обсуждает текущие события.

Миша Герасимов, он же Грузинский, один из первых успел „наторговать“... и горячо убеждает какую-то духовную особу в целесообразности приобретения по доступной цене „Домашней гигиены для девушек“.

День Сухаревки сумбурный, крикливый, для многих бесплодный. В четыре часа „староста“ ее Иван Матвеевич

Груздев звонит в „вечевой“ колокол, извещая о конце рыночной продажи. Все складываются и разбредаются по трактирам и чайным на беседу, обмен мнениями и новостями...

В Москве существовали старые, специальные биржи букинистов: трактир „Орел“ на Сухаревской площади и трактир Абросимова на Малой Лубянке. В первом сходились не одни книжники, с шести часов утра здесь встречались и антиквари, аукционщики, ювелиры, меховщики. Второй был центральным местом книжников. Здесь был даже особый книжный зал с букинистическим складом, где по стенам хранились от ста до ста пятидесяти пудов книг, предназначенных для продажи.

Абросимовский трактир был „без крепких напитков“, но пьяных можно было найти сколько угодно. „Выручал“ соседний погребок, где и запасали то, чего не хватало на буфетной стойке.

В зале был стол, который регулярно занимала любопытная личность книжного мира Федор Петрович Теплухин, владелец всех фундаментальных литературных залежей — так называемого специального склада. Это была, пожалуй, одна из центральных фигур уличной книжной торговли. Он занимался тем, что снабжал товаром бульварных „путальников“ или „бойцов“, одолевавших приставаниями всех прохожих и сбывавших этим путем залежалый товар. Для того чтобы сделаться „бойцом“, следовало заручиться расположением Теплухина и получить небольшой кредит. Последнее требовалось потому, что на занятие этим шли люди опустившиеся, часто имевшие за собой судебные провинности. Денег у них не бывало. Придет такой и просит:

— Федор Петрович, одолжите в долг книжечек?

— А деньги принесешь или сбежишь?

— Да что вы, помилуйте... Зачем так поступать!..

— Ну на тебе, в первый раз, на полтину, после свидимся — еще добавлю...

Получивший кредит в пятьдесят копеек шел скорее „базарить“. Если „по-хорошему“ возвращался и приносил задолженность, то доверие увеличивалось до рубля, а если „не доносил“, — уменьшалось до гривенника. При этом читалась внушительная нотация о честности и высоких добродетелях. Исправившемуся прощалось „опороченное прошлое“. Сам Теплухин был до „занятия книгой“ скобяником и считал приобретение человека к торговле особой нравственной заслугой. „Товар“ его состоял в основном из макулатуры, магазинной завали или изданий Коновалова и Морозова, которые ставили на них, для авторитета книги, несуразные цены...

Были и такие, которые литературу, свезенную из провинции и с аукционов железных дорог, продавали на вес; за фунт книг — пять — десять копеек: Боборыкин — по пятачку, Гоголь — по семь копеек. Здесь можно было натолкнуться на „разнокалиберные“ собрания, то есть от разных изданий, и „сборные“, где одна книга могла быть составлена из трех разных.

На бирже происходили и совещания торговцев, устанавливавших общий курс на серьезную „спросовую“ книгу. Делалось это как для поддержания взаимного авторитета, так и для денежных выгод от оборота.

В четыре часа дня у Абросимова можно было производить „осмотр“ букинистической Москвы. Сюда сходились не только владельцы небольших „подзаборных мест“, „ручники“ и разносчики, но даже крупные фирмы засылали своих представителей. В течение недели трактир заменял Сухаревку. „Книжный нерв“ или „центр деловых свиданий“ — так говорили про него.

Знали трактир также покупатели и коллекционеры и нередко его посещали. В числе их бывали курьезно-характерные фигуры. Появлялись, едва ли не через день, двое помощников пристава местного участка. Один собирал и скупал классиков, а другой всю революционную литературу, несомненно, направляя ее „по начальству“. Полиция держала книжников под бдительным надзором, и для этого требовался наивный „коллекционерский“ предлог.

Вдоль всей Китайгородской стены тянулся ряд мелких книжных лавочек. Они лепились к нишам стен, вылезали из всех уголков, щелей и трещин. Здесь помещалась постоянная ярмарка букинистов. Самым типичным был знаток лицевых и старописных книг Большаков. Прекрасная модель для художника: одетый в русскую поддевку и сапоги, нервный, худой, подвижный. Знакомясь с покупателями, обычно спрашивал:

— Дозвольте узнать, как ваше святое имячко?

А потом долго и упорно торговался.

Специальностью этого человека было нахождение редких памятников старины, грамот, рукописей и икон. В музеях немало предметов, приобретение которых связано с его именем.

Главную же „фольклорную“ пестроту представлял бульвар, где кипела уличная война книжников с прохожими. „Война“, по-моему, верное определение этой торговли. Продавали „в напор“, то есть настойчиво преследуя пешеходов, убеждая на всяческий манер и почти насильно всовывая в руки книги. Для этой специальности требовалась большая развязность и

неутомимость, отсутствие обидчивости и умение ловко ответить. Иную жертву преследовали в очередь; один за другим, пока человек не терял голову, запас терпения, способность возражать и не брал каких-нибудь совершенно ненужных изданий.

В описываемый период среди издателей появилась некая вдова Попова, занявшаяся выпуском запрещенной литературы. Вышли тогда у нее книги „Очерки современных казней“, где подробно описывались смерти Каляева и Балмашова, и Асина — „Страшно жить“... По административному распоряжению оба издания подлежали конфискации и уничтожению. Прятали их частями в различных складах. За распространение их взялся книжник Дмитрий Сергеевич Симаков, на первых порах удачно. Симаков был выучеником варшавского магазина Карабасникова и последовательно прошел большую школу делового, знающего продавца. Обстоятельства забрасывали его и в сухаревскую палатку Семена Мироновича Ширияева, прозванного, благодаря сходству с портретом поэта, „Пушкиным“, и „на развал“, и на бульвар, и опять возвращали в лучшие магазины, как, например, в „Труд“ издателя газеты „Борьба“ Сергея Аполлоновича Скирмунта. Симаков и „поохотился провести“ книгу. Подобрал помощников — разносчиков Василия Эскина и Илью Красикова. В десять тысяч тираж „раскинули“ удачно. Совали в пачки, маскировали лубком, календарями и т. п. Только гладко дело это все же не прошло. Ночным полицейским арестом забрали всех. Выбраться впоследствии из арестного дома удалось с затруднениями и с ухудшением в положении. Всех взяли на учет...

У Ильинских ворот был центр торговли книжной завалью, фотографиями, игральными картами и мелкими брошюрами такого же пошиба. Покупали этот товар гимназисты и наезжавшие в город богатые крестьяне. Материал для сбыта доставляли особые поставщики.

К бульварным книжникам примешивались и лубочники — продавцы ярко намалеванных литографий, записных книжек и канцелярских принадлежностей.

Иначе обстояло дело в московских книжных складах, магазинах и лавках. Там были особые нравы и порядки.

Большой популярностью пользовался Павел Петрович Шибанов, имевший склад на Никольской улице. Регулярным выпуском печатных каталогов он сумел тесно связать себя с провинциальным потребителем. Это один из крупнейших знатоков книг, доживший в своем деле до виртуозности. Спросишь его, бывало, в каком году издана такая-то книга, а он, в мгновение, не только на вопрос ответит, а приведет еще

сведения о тираже, листаже, месте выхода и даже, по желанию, типографию назовет. Сразу и не верится, что человек может обладать такой памятью и осведомленностью. При колоссальном опыте и умении быть интересным собеседником Шибанов обладал, однако, одним недостатком, которого многие любители ему не прощали. Если чувствовалась особенная нужда посетителя в книге, то, сообразно с темпераментом покупателя и с вдохновением продавца, повышалась и цена на нее. Делал это Павел Петрович убежденно, самыми различными приемами, неизменно и на протяжении многих лет торговли книгами.

То уверял, что пометка стоимости старая, требующая изменений, а то просто обнаруживал в ней опisku. Эта странность на многих действовала во всех отношениях отрицательно и находились такие, которые посылали к Шибанову взамен себя знакомых.

— Дмитрий Сергеевич, заплачу тебе три рубля,—сходи за меня и купи у него что мне надо,—обращались они, бывало, к старым торговцам...

Кирилл Николаевич Николаев торговал на Сретенке. Это был один из серьезных знатоков своего дела. Он же считался и учителем книжников, не прятывшим от них опыта и сведений. За это его не особенно долюбивали „солидные фирмы“. Система обучения была у него своеобразная. Принесет ему мелкий продавец книгу и дешево, по незнанию, отдаст.

— Ты за сколько мне свой товар продал?—спросит он поставщика.— За три рубля? Деньги получил?.. Через полчаса такую еще принеси,—я тебе десять заплачу. Не хлопай в другой раз глазами!

Впервые он появился на толкучках с несколькими рублями в кармане, одетый в старую казенную солдатскую шинель, позднее стал крупным финансовым деятелем серьезного рынка.

— Умело покупает,—говорили про него,—умело и продает.

Ученики его М. Логинов и И. Иваницкий стояли у начала советской букинистической торговли.

Известный всей научной и литературной Москве Афанасий Афанасьевич Астапов считался неизменным „сидельцем Проломных ворот“. Происходил он из серпуховских крестьян, был человеком умным, начитанным, любившим свое занятие. Книги имел поистине уникальные, начиная с рукописных и старопечатных—времен Бориса Годунова, Алексея Михайловича. У меня до сих пор хранятся три купленные у него книги, одна из которых печатная времен Смутного времени и две рукописные, помнящие царя Алексея Михайловича. Астапов

слыл мастером „по-умному поговорить“. Его деревянная, неоттапливавшаяся в зимнее время лавочка считалась местом собраний самых культурных людей того времени. Сходились там университетские профессора и видные писатели. После смерти его сохранились печатные каталоги, широко расходившиеся при жизни их владельца по рукам. Впоследствии его дело купил Иван Михайлович Фадеев, чья книжная торговля была на Моховой улице, около Манежа.

И. М. Фадеев конкурировал в осведомленности со знаменитым Шибановым. Книгу любил, выдерживал, платил дорого и не дешево продавал. Ценили его мягкий тон, солидность и положительность.

Павел Федорович Яковлев был книжным бессребреником. Денег никогда не имел и не мог иметь, ибо обслуживал беднейшую интеллигенцию. Дешево покупал, дешево продавал и всегда оказывался должным. Покупатели шли к нему не только за приобретением, а порою и по знакомству занять несколько рублей в долг. Иногда, впрочем, с этой же целью обращался к ним и сам владелец магазина, если можно так назвать крохотную лавочку в Козьмо-Демьянском переулке.

Принесут ему на продажу книги, а он обязательно воскликнет:

— Боже мой, что вы со мною делаете, я сам дешево продаю, где столько заплатить?.. Денег у меня нет!

Хроническое отсутствие денег у этого приятного, очень начитанного и интересного человека было, как я уже говорил, горькой действительностью. В его лавочке „рылись“ чаще всего „пустокарманные“ ученые, находившиеся с владельцем в теплых, дружеских отношениях, но не дававших дохода. Недаром и прозвали его „профессорский поставщик“. Склад товара находился тоже в оригинальном помещении — на одной из церковных колоколен Знаменки.

Сергей Аполлонович Скирумунт, неожиданно получивший большое наследство и по совету А. М. Горького открывший магазин „Труд“ и издававший газету „Борьба“, стал известен тем, что первый сделал попытку ввести в те времена нормальные условия для работников книжного прилавка. Он установил посещение магазина врачом, выдачу служащим субсидий из личных средств, сытные обеды и оплаченный отдых в Крыму... За издание газеты Скирумунт был позднее заключен на три года в крепость.

Братья Михаил Васильевич и Сергей Васильевич Сабашниковы (особенно хорошо помню первого, старшего). Их книжный склад помещался на Никитском бульваре. Около сорока лет занимались они издательской деятельностью. В конце

шестидесятых годов их родители переселились в Москву из Кяхты, приехали с деньгами. Воспитателями их детей были лучшие люди своего времени, такие, как Н. В. Сперанский, Н. С. Тихонравов, Е. Е. Якушкин (потомок декабриста) и другие. Деньги Сабашниковых были употреблены на полезное дело. Издавали они книги по истории, биологии, медицине, серию „Памятники мировой литературы“ (переводы из Еврипида, Лукреция, Овидия и др.), мемуарную литературу — „Записки прошлого“ под редакцией С. Бахрушина и М. Цявловского, например, воспоминания А. П. Сусловой „Годы близости с Достоевским“, „Дневники Софьи Андреевны Толстой“, записки Т. Кузминской „Моя жизнь дома и в Ясной Поляне“, Гершензона „Декабрист Кривцов и его братья“, В. Л. Модзалевского „Анна Петровна Керн“ и многое другое, серию книг „Века, страны, народы“, „По Москве“ (путеводитель по историческим местам). Все это охотно раскупалось читателями.

К Михаилу Сабашникову охотно заглядывали, бывали у него, дружили с ним самые замечательные люди того времени, такие, как, например, академик Николай Саввич Тихонравов, обладавший редчайшей коллекцией книг, впоследствии, после его смерти, поступившей в библиотеку Румянцевского музея.

Еще одна интересная личность — Василий Иванович Симаков, неутомимый собиратель и издатель народных частушек, тесно связавший себя с книжной торговлей. Образец корректного и доброжелательного отношения к покупателю. К Симакову можно было ходить не столько для приобретений, сколько для разговоров на общие темы. Да и личная библиотека его по фольклору заслуживает сейчас большого внимания. Нет ни одного интересного издания, которое он пропустил бы мимо себя.

— Насчет частушки спросите Василия Ивановича... Больше не к кому направить... Он и по песне имеет собрание. Сам любитель громадный!..

Действительно, этот на четверть букинист и на три четверти коллекционер, в прошлом крестьянин, всегда удивлял той настойчивостью, с которой собирал образцы острословной народной речи. Их, по его словам, набралось у него, в конце концов, более пятидесяти тысяч. Видимо, отсутствие средств привело его к путям торговли. „Нутро у него,— по выражению букинистов,— было другое!“

Еще одно имя: Михаил Алексеевич Соколов.

— Какой Соколов?

— Да с Никитской...

И сразу становилось ясно, о ком речь.

Крупный специалист по технической литературе. Привет-

ливый хозяин своей лавочки. На отношения его с покупателями стоило посмотреть. Придет какой-нибудь искатель книги и начнет рыться по полкам. Соколов сразу почувствует, что денег у посетителя нет, а книга ему нужна.

— Вам что подходит?— мягко спросит он, глядя поверх очков.

— Да вот эти... Я попрошу вас их отложить,— зайду через неделю...— робко начинает спрошенный.

— Да вы сейчас возьмите...

— Денег с собой нет!

— Все равно возьмите... Потом занесете!

— Да вы меня не знаете... Как же так?

— Я вам верю!..

— Адрес вот мой запишите...

— А зачем он мне?..

И наградит ошеломленного покупателя пачкой книг на значительную сумму.

Обманывали или нет „Соколова с Никитской“ — я не знаю, но, вероятно, при таком способе торговли обходиться без этого не могло.

Говорили:

— Михаил Алексеевич покупателя насквозь души видит...

И, пожалуй, в этом большая доля правды.

Крестьянин бывшей Саратовской губернии Абрам Григорьевич Васильев — типичный офеня, распространявший по глухим местам, более сорока лет, народные сытинские издания. В Москву заезжал всегда „за товаром“. Средств не имел и пользовался преимущественно кредитом. Размер последнего равнялся пятнадцати — двадцати рублям и обеспечивался для фирмы „вещевым залогом“ в виде карманных серебряных часов, обручального перстня и т. п. Таков был порядок „коммерческого доверия“ у частных. Пользуясь пароходным сообщением, Васильев посещал все — и крупные, и незначительные ярмарки, развозя цветистую лубочную литературу, литографии и т. п.

Алексей Васильевич Гладков — немного антиквар, немного специалист по древней иконописи, а больше всего книжник. Торговал при музеях, доставал редкие, интересные книги. Любили его вышутить за „святость“, давая меткую характеристику:

— Славный человек, а по духу вроде схимника!

В самом деле, впечатление он всегда производил человека честного, „грехобязанного“, приветливого и к тому же умевшего подобрать отдел научной книги для любой серьезной библиотеки.

При воротах Московской государственной консерватории торговал Петр Николаевич Рыбников; отличался он удивительной, фантастической твердостью в слове. Шутники частенько смеялись:

— Если слово дал, на нем и помрет. Сам себя с места никак не сдвинет.

Вы могли прийти к этому добродушному и несколько мрачному на вид человеку и попросить отложить вам те или иные книги, что он со священнодействием и исполнял. После этого, не получив даже задатка, он брал отобранные экземпляры под „особое покровительство“ и засовывал их за доски шкафа. Десять конкурентов могли предложить за них двойные цены—Петр Николаевич был непоколебим и терпеливо ждал появления их „законного владельца“. Иногда последний забывал о сделке и приходил спустя несколько месяцев, но товар дожидался его. Зато величайшей обидой было бы отказаться от прежних обещаний и не взять „заказ“, Рыбников, вероятно, не забыл бы этого до последних дней своей жизни. Так был он крепок на слово.

Тимофей Петрович Лебедев, „сидевший“ в палатке на Кузнецком мосту и имевший большую клиентуру, тратил все доходы на слушание русских хоров и гармонистов, что установило за ним кличку „дирижера“ и „регента“. К книге относился толково и старался сбыть ее в руки специального любителя.

Типичный „ручник“—Александр Михайлович Павлов, никогда, при самых удачных жизненных обстоятельствах, не имевший в личном распоряжении более двадцати пяти рублей. Благодаря высокому росту носил прозвище „Эйфель“. Собирал книги от старьевщиков, которые часто отказывали ему в доверии. Происходили при этом оригинальные сцены.

Подходит Александр Михайлович к „развалу“, берет в руки книгу и просит „отпустить“ ее в долг.

— Князь,—говорит он,—вы мне деньги верите? Нужно мне оборот сделать...

Следует категорический протест владельца.

— Ах так,—продолжает „Эйфель“,—вы думаете, книга эта дорогая и ценная? Посмотрите, что я с ней делаю!

И бросит экземпляр в лужу или в грязный мусорный ящик. Продавец растеряется:

— Что ты, Александр Михайлович, делаешь, зачем товар портишь?

— За себя сам и отвечаю. Не хотели добром уступить, мокрую теперь давайте!..

Александр Михайлович Старицын, знающий книжный антиквар, имел торговлю в Леонтьевском переулке. Книги у

него были самые разнообразные и подчас очень интересные. Встречались редкие гравюры и автографы. Любил, подобно К. Н. Николаеву, указывать своим подопечным на их ошибки.

— Сколько тебе,—спросит,—за товар заплатить?..

— Да пять рублей, по-свойски!..

— Ну, на... А почему семь не просил? Я бы и семь дал! Теперь только уж поздно, дело сделано!..

Владимира Захаровича (фамилию его никто не помнил), этого большого чудака и оригинала, все знали только по имени и отчеству. Он занимался „ручной“ перепродажей книг в палатке, больше же собиранием коллекции портретов совершенно не известных ему лиц. На мастерство, на технику художника он не обращал при этом внимания, а только требовал, чтобы изображение было обязательно написано на холсте и маслом. Платил от двадцати пяти копеек до трех рублей, и никогда выше. Изображения попадались иногда „изумительно безобразные“, но это не останавливало составителя картинной галереи. После его смерти количество портретов доходило до тысячи экземпляров. Большая часть их, после осмотра специалистами, была направлена родственниками в утиль. Об этом приходится пожалеть, так как из них составила бы прекрасная и единственная в своем роде выставка былого типажа. Встречал я Владимира Захаровича в палатках и лавочках Устиновского моста, где он временно заменял уходивших „на чаепитие“ букинистов.

Звали его „старый любитель“.

Интересной бывала форма приобретения книг в букинистическом магазине.

Входил незнакомый покупатель.

— Что желаете?—с поклоном обращался к нему продавец.

— Из романов позвольте чего-нибудь выбрать...— нерешительно и неуверенно отвечал посетитель.

Через мгновение перед ним вырастала книжная гора.

Следовала процедура длительного и безрезультатного ее разбора, а с ним и нахваливания товара.

— Ничего не изволили выбрать?—наконец интересовался уставший от напряжения продавец.—Подходящего для себя не нашли?—И тут же, по опыту, догадывался.—Дозвольте вам лучше предложить „Гигиену новобрачных“ или „Грехи молодых людей“. Такие книжечки, что без слез не прочитаешь. Не откажите посмотреть.

„Гигиена“ с „грехами“ также ловко, как и романы, появлялись на прилавке.

— А какова цена?..—оживлялся выбирающий.

— Три рубля пятьдесят-с!

— Что-то дорого? Хотите три рубля, буду вашим покупателем. Три, больше не дам...

Владелец магазина нетерпеливо постукивал пальцами по ящику кассы.

— Колоть? — тихо спрашивал продавец.

— Коли!.. — доносился до его уха ответный полусшепот.

— Извольте, для первого знакомства уступим, впредь нас посещайте!

Платились деньги, и книги исчезали в кармане нового владельца. Когда, наконец, хлопала выходная дверь, то следовало деловое хозяйское замечание:

— Чего начал-то, романы ему дай! О себе прочитывать захотелось, а сразу постеснялся сказать!..

А вот еще одна из многочисленных типичных проделок так называемых „прохладных торговцев морожеными пирогами с пустой гусиной начинкой“.

Залежатся какие-нибудь поврежденные разрозненные издания, да такие, что и продать некому, все от них отказались. Тогда начнут их „навливать“ какому-нибудь случайному посетителю „развала“, наивному и простодушному покупателю. В долг, без денег.

— После, — скажут, — когда будут деньги, занесете. Может, кое-что и почерпнете в книгах. Они у нас пройдут, да тяжело с собой носить. Вы мне пособиете, домой к хозяйке полегче иттить — у меня „ревматизма“ в ногах...

Последний, иной раз, согласится.

„Почему, — подумает человек, — и не взять на льготных условиях книги, будет случай, понадобятся... не мне, так домашним... пусть себе лежат... не нужно, а лежат... квартиры им не снимать... Надо выручить честного человека... Вот поди ж ты, верит мне, а мы их плутами считаем!..“

А иной от сердца еще добавит:

— Не запускайте ревматизма, советую вам к врачу хорошему обратиться, болезнь неприятная...

И сделка совершится без риска для продавца, ибо товар, как сказано, все равно ничего не стоящий.

А потом букинисты знали способ, как быстро учинить за „барахло“ расчет со своим клиентом. И способ верный!

Встретит кредитор своего покупателя, развязно подойдет к нему и начнет громко, с обидой в голосе говорить:

— Эй, должник, должник!.. Что же деньги не платите за книги? Долга не несете! И сами пропали. Пора, пора. Нехорошо так делать, очень плохо!

Не ожидающий подобного покупатель растеряется, скон-

фузится и поскорее поспешит отдать имеющиеся при себе, часто последние деньги. А добившийся своего „воротный“ или „ветряной продув“, вежливо кланаясь и неожиданно смягчая тон, продолжит:

— Милости просим как-нибудь еще зайти, у меня по вашей части для вашей милости кое-что новенькое есть. Пожалуйста, не забывайте!

Если дело происходит при других книжниках и пойманный врасплох удаляется, то продавцы, присутствующие при сцене, сначала фыркают, а потом дают уходящему характеристику:

— Хороший покупатель, его на конфуз всегда можно взять! Продать бы ему и остальные кирпичи!.. Вон у меня „Нива“ старая без конца и начала, да Писемский из трех концов...

* * *

А вот что довелось слышать мне в 1907—1917 годах от различных рыночных и магазинных букинистов. В этих фразах и сценах — частицы жизни старой книжной Москвы.

Не тебе читать!.. У тебя от чтения мозоль на глазу вырастет...

Умный человек эту книгу писал, а дурак за нее цену дает. Вот и поди тут!..

Какой вы человек понимающий, я вижу — как книгу в руки взяли! Этой вам не надо, положите ее пожалуйста на полку!..

Для такого экземпляра перчатки на руки не грех надеть!..

До чего сухаревские умудряются! Продали одному нашему покупателю книгу, а в ней двадцати страниц нет. И как сделали! В середину страницы с номерами из другой вклеили — сразу и не разберешь!..

Книга в полном порядке, только выходного листа и конца нет. Да ведь вы не забывайте, что это семнадцатый век, целую нигде и не сыщешь... Цена ей не дорогая!

Купили и берегите на здоровье!.. Это не экземпляр, а конфетка леденистая. Пушкина переплет помнит... Может, и сам Пушкин ее читал. Ничего нигде не приписал? Посмотрите хорошенько!..

Гоголь „Тараса Бульбу“ писал, а у меня был еще „Тарас Бульба“ — Гиляровского. Большой книжный курьез!

Поп лезет... Ах, нечистый его побори, — весь день сегодня торговли не будет! На почине нелегкая принесла!

Этого покупателя метлой по затылку! Вчера час битый рылся, все перевернул, а взял на рубль сорок копеек...

Вам какую цену ни скажи, все равно дорого будет! Давайте сто рублей! Ничего не сошел с ума! А вы не рехнулись? Много?.. Ну, пятьдесят? Опять много... Тридцать рублей? Десятку? Пятерку? И то много? Ну, возьмите без торга за свою цену — три рубля... Ну, давно бы так! Вот как надо несговорчивых покупателей сговаривать! Веревочку дать вам? Получите два рубля сдачи с пятерки...

Для вас, сударь, книги у Устьинского моста, если их на пакеты не разобрали!

Вот такая манера у твоего Павла Петровича: стоит книга пятерку и цена на ней написана. Видит он, покупатель в нее больно ввелся и деньги хочет платить, сейчас ее забирает в руки. „Извините, говорит, это старая у нас цена, не перемечена, я в запись посмотрю, сколько она стоит?“ Пороеется там в каких ни на то бумажонках и ответит: „Восемь рублей, хорошо, что на глаза мне попалась“. Ну, и заплатят восемь!

Шишков — король по нашему делу, — выше не было, нет и не будет! Профессор, а не человек!

Любитель по старописной книге бесприменно, прежде чем листать, в два пальца плюнет. Их сразу узнать можно! А то листок прежде всего на свет смотрит...

Теперь книга в спросе, чтобы переплет и сохранность в ней — первый сорт. Берут не для чтения, а для показа на полке...

Что из того, что у меня куплена? Все равно — дрянь! Я разве хлам-то не стараюсь сбить таким, как ваша милость?..

Книжечка сборная... Один том, а от трех изданий!

Не книга, а тысяча пакетов под муку... Не хвалитесь, что толстая — ума в ней мало!..

Серовато нутро в ней...

Он книги в ящики забил и — в подвал... А подвал затопило. Через год вернулся и вскрыл. В ящиках, не поверите, папье-маше бродить начало!..

Вы ему в глаза, когда покупаете, посмотрите! Если прищурился, так покупочку проверьте, — верных страниц двух нет. А спросить: „Не знаю“ — скажет. Уж такой он по книжному делу новичков благодетель!

Раз Палладия-мниха лицевого, восемнадцатого века, за Апокалипсис шестнадцатого французу для музея ввернул!..

Левенсоновское издание Евангелия в Сибирь староверам за пять тыщ продали. Они, с дураков, думали — настоящее... В суд хотели подавать...

В книгу крепко человек вошел!

Любитель есть такой на книгу злой, что, если денег нет, украсть ее может!..

От книги и сыт будешь, и без штанов нагуляешься!

Ест на книгах, спит на кнжгах, в горнице — проходу нет, а жена сбежала со страху. И впрямь сумасшедший!

Я пришел к одному по адресу, лет двадцать назад, в Петербурге, а он помирать собрался. Гляжу — первопечатных полка, Олеарий с гравюрами... А оне мне: нет уж, не продам и дочери не оставлю, — она без понятия. Взял и начал их, в постели, при мне, рвать... Я сбежал от такого черта... Вот он — любитель-то!..

Был один чудак. Его в Петербурге „метлой“ звали. Чиновник какой-то... Он свихнулся и все задачники Евтушевского покупал. Собрал их до черта! Класть было некуда, денег сколько перевел. Потом его в сумасшедший дом увезли!..

Есть покупатель на готовую коллекцию. Это не любитель, не знаток книги, а фантазер, хвастун, или деньги некуда девать! Не умом собирает, а карманом... Каждый дурак в умные хочет пролезть!

Американская распродажа! На выбор по десять и двадцать копеек. За рубль продаю неразобранную связку! Предлагаю желающим узнать счастье!

Любителя сразу узнаешь: с виду чудак чудачком — пальто рваное, шляпа маслом залита, калоши текут. Денег нет, а нос на все полки пересует!

Всякие бывают — вон один Пушкина в первых оттисках собирал, дай ему непременно неразрезанного... Платил хорошо!..

Егор Егорыч собирал иконы и книги старопечатные. Его раз провести хотели, так он драться на одного торговца полез. Копил книгу и никому всю

жизнь не показывал. Просишь показать, а он: „В другой раз когда, прибраны они у меня далеко!“ Какой был...

Мальчик, чего тебе в магазине надо? Уходи, уходи сейчас!.. Я одному такому вчера две книги без денег продал. До чего набаловались воровать!..

Тихонравов — профессор, рассказывали, коли рукописи какую у букиниста увидит, а денег купить нет, то отнимал. Честное слово, отнимал! Его уже знали, и до того как показать, разведают — при деньгах ли?

Книгу любить — ум и сердце требует!

Классик всегда в хороших руках вертелся!..

У книжника слово, что буква печатная! Не сотрешь, а на бумаге дыру сделаешь...

Сыпь до полного, малый! Товар не подходит и не знаемо, откуда у тебя... На уж, все равно гибнуть, полтину за нее? Пять книг и пять грехов на душу!

В дене не обман, а торговая хитрость! Кто не знает, — не ходи покупать...

Мария Павловна — всероссийская была букинистка. Самая передовая по книге женщина. Можно сказать, редкость, потому что одни мужчины в этой истории путаются. Знала, понимала, товар любила... Фельдмаршал Суворов — по делу!

Я вам не возражаю, а нахожу несоответствие в вашем книжном понимании...

Да вы что: книгу больше любите или деньги? Ну и платите, а не жмитесь!

Помню, помню вашего ученого! Был у него раз... В комнате труба в отоплении лопнула, так у него дочь от холода в гардеробе спала! Сам он всю зиму не раздевался. Книг по французской литературе осмнадцатого века до потолка было. Умный человек, а чудак! Ершей летом все удил... У него и черви всю зиму в банке стояли. Помню!

Кабы я сам ее писал, так мог бы по вашему вкусу сделать.

Магазинный книжник не нам, „земляникам“, ровня. Он человек образованный и семнадцать университетов прошел, только в восемнадцатом застрял. Мы им же и продаем по спросу. Наше дело вот какое: „на складчину“ наторгуем, на закуску с вечера бережем и движем по морозу. Другой раз вот как смерзнешь, нельзя и не пить! И не пьяница, а выпьет...

„Земляника“ альбомы художественные, которые по цене дороги и на любителя, в „розбить“ пускает. По картинкам ловчее продать и выгоднее. Верно, по вашему, книжечку, мы и любим и мучаем, — при выгоде... Вы это только не записывайте!

Два рубля за „Полный сонник“ для разгадывания четырехсот снов. Ну что из того, что напечатано на двести? Умный человек из всякого дела двойную пользу извлечет!.. Рубль семьдесят пять хотите? Ну, все равно, давайте, давайте, так и быть, ваша книга! Хочу, чтобы вы все свои сны знали. С двух рублей? Сейчас дам. Сосед?.. Петр Петрович! Дай мне полтинник на сдачу, с покупателем разойтись...

„Уход за красотой!“ „Моя система“ Мюллера! „Поваренная книга“ Малаховец!.. Цена без запроса! Ничего не прибавлю и не скину... Давайте трешницу, полтинник услугу, только на почине. Ну, два рубля?.. Берите, берите!..

Мой том, взгляните, в какой чистоте, — точно из бани!

Мы на пристава сегодня складываемся! Хочет нас от забора прогнать, а место, сами видите, первый сорт, центральное!

У меня есть книга, которую сумасшедший писал! Хотите в коллекцию? Право, я таких дураков никогда не читывал!.. „Логико-грамматические и философско-неологические этюды Студенского!“ Издание княжны Ядвиги Огинской. 1875 год. Извольте читать: „Панафида“, а правильно „Панихида“ — очень ясное доказательство, что человеческой природе больше свойственно

заниматься веселыми вещами, чем печальными, потому что совершенно вульгарное слово встречается у очень начитанных и даровитых писателей. Не с Канатчиковой дачи? А?.. Непременно приобретите! Точку, видите ли, он рекомендует через двадцать три и пять десятых слова один раз ставить, запятую через каждые семь слов, а знак восклицания на полях. Что за чудак такой? А еще „Всплохи разума“—его же...

У меня сдачи не потому нет, что денег нет, а потому, что все деньги в банке,—на личном моем текущем счету. Двугривенный за мной будет,—в другой раз сочтемся!

Позвольте книги вам в руки, знакомый гражданин, дать—на поддержание! Вон городской гнать меня идет, не велят здесь торговать, а без товара ко мне претензий никаких нет...

Покупатель нами проверенный и знающий... Цену резонно и верно дает... Я с него за Забелина, три тома, десять спросил, а он за семь пятьдесят, в копейку, взял... К такому—с уважением!..

Он шальный!.. Товара не знает и всякая книга у него редкость. Чумной!..

А вот попробуйте-ка,—найдите ее еще где, ходите, коли дорого? Мне и то давно не попадалась...

Не любитель, а сила!

Книга—птица... Поймайте-ка, коли ее нет!

На лубок много ценителя, да он сам не в цене, коли не старый...

Один иваново-вознесенский купец в любители раз объявился. Пришел в Петербурге в лавку и говорит: „Продай все!“ Умный человек не потерялся, видит—покупатель шальной, в товар не смотрит и цену ему крепкую сказал. Дурак и деньги выкинул. Запаковали и отправили по адресу. А там—одни учебники, „Вестник Европы“, „Исторический вестник“ и „Нива“. Так и прошло, тот и умер не понял, а читать и разбирать некому было!

Иной раз дивисься—неужто у человечества на все книги мозгов хватает? Мозгов столько нет, сколько книг!

В нем не любительство, а жадность к монетам!

Он ровно назад жить собирается,—старые календари скупает!..

Есть еще покупатель, на которого смотреть нельзя. Он подойдет, а вы в сторону отвернитесь,—будто знать его не хотите... Он, от обиды, и купит!

Если услуги и внимания показать, да товару перед ним горы наложить, то стыдно без покупочки уйти. Старая петербургская манера!

Что вы, да разве тринадцати страниц нет? А я и не заметил. Позвольте посмотреть? Верно, верно!.. Как же это я промахнулся? А книга-то редкая,—хотите взять со скидкой?..

Он все сначала старую книгу покупал по переплету, чтоб червяк его поел. По тому и определял. Мы пробовали букашек, честное вам слово, туда сажать! Только верно не тех,—не ели. Эх, чего старая Сухаревка не помнит!

Побрился, так думает, что рожа книжная и умнее стала!

— Молодой любитель...

— А почему знаете?..

— Уважение в нем пока что к книге, а любви пламенной и нет. Старый любитель зубами книгу с полки срывает!

Газетой ему идти торговать вразнос, а не антикварной книгой. Сама она умна, покупатель на нее умный. Продавец должен быть с деликатностью и умный... А он дурак дураком и еще пьяный!..

Продать лет двадцать назад книгу—не то было. Знали—кому и что, а теперь не разберешь—кто и зачем?

Для любителей продажу полное собрание приключений знаменитого сыщика Шерлока Холмса! Ужасное, кровавое преступление в замке Рошинор! Невеста—отравительница! Губитель женщин! Тайна Лондонского кладбища!

Живой мертвец или таинственный саркофаг! Страшно интересно, захватывающе!..

Переpletчики, было дело, воровали. Им книги в переплет сдадут одинакие от разных лиц, а они у одного страниц двадцать выдерут, у другого двадцать — следующие, так томик и соберут. А после обделают и к Ильинским воротам продадут...

Деятельность букинистов была тесно связана с исторической, бытовой обстановкой. Иные из них представляли интересные психологические типы, сочетающие в себе начитанность, стремление к знанию и торговую изворотливость. Говорить о них можно много, и никогда всего не доскажешь...

Публикация З. Милутиной

„АЛЬМАНАХ БИБЛИОФИЛА“ — 1929

Далеко не все любители книг, особенно молодые, знают, что у нынешнего „Альманаха библиофила“ существовал предшественник, называвшийся тоже „Альманах библиофила“ и изданный полвека назад Ленинградским обществом библиофилов, которое сами создатели и книжники последующих поколений с доброй иронией называли просто ЛОБ.

Как следует из предисловия к „Альманашу“, основными целями Общества являлись: объединение лиц, работающих в области исследования и популяризации книжного искусства, научная разработка вопросов новой и старой книги, содействие созданию книг, достойных нового свободного общества, и забота о сохранении книжных сокровищ страны.

Общество проводило регулярные заседания, на которых его члены выступали с сообщениями по вопросам истории и искусства книги, библиографии и библиофильства. Каждому заседанию сопутствовало издание особой памятки, изящно оформленной известными художниками-графиками того времени, напечатанной на хорошей бумаге и, в ряде случаев, содержащей аннотацию читаемого доклада или сообщения. Все эти памятки, выходявшие тиражом 100—150 экз., представляют значительный библиофильский и книговедческий интерес, и полные собрания их выпусков в наше время встречаются крайне редко.

В 1928 году исполнилось пять лет существования ЛОБ. В ознаменование этого события Общество решило издать сборник статей, посвященных книге и книжному собирательству, и назвать его „Альманахом библиофила“.

1929 год остался памятным годом для любителей книг тех лет, равно как и для книжников последующих поколений. В этом году в типографии Академии художеств (Тучков пер., 1) был отпечатан тираж „Альманаха библиофила“, который уже осенью (примерно в сентябре — октябре) поступил в продажу, а

*Суперобложка, переплет и титульный лист
„Альманаха библиофила“ 1929 г.*

особые (именные) экземпляры были розданы владельцам. Любители книг были извещены об этом событии подробными проспектами, напечатанными на листах оранжевой бумаги и украшенными маркой ЛОБ. В проспекте было изложено содержание „Альманаха“, сведения о тираже и видах экземпляров.

„Альманах“ был издан в соответствии с лучшими традициями русских изящных изданий. Как свидетельствуют проспект и выходные данные издания, обертку (суперобложку), корешок, титульный лист и шмуцтитулы, марку и книжные украшения выполнил с большим мастерством и вкусом член ЛОБ известный художник-график Л. С. Хижинский. „Альманах“ содержал 35 иллюстраций на отдельных листах, со вкусом подобранных издателями. Кроме того, первые 156 экземпляров, а также именные, были одеты в матерчатые гобеленовые переплеты с зеленой кожаной наклейкой на корешке, украшенной золотым тиснением. Переплеты „ручной работы“, как

это отмечалось в проспекте, были выполнены П. Соколовым, о чем свидетельствует печать, оттиснутая на нижней кромке внутренней стороны задней крышки переплета. Уместно заметить, что Соколов в прошлом — один из лучших мастеров известной петербургской переплетной мастерской А. Шнеля, помещавшейся на Б. Морской ул. (ныне ул. Герцена).

Издание было, по тем временам, дорогое: именные и первые 156 экземпляров на бумаге „верже“ стоили по 16 руб., остальные, на белой бумаге, — по 10 руб. Тираж разошелся очень быстро, и немудрено, что в скором времени „Альманах библиофила“ 1929 года стал библиографической редкостью.

По своему содержанию „Альманах библиофила“ состоит из разнохарактерных статей, объединенных, однако, общими идеями, пропагандировавшимися Обществом.

Выяснению понятия библиофильства, смысла и значения этого явления посвящены статьи Н. Ю. Ульянинского, М. Н. Куфаева и А. М. Ловягина. Предпосланная этим статьям работа А. И. Малеина знакомит нас с вопросами истории библиофильства. Статья В. М. Чистякова посвящена историко-познавательному значению суперэкслибрисов, собирательство и изучение которых позволяют получить обширный материал о библиофилах прошлого.

Одному из вопросов библиофильства — обзору и изучению отдельных экземпляров малоизвестных или вовсе неизвестных редких и замечательных изданий — посвящены исследования Н. Ю. Ульянинского „О библиофилии“ и И. М. Картавцова „Об одном летучем издании XVIII века, относящемся к Пугачевскому бунту“.

В статьях М. И. Ахуна и Ф. Г. Шилова приводятся данные о некоторых книжных коллекциях, их происхождении, составе и дальнейшей судьбе.

„Альманах“ содержит значительное количество статей, посвященных отдельным библиофилам и собирателям книг (Д. А. Ровинскому, П. В. Шапову, А. В. Петрову, В. И. Ключкову и др.), авторы которых — члены ЛОБ М. И. Ахун, П. К. Симони, О. Э. Вольценбург, Э. Ф. Голлербах и В. И. Срезневский.

Вопросу графического оформления книг, искусству книги посвящена статья В. К. Охочинского о двух неопубликованных рисунках мастера книжной графики Г. И. Нарбута.

Влияние книги на жизнь людей, похвала книге, отражение книги в литературе также нашли свое место в „Альманахе“. Здесь помещены акrostих М. А. Кузмина на открытие Книжной лавки писателей, существовавшей в Петербурге в 1918—1919 годах, а также наиболее интересные отрывки из „Philo-

biblon“ Ричарда де Бери с предисловием А. И. Малеина и повесть Шарля Нодье „Библиоман“ с комментариями В. К. Охочинского.

Представляет определенный библиофильский интерес статья М. Н. Куфаева о личных впечатлениях на Международной выставке печати 1928 года в Кельне.

„Альманах“ содержит также несколько хроник, информирующих о деятельности библиофильских обществ в стране, и в частности хронику ЛОБ с января 1925 по январь 1928 года. Помещена хроника Ленинградского общества экслибрисистов за пять лет — с 1922 по 1927 год.

Большая часть статей, опубликованных в „Альманахе“, была заслушана в виде докладов на собраниях Ленинградского общества библиофилов.

Содержание „Альманаха библиофила“ 1929 года, несмотря на прошедшие полвека, не потеряло своей историко-библиографической ценности и представляет большой интерес для любителей и собирателей книг нашего времени.

На очередном заседании ленинградских библиофилов 7 февраля 1977 г. после моего доклада „Русские альманахи и журналы в моем собрании“ многие поддержали предложение выяснить судьбу и место нахождения сохранившихся в настоящее время экземпляров первого советского специального библиофильского издания. С этой целью в июне того же года через еженедельную газету „Книжное обозрение“ — № 24 (578) — мы обратились ко всем библиофилам, любителям книг и библиотекам страны с просьбой сообщить об имеющихся в их собраниях экземплярах „Альманаха библиофила“ — 29. Ответы не заставили себя ждать. Помимо устных и телефонных сообщений, я получил более пятидесяти писем из многих городов нашей страны и из-за рубежа. Все они свидетельствовали об искреннем и бескорыстном желании помочь нам. Известия приходили от людей, различных по возрасту, образованию, специальности и занимаемому служебному и общественному положению. Они свидетельствовали о большой любви к книге, стремлении сохранить и умножить книжные богатства нашей страны. Многие письма содержат предложения по сбережению и охране собраний и отдельных книг, представляющих непреходящую ценность как для истории книги и книгоиздательства, так и для истории нашей страны, по ознакомлению широкого круга любителей книг с наиболее редкими и ценными изданиями прошлых лет...

В результате проведенной работы было установлено, что на сегодня известна судьба 94 экземпляров „Альманаха“, из них 22 находятся в государственных книгохранилищах и

51—в частных собраниях. 21 экземпляр погиб... Отдельные экземпляры находятся в Минске, Киеве, Одессе, Воронеже, Виннице, Караганде, Харькове, Ростове-на-Дону, Красноярске, Кисловодске, Гомеле, а пять из них оказались за рубежом (Англия, США, Польша).

Среди любителей книг, откликнувшихся на обращение Ленинградской секции библиофилов, оказался и сотрудник библиотеки „All Souls College“ в Оксфорде м-р Д. С. Ж. Симмонс. Любезным письмом он сообщил, что их библиотека, к сожалению, не располагает этой замечательной книгой, которую ему однажды показал покойный П. Н. Берков, но по имеющимся у него каталогам он установил, что экземпляры „Альманаха библиофила“ издания 1929 года имеются в библиотеке Британского музея в Лондоне, в библиотеках Броунского и Колумбийского университетов (США) и в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне.

Польский экземпляр „Альманаха“, по сообщению одного из наших корреспондентов, находится в частном собрании в Кракове.

Заслуживают внимания поступившие к нам в секцию многочисленные предложения о переиздании „Альманаха библиофила“ 1929 года. Вот чем, в частности, кончает свое письмо наш коллега из Англии м-р Симмонс: „Могу ли я выразить надежду, что это (публикация в „Книжном обозрении“.— Я. С.) связано с предполагаемым переизданием этой значительной и интересной книги? Было бы прекрасно, если бы это было переиздано в Советском Союзе, а не каким-либо предприимчивым издателем на Западе!“

Переиздание, по-видимому, должно быть факсимильным и отвечающим высоким требованиям русской библиофилии.

ЗАБЫТАЯ СТРАНИЦА ВИБЛИОФИЛЬСКОЙ ПРОЗЫ

Михаил Черноков и его роман „Книжники“

Загадочны, странны, а подчас и неисповедимы судьбы книг... Легенды, вымыслы и тайны окружают часто не только издания старинные и редкие, но и сравнительно новые, вовсе не претендующие на звание библиофильских раритетов. Так случилось и с книгой, вышедшей немногим менее полувека назад (в 1933 г.), напечатанной вполне обычным для того времени тиражом — 10 300 экземпляров. На ее титульном листе выставлено: „Мих. Черноков. Книжники. Роман. Книга первая. Издательство писателей в Ленинграде“.

Впервые автор этих строк встретил упоминание о романе на страницах третьего тома почтенного труда А. В. Мезьер „Словарный указатель по книговедению“, вышедшего в 1934 году. По вполне понятным причинам он зафиксирован, однако, вовсе не в той рубрике, в которой ему бы полагалось быть („Библиотека и книга в художественной литературе“ в первом томе, вышедшем за 2 года до издания романа), а в рубрике, имеющей к содержанию романа весьма отдаленное отношение („Читатель торговой и купеческой среды“). В какой-то степени, возможно, это обстоятельство предопределило судьбу книги — она совершенно выпала из поля зрения исследователей.

Украшена книга великолепными гравюрами на дереве С. Юдовина, любовно и тщательно оформлена. Заметим сразу же: роман Мих. Чернокова — поистине редчайшее, если не уникальное в своем роде явление русской литературы: он полностью, буквально от первой до последней строчки, посвящен библиофильской и шире — книжной — теме, проникновенному изображению удивительного мира книги, ее творцов и собирателей.

Известно, что многие произведения русских писателей как бы изнутри „пронизаны“ книжностью, известны также десятки очерков, рассказов и эссе (не говоря уже о сотнях стихотворений, пословиц, поговорок, афоризмов и т. д.), посвященных

книге, ее читателям. Но целый роман об издателях, букинистах, библиофилах?.. Это действительно редчайший случай в литературной практике¹.

К содержанию романа „Книжники“ мы еще вернемся, а сейчас попытаемся выяснить судьбу этой книги и судьбу ее автора. Роман этот в свое время не был по достоинству оценен критикой, прошел почти незамеченным, да и сейчас, спустя почти полвека, лишь немногие завзятые библиофилы знают о его существовании. Ни в специальных и популярных книговедческих работах, ни в справочных и библиографических изданиях роман „Книжники“ не упоминается. К великому сожалению, забыт не только роман, забыт и сам Мих. Черноков, писатель, который с полным правом должен занять свое место в истории советской литературы. Не только книговеды и библиофилы, но и литературоведы молчат о нем. А между тем за 15 лет активной литературной работы (с 1926 по 1940 г.) М. Черноков выпустил шесть книг: сборники рассказов „Теплые росы“ и „Простор“, повести „Житие Васьки Змиева“ и „Охотники“, романы „Книжники“ и „Близкое и далекое“. Активно сотрудничал писатель в ленинградских литературных журналах 30-х годов. Кстати, и все его книги вышли в Ленинграде.

Поиск сведений о писателе начался с внимательного чтения его произведений. За исключением „Книжников“, все они посвящены одной теме — жизни северной деревни в предреволюционные и 20-е годы. Глубокое проникновение в психологию крестьян, прекрасное знание быта, уклада и мельчайших этнографических деталей, неподдельное сочувствие к людям и понимание их проблем, так ярко проявившиеся в этих произведениях Чернокова, наводили невольно на предположение (которое, кстати, позднее подтвердилось), что писатель родился и вырос в северной деревне. А то обстоятельство, что все книги Чернокова вышли в свет в Ленинграде, подсказало обратиться к справочникам-ежегодникам „Весь Ленинград“, которые в 20—30-е годы давали исчерпывающие сведения о жителях города. И вот первая удача — в справочнике на 1926 год мелькнуло знакомое имя: „Черноков Мих. Вас. Пом. зав. Гос. книжным фондом. Ул. Литераторов, 19“. Это уже кое-что дало. Теперь мы знаем имя и отчество писателя, а также то, что он работал в Государственном книжном фонде — организации, созданной в 1919 году для собирания книжных

¹ К жанру „библиофильского романа“ приближается книга С. Р. Минцлова „За мертвыми душами“ (см. «Альманах библиофила», вып. 2), но все же написана она скорее в очерковой манере.

богатств и распределения их по фондам крупнейших национальных книгохранилищ². Теперь становятся понятными и объяснимыми и незаурядное знание Черноковым книги, и его интерес к библиофильскому сюжету. Дальнейшие ежегодники повторяют эти сведения, но начиная с 1934 года (заметим, что это год организации Союза советских писателей) они звучат по-другому: „Черноков Мих. Вас., член Союза советских писателей“. Теперь задача становится легче. Правда, библиографический справочник „Писатели Ленинграда“, вышедший в 1964 году и включивший свыше 300 имен членов Ленинградской писательской организации за все время ее существования, о Чернокове не упоминает, но есть другой путь — архив Ленинградского отделения Союза советских писателей. Опуская некоторые детали, скажем, что вскоре в Ленинградском государственном архиве литературы и искусства удалось найти „Личное дело М. В. Чернокова. Начато 19.V.1934 г.— окончено 20.II.1941 г.“. Это небольшое (на 11 листах) дело открывается заявлением Чернокова в комиссию по приему в члены Союза советских писателей, а дальше — наконец-то удача! — анкета, заполненная писателем. Из нее мы и узнаем о главных вехах жизни Чернокова. Родился он в 1887 году в деревне Черноково, Каргопольского уезда Архангельской губернии, образование имел низшее, но занимался самообразованием, социальное положение — из крестьян, литературный стаж — с 1916 года, член ВКП(б) с 1918 года, в годы первой мировой войны служил рядовым в авиационном парке. Далее следует „Автобиография“, написанная 20 февраля 1941 года (последний документ личного дела): «Я родился в 1887 г. в дер. Черноково, Приозерского района Архангельской области. Родители — крестьяне. Учился в сельской школе, а потом, когда стал ездить в Петербург на заработки, еще учился на общеобразовательных курсах. Писать начал поздно. Первый рассказ напечатал в „Ежемесячном журнале“ в 1916 г., напечатал два рассказа в „Летописи“ М. Горького. От литературных занятий отвлекала служба в старой армии и затем гражданская война. Во время гражданской войны на Севере я был волостным военным комиссаром в прифронтовой полосе. В 1924 г. приехал в Ленинград и долгое время работал в книжном фонде. Писал мало. Вышли в свет две книжки рассказов и три повести. Последняя повесть (по времени издания) вышла в 1940 г. В ближайшее время сдаю в печать

² Подробнее о деятельности Государственного книжного фонда см.: Берков П. Н. История советского библиофильства (1917—1967). М., 1971, с. 36—37.

М. Черноков.
Дружеский шарж Н. Радлова

книгу об интервенции на Севере»³. В деле хранится ряд копий командировочных удостоверений в Архангельскую область, выданных Чернокову для сбора материалов о гражданской войне и интервенции на Севере, подписанных членом президиума ЛО ССП М. М. Зоценко.

Скупые строки анкет и автобиографии дают не только ценнейшие сведения о Чернокове, но и наталкивают на дальнейшие поиски. Действительно, литературный дебют писателя состоялся в 1916 году, причем «в люди», как и ряд других писателей, вывел его А. М. Горький, напечатавший в своем журнале «Летопись» (№ 8) рассказ Чернокова «Бурый». Возможно, Горький, под-

держивавший множество писателей и активно переписывавшийся с ними, и позднее как-то был связан с Черноковым? Опубликованные тома «Архива А. М. Горького» и другие материалы дают отрицательный ответ на этот вопрос, впрочем, за одним исключением. В 70-м томе „Литературного наследства“ — „Горький и советские писатели. Неизданная переписка“ (М., 1963, с. 662) — вновь мелькнуло знакомое имя. О Чернокове пишет Горькому Алексей Павлович Чапыгин: «Вот теперь мой ученик и земляк М. Черноков написал первую часть своего романа „Книжники“, тема затронутая до него мало, написано любопытно, ярко и серьезно. Пишет вторую часть. Для вас он как-то подобрал книжку философа Александрийца, сделанного епископом, когда он еще не покончил с язычеством⁴... Не знал, куда вам эту книжку послать (кажется, хотел передать лично), но я в Ленинграде вас не повидал, и он не пошел». Неизвестно, получил ли Горький интересовавшую его книгу, но Примеча-

³ Ленингр. гос. архив литературы и искусства, ф. 9883, оп. 2, дело 221.

⁴ По предположению комментатора письма, речь идет о книге А. А. Остроумова „Синезий, епископ Птолемаидский“ (М., 1879).

тельно, что Черноков разыскал для него это редкое издание, используя, очевидно, свои знания и связи в книжном мире (как видно из его личного дела, он от имени ленинградской писательской организации на общественных началах руководил работой Книжной лавки писателей). Не менее интересно и то, что Чапыгин считал Чернокова своим „учеником и земляком“. Следовало, очевидно, обратиться к библиографии А. П. Чапыгина... Такой путь также обогатил наше представление о жизни Чернокова. В 1937—1938 годах писатель опубликовал вначале на страницах ленинградского журнала „Резец“, а затем архангельского журнала „Север“ интересные воспоминания о Чапыгине. Их связывала долгая дружба. Еще молодым человеком, в 900-е годы, приезжая в Петербург на заработки, Черноков сблизился с Чапыгиным. „Сказочный мир севера: сумрачные леса, охотничьи тропы, живописные олонекские деревни, светлые воды рек и озер“, по словам Чернокова, были им одинаково близки и дороги. Да и деревня Закулихинская (новое название — Большой угол), где родился А. П. Чапыгин, находилась не так уж далеко от Чернокова. Юмористически описывает автор „Книжников“ их сборы в дорогу, когда, накупив необходимых припасов, отправлялись они вместе из Петербурга в родные места, бродили по лесам, охотились... Старший друг и наставник подолгу беседовал с молодым человеком о литературе, вспоминал о днях своей юности на севере⁵. Дружба эта продолжалась и в 20—30-е годы, когда Черноков окончательно переехал в Ленинград. Интересно также, что адрес Чернокова, найденный в справочнике „Весь Ленинград“, — „ул. Литераторов, 19“ — был одновременно и адресом Чапыгина. Они жили в одном доме, в небольшом особняке, который известен под именем „дома Савиной“. Дело в том, что великая русская актриса М. Г. Савина в свое время подарила этот дом Литературному фонду. В нем жили и многие русские литераторы.

Последний документ „Личного дела писателя М. В. Чернокова“ датирован 20 февраля 1941 года. На этом сведения о нем обрываются... Что же случилось с ним дальше? После долгих поисков удалось найти в Ленинграде земляка писателя — Александра Сергеевича Чернокова, а с его помощью — Николая Александровича Чернокова, единственного близкого родственника Михаила Васильевича, его племянника, живущего сейчас на родине писателя. Они и рассказали о судьбе М. В. Чернокова. Зимой 1941 года вместе с сыном Анатолием

⁵ См. издававшиеся неоднократно воспоминания А. П. Чапыгина „Жизнь моя“.

54-летний писатель был эвакуирован из осажденного блокадного города. Они погибли во время налета фашистской авиации, бомбившей колонну автомашин на Ладожском озере. Все книги и рукописи писателя, по-видимому, также погибли в блокаду. В государственных архивах Ленинграда и Москвы, за исключением упоминавшегося выше „Личного дела“, никаких рукописей, писем и иных документов найти не удалось. Лишь в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, в архивном фонде журнала „Звезда“, хранится машинописная копия рассказа М. В. Чернокова „Дорогое ружье“⁶. Рассказ написан о драматических событиях начала Великой Отечественной войны, летом или осенью 1941 года. Герой его — старый заслуженный садовод, человек тихий и скромный, берет в руки оружие, дабы защитить от фашистов поруганную ими родную землю. На рассказе помета: „в №№ 10—12“. Он тщательно вычитан, отредактирован, однако конец его отсутствует. Очевидно, „Звезда“ собиралась публиковать рассказ Чернокова в одном из последних номеров 1941 года, но сделать это тогда не удалось: в конце года выход журнала на некоторое время прекратился. Это было последнее произведение писателя...

* * *

Вернемся все же к роману „Книжники“, который, естественно, в наибольшей мере интересует читателей „Альманаха“⁷. На фоне грозных, драматических событий начала XX века разворачивается повествование М. В. Чернокова. Начинается оно накануне первой русской революции, в день, когда пришло известие о Цусиме, и заканчивается приблизительно 1910—1911 годами. Чередой проходят в романе колоритные, тщательно выписанные фигуры книгоиздателей той поры, библиофилов и библиоманов разного толка, крупных антикваров и мелких, так называемых „холодных“ букинистов-разносчиков. Автор сразу же, буквально с первых строк,

⁶ ОР ГПБ, ф. 709, оп. 1, д. 311.

⁷ Заметим, что сразу же после выхода романа появились две рецензии на него. Автор одной из них, А. Лурье (Художественная литература, 1933, № 8), считает, что Черноков взялся за тему, далекую от жизни, и неточно расставил в романе „классовые акценты“, отмечая, впрочем, глубокое знание материала. С большой симпатией отнесся к роману Ин. Оксенев в газете „Литературный Ленинград“ (1933, № 21), считавший, что „Книжники“ — „лучшее из написанного до сих пор Черноковым“, что „социальный роман на материале, еще никем не разработанном, задуман интересно и первая часть заставляет ждать вторую“.

вводит читателя в атмосферу книжного Петербурга той поры: «В сумрачных петербургских лавках антикваров и букинистов Балакин был своим человеком еще года за два до первой революции. Покупал он тогда издания Новикова, равно брал и Бекетова, Сленина, Плюшара, Смирдина, словом, все, что издано было в России с семидесятых годов восемнадцатого века до половины девятнадцатого. Он любил и потолковать о книгах, издателях и о том, почему пало печатное искусство в шестидесятых годах. Букинисты нередко обращались к нему за справками о старых изданиях и всегда их получали точно и немедленно. За это они охотно разыскивали или приберегали нужные ему книги. Участиливо расспрашивали об его издательских делах, никогда не обижались, если он называл их алхимиками, пустосвятами, пыльной чюдью. Выходило у него это отечески добросердечно. Было отеческое в его еще молодой складной фигуре, пышной бороде и всегда чуть прищуренных строгих глазах» (с.5).

Иллюстрация С. Юдовина
к роману „Книжники“

Таков главный герой романа — Касьян Ильич Балакин, крупный петербургский книгоиздатель и библиофил, владелец большой книготорговой фирмы, имеющей отделение в Москве. Карьера его типична для книжника-самородка, такого, скажем, каким был Иван Дмитриевич Сытин. Он с нежностью и душевным трепетом вспоминает родную деревню, которую покинул лет тридцать назад, „сумрачные северные леса, тихие реки, озера, красоту летних ночей, веселых охотников и стариков-сказителей“. Приехал он в Петербург десятилетним мальчиком на возу рябчиков, „и все было чудно тогда“... Затем способный и удачливый мальчишка, пройдя все этапы, иногда горькие, „книжного учения“, постепенно становится владельцем книжного магазина и, наконец, большого книжного дела. Его „Скорлупа“ (так шутливо было названо главное помещение издательства) притягивает к себе видных писателей, журналистов, библиофилов, антиквариев. Здесь замышляет он вместе со своими ближайшими помощниками планы коренного переустройства всего книжного дела, здесь разгораются бурные споры по поводу правового положения печати, об

искусстве книги, о принципах коллекционирования. Балакин — фигура крайне сложная и далеко не однозначная. Он интересно и много говорит о „чести культурного издателя“, о „профессиональной гордости, благородстве в работе...“. Он стремится не потерять связи с „почвой“, с „народом“, которому надо служить верой и правдой. Он напоминает типичного интеллигента народнического толка 80-х годов. Балакин разделяет иллюзии просветителей, преклоняющихся перед „меньшим братом“, считающих, что книжное просвещение уже само по себе является панацеей от всех социальных зол и бед и может разрешить все проблемы. Главное — дать народу „хорошую книгу“, а сделать это удастся, если вытеснить с книжного рынка мутный поток серобумажной лубочной продукции, отравляющей сознание простых читателей. Московских издателей-лубочников он считает врагами книги и просвещения. „Настоящий сочный лубок выродился, — говорит он. — Теперь мразь, а не лубок, в провинции эта мразь в почете... Деревенские и городские базары завалены бульварщиной, подлой шарлатанской книгой“. Балакин налаживает тесные связи с земскими книжными складами, отделениями обществ и комитетов грамотности и другими просветительскими организациями, снабжает их своей „улучшенной книгой“, причем со значительной скидкой. Балакин считает себя истинным просветителем народа: недаром над его рабочим столом красуется портрет Николая Ивановича Новикова, как бы осеняющего и благословляющего его на благородный труд.

Это не просто красивые слова и жесты, не просто демонстрация: Балакин предельно искренен в своих побуждениях. Но... времена изменились, и он прекрасно это понимает и осознает. Прежние методы ведения дела безнадежно устарели, выглядят совершенной архаикой. На сцену уже давно вышел „чумазый“, ловкий капиталист-делец, не чурющийся ничем, что сулит прибыль, холодно и цинично рассматривающий книгу как обычный „товар“. Для того чтобы уцелеть и расширить свое дело, нужно реорганизовать его, а главное — тонко улавливать запросы времени и вкусы читателей. В начале своей работы Балакин вполне довольствовался „небольшим доходом и похвалой друзей, любителей литературы, друзей — мечтателей о народном благе... первыми успехами своего соперничества с бульварщиной и лубком“ (с. 99). Но события 1905 года резко изменили и расширили его книгоиздательское дело: „Революция дала ему в руки ворох новых изданий, которые сделали его имя известным“. Неверным было бы представлять дело так, что Балакин спекулирует на огромном массовом интересе к революционной, демократиче-

ской книге, как это было свойственно некоторым реальным издателям той эпохи. Но почему же не издать ходкую книгу, тем более сенсационную... Он охотно берется за выпуск таких книг. Иногда цензура их конфискует, а самого издателя подвергает судебному преследованию. „Но конфискации и штрафы,—замечает Черноков,—нисколько не влияли на общий успех дела, даже наоборот: репрессии делали ему рекламу“ (с. 100). Вот почему он так дорожит своим помощником, подпольщиком-революционером Лукой Корятовым, вовсе не разделяя его убеждений: ведь именно Лука подбирает для него „ходкие революционные издания“. Сердясь на „излишнюю революционность“ помощника, Балакин все-таки закрывает глаза на то, что Лука печатает в его типографии подпольные издания, выпуская их под маской сочинений мифического поэта Добрякова. Более того—он спасает Корятова от ареста. Политические воззрения и настроения Балакина, впрочем, весьма расплывчаты и неопределенно-либеральны. „Одно лишь остается,—говорит он своему приятелю Картонову, рафинированному, далекому от жизни библиофилу,—надо свергнуть весь старый порядок—в этом спасение страны. Теперь мы можем шагнуть примерно к такой республике, как во Франции. Больше нам и не надо. Хотя революционеры мечтают о другом. У меня есть молодой дельный приказчик Лука Корятов. В нем кипит молодой революционный задор; буквально пожирает потаенную литературу, бегаёт на какие-то собрания, спорит со мной о политике, уверяет, что буржуазия предаст рабочих и крестьянство в их борьбе за нужный им государственный строй. А какой им строй надо—не разберешь“. Библиофил, которому не терпится похвастаться только что приобретенными раритетами, лишь отмахивается от таких „никчемных“ разговоров Балакина: „Понятно, разберутся без нас. Кто хитрее, организованнее, тот и сядет управлять. Ну, а мы займемся новыми редкостями.—Ладно, порадеем...“—соглашается Балакин (с. 10).

Сам Балакин известен среди библиофилов как крупный собиратель. Коллекция знаменитых изданий его кумира—Н. И. Новикова—составила ему известность в кругах петербургских и московских коллекционеров. Собирает он и старинные иллюстрированные французские и немецкие книги. Балакин, впрочем, резко отличается от других коллекционеров: книга нужна ему не столько сама по себе, не столько как редкость, сколько как поучительный материал и образец для творческого использования в его собственной книгоиздательской деятельности. Он внимательно всматривается в старинные гравюры и книги, но это не безоглядное эстетское

любование. Вот лишь один из многочисленных монологов Балакина:

«Прежде всего, надо сказать о корнях: как известно, прекрасный образец книжного искусства дали французы в восемнадцатом веке. Было, конечно, там и излишнее увлечение украшением книги иллюстрациями, но можно восхищаться чудесными рисунками Эйзена, Моро, Буше. Есть издания Казэна, Франсуа Дидо и других, в которых существует поразительное сочетание работ типографа, художника и переплетчика. Немудрено, что наши бары восемнадцатого и начала девятнадцатого века увлекались французской книгой. А нынче! Вы посмотрите, как охотятся за этой книгой наши современные бары. Но ведь вкусы смешались — классицизм разбавлен увлечением Рескиным, Бердслеем и Ропсом. Образованные богачи ищут знакомства с тонкими знатоками искусства, и в свою очередь знатоки летят в гостиные и салоны радушных миллионеров, которые любят слыть покровителями искусства. Ведь известно, что Рябушинский, Мамонтов, Поляков, Щукин — отцы и пестуны роскошных сборников „Золотое руно“, „Весы“ и целого ряда других изданий. Говорят о богатом расцвете книжной иллюстрации, о десятке имен талантливых художников, украшающих книгу. Но если вы посмотрите на дягилевский „Мир искусства“, на „Старые годы“ Вейнера, на сборники и книги, где работают иллюстраторы, то увидите не искусство книги, а искусство в книге. Обилие декоративных узоров, архитектурного орнамента, наклеек репродукций — все это говорит о самоценности искусства, о рекламировании им себя, а не книги. Все это не то, что нужно: не создано еще того, чем можно бы гордиться» (с. 104).

Издатель восторгается „чистотой печати“ Альда Мануция, высоко ценит „красоту и величавость плантеновских фронтисписов и иллюстраций“, „изящество эльзевировских шрифтов“, но утверждает, что это ничуть не портит его самостоятельности, что больше всего он думал о том, что „могло бы искоренить у нас барство, холопство и невежество...“ и „не только думал, а и работал“ (с. 173). Тонкие замечания по поводу „искусства книги“, а не „искусства в книге“ рассыпаны по всему тексту романа⁸. Балакин пытается органически совместить в своих книгах высокие традиции европейских

⁸ М. В. Черников, судя по всему, хорошо был знаком с современной ему литературой о книжном искусстве, в частности с книгой П. Дульского „Книга и ее художественная внешность“ (Казань, 1921), работами Э. Ф. Голлербаха, И. Д. Галактионова, А. А. Сидорова (кстати, в ранних работах последнего мы встречаем рассуждения об „искусстве книги“, а не „искусстве в книге“).

типографов XV—XVI веков и словолитное искусство французского XVIII века с глубоко реалистической манерой замечательных русских художников-иллюстраторов 30—40-х годов XIX века. Он прекрасно разбирается и в художественных исканиях начала XX века в области оформления книги как на Западе, так и в России, умело анализирует достижения и просчеты графиков „Мира искусства“, но, надо сказать, стносится к новым веяниям весьма сдержанно и даже иронически. По-видимому, крестьянской закваске Балакина, его стремлению демократизировать книгу претят стилизаторские изыски и манерность, присущие оформлению многих изданий той эпохи⁹.

Черноков в своем романе с глубоким пониманием и знанием материала изображает удивительно пестрый книжный мир читающей России начала века, его „цветное море“, по выражению главного героя. Балакин вспоминает годы первой революции и наступившую за ними полосу реакции: «Весна вначале была настоящая. Только скоро она прошла и сразу осенью запахло: начались расстрелы, погромы, виселицы. Появились Шерлоки, Пинкертоны, самая откровенная порнография, дикая пошлость — словом, подлинная блудоискательная литература. Одно лишь отраднo, что растут молодые издательства дешевой и нужной книги. Библиотека „Знания“ отлично расходуется, книжки стоят две-три копейки¹⁰. Теперь возьмем другой ряд: „Мир искусства“, издательства „Скорпион“, „Гриф“, „Мусагет“... веселым маскарадом, зарницей, огненным ангелом кажется публике хлынувший поток западной графики. Вот еще „Старые годы“ с романтическим призывом к былому изяществу и простоте» (с. 19—20). Правда, с точки зрения Балакина, художественное построение книги большей частью жертвуется в угоду декоративной вычурности, но все-таки видны поиски нового, чего-то небывалого, „смутное стремление к поискам самобытности в книжном искусстве“ (с. 20). „Да, да, шумит книга нынче,—говорит Балакин.—Только сыщики, порнография, оккультизм, магия и прочая в блюде родившаяся литература затемняет свет в

⁹ Неверным, конечно, было бы отождествлять (как это иногда делается) мысли автора и главного героя, но, как можно понять, Черноков разделяет не вполне справедливое, отрицательное отношение Балакина к художественным исканиям в области книжной графики начала XX в. Они (особенно поиски художников „Мира искусства“) внесли много нового и ценного в искусство книжного оформления.

¹⁰ Очевидно, имеется в виду серия „Дешевая библиотека“, выпускавшаяся горьковским издательством „Знание“. Брошюры этой серии стоили от 2 до 12 копеек.

окошке. Это — саранча. Откуда ее столько? Это действительно товар, а не книга. Но это еще не все: есть еще неунывающие московские и здешние фабриканты лубка. А книжки для солдат? Потом тысячи изданий духовных? Разве все это дает спать спокойно тому, кто способен разглядеть этот ядовитый цветник?“ (с. 102).

К несчастью, его сын Павел, на которого возлагалось столько надежд, не только восторгается этим „ядовитым цветником“, но и пытается погреть на нем руки. Посланный отцом за границу поучиться „уму-разуму“ у опытных владельцев лейпцигских и парижских книгоиздательских фирм, молодой человек попусту и легкомысленно проводит время. Вернувшись в Москву и став заведующим местным отделением петербургской „Скорлупы“, Павел прежде всего занялся изданием стихов, написанных им за границей, причем выпустил их роскошно и даже со своим портретом. Книготорговцы, считая книжку „гиблой“, брали ее только на комиссию. Но влюбленная в Павла сумасбродная барыня „не то из мести, не то из сочувствия к нему“ в течение недели скупила весь тираж сборника. Тем самым она создала из никчемной пустой книжонки претенциозных стихов некую „загадочную новинку и библиографическую редкость“. За книжкой стали гоняться снобы-библиофилы, и это принесло Павлу даже некоторый успех.

Павел — вовсе не далекий от жизни эстет и поэт-декадент. Он книжный предприниматель новой формации, начисто лишенный народнических и просветительских „иллюзий“ своего отца, делец трезвый и расчетливый. Споря с отцом, он утверждает: „Нет, для коммерсанта все равно, что ни производить, лишь бы был спрос. Благородство в нашем деле вещь относительная: часто оно мешает даже росту предприятия. Надо брать пример с Запада, где все идет естественным путем, просто, ровно, в строгом соответствии с требованием рынка“ (с. 173). Натолкнувшись на сопротивление отца, Павел, проезжая по Каменноостровскому проспекту Петроградской стороны, который застраивали домами в стиле модерн новоявленные богачи-нувориши, размышляет: „Капитал растет. Надо говорить с отцом. Если не удастся убедить его, тогда остается только одно — открыть свое дело“.

В конце романа и сам Касьян Балакин понемногу начинает сдавать свои позиции. К удовольствию сына, он говорит о том, что необходимо до предела расширить круг изданий, „работой, ловкостью своей надо поразить в самое сердце простодушных стряпух-издателей; поэтому придется отступить немного от старых правил в работе... Я не каюсь в том, что

говорил одно, а делаю другое. Так суждено человеку, который привык думать о себе лучше, чем он есть на самом деле“ (с. 183). Горечь и разочарование звучат в этих словах умного русского издателя, убедившегося, что ему „суждены лишь благие порывы“...

* * *

Ярко изображен в романе М. Чернокова и поразительно пестрый и колоритный мир книготорговцев России начала века — крупных антикваров, мелких букинистов-разносчиков, мальчиков в книжных лавках, офеней, торгующих лубочной книгой... На сцену выведены присяжные поставщики старинных и редких книг — „тароватый Лазурка“, старый букинист Николай Иванович, „прижимистый Хапутин“ и другие. Собиратели заискивают перед ними, в их лавках ведутся жестокие бои за обладание редкостями. С чувством своеобразной „но-стальгии“ вспоминают старики-букинисты о прежних блаженных временах — 70—80-х годах прошлого века, когда разорались барские усадьбы и на книжный рынок было выброшено множество первоклассных редкостей. А теперь... теперь все не то: книги стали дороги, да и покупатель другой пошел, и все больше из богачей, промышленников да торговцев, скупающих книгу, „как дрова“. Николай Иванович с грустью вспоминает о редчайших книгах и автографах, прошедших через его руки в свое время, о П. А. Ефремове, крупнейшем библиографе и собирателе, часто заходившем в его книжную лавку. „Молодые антиквары совсем забили нашего брата старика;“ — печально говорит он. Балакин соглашается с ним: «Теперь другие люди, другие приемы. У нового книжника сотни глаз и ушей. Он не ждет, когда ему библиотеку предложат, у него на учете все более или менее ценные частные собрания, и очень часто которое-нибудь из этих собраний продается. Вот и начинается охота, страсть. Приобрести интересную библиотеку — мечта каждого книжника. Тут и нажива, и слава, и любованье, шум, задор, почет от собирателей-толстосумов. Но разве мало есть среди вас „чужих“ людей, не книжников, а спекулянтов? Для таких людей книга просто товар, и на нем можно наживать деньги, искусственно создавать редкости. Я знаю десятки людей, которые, пользуясь невежеством неопытных книжников, покупают у них за бесценок прекрасные книги, гравюры, и, перепродавая их, обогащаются. Таких людей становится все больше и больше. Вот почему у тебя и у других стариков дела плохи» (с. 61—62). По мнению Балаки-

на, надо создать организацию „порядочных книжников“ и „взять рынок в свои руки“.

Выразительная фигура „Старопечатника“ — другого букиниста, принципиально отвергающего „гражданизм“, то есть светскую книгу гражданской печати, и торгующего только древними кириллическими книгами и рукописями¹¹. Этот букинист не жаловался на дела, что удивило Балакина, зашедшего в московскую лавку. „Букинист пояснил: — Революция-то эта, как туча, мимо нас стороной прошла. Ведь и то сказать: чем больше тебе нового, модного, тем чаще старину любишь,—законное это дело.— Поди-ка, поговори с ним,—кивнул Балакин на лавку, когда они с Павлом вышли на улицу,—это еще допетровский человек“ (с. 30).

Вспоминают старики и легендарных книжников, воспетых И. В. Федоровым-Омулевским в шутовском „Послании к букинистам Александровского рынка“:

О, подпившая муза моя!
Поддержи мою лиру, чтоб я,
Взяв пример с летописцев-подвижников,
Мог воспеть фарисеев и книжников,
В Александровском рынке гурьбой
Обступивших фасад лицевой¹².

Вспомнили они и „Братьев-разбойников“, и „Отца родного“, букинистов, ничем не брезговавших, покупкой ворованных книг в том числе, „Дуба“, который „вечно на камени седоша со своей книжной выставкой“, и многих других, с которыми „порядочные люди избегали иметь дело“. Вспомнили и знаменитого „Гумбольдта“, но тот — иное дело: „...лавки не имел — был холодным букинистом и великим книжником, приятель Некрасова и Щедрина. Некрасову он давал деньги в долг, когда тот проигрывался. Проигрывался и Гумбольдт — тогда Некрасов выручал его“ (с. 78). Конечно, это букинистическая легенда: известный в литературных кругах 60—70-х годов XIX века „холодный“ букинист Семен Андреев, получивший прозвище за сходство со знаменитым немецким ученым Фридрихом Гумбольдтом¹³, не был лично знаком с Некрасо-

¹¹ Этим он напоминает отца известного букиниста П. П. Шибанова, также не признававшего гражданской книги. См.: Шибанов П. П. Антикварная книжная торговля в России.— В кн.: Книжная торговля. М.; Л., 1925, с. 199—206; Шибанов П. П. Полвека со старой книгой и ее друзьями.— Книга. Исследования и материалы, вып. 24, 25, 27.

¹² Федоров-Омулевский И. В. Полн. собр. соч. СПб., 1906, т. 2, с. 317.

¹³ См.: Свешников Н. И. Воспоминания пропавшего человека. М.; Л., 1930, с. 410.

вым и Щедриным. Правда, он стал героем предсмертного стихотворения Н. А. Некрасова „Букинист и библиограф“, но сведения о нем поэт получил от П. А. Ефремова, близко знавшего этого книжного разносчика¹⁴.

В романе М. В. Черногова выведены и некоторые другие реальные лица — крупные книжники-антиквари, работавшие в начале века в Москве и Петербурге. Среди них — А. А. Астапов, который всегда сидел в особом кресле у прилавка, „разводил кругло руками, вскидывал смеющиеся глаза на собеседников и плавно рассказывал“ о прежних временах и редчайших книгах. Интересно, что рассказ об Астапове очень точно совпадает с воспоминаниями о нем Ф. Г. Шилова¹⁵, но ведь они вышли спустя 26 лет после издания романа Черногова. Возможно, старейший букинист в свое время рассказывал о нем писателю.

А вот другой реальный персонаж — крупнейший петербургский антикварий Василий Иванович Ключков, хорошо сознававший „свою силу властителя-искусника и сумевшего воспитать в собирателях почтительность к себе“. Букинист мастерски владеет искусством рассказа о редких изданиях, умеет увлечь покупателя. «Вот, позвольте вас познакомить с любопытной вещицей, — говорит он постоянному покупателю-коллекционеру. — Антиквар достал из конторки тоненькую книжку, обдул и повертел ее перед глазами покупателей. — Книжечке сто сорок шесть лет от роду, а не постарела. Это алмаз восемнадцатого века... — Отогнул обложку и показал заглавный лист, держа книгу влево от себя на вытянутой руке. — Пожалуйте... Не светозарная ли простота сияет здесь! Виньеты, убор, шрифт просят на показ всем. „Торжествующая Минерва, общенародное зрелище, представленное в Москве в 1763 году“. Оно было задумано первым русским актером Волковым и исполнено под его непосредственным распоряжением»¹⁶ (с. 164).

Подлинным знатокам-букинистам, любящим книгу, противопоставлены в романе ловкие и циничные торгаши. Один из них — книжник с выразительной фамилией Хапутин, не брезгающий ничем, выдумывающий даже легенды о „счастливых и несчастливых“ книгах. В ответ на его рассказы В. И. Ключков говорит: „Пугай, мы не боимся... Только признайся, что ты

¹⁴ См.: Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. М., 1948, т. 2, с. 789—790.

¹⁵ Шилов Ф. Г. Записки старого книжника. М., 1959, с. 120—121.

¹⁶ Торжествующая Минерва, общенародное зрелище, представленное большим маскарадом в Москве 1763 года, генваря дня. М., 1763. 26 с.

морочишь честную публику тем, что будто бы знаешь какое-то особое скрытое свойство книг“ (с. 69). Выведен в романе и А. Фельтен (на сей раз вполне реальное лицо), человек „чужой“ в книжном мире, ничего в книгах не понимавший, но начавший скупать огромные и ценнейшие коллекции и перепродававший их букинистам втридорога¹⁷.

С чувством любви и теплого, мягкого юмора рисует Черноков образы „книжных мальчиков“, присланных из деревни в столицу для обучения. Гришка и Купидоньч (так прозвали приказчики Кольку) — веселые, озорные мальчишки, под руководством Луки Корытова овладевающие „книжной премудростью“, вскоре, ссорясь друг с другом, даже голову начинают называть „титолом“, а лицо — „фронтисписом“. Лука посадил мальчиков за историю книгопечатания и заставил вести дневник. Вот что записал в первый раз Гришка:

«Читал о печатании картин и карт с деревянных досок. Это было в четырнадцатом веке, а теперь у нас двадцатый. Теперь знаю, с каких пор в карты играть стали в европейских странах. А первые книги „Зеркало человеческого спасения“ и „Библия бедных“ с такими же картинками, как у нас в деревне старая картина страшного суда (очевидно, лубочная картинка.— А. Б.), напечатаны тоже с деревянных досок лет пятьсот назад. Но вскоре после того Гутенберг научился изготовлять много металлических букв и набирать книги этими буквами. Он открыл типографию вместе с богатым человеком Фустом. Был у них подмастерье Шеффер. Потом Фуст и Шеффер обидели Гутенберга, попросту прогнали из типографии. Но ему удалось открыть вторую типографию и опять с товарищем. Когда стало две типографии в городе Майнце, загорелась война между двумя архиепископами. Один с войском отнимал у другого место архиепископа. Обе типографии принялись печатать прокламации: Шеффер с Фустом за старого архиепископа, а Гутенберг за нового. Для Гутенберга вышло счастливо. Новый побил старого, а Гутенбергу за подмогу новый дал паек,— давал ему каждый год платье, двадцать мер зерна и два воза вина. Допускал и к столу, словом, кормил до смерти. А Фуст умер еще раньше Гутенберга. Умер в Париже. Туда он ездил продавать напечатанные им библии. Умер он от чумы, хотя всем, кто покупал у него библию, говорил, что она спасает от чумной заразы <...>

¹⁷ Черноков очень точно рисует эту фигуру. См.: Шибанов П. П. Антикварная книжная торговля в России, с. 206. А. Фельтен скупил, в частности, такие знаменитые коллекции, как собрания Г. Н. Геннади и П. А. Ефремова, нажив на этом значительный капитал.

Сижу один и жалею Луку. Сегодня он меня взял с собой в типографию, показывал мне машины, бумагу в больших катушках, шрифты всякие. Видел я еще, как набирают наборщики книги, да потом все у меня из головы вылетело, оттого что нагрянула полиция и нашла в типографии запрещенные книги. Эти книги хранил Лука. Меня полицейские выпустили из типографии, и я побежал в „Скорлупу“...» (с. 96).

Как можно заметить, бурные события первой русской революции активно вторгаются в безыскусный рассказ Гриппи об изобретателе европейского книгопечатания, который, оказывается, даже и „прокламации“ печатает. Хотя и очень смешно, по-своему, мальчик все-таки довольно точно следует за авторами популярных книг и брошюр конца XIX века, посвященных Гутенбергу¹⁸.

* * *

Наконец, последняя тема романа — библиофильская. Целая вереница книжников-коллекционеров выведена в нем... С наибольшей полнотой раскрыт Черноковым образ „известного книговеда“ Николая Петровича Картонова. Так же, как и Балакин, этот библиофил — фигура крайне сложная и противоречивая. Перед нами пылкий, восторженный человек, беспредельно влюбленный в старинные книги и гравюры, знающий их до самых сокровенных глубин. На фоне своих книжных сокровищ он выступает как средневековый маг, и даже одет соответствующе — в „тонкий люстриновый балахон с темно-красной, с золотыми узорами, шапочкой на голове“. „Две стены обширной светлой комнаты, — продолжает Черноков, — были заняты от пола до потолка книжными полками. У третьей стены помещался шкаф красного дерева с самыми редкими книгами, Свободные от книжных полок части стен и простенки были увешаны гравюрами, редкими литографиями и старинными лубочными картинками“ (с. 8—9). Картонов, замкнувшись в свою монашескую „келью“, очень далек от современной жизни. Познакомившись с полицмейстером Глобачевым и околоточным надзирателем Юрохой (они тоже „библиофилы“ — собирают редкие книги по истории полиции), он достает через них конфискованные, обреченные на уничтожение революционные брошюры. Этим он напоминает, кстати, крупного библиофила и библиографа того времени С. Р. Мин-

¹⁸ См., например: Бахтиаров А. А. История книги на Руси. Спб., 1890; Бахтиаров А. А. Гутенберг, его жизнь в связи с книгопечатанием. Спб., 1892; Гутенберг, первый изобретатель книгопечатания. М., 1880.

цлова, часто подкупавшего полицейских чинов и собравшего уникальную коллекцию запрещенных изданий начала XX века¹⁹. Однако, в отличие от Минцлова, Картонов интересуется такими изданиями только потому, что они могут послужить материалом для обмена на старинные французские гравюры. Впрочем, он гордо заявляет в беседе с Балакиным: „Я спасаю то, что полиция уничтожила бы“ (с. 13).

Старинные книги отгораживают библиофила от исполненных драматизма событий в жизни России этой эпохи. Вот выразительная сцена. Балакин впервые приходит к Картонову в день, когда было получено известие о разгроме русской эскадры под Цусимой. Искренне взволнованный, Балакин с болью говорит об этом. „Ну, бог с ней, с эскадрой,—спокойно проворчал Картонов <...>—Покажу вам для начала. Вот... четырнадцатый век—манускрипт нормандский с миниатюрами, целостная, сохранный вещь... сладчайшая!.. Величайшее сокровище!“ (с. 8—9).

Деньги совершенно не интересуют Картонова, хотя он мог бы при желании, используя свои незаурядные знания и связи в книжном мире, нажать целое состояние. Так, он приобретает для молодого фабриканта-табачника Колобова, возами покупающего книги, „гребущего всякий хлам и собравшего уже до семидесяти тысяч томов“, богатую библиотеку одной вдовы; за комиссию и хлопоты оставляет он себе лишь «редкое издание Овидия, отдавать которое он посчитал „кошунством“»²⁰. Искушающая душу страсть к редкостям поистине „съедает жизнь“ Картонова: его глубочайшие знания и благородство характера, в сущности, пропадают втуне. „Книжные радения“, как называет Балакин картоновские вечера, бесконечное любование старинными миниатюрами, альдинами с красивыми строчками итальянского курсива, изысканными французскими гравюрами XVIII века—в этом и заключен весь мир Картонова.

Запечатлены в романе и другие типы библиофилов начала столетия, как вымышленные, так и реальные. К числу

¹⁹ Эти издания зафиксированы в библиографических трудах С. Р. Минцлова „Редчайшие книги, напечатанные в России на русском языке“ (СПб., 1904) и „Опись книгохранилища Сергея Рудольфовича Минцлова“ (СПб., 1905). См. об этом подробнее: Блюм А. В. и Мартынов И. Ф. С. Р. Минцлов и его библиофильская повесть.—Альманах библиофила. М., 1975, вып. 2, с. 202—205.

²⁰ Это очень точная деталь: крупные знатоки книги, консультируя несведущих приобретателей при покупке ими целых библиотек, получали право отбирать для себя нужные им редкие издания. См.: Шибанов П. П. Антикварная книжная торговля в России., с. 233—234.

последних принадлежит Алексей Сергеевич Суворин (1834—1912). Постаревший, чувствующий, что его время безвозвратно уходит, но не потерявший еще яда 75-летний издатель и публицист посетил Картонова, надеясь выторговать у него очень редкие „ростопчинские афиши“ эпохи Отечественной войны 1812 года. „Он сидел в шубе,—рисует Черноков эту одну из сильнейших в романе сцену.—На столе рядом с ним лежали бобровая шапка и толстая трость с яшмовым набалдашником. Эти брошенные на стол шапка и трость и выражение лица старика, а еще более те грубоватые торопливые движения, с какими он хватал из рук Картонова книги и отталкивал ненужные ему, избличали в госте строптивый нрав, избалованность богача и явное неуважение к хозяину. Хозяин же имел вид вороны, к которой прилетел в гости коршун“ (с. 14). Балакин, присутствовавший на „радении“, заводит с Сувориным жаркий спор о жгучих вопросах современной жизни и книжного дела. Под пером писателя Суворин выглядит фигурой причудливой и далеко не однозначной. Ему нельзя отказать в уме, проницательности, оригинальности, большом организаторском таланте. „Нужно поражать публику новизной,—говорит старый издатель.—Это первое условие успеха. Говорят, что я разбогател от изданий, а, положим, такой талантще, как Смирдин, разорился. Я всегда брался за то, что другим в голову не приходило, давал за гривенник классическое сочинение и публику брал вот так—двумя пальцами. Смирдин воображал себя крезом—по-видимому, он был добрейший человек,—но мне почему-то жаль, когда он платил по червонцу за строчку стихов (Пушкина!—А. Б.)—это безумие. Я такого человека не понимаю“ (с. 19).

Конечно, капиталисту-предпринимателю трудно понять бескорыстие и „прекраснодушие“ Смирдина. Но в его словах—не пустое бахвальство. В Суворине было всякое: издание ультра-реакционной газеты и многолетняя дружба с А. П. Чеховым, выпуск монархических брошюр и публикация нескольких сот дешевых книг, целой библиотеки, которая действительно предлагала читателю произведения русской и зарубежной классической литературы.

Балакин, которому претит высокомерие Суворина, возражает ему: „Я Смирдина понимаю: это был человек, обладавший огромной верой в свои силы и свою славу. Он один делал то, что по силам было десятку“. Как известно, Суворин был крупным коллекционером и издателем библиофильских книг (вспомним хотя бы издание им „Путешествия из Петербурга в Москву“ тиражом в 100 нумерованных экземпляров). Свято верующий в силу денег, он никак не может понять Картонова,

не желающего продать ему столь желанные „ростопчинские афишки“: „Вы ужасный человек!—закричал Суворин в конце сцены.—Отчего вам не нужны деньги? Я ужою.—Ушел, ругаясь... Балакин слышал, как старик бешено ударил тростью по наружной двери“ (с. 20).

Столь же живописны и выразительны и другие типы библиофилов начала XX века, изображенные в романе Михаила Черногова. Писатель хорошо разбирается в различных оттенках библиофильства, показывая в романе и собирателей, искренне влюбленных в книгу, и псевдобибблиофилов — богатых выскочек, покупающих книги модные и престижные. Павел Балакин, по совету отца, начинает интересоваться русскими альманахами романтической поры, и вначале его очаровывают „фронтисписы, виньеты, гравюры, исполненные Уткиным, Галактионовым, Ческим“. Но тяжелый труд пугает его: в основном он собирает и изучает их для того, чтобы „отличиться, показать отцу себя“ (с. 60). Для другого коллекционера — Пухова — главное заключено в стоимости книг. „Ну и при чем здесь ефремовское издание²¹, вот уж не понимаю! — спорит он с посетителями магазина В. И. Ключкова. — Ну, сожгли его Радищева на Фарфоровом заводе, тогда первое издание стоило восемьсот—девятьсот, можно было взять и больше. Теперь, когда Суворин повторил Радищева, вы разве купите дешевле тысячи первое издание? Есть книги, которые с каждым годом повышаются в цене: тут играет роль романтика“ (с. 165). Первые издания сочинений Д. И. Писарева или „Положение рабочего класса в России“ В. В. Берви-Флеровского²² такого коллекционера „романтизмом не заражают“ — ведь они были переизданы!

Изображены в романе и мелкие „малоизобретательные“ стяжатели вроде Мазурина, который „ловко умел вырвать лист из книги и тут же эту книгу купить за бесценок“. Богатые снобы, не утруждая себя, закупают книги на корню целыми библиотеками, другие, победнее, норовят опередить друг друга в приобретении редкостей. Впрочем, и тех и других водят за нос лукавые старые букинисты, прекрасно разбирающиеся в

²¹ Имеются в виду „Сочинения А. Н. Радищева“, подготовленные и изданные П. А. Ефремовым в 1872 г., уничтоженные по решению Комитета министров. 1960 (из 2000) экземпляров книги было не сожжено, а уничтожено „посредством обращения в массу“, и не на «Фарфоровом заводе», а на картонной фабрике Крылова. См.: Добровольский Л. М. Запрещенная книга в России. 1825—1904. М., 1962, с. 92.

²² См.: Добровольский Л. М. Запрещенная книга в России..., с. 93 и 101. Обе книги, также подвергшиеся запрещению и уничтожению, были изданы в 1872 г.

психологии своих клиентов. Особенно лакомой добычей были для букинистов так называемые „геннадиевцы“, собиравшие книги по „библии“ коллекционеров того времени — „Русским книжным редкостям“ Г. Н. Геннади. Сценки эти исполнены юмора, перерастающего иногда в сатирический гротеск.

* * *

Таковы главные темы романа „Книжники“. Некоторые образы лишь намечены Черноковым. В дальнейшем, судя по всему, они должны были выйти на авансцену и занять видное место в повествовании (например, подпольщик Лука Коротов). Но и в опубликованной первой книге романа жизнь книжников начала века воссоздана с большой глубиной и полнотой, знанием точных примет эпохи. Во время чтения романа невольно поражаешься тому, с какой осведомленностью и пониманием говорит писатель об ушедшей библиофильской жизни, о редчайших старинных книгах, альманахах, гравюрах, о борьбе различных течений и направлений в русском издательском деле, о странностях и курьезах букинистической торговли. Вспомним, что М. В. Чернокову удалось закончить всего два класса сельской школы. По-видимому, постоянное самообразование и — что очень существенно — многолетняя работа в Государственном книжном фонде и Книжной лавке писателей, когда перед ним прошли тысячи редчайших книг, позволили ему приобрести знания, которые оказали бы честь и книговеду-профессионалу. По распространившемуся сейчас и ставшему уже крылатым выражению, действительно, не он собирал книги, а „книги собрали его“.

Несомненно, как видно это из романа, М. В. Черноков хорошо был знаком с публикациями 20-х годов, в частности с упоминавшимися выше мемуарами П. П. Шибанова, исследованиями в области истории книгопечатания и искусства книги М. И. Щелкунова, М. Н. Куфаева, М. В. Муратова, А. А. Сидорова и других. Но писатель не следует покорно и слепо за ними: у него свой взгляд, свое отношение к истории русского книжного дела и его деятелям — издателям, букинистам и библиофилам. Вместе с тем ряд конкретных сведений и фактов писатель не мог почерпнуть из печатных источников своего времени. О нравах библиофилов и букинистов предреволюционной эпохи ему, возможно, могли поведать старые книжники (например, Ф. Г. Шилов, работавший тогда в ленинградской Книжной лавке писателей). Многого в те дни хранилось еще в библиофильском фольклоре, плохо, к сожалению,

зафиксированном в свое время. Роман Чернокова доносит до нас отзвуки исчезнувших рассказов и легенд, представляющих большой интерес не только для исследователей истории книги и библиофильства, но и для всех любителей книги. Переиздание романа „Книжники“ обогатило бы нашу библиофильскую литературу, вызывающую в последнее время столь живой отклик у читателей.

В заключение отметим, что в архивах имеются глухие упоминания о том, что Михаил Васильевич Черноков работал над второй книгой своего романа. Может быть, кому-либо посчастливится найти рукопись второй книги, которая, несомненно, еще более расширит наше представление об этом редком, чрезвычайно интересном и своеобразном явлении отечественной библиофильской прозы.

Ленинград

Книжный

раздел

„МАЛЫШ“ ШАГАЕТ ПО ПЛАНЕТЕ

Если разложить на столе лучшие образцы книг, выпускаемых издательством „Малыш“, то можно как бы окунуться в удивительно красочный, сказочный мир детства. Прекрасные разноцветные обложки будто маленькие оконца—каждое в какую-то незабываемую страну. Обилие красок, оттенков, интересное содержание привлекает к этим изданиям многие миллионы читателей. И не случайно то, что книги „Малыша“ пользуются повышенным спросом у покупателей как у нас, так и за рубежом.

Вот одна из книг—„Русские народные сказки“ с рисунками Е. Рачева. Каждую ее страницу, наклеенную на плотный картон большого формата, рассматриваешь как настоящую картину. И действительно, взятая отдельно, она может украсить любую детскую комнатку. А кому не известны книжки-игрушки с поднимающимися панорамами! Каждая из них, почти сразу после выхода в свет тиражом до двухсот тысяч экз., исчезает с прилавков магазинов—настолько их любят юные читатели. К примеру, „Сорока-белобока“. Ребенок раскрывает первую страницу и, одновременно с прочтением текста „потешки“, может потрогать руками, поиграть, поучаствовать в этой сказке. Вот сорока варит кашу, медведь, нагибаясь, черпает воду из колодца, еж лихо рубит дрова, а лентий-лежебока стоит, понутив голову, около раскрывающихся ворот сказочного дома... Это образное, объемное восприятие сказки надолго остается в памяти у малышек. А школьный возраст имеет свои подобные книги, такие, как „Города-герои“, „Моя Москва“. В последней художникам удалось добиться удивительной иллюзии объемности при изображении памятников архитектуры нашей столицы. Большой театр, Красная площадь, ВДНХ, Третьяковская галерея...

В зарубежных странах книги „Малыша“ встречают всегда с большим интересом. Мы выпускаем несколько миллионов

книг на 22 языках народов мира. Выходят разнообразные издания на французском, английском, немецком, испанском, чешском, словацком, польском, болгарском, румынском, шведском, норвежском, финском, бенгальском языках, на языке хинди. Предпринимаем мы также выпуск книг на языках стран Африки. И самое главное, мы выпускаем не только развлекательную, но и серьезную, политическую литературу для детей.

Очень любят юные зарубежные читатели книги о В. И. Ленине. Блестящие рисунки Н. Н. Жукова, ярко отобразившие образ вождя социалистической революции, легли в основу выставки „Ленин и дети“, специально подготовленной для ряда стран. А школьники Вьетнама получили прекрасное издание „Детям о Ленине“, тираж которого — 100 тысяч экземпляров.

Что же способствует такому успеху советской детской книги? Мне кажется, опыт, накопленный издательством за 24 года его существования. По внешнему оформлению изданий для детей мы уже достигли одного уровня с лучшими западными издательствами. Но охотнее всего читатели берут именно наши книги. Почему? Весь секрет — в содержании. Мы знаем, что в большинстве европейских стран нет детской литературы как таковой. Многие писатели с трудом добываются издания книг, написанных для подрастающего поколения. У нас же детская литература — это целое направление в культурной жизни страны. Содержание советских детских книг высокодейно, гуманно. Книги чаще всего написаны мастерски, интересно, захватывающе. Кроме того, и это немаловажно, наши книжки — дешевле...

Много дипломов получил „Малыш“ на разных международных ярмарках. Болонья, Франкфурт-на-Майне, Пловдив, Бухарест, Москва. Вторая Московская международная книжная выставка-ярмарка еще раз показала высокий уровень советской детской литературы и полиграфического производства. Мы получили огромное количество заказов в общей сложности на несколько миллионов рублей.

Особо отмечалось еще одно своеобразное издание, выпускаемое „Малышом“, — книжки-сувениры...

Слово сувенир — от латинского „сувенио“, что означает подарок на память. Книжки-сувениры призваны отвечать этому определению. Выпускаются они маленьким форматом, с особыми переплетами, иногда дорогими инкрустациями. Такие книги часто теперь называют „книжки-малютки“. Двадцать лет тому назад издательство „Малыш“ впервые выпустило 24 сувенирных книги. Тираж их — 50 тысяч экземпляров — в то

время казался очень большим. Среди них были „Перепелки“ И. С. Тургенева с иллюстрациями художника И. Бруни, „Лягушка-путешественница“ В. Гаршина с рисунками В. Таубера, стихи А. Блока для детей, иллюстрированные Ф. Глебовым, и ряд других. Внешне довольно скромные, эти книжки пользовались огромным успехом.

В 1968 году вышла книга „Героические русские былины“, а через год увидело свет оригинальное издание „Сказки о рыбаке и рыбке“ А. С. Пушкина на трех языках с иллюстрациями художника Л. Фомичева. Эту книгу берешь в руки, как драгоценное изделие. Она изготовлена большим коллективом мастеров города Мстеры. С любовью, от руки (!) выписаны иллюстрации для каждого экземпляра. Все они — в лучших традициях древнерусской живописи. Черный лаковый переплет превращает книгу в миниатюрную шкатулку, и в этой шкатулке — удивительное пушкинское слово. 96 экземпляров книги были украшены причудливой фигуркой рыбки, отлитой из серебра. Но и на этом не остановились умельцы. Есть ряд экземпляров, украшенных кружевами и вышивками.

В последующие годы издательство выпускает „Белые ночи“ Ф. М. Достоевского с великолепными, талантливыми гравюрами М. Добужинского, миниатюрную книжку „Стихи друзей“ С. Михалкова с блистательными иллюстрациями В. Чижикова, сборник забавных русских сказок „Горшениа“, иллюстрированный художником А. Тюриным. Все эти уникальные издания стали достоянием не только библиофилов нашей страны, но вошли в состав коллекций многих книголюбов из различных стран мира. Высокую оценку сувенирным книгам „Малыша“ дают представители самых разнообразных книгоиздательских фирм Западной Европы, Америки, Азии и Африки.

„Малыш“ получает письма со всех концов света с выражением благодарности за хорошие книги. Вот одно из них. Комитет советских женщин благодарит нас за издание сборника „Сказки и легенды Гвинеи“, переданного в качестве дара Комитета советских женщин и Советского фонда мира Национальной гвинейской комиссии по вопросам детства. Лучшим ответом на эту благодарность будет подготовка издательством „Малыш“ второй части „Сказок“ для гвинейской детворы...

Д. Рожков

НА СТРАЖЕ ОТЕЧЕСТВА

В трудные дни 1941 года, когда враг рвался к столице, когда весь советский народ, от мала до велика, встал на защиту своей Родины, ОГИЗ выпустил книгу „Москва на вахте“.

Это — волнующий сборник, составленный из документальных очерков и небольших рассказов с мест боевых сражений. Его авторы — видные советские литераторы, журналисты, актеры и воины-защитники столицы — писали тут же, на передовой.

Начинается книжка с небольшого предисловия, написанного Константином Фединым (он же был и инициатором ее выпуска): „Москва — великая столица Советского Союза, один из величайших городов мира, гордость и слава русского народа, родина преданных своей земле миллионов здоровых, мужественных, предприимчивых, веселых москвичей, — этот город переживает ныне исторические дни... Пусть знает враг: Москва останется Москвой!“

Военный журналист Г. Никитин ведет рассказ о подвиге фронтовых прожектористов во главе с сержантом Э. Левиным. В ночь с 21 на 22 июля, когда фашистские бомбардировщики предприняли первый массированный налет на столицу, бойцы-прожектористы преградили дорогу самолетам. В числе первых защитников Москвы воин-коммунист Э. Левин был награжден боевым орденом Красного Знамени.

В очерке „Воспитание характера“ Владимир Ставский рассказал о замечательном летчике истребительного авиационного полка Константине Титенкове. Только в двух первых воздушных сражениях он сбил три немецких самолета, а в последующих боях — еще шесть. За мужество и героизм К. Титенкову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Прославившийся в тех боях Виктор Талалихин на страницах книги подробно рассказал о своем таране фашистского бомбардировщика.

Второй раздел сборника посвящен стойким защитникам столицы — москвичам.

Журналист Р. Аркадьев дает зарисовки людей разных возрастов и профессий. Артист хора Большого театра Щеголев, фрезеровщик Осонов, певца Павличенко, техник звукозаписи Любимов и многие другие в трудную минуту были объединены одной великой идеей — отстоять родную Москву, разгромить врага.

В тревожную ночь двадцать первого июля несколько вражеских самолетов прорвались к Москве. На дом, где жили работники искусств, были сброшены зажигательные бомбы. Видные мастера московских театров заслуженные артисты РСФСР В. Канделаки, И. Туманов и режиссер МХАТа И. Раевский возглавили пожарные команды. А на крыше и во дворе несли боевое дежурство бойцы пожарных звеньев — Н. Хмелев, Г. Александров, С. Образцов. О них рассказывает нам сегодня эта книга...

Впервые я познакомился с этой книжечкой еще в 1942 году. Тогда наш 652-й истребительный авиационный полк, входивший в Закавказскую зону ПВО, вел боевые действия в районе г. Грозного, прикрывал промышленные объекты и преграждал дорогу немецким „юнкерсам“ к советской нефти. Книжка эта попала к нашему замполиту майору Кузовкову. Ее читали в эскадрильях летчики, техники, механики — в группах и поодиночке, на политинформациях и самостоятельно, вслух и про себя. Она вселяла великую веру в правое дело советского народа, в нашу окончательную победу.

В. Фролов

В ПЕРВЫЙ ГОД СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Шел боевой 1918-й. В первый год Советской власти В. И. Ленин подписывает декрет об увековечении памяти великих деятелей революционного движения, науки и искусства. В списке лиц, которым решено поставить монументы в Москве и в других городах РСФСР, значился поэт Алексей Кольцов.

В свое время Кольцов заметил:

Пишу не для мгновенной славы:
Для развлечения, для забавы,
Для милых, искренних друзей,
Для памяти минувших дней.

Известно, что единственную прижизненную книгу стихов А. Кольцова напечатал за свой счет Н. В. Станкевич. Из рукописной объемной тетради поэта он выбрал всего 18 стихотворений, которые и были напечатаны в 1835 году скромной брошюрой в 40 страниц.

В дореволюционное время путь книг Кольцова был очень тернист. Но простой народ видел в поэте своего единомышленника. Поэзию Кольцова любил В. И. Ленин. По воспоминаниям В. Д. Бонч-Бруевича, когда устраивалась библиотека в Совнаркоме, Владимир Ильич составил список книг, в который, наряду с изданиями крупнейших русских писателей, вошли и произведения Алексея Кольцова.

11 января 1918 года был опубликован декрет Советской власти о Государственном издательстве, в котором Наркомпросу поручалось немедленно организовать издание новых книг.

В ответ на пожелание В. И. Ленина издать большими тиражами собрания сочинений русских писателей, которые ранее выпускались приложениями к журналу „Нива“, был отпечатан, в частности, и томик А. В. Кольцова.

Готовившая первое советское издание сочинений А. В. Кольцова редакция располагала значительным числом копий с рукописей Кольцова из собрания П. Я. Дашкова, кольцовской тетрадь, приобретенной ранее издателем «Нивы» А. Ф. Марксом. Таким образом, в это издание вошло большое количество вариантов произведений и было весьма полно представлено творчество поэта.

Книга была с интересом встречена не только специалистами, но и широким кругом читателей.

Первые советские книги распространяли агитпоезда и агитпароходы. Этим путем шли в народ и сочинения Алексея Кольцова. Тысячи добровольцев распространяли томик поэта на фронте, в белогвардейском тылу, в глухих деревнях...

В настоящее время сочинения А. В. Кольцова выдержали более 200 изданий общим тиражом более 3 400 000 экземпляров. Библиография литературы о Кольцове охватывает более 4700 названий.

Первое советское издание сочинений А. В. Кольцова

С. Луцук

ОДЕССКИЙ „КРОКОДИЛ“

Советский сатирический журнал „Крокодил“ знают все. Однако многомиллионным его читателям вряд ли известно, что у этого прославленного журнала был скромный предшественник с таким же точно названием: в Одессе в 1911—1912 годах тоже издавался „Крокодил“, еженедельный юмористический журнал. Думается, поклонникам советского „Крокодила“ будет небезынтересно узнать биографию его одесского тезки.

Первый номер датирован 2 апреля 1911 года. Журнал появлялся в продаже каждую неделю, до конца года вышло 39 номеров. За 1912 год известно 24 номера, последний из них вышел в июне¹. Тетради журналов большого формата 36×27 см по 10—12 страниц, с броскими красочными обложками и значительным количеством иллюстраций не уступали по внешнему виду популярным столичным журналам. Его фактические издатели — журналист-сатирик Борис Флит и художник Федор Сегаль. Их повседневная работа четко прослеживается в каждом номере от первого до последнего, хотя в выходных данных они значатся „издателями“ лишь с № 15 (июль 1911 года).

Содержание одесского „Крокодила“ достаточно пестрое — от пошлого бытового зубоскальства до острой политической сатиры. Рядом с обыгрыванием семейных неурядиц мы находим смелые выпады по адресу реакционных министров. Много внимания уделяется местным злободневным темам. Перебои трамвайного движения и отставка ненавистного градоначальника генерала Толмачева, алкоголизм и пошлый репертуар театров, полеты на аэроплане популярного спортсмена Уточкина, мракобесие, царившее в учебных заведениях и особенности „одесского языка“, взяточничество городских властей — все

¹ Единственный известный нам в Одессе полный комплект журнала имеется в Одесской государственной научной библиотеке (шифр XVIII—2024).

находит место на страницах журнала. Большое разнообразие в жанрах: рассказы и стихи, басни и эпиграммы, сценки и короткие диалоги, анекдоты, рецензии на спектакли и „синемаграф“, литературные пародии. Довольно регулярны такие рубрики, как „Почтовый ящик“ с ядовитыми ответами безграмотным авторам, „Репейник“ с эпиграммами на популярных актеров, „Копилка курьезов“, где высмеиваются неудачные публикации других газет и журналов. Периодически даются пародийные отчеты о заседаниях местного Литературно-артистического общества.

Значительное место занимает в журнале политическая тема. Много сатирических материалов, например, о выборах в IV Государственную думу, о реакционной газете „Новое время“, о лидерах правых партий, о зарубежной реакции. Часто мелькают такие „популярные“ в те годы фамилии как Пуришкевич, Гучков, Кассо, Марков. От номера к номеру политическая сатира „Крокодила“ становится все острее.

В каждом номере много изобразительного материала, от полосных иллюстраций до мелких зарисовок в тексте, виньеток и заставок. Здесь и юмористические рисунки на бытовые, городские темы, и злые карикатуры на „отцов города“ и политических деятелей, и дружеские шаржи на поэтов, художников, актеров. Особое внимание уделяется оформлению обложек. Они выполняются ведущими художниками редакции и печатаются в 3—5 красок.

Что мы знаем об авторах и сотрудниках „Крокодила“? С первого же номера бросается в глаза ведущая роль Бориса Флита, популярного в ту пору в Одессе фельетониста газеты „Одесские новости“, где он выступал под псевдонимом Незнакомец. В каждом номере журнала несколько его публикаций: одна основная в форме рассказа или сценки с подписью Незнакомец и ряд мелких под разными легко разгадываемыми псевдонимами типа Нез., Нез-ц, Н-ц, Б. Ф., Борис Ф. и другими. Так же часто, по несколько в номере, встречаем юмористические рисунки, карикатуры и шаржи, обложки и виньетки художника Федора Сегалья. Подписи Флита и Сегалья стоят часто и под редакционной рубрикой „Почтовый ящик“. Отметим попутно, что вскоре после революции 1917 года оба они активно работают в новом „журнале революционной сатиры“ „Бомба“, причем Ф. Сегаль выбирает себе псевдоним Ф. Крокодилов² в память о прежнем популярном журнале.

² Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов. М., 1958, т. 3, с. 384, 387; М., 1960, т. 4, с. 426.

Сотрудники одесского „Крокодила“, 1912

Прочие сотрудники „Крокодила“ на первых порах ничем интересным себя не проявили, хотя список — „Состав сотрудников“ — насчитывал 24 фамилии. Одни — местные „маститые“ журналисты — дали по два-три случайных рассказа, публикаций других не обнаружено. Постепенно, к середине 1911 года, появляется ряд новых талантливых авторов из молодежи, главным образом студенческой. Состав сотрудников обновляется и „молодеет“. Складывается постоянный актив поэтов, прозаиков, художников, систематически работающих и определяющих лицо журнала. Иные из них получают впоследствии всесоюзную известность — Эмиль Кроткий, Борис Антоновский, Ефим Зозуля.

Сохранилась фотография, на которой группа основных сотрудников журнала. На обороте дата: 23 мая 1912 года. Кто же эти одиннадцать молодых людей? Рассмотрим их в том порядке, как они стоят и сидят перед объективом.

Крайним слева, наверху, стоит Л. Митницкий, в ту пору студент архитектурного отделения Одесского художественного

училища. Регулярно помещал в „Крокодиле“ юмористические рисунки, оформил много обложек, изредка печатал небольшие рассказы. Дебютировал в 3-м номере журнала, а с 10-го вошел в „Состав сотрудников“. Рядом С. Кесельман, студент юридического факультета Новороссийского университета. Пришел в „Крокодил“ позже других, работал в основном в 1912 году, публиковал юмористические стихи под псевдонимом Эскесс и вел рубрику „Почтовый ящик“. Н. Топуз — один из самых плодотворных авторов журнала, печатал множество юмористических стихотворений, сатирических куплетов и пародий в каждом номере, с полной подписью и под многочисленными псевдонимами типа Тузик, Тузини, Туз, Зини... Выявлено свыше 30 таких псевдонимов.

Эмиль Кроткий. Первая его публикация — басня — была в 7-м номере журнала, в „Составе сотрудников“ числится с № 36. Его стихотворения появлялись не так часто и всегда под этим псевдонимом — Эмиль Кроткий, который он сохранил на всю жизнь. Одновременно в одесских газетах сравнительно часто печатались его лирические стихи под настоящей фамилией — Эммануил Герман. Завершает верхний ряд Е. Зозуля. Его короткие рассказы — самые ценные страницы „Крокодила“, в них нет легковесного зубоскальства, это уже начало настоящей литературы. Е. Зозуля начал публиковаться в журнале с 28 номера, а с 38-го включен в состав постоянных сотрудников. Рецензии, „Почтовый ящик“ и другие мелочи он зачастую подписывал псевдонимами: Зо-ля, З-ля, Zozula, не учтенными в „Словаре псевдонимов“ И. Масанова.

Средний ряд на фотографии начинается В. Круковский. Фамилию его современники не запомнили, все знали этого человека только по псевдониму Picador. Свои сатирические стихи он печатал в журнале главным образом в 1912 году. В центре группы не случайно сидят Ф. Сегаль и Б. Флит, о них мы уже говорили. Правее — самый молодой из присутствующих К. Левин, ему тогда не было еще и 20 лет. Его небольшие рассказы появлялись под псевдонимами Карлов и Карл Карлов (они также не учтены в „Словаре псевдонимов“). Любопытна рецензия редакции „Крокодила“ на самый первый рассказ Карлова „Лестничка“, помещенная в „Почтовом ящике“ журнала: „Карлову. Вашу вещьцу взяли, изменив по цензурным мотивам конец. У вас хороший язык, есть наблюдательность, пишите и впредь...“³ Еще правее — Б. Антоновский, студент-юрист Новороссийского университета. Он пришел в „Крокодил“ не новичком, его карикатуры появлялись в

³ Крокодил [Одесса], 1911, № 11, с. 8.

одесских газетах с 1909 года. Наряду с работами Ф. Сегалья мы находим рисунки и обложки Б. Антоновского почти в каждом номере. На наш взгляд, его карикатуры — самые сильные в журнале. Много внимания уделяет он политической сатире. При работе над комплектом „Крокодила“ удалось раскрыть два ранее не известных псевдонима художника: Анто и Мистер.

Внизу на полу художник А. Цалюк. Его сотрудничество в журнале было не столь интенсивно, так как он много занимался станковой живописью и участвовал в выставках Товарищества южно-русских художников. Его рисунки в журнале иногда подписаны псевдонимами: Саша Ц., Саша, Сашъ.

Говоря об активных сотрудниках редакции, следует упомянуть еще о двух талантливых художниках-графиках, хоть их и нет на публикуемой фотографии. Много работали в журнале В. Никулин и особенно С. Фазини, настоящее имя которого Александр Файнзильберг, один из братьев известного писателя И. Ильфа.

Дальнейшая судьба молодых сотрудников „Крокодила“ сложилась по-разному. Одни не поднялись выше провинциальной журналистики и ныне забыты, другие достигли всесоюзной известности. Проследим последующий творческий путь некоторых из них.

Борис Флит продолжал непрерывно и плодотворно сотрудничать во многих периодических изданиях Одессы. В 20-х годах выбрал себе новый псевдоним Д. Маллори, который стал еще популярнее, чем Незнакомец. В одесском журнале „Шквал“ в 1926 году была опубликована, например, за подписью Д. Маллори любопытная пародия на И. Бабеля „Крик Бени Крика“⁴. В конце 20-х годов публикации Д. Маллори появляются в ряде московских журналов, в частности в „Крокодиле“, а в московских издательствах выходит несколько сборников его юмористических рассказов⁵.

О Семене Кесельмане (Эскесе), талантливом лирическом поэте, очень интересно рассказал Валентин Катаев в своей книге „Алмазный мой венец“⁶. Не будем повторяться, исправим лишь одну ошибку. Эскесс не погиб в фашистском концлагере, как пишет В. Катаев, он умер 9 августа 1940 года у себя дома в Одессе после тяжелой сердечной болезни (свидетельство о смерти хранится у вдовы С. Кесельмана).

Художник Борис Антоновский переехал из Одессы в

⁴ Шквал, 1926, № 29, с. 12.

⁵ Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов. М., 1957, т. 2, с. 175.

⁶ Новый мир, 1978, № 6, с. 9—11.

Петроград в 1916 году, стал сотрудником „Нового сатирикона“, затем работал в таких ленинградских юмористических журналах, как „Бегемот“ и „Смехач“, а в последние годы жизни особенно прославился своими дружескими шаржами чуть ли не на всех известных советских писателей, художников, актеров. Рисунки его не раз появлялись и в „Крокодиле“. Характерно высказывание о Б. Антоновском известного художника И. Бродского: „Антоновский — это Паганини от карикатуры“⁷. В 1934 году художник умер в возрасте 43 лет.

Особенно интересна судьба Лазаря Митницкого. Начав свою деятельность в одесском „Крокодиле“, он в 20-х годах стал москвичом и около полувека проработал в московском „Крокодиле“! В 1971 году, незадолго до смерти Л. Митницкого, удалось наладить с ним связь, он много рассказывал об обоих „Крокодилах“, одесском и московском. В одном из писем Митницкий отметил, что с московским „Крокодилем“ „связан со дня его рождения“. Там же он рассказывал: „Я целиком отдал себя перу, а рисовать перестал; лишь в отдельных редких случаях иллюстрирую свои юморески...“ Благодаря Л. Митницкому стало кое-что известно о судьбе еще двух его коллег одесского периода. В письме есть такая информация: „Покойный Н. Топуз оставил память о себе в Москве, в театре Оперетты...“ А в сборнике рассказов Л. Митницкого „Капитаны улыбок“ находим несколько фраз о художнике С. Фазини: „Брат Ильфа Саша-Александр был местным богом графики, выступавшим в одесских журналах под псевдонимом Сандро Фазини... <он> переехал на жительство в Париж; и до войны бывавший во Франции Валентин Катаев привозил мне от него приветы...“⁸

Удостоверение сотрудника
журнала „Крокодил“

⁷ Павлов Г., Радицев Л. Смеется Антоновский. Л., 1963, с. 47.

⁸ Митницкий Л. Капитаны улыбок. М., 1966, с. 18.

Кирилл Левин (Карл Карлов) — член Союза писателей, „последний из могикан“ одесского „Крокодила“. В начале первой мировой войны ушел на фронт, попал в плен⁹. Позднее поселился в Москве, работал в „Прожекторе“, опубликовал ряд повестей и романов, посвященных первой мировой войне: „Записки из плена“ (1928), „Русские солдаты“ (1935), „Солдаты вышли из окопов“ (1958). Кирилл Яковлевич рассказывал, что многие годы сохранял полный комплект одесского „Крокодила“. Незадолго до войны журналы попросил у него на время Ефим Зозуля. Началась война, было не до журналов, вскоре Е. Зозуля погиб на фронте... Единственной памятью о литературной хонсти в Одессе осталась у К. Левина фотография сотрудников „Крокодила“, точно такая же, как публикуемая.

Нет нужды рассказывать о дальнейшем творческом пути Ефима Зозули и Эмиля Кроткого. Их имена вошли во все литературные энциклопедии, их знает каждый читающий. Отметим лишь, что Эмиль Кроткий с 1930 года и до смерти в 1963 году был тесно связан с московским „Крокодиллом“.

Но вернемся в 1910-е годы. Журнал „Крокодил“ постепенно становится известным за пределами Одессы. В нем охотно печатаются иногородние авторы — киевские, московские, петербургские, в том числе и ряд сотрудников популярного в те годы „Сатирикона“. Просматривая комплект „Крокодила“, обнаруживаем много публикаций таких столичных юмориста-сатириконовцев, как Евг. Венский, О. Л. Д’Ор, Вас. Князев, стихи московского сатирического поэта П. Бунакова. Изредка печатаются Тэффи, Н. Агнивцев, Василевский (Не-Буква), Арк. Бухов.

В ноябре 1911 года открывается „Отделение конторы и редакции“ в Петербурге, которое просуществовало, видимо, недолго; объявления об этом мы нашли только в двух номерах (№ 35 и 36). Несколько раз печатаются в журнале редакционные жалобы на плагиат, заимствование материалов из „Крокодила“ некоторыми московскими и петербургскими журналами и газетами; в их числе — „Будильник“ и „Сатирикон“. Рубрика „Почтовый ящик“ регулярно откликается на письма читателей из множества городов: Воронежа, Москвы, Могилева, Тамбова, Ростова, Нахичевани, Таганрога, Николаева, Херсона, Ковно, Кременчуга, Симферополя, Вильны, Елисаветграда, Варшавы, Мюнхена... куда только не попадали номера журнала.

Цензура также не обходит его вниманием. Так, например, за карикатуру Ф. Сегалю „Народная елка“ о заигрывании властей с народом в 1905 году и о репрессиях против народа в

⁹ Краткая литературная энциклопедия. М., 1967, т. 4, с. 85.

1911 году был наложен „распоряжением градоначальника“ штраф 200 руб.¹⁰

Журнал „Крокодил“ прекратил свое существование в июне 1912 года на 24 номере. Это произошло внезапно, никакой информации о ликвидации издания помещено не было. Более того, в последнем номере мы видим ряд текущих объявлений о продолжении подписки на журнал, о предстоящем выходе „специального“ номера, о проведении очередного конкурса читателей. Ничто не говорит о конце... Газета „Одесские новости“, в которой параллельно сотрудничали многие крокодилы, 6 и 7 июня помещает объявления о выходе очередной книжки журнала, в них также говорится о продолжении подписки. В последующих номерах газеты вплоть до конца месяца не удалось обнаружить больше никаких упоминаний о „Крокодиле“ — ни о выходе следующих номеров, ни о прекращении этого издания.

Создается впечатление, что прекращение журнала оказалось неожиданным для редакции, что журнал мог быть закрыт „сверху“. На обложке последнего номера помещена карикатура Ф. Сегалы на президента Государственного собрания Венгрии — „Кровавый Тисса“: граф Тисса стоит на трибуне парламента, окруженный трупами депутатов, везде пятна крови, на всей обложке доминирует кроваво-красный цвет. А в предыдущем номере был напечатан не менее острый репортаж на эту же тему за подписью Незнакомца. И хотя эта тема непосредственно не затрагивала порядки России, аналогия напрашивалась. Представляется, что эта карикатура могла послужить причиной для закрытия журнала властями.

Сегодня, спустя почти 70 лет, юмор „Крокодила“ нас, конечно, совсем не смешит. Многие фельетоны и карикатуры кажутся наивными или пошлыми. Мы не видели спектаклей, на которые писались рецензии, и не знаем тех актеров, на которых рисовались шаржи. В политической сатире нас не волнуют ни Пуришкевич, ни Тисса, ни скандалы в Государственной думе. Мы далеки от мысли поставить знак равенства между старым одесским „Крокодилом“ и нынешним знаменитым советским журналом. Мы также не пытаемся доказывать, что московский „Крокодил“ 1922 года рождения явился продолжателем одесского. Мы даже не обольщаем себя предположениями о преемственности названия журнала, хотя многие обстоятельства могли бы дать им почву. Но нам приятно отметить, что некоторые из бывших одесских крокодилыцев

¹⁰ Крокодил, [Одесса], 1912, № 1, с. 2.

вписались в коллектив нового „Крокодила“ и успешно в нем сотрудничали. Можно с уверенностью сказать, что издание „Крокодила“ в Одессе в 1911—1912-е годы останется незаурядным явлением в истории русской журналистики. В его редакции начали свой путь несколько крупных советских писателей и художников.

В заключение — о поисках, которые привели к воссозданию истории „Крокодила“. В 1960-х годах вдова С. Кесельмана Милица Степановна Заркова передала автору этой статьи бумаги покойного поэта. Среди рукописей, рисунков, документов и фотографий выявилось некоторое количество материалов с названием неизвестного нам тогда „Крокодила“: отдельные страницы и вырезки с публикациями Эскеса и других авторов, журналистская карточка, афиша с объявлением о подписке... Заинтересовала фотография с группой неизвестных лиц, из которых вдова поэта знала лишь своего мужа. На обороте — пять автографов с датой 23 мая 1912 года. Две фамилии оказались на тот момент нам известными: Зозуля и Б. Антоновский; остальные ничего не говорили — Карлов, Б. Флит, Н. Топуз.

Фотография была показана многим старожилам города, а копии разосланы в другие города ряду бывших одесских литераторов. Поначалу никто никого не узнавал. Вадим Долинов, тоже не узнав никого, рекомендовал обратиться к Эммануилу Соминскому, представителю предыдущего литературного поколения, и дал его московский адрес. Э. Соминский сразу же „опознал“ своего соавтора по „Одесскому обозрению театров“ Бориса Флита и еще троих, С. Кесельмана, Н. Топуза и Е. Зозулю.

Борис Бобович, который пятнадцатилетним мальчиком напечатал в „Крокодиле“ несколько мелких заметок, узнал многих, добавил к списку еще Круковского (Пикадора), Л. Митницкого, Б. Антоновского и Э. Кроткого. Борис Бобович посоветовал в письме разыскать в Москве Л. Митницкого: «...теперь он пенсионер, немало лет он проработал фельетонистом в московском „Крокодиле“...»

Был послан запрос в редакцию „Крокодила“, этот запрос передали самому Л. Митницкому, пришло удивленное письмо от него, а затем последовала оживленная переписка со множеством интересных подробностей об одесском и московском „Крокодилах“. Узнав почти всех (хотя и не всех!), Л. Митницкий впервые раскрыл псевдоним Карлов, который оказался Кириллом Левиным, известным писателем, живущим в Москве. Состоялся телефонный разговор с К. Левиным. И хотя наш вопрос об одесском „Крокодиле“ шестидесятилетней

СПЕЦИАЛЬНЫЙ № ЭКЗАМЕНЫ
Цена 5 к. (На ст. жел. д. 7 к.) Май, 1912. № 21
КРОКОДИЛЬ

Обложка одесского журнала „Крокодил“

давности был совершенно неожиданным, Кирилл Яковлевич мгновенно вспомнил и о фотографии, и обо всех, кто на ней запечатлен. С его помощью стерлись последние „белые пятна“ на снимке. Позднее привелось встретиться с К. Левиным у него дома и подробнее поговорить о „Крокодиле“ и его сотрудниках, посмотреть второй сохранившийся экземпляр фотографии.

Удалось немало узнать о „Крокодиле“ и коллективе его авторов. Однако поиски продолжаются: еще не найден архив редакции, не выяснена до конца судьба некоторых из его сотрудников, не до конца ясна причина внезапного прекращения издания журнала.

Одесса

Наши

толканию

СЛОВО О ВЕРЖБИЦКОМ

Неправда, друг не умирает,
Лишь рядом быть перестает...

К. Симонов

Николай Константинович Вержбицкий, о котором я собираюсь рассказать, был, как он сам себя считал, простым смертным.

— Я только один из кирпичиков в великом строительстве Литературы.

Но мы знаем, как важен даже один кирпичик...

Николай Константинович прожил без малого 84 года. Почти семьдесят из них крепко держал в руках оружие бойца за правду — перо.

Большую часть своей жизни Н. К. Вержбицкий отдал служению ее величеству прессе.

В библиографическом кабинете Союза писателей собраны очерки с описанием путешествий Ник. Вержбицкого (так он подписывался), статьи о пуске новых заводов, фабрик, фельетоны о пережитках прошлого, судебные, театральные отчеты, сатирические и юмористические стихи на злобу дня.

В числе пятисот (500!) его произведений есть и отдельные издания повестей, рассказов, сборники пьес, отдельные книги воспоминаний о замечательных людях, его современниках и друзьях.

О Николае Вержбицком нет монографий, нет даже самого скромного исследования его жизни и творчества.

Я хочу немного рассказать о нем — как жил, работал, с кем общался, кто его окружал.

ЮНОСТЬ ПИСАТЕЛЯ

...В середине прошлого столетия в Московском Кремле под землей нашли медный котел, в котором оказались куски кожи, свернутые трубкой, с привязанными к ним большими золотыми печатями. Археологи определили, что находка относится к эпохе Дмитрия Донского.

От долгого пребывания в земле свитки почти истлели и на них нельзя было разобрать ни одной буквы. Многие ученые бились над этой загадкой, но в конце концов сдались и свитки с золотыми печатями были отправлены в музей.

Спустя 50 лет Академии наук стало известно, что некто Буринский, инженер по образованию, занимаясь фотографией, открыл способ делать видимым то, что не в состоянии различить человеческий глаз.

Обратились к нему.

Вскоре на общем собрании Академии наук Е. Ф. Буринский демонстрировал снимки, сделанные с кусков кожи. На снимках полностью был воспроизведен текст, имевший огромное научное значение.

В особом акте президиум Академии признал, что, благодаря открытию Буринского, „...наука получила новое орудие исследования, столь же могущественное, как микроскоп, и обещающее ввести естествоиспытателя в новый мир, доселе ему совершенно неизвестный и недоступный“.

За это ученому была присуждена премия имени М. В. Ломоносова.

Буринский был председателем родительского комитета той самой Петербургской гимназии, где учился Коля Вержбицкий, и голосовал против исключения мальчика за „крамолу“. Коля поселился у Буринского и стал лаборантом ученого. Здесь он прошел по-настоящему свои жизненные университеты. Буринский был его первым учителем и в области журналистики. А тому, в свою очередь, азы литературы преподавал не кто иной, как сам Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин!

В доме у великого сатирика Буринский, еще юнкер инженерного училища, встречался с Достоевским, Некрасовым, Тургеневым.

Рассказы Буринского о его знаменитых современниках были увлекательнее всякой фантастики.

А в доме своего учителя Коля имел возможность спрашивать и получать ответы у К. А. Тимирязева и другого знаменитого ученого П. К. Штернберга, известного профессора астрономии.

Много позже Николай Вержбицкий, будучи редактором московской дореволюционной газеты „Для всех“, встретился с большевиком П. К. Штернбергом на баррикадах в Замоскворечье во время вооруженного восстания в Москве в 1917 году...

Ничего не было удивительного в том, что Вержбицкий, имея за спиной „бурную биографию“ и плюс „школу“ Буринского, осмелился вступить в полемику с самим Львом Толстым, критикуя его непротивленческие взгляды.

Правда, почти до последних дней жизни не проходила, а еще острее становилась боль, что Лев Николаевич так ничего и не ответил на его резкое выступление 17 января 1907 года в газете „Русь“, которую великий писатель регулярно читал...

Много лет спустя, когда Николая Константиновича уже не было в живых, мне понадобилась какая-то справка в музее Л. Н. Толстого. Заодно я попросила узнать: может быть, все-таки ответил Лев Николаевич?

Оказывается, ответил. Конечно, Толстой был не в восторге. Мысли Вержбицкого ему не пришлись по душе, зато он отдал дань „бойкости пера“ автора, как утверждал Д. П. Маковицкий, лечащий врач писателя, на страницах своих „Яснополянских записок“.

О „бойкости пера“ Вержбицкого Лев Николаевич говорил Д. П. Маковицкому 3 октября 1908 года.

С ФРИТЬОФОМ НАНСЕНОМ

— Неужели я тебе никогда не рассказывал, как я путешествовал с Фритьофом Нансеном по Армении?

У меня от удивления, что называется, „в зобу дыханье сперло!“

— С Фритьофом Нансеном?! Да возможно ли это?!

— Да, да, не веришь, а Нансен был депутатом Моссовета, почетным депутатом первого в мире пролетарского парламента!

Но начал Николай Константинович рассказ о своем знаменитом знакомом с другого. Оказывается, Нансен — „потомственный“ друг России. Еще триста лет назад его предок — мореплаватель Ганс Нансен из Фленсборна побывал на Печоре, а также, по поручению русского правительства, исследовал побережье Белого моря.

А вот как попал в Россию, но уже Советскую, его великий потомок.

...1921 год. Еще идет гражданская война. А тут на страну обрушился неурожай. Особенно пострадало в то время Поволжье.

Тогда Нансен, известный полярный исследователь, философ, писатель, крупный ученый с мировым именем, выступил на заседании Лиги наций с предложением оказать материальную помощь Советам. Его предложение было отвергнуто. Какое дело империалистам до первого в мире социалистического государства. Чем ему хуже, тем им лучше. Голод быстрее всяких пушек уничтожит ненавистные Советы.

Но отказ Лиги наций не остановил Нансена. На личные средства и на деньги, собранные у своих друзей — передовых людей Норвегии, он закупил хлеб и стал маршрут за маршрутом посылать на Волгу. ●

На IX Всероссийском съезде Советов другу нашей страны Фритьюфу Нансену за это была выдана Почетная грамота. Моссовет избрал его своим Почетным депутатом.

Вот на том заседании, вернее, сессии Моссовета и познакомился Николай Константинович с Нансеном.

Был он высокий, худощавый — таким мы себе представляем Дон-Кихота Ламанчского. Из-под нависших седых бровей глядели строгие и несколько смущенные светлые глаза. В элегантном сером костюме, белоснежной сорочке, он весь дышал чистотой и опрятностью.

Знакомясь с кем-нибудь или здороваясь, Нансен стремительно выкидывал вперед длинную, тонкую руку, словно собирался шпагой проткнуть своего собеседника.

Вторая встреча произошла в 1925 году, когда Николай Константинович уже работал в закавказской газете „Заря Востока“. Его и еще нескольких товарищей пригласили помочь организовать советскую печать в Закавказье.

А Нансен приехал сюда во главе международной комиссии с благородной целью помочь Армении оросить безводные пространства, превратить пустыни в нивы и сады...

Санкцию дал тот же совет... Лиги наций. На самом деле империалисты не собирались даже палец о палец ударить для практических действий. Надо было создать общественное мнение, вот де мол, какими миролюбивыми делами занимается Лига наций! И оно было создано.

„Помощь“ бы утонула в море бумажной волокиты, что сразу и почувствовал Николай Константинович, познакомься с задачей комиссии. Его, знающего французский язык, прикрепили к представителям Лиги наций, и он был их бесменным спутником, сопровождая комиссию во время ее поездок по всему Закавказью.

Вот тогда-то он близко и сошелся и подружился с Фритьюфом Нансеном. Детально знакомясь со строительством, интересуясь ирригационными работами, которые велись в Армении, Нансен давал много ценных советов.

Приезд комиссии Лиги наций в Ленинакан совпал с открытием первого оросительного канала в Шираке.

Испокон веку Ширак считался главной житницей Армении. Но эту славу он уже давно потерял. Люди, вовлеченные в кровавые раздоры, запустили хлебопашество. Оросительные каналы занесло песком. Солнце выжгло сады и виноградники,

и не свершись Октябрьская революция, Ширак так и был бы погребен в песках.

...Вдвоем с Николаем Константиновичем мы читаем пожелтевшие и хрупкие от времени вырезки—его статьи, отчеты из „Зари Востока“.

— Ты представляешь мое состояние, когда вода из Ахурьяна должна была через тоннель горы побежать на другую сторону, в Ширакскую долину!

Горячо и взволнованно звенит голос Николая Константиновича, а глаза светятся от радостного возбуждения.

...Еще солнце не поднялось над цепью гор, а уже люди толпами двинулись к тому месту, где была проложена трасса оросительной системы. Они ехали на волах, запреженных в скритущие арбы, на телегах, верхом на пылких карабахских жеребцах. Многие шли с детьми на руках, другие несли подушки, жаровни. Музыканты дудели в кларнеты, били в бубны. Не забыты были и бурдюки с вином, этим неизменным атрибутом праздничного застолья, которое люди устраивали тут же на земле, предварительно расстелив скатерти.

Взорвана перемычка. Вода Ахурьяна хлынула через тоннель. Звуки „Интернационала“, шум рукоплесканий, торжественный грохот салюта...

Когда немного утихло, Николай Константинович переглянулся с Фритьофом Нансеном. И тот понял своего молодого друга. Нансен выкинул вперед длинную тонкую руку с узловатыми пальцами, широкую и красную, как у матроса, и попросил внимания.

Даже без переводчика было ясно, о чем говорил почетный гость. Это чувствовалось по восторженным ноткам его голоса, по-доброму и весело блестящим глазам. Николай Константинович переводил: Нансен приветствует смелые действия Советского правительства, его заботу о том, чтобы народу лучше жилось. Нансен читал письмо Ленина к коммунистам Кавказа и полностью согласен с ним, что улучшить положение крестьян сможет только электрификация и орошение...

Потом, наперегонки с полюбившимся ему гидом, журналистом Вержбицким, Нансен—шестидесятипятилетний старик—бежал по горным тропкам, чтобы увидеть, как крестьяне встретят воду на трассе канала, и порадоваться вместе с ними.

Много лет прошло с тех пор, как Николай Константинович все это видел и пережил, но, снова перечитывая свои газетные очерки и дополняя их живыми подробностями, так разволновался, как будто все это происходило совсем недавно. И это было понятно, ведь все пережитое стало неотделимо от его собственной жизни, неотделимо от жизни всей страны.

Я спросила мужа, как удалось Нансену, по существу уже старому и многое пережившему человеку, сохранить бодрость духа и крепкое здоровье.

— Нансен считал, что главное, чего человек должен остерегаться, так это плохого настроения, неприятных мыслей, безделья. Нансен увлекался яхтой, греблей, охотой, не раз брал призы в лыжных, конькобежных соревнованиях. И все это не мешало его научной работе— в двадцать два года он получил степень доктора биологических наук.

СЛЕД НА ЗЕМЛЕ

— Нет, нет, я не Фауст. Второй жизни мне не дано...— в голосе сквозила горькая усмешка. И уже строго:— Запомни, человек рождается случайно. А смерть... штука закономерная.— Помолчал, улыбнулся через силу. Улыбка получилась вымученной, извиняющейся: „Прости, что напугал“. И вдруг неожиданно, но с присущей ему смешливостью и безговорочностью, произнес:— А гулять с тобой все равно пойдем!

На такси доехали до ближайшего лесопарка.

День неожиданно стал тихим, безветренным. А утром бушевала буря, да такая сильная, что сломала любимую ветку тополя перед окном.

Когда мы вышли из машины, солнце светило вовсю. День, что называется, разгулялся. Атласно блестели стволы берез. Нежной зеленью отсвечивали молоденькие листья. Из глубины леса веяло прохладной свежестью.

Побродив немного, уселись на любимой поляне. На деревьях еще кое-где от зимы оставались висеть бумажные пакеты из-под молока. Я их не выбрасывала. Николай Константинович здорово наловчился делать из них кормушки, которые сам подвешивал на деревья.

Нашу скамейку облепила детвора. Вместе стали следить за рыжим муравьем. А тот, будто понимая, что он центр внимания, стал показывать свое умение. Он то повисал на кончике прута, то молниеносно подтягивался вверх и, как циркач на проволоке, лихо носился взад-вперед, только что не кланялся публике.

Рассказывая об обитателях леса, Николай Константинович вложил в раскрытую руку самого маленького слушателя лупу. Он всегда брал ее с собой, идя на прогулку. Муравьишку бережно снял с прута, вложил в пустой спичечный коробок. Дети поочередно разглядывали его через лупу. Я смотрела на

детей, а в памяти возникала другая картина, чем-то напоминавшая эту.

...Тогда шла усиленная работа над книгой воспоминаний о Куприне. Я старалась не отвлекать Николая Константиновича от главной его работы. Сама много писала для радио, газет, журналов. А надо было помогать и ему: в Ленинке разыскивала нужные материалы для его книги, печатала уже готовые страницы.

Теперь, когда я ближе узнаю его тайную тайных: записные книжки, блокноты, дневники, меня поражает широкая его эрудиция, пытливость ума, необыкновенный круг интересов.

Чего-чего только я сейчас не нахожу в архиве: заметки по биологии и астрономии, генетике и зоологии, медицине и физике, поэзии и воспитанию детей. Все перечислить нет возможности.

Объемный труд, без малого сто печатных листов, труд почти всей его жизни — словарь образных выражений русского языка, поговорок, молвушек; их толкование, с литературными примерами.

Там же на полке — „Летопись Москвы“. Она готовилась еще к 800-летию столицы. Роман об Иване Третьем — собирателе Руси Московской.

А чего стоят великолепные, по отзывам сведущих людей, „Легенды старого Тбилиси“, которые тоже еще не изданы, только частично использованы в воспоминаниях о Сергее Есенине.

В папках я нахожу тезисы статей, наброски, планы будущих книг, лекций.

Я любила бывать на его выступлениях. И независимо от того, какая была аудитория — зал ли Дома ученых, Дворец ли культуры при заводе им. Лихачева, красный уголок цеха фабрики или ЖЭКа, было ли это тщательно подготовленное выступление или вот такая импровизированная, сходу, лекция о муравьях для нескольких девочек и мальчиков, — он сам, в первую очередь, получал удовольствие от возможности поделиться своими знаниями.

Он жил и работал увлеченно. Его никогда не покидал запал творчества, постоянный интерес к жизни, жадность ко всему новому, открытость к людям.

Анатолий Жигулин

ОБОРОНА ВЛАДИМИРА

1238 год

Вокруг пылала
Отчая земля—
Стога, деревни,
Церкви и повети.
А здесь, внутри,
За стенами Кремля—
Не только жены,
Старики и дети.

Здесь, за стеною,
Жил не только князь,
Митрополит
И славный воевода,
Но древних букв
Затейливая вязь—
Язык, культура
И душа народа.

Как мало нынче
Знаем мы о них,
О тех, погибших
В той кровавой тризне!
Ведь в том огне
Сгорело столько книг!
А книги—тоже
Продолженье жизни.

РЕДКОСТЬ НА ПОЛКЕ КНИГОЛЮБА

Предлагаемый вниманию читателей диалог между ныне покойным действительным членом Академии педагогических наук СССР, доктором физико-математических наук Алексеем Ивановичем Маркушевичем и заведующим Отделом редких книг Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, доктором исторических наук, профессором Евгением Львовичем Немировским был записан несколько лет назад, тогда же был просмотрен его участниками и подготовлен к печати.

Принимая решение о публикации беседы, редколлегия альманаха исходила из того, что в современном библиофильском движении принимает участие немало людей, недостаточно хорошо осведомленных о принципах определения редкости и ценности печатного издания, об основах обращения с раритетами и их хранении в домашних условиях, а также других немаловажных вещах. Вероятно, не все мысли, высказанные участниками диалога, бесспорны. Мы тем не менее убеждены в полезности этих размышлений для наших читателей — знатоков, ценителей и собирателей книги.

А. М.: Евгений Львович, у нас с вами довольно трудная задача: мы должны разобраться в том, что такое редкая книга на полке книголюбца, как с этой редкой книгой поступать и как к ней относиться. Прежде всего надо выяснить, что же все-таки такое редкая книга. Некоторые употребляют эпитет „редкая“ в самых разнообразных смыслах. Спорщики никак не могут договориться между собой: один считает, что редкая книга — это та, которая редко встречается и сохранилась в ничтожно малом количестве экземпляров; другой утверждает, что это — книга необыкновенной судьбы или высокого уровня полиграфического и художественного мастерства; третий полагает, что редкая книга хранит автографы замечательных людей, и так далее. Давайте прежде всего договоримся о терминах. Позвольте, я в нескольких словах поясню свою точку зрения. Я думаю, что все эти качества, которые делают книгу дорогой в глазах книголюбца, лучше было бы характеризовать другим словом, не столь многозначным: например, ценная. Произнося слово „ценная“, нужно иметь в виду не стоимость в рублях или, скажем, долларах, а содержание книги, ее красоту,

обстоятельства ее сложной судьбы, те особенности, которые отличают этот экземпляр от множества других книг того же издания.

Прежде всего мы должны договориться, что эпитет „ценная“ или „редкая“ неприложим ко всему изданию целиком. Если все издание описывать в соответствии с общепринятыми принципами библиографии, то там, собственно говоря, эта характеристика — „редкая“, „ценная“ — отсутствует. Соответствующий эпитет присущ лишь данному экземпляру издания или, может быть, всем сохранившимся экземплярам издания, дошедшим до наших дней. Развивая эту тему перед различными категориями любителей и специалистов, и в устной форме и в письменной, я каждый раз говорил, что если брать слово „редкая“ в его буквальном смысле, то ничего другого, кроме количественной характеристики книги, оно не выражает. „Редкая“ в буквальном смысле этого слова — это книга, которая в настоящее время во всех библиотеках мира, общественных и частных, находится в очень небольшом количестве экземпляров. Потому ли, что с самого начала книга была издана небольшим тиражом, потому ли, что тираж не полностью дошел до нас. Последнее обстоятельство характерно для многочисленных учебных книг, для азбук и букварей прошлого времени, которые все сделались редкостями. Сама по себе эта характеристика — „редкая“ — мало о чем говорит, потому что книжка может оказаться ничтожной по содержанию.

Е. Н.: То есть нельзя ставить перед собой задачу — собирать только редкие книги...

А. М.: Вот именно! Я как-то говорил о том, что собиратель, который обрекает себя на это, умрет от духовного голода. Собирать надо книги, ценные с точки зрения истории культуры, истории искусства, социально-политической жизни общества, развития науки и техники... Подобные издания, даже если они количественно и не столь уж малочисленны, приобретают в наших глазах высокий авторитет. Я думаю, что Отдел, который вы возглавляете в Библиотеке имени Ленина, — Отдел редких книг, вероятно, и далее так будет называться — по традиции. На самом же деле это отдел ценных книг. Ценных для всего человечества и в особенности, конечно, для советских людей, которые являются наследниками всего лучшего в области культуры.

Е. Н.: Алексей Иванович, наш Отдел в официальных документах, между прочим, так и называется — Отдел редких и особо ценных изданий.

А. М.: Вот и прекрасно! И мне особенно важно выслушать ваше мнение.

Е. Н.: Н. И. Березин, автор „Русских книжных редкостей“ (М., 1902—1903), считал, что всякая книга, которая сохранилась в количестве до 100 экземпляров,—это редкая книга. Знаменитый библиофил Д. В. Ульянинский снизил эту цифру до 60. Мне представляются очень интересными те критерии, которые вы в свое время предложили на страницах „Альманаха библиофила“. Если же говорить о второй группе оценок, то они зависят от содержания книги, от общекультурной, общеисторической ее ценности.

А. М.: От содержания и полиграфических особенностей книги...

Е. Н.: Видимо, надо говорить о значимости книги, о той роли, которую она сыграла в общественно-политической, социально-экономической, культурной жизни человечества. Наиболее категоричную оценку дал покойный Павел Наумович Берков, который, как вы сейчас, отвергал понятие „редкой книги“, говорил, что понятие это — анахронизм и надо говорить лишь о ценных книгах...

Александр Иустинович Малейн в начале 20-х годов прочитал на курсах книговедения лекцию „Что такое книжная редкость“. Он дает здесь следующую дефиницию: „Редкой может быть признана та книга, которая существует абсолютно в малом числе экземпляров и имеет научное значение“. Правда, понятие „научное значение“ он толкует своеобразно. Речь, по-видимому, идет не столько о научном, сколько о практическом значении. По его мнению, например, первое издание „Опыта российской библиографии“ В. С. Сопикова считать редкой книгой нельзя. Почему? Да потому, что существует переиздание этого труда, подготовленное В. Н. Рогожиным, и исследователю, естественно, удобнее работать с ним, а не с первым изданием Сопикова. На мой взгляд, этот пример неудачен, да и оценка тоже неправильная. Получается так, что сейчас, когда появилось великое множество репринтов и факсимильных воспроизведений старых изданий,—вообще редких книг нет. Существует, например, превосходное факсимильное издание 1912 года сорокадвухстрочной Библии Иоганна Гутенберга. По Малейну выходит, что гутенберговская Библия перестала быть редким изданием.

Ваша точка зрения близка и мне — в первую очередь надо идти от общекультурной ценности книги. Правда, окончательно отказаться от количественной оценки, видимо, было бы неправильно.

В практической деятельности Отдела редких книг по комплектованию наших фондов мы испытываем серьезные трудности, причина которых в отсутствии общепринятой дефи-

ниции книжной редкости. В настоящее время у нас в Отделе 1 миллион 300 тысяч единиц хранения, считая и печатные изоиздания (гравюры, плакаты, экслибрисы). Естественно, находятся люди, и таких немало, которые говорят: что же это за редкие книги, редкие издания, которых 1 миллион 300 тысяч! В самом деле. Если посмотреть наши фонды, мы увидим, что те критерии, которые существовали в 40-х, в 50-х годах и которыми мы руководствовались при отборе книг для Отдела, в настоящее время уже устарели. Отобранные в соответствии с ними книги в какой-то мере «засоряют» наш фонд. В профиле комплектования Отдела есть такой пункт: первые, прижизненные, особо ценные издания великих русских писателей. Сразу возникает вопрос: кого считать великим. Ну, Пушкин, Лермонтов, Гоголь — тут спора нет. А вот Бенедиктов или Веневитинов, Козлов или Полежаев?.. Выдающиеся это писатели или великие? В литературе и в науке, как известно, табели о рангах не существует. Когда мы говорим, что у нас по сей день нет четкого определения редкого или особо ценного издания, это в какой-то мере влияет на практическую деятельность по комплектованию фондов.

Сейчас, по наблюдениям зарубежных исследователей, действует своеобразный „эффект репринта“. Читатель сплошь и рядом предпочитает приобретать репринт, а не оригинальное издание. Причем за репринт он часто платит в десять раз дороже, чем стоит на рынке оригинальное издание. Это, конечно, касается не изданий XVI—XVII веков или инкунабулов, а книг более позднего времени. Эффект этот сохраняет силу и поныне...

А. М.: Я никак не могу согласиться с расплывчатой, ненаучной, в моем представлении, позицией Малеина. Каждая книга — сложное и многообразное явление, для которого редкость — лишь одна из черт, одна из характеристик. Чтобы получить полное представление о книге, с точки зрения ее ценности, нужно было бы заполнить нечто вроде анкеты. Так вот, в этой воображаемой анкете редкость будет далеко не важнейшим пунктом... Что же касается оценки редкости — можно использовать и предложенные мною критерии, о которых вы упомянули. Я предложил относить к первому классу редкости те книги, которые сохранились во всех библиотеках мира в одном-двух экземплярах, ко второму — в четырех, к третьему — от четырех до восьми, и так далее — до восьмого класса, в который входят наименее редкие книги, — до 256 экземпляров. С точки зрения этой классификации, львовская Азбука Ивана Федорова 1574 года относится к первому классу редкости, ибо известен лишь один экземпляр, находящийся в

библиотеке Гарвардского университета в США. Острожская Библия Ивана Федорова отойдет к восьмому классу, потому что, если судить по вашим работам, известно свыше двухсот экземпляров этой замечательной книги. И даже больше... Причем, повторяю, отнесение книги к тому или иному классу никаких окончательных заключений о ее ценности не дает. Надо посмотреть, что значит в других графах нашей анкеты, какова роль книги в истории данного народа, в истории мировой культуры, в истории науки, в истории литературы, учесть особые судьбы если не всего издания, то этого экземпляра, принять во внимание записи, маргиналии, которые присущи ему, переплет книги, другие ее особенности. Если всю анкету заполнить — выяснится истинная ценность книги, хотя в количественном отношении она может и не быть очень редкой.

Е. Н.: Ваша оговорка относительно того, что редкость книги не связана прямо с научной ценностью, а кстати, и с ценностью коммерческой, очень важна. Многие книги с самого начала издаются таким небольшим тиражом, что сразу же становятся количественно редкими. Это и всевозможные ведомственные издания, и, например, авторефераты диссертаций. Если бы мы ценили книгу только по ее редкости, то сплошь и рядом издания, предположим, Ивана Федорова или Иоганна Гутенберга, были бы менее ценны, чем ведомственные издания...

А. М.: ...и те, которые в XIX и в начале XX века печатали в нескольких экземплярах, чтобы порадовать главу какой-то фирмы или его семейство...

Теперь мне хотелось бы перейти к следующей проблеме — о частных и общественных собраниях, их роли в сбережении ценных, редких книг.

Можно отметить и плюсы, и минусы частного собирательства. Одно из его преимуществ — это многообразие, распространенность. Собиратель может жить далеко от большого города, где имеются крупные книжные хранилища. Встречаясь с людьми, он может приобрести здесь экземпляры ценных книг, — а без его вмешательства они могли бы исчезнуть из поля зрения исследователей, попасть в такие условия, где их ждет верная гибель от сырости, либо от мышей, либо от пожара. Словом, такого рода собиратель может оказаться человеком, который обнаружил ценную книгу и спас ее, а потом сберег. Нужно помнить, что со временем все ценные личные собрания втекают словно ручейки в государственные книгохранилища или музеи. Тогда уже они по-настоящему служат своей стране.

Вместе с тем, конечно, надо помнить, что в домашних условиях сохранить ценную коллекцию довольно сложно. Мы знаем, как отдельные замечательные собрания крупнейших русских собирателей погибали. Один из трагических примеров — гибель в московском пожаре 1812 года собрания А. И. Мусина-Пушкина, в котором был драгоценнейший уникальный список „Слова о полку Игореве“... Но ведь такого рода стихийные бедствия возможны и в государственных хранилищах. Одно хочу подчеркнуть, сам будучи страстным собирателем книг и рукописей: если уж ценная книга попала в руки собирателя, знающего свое дело, влюбленного в книгу, то она окружается им такой заботой, которую в государственных хранилищах, по крайней мере в прошлых десятилетиях, не находила. Мы знаем, например, что когда В. А. Верещагин — не художник, а библиофил — в конце прошлого века составлял каталог русских иллюстрированных изданий, он в Петербургской Публичной библиотеке почти не нашел русских книг, сохранивших полный комплект гравюр и других иллюстраций, литографий, потому что посетители библиотеки, пользуясь отсутствием хорошо организованного надзора, вырывали оттуда полюбившиеся им картинки.

Е. Н.: Хочу напомнить следующий случай. Д. А. Ровинский, известный исследователь русской графики, покупал книги, но так как собирал лишь гравюры, то вырывал иллюстрации, а книги выбрасывал.

А. М.: Я вовсе не хочу оправдывать Д. А. Ровинского. Его заслуги перед русским искусством, русской книгой известны. Вероятно, в данном случае мы имеем дело с курьезом.

Е. Н.: К сожалению, Алексей Иванович, и сегодня есть немало горе-собирателей; некоторые из них покупают книгу только для того, чтобы снять с нее книжный знак для своей коллекции. Они не понимают, что тем самым бесследно уничтожается доказательство принадлежности книги библиотеке, нередко принадлежащей человеку, жизнь и труды которого иногда представляют и большую культурную ценность.

А. М.: Вы правы, экслибрис — это паспорт книги. А собиратель экслибрисов, бывает, смотрит на книгу с воодушевлением не ради самой книги, а ради книжного знака. Вот он и старается экслибрис оторвать, положить в папку, а книга ходит потом без метрического свидетельства, разобраться в ее пути становится очень трудно... И все же собиратели редкостей, исходящие из беззаветной любви к книге, просвещению, культуре, науке, делают доброе дело и для своего народа, для своей страны, для человечества. Возьмите ту же Азбуку Ивана Федорова 1574 года. Если бы она в свое время не попала в

руки С. П. Дягилева, весьма просвещенного собирателя книг, может быть, эта мало значащая в чужих глазах славянская книга, бог знает как оказавшаяся за рубежом, погибла бы и мы никогда не узнали о ее существовании. Конечно, очень жаль, что эта Азбука не у нас, но тут можно вспомнить о репринтах. Мы имеем очень хорошее воспроизведение этой книжки, позволяющее ученым извлечь из нее всю ту пользу, которая в ней потенциально заключена.

Е. Н.: Мне хотелось бы подчеркнуть в дополнение к тому, что вы сказали, еще одну черточку, которая характеризует книголюбов и которая делает для нас очень ценными собрания некоторых из них. Если книголюб интересуется каким-нибудь вопросом, он собирает по этой теме все — не только книги, но и любые печатные материалы в комплексе.

А. М.: Его не очень смущает, что это — книга или не книга... Это могут быть проспекты, афиши, указы...

Е. Н.: ...пригласительные билеты, программки, художественные открытки и так далее. Сейчас есть немало таких собирателей, которые коллекционируют материалы по какой-то определенной теме. Ни одно государственное книгохранилище этого не делает и делать не может. Поэтому-то в дальнейшем в государственное книгохранилище попадают в комплексе материалы, которые кроме как из частных собраний ниоткуда поступить не могут. В свое время на секции книги в Московском Доме ученых я показывал конволют, который совершенно случайно купил в Ленинграде. За основу конволюта взято юбилейное издание журнала „Обзор графических искусств“ 1883 года, посвященное трехсотлетию со дня кончины первопечатника Ивана Федорова. Собиратель — некий Г. Троцкий, работавший в петербургской типографии О. А. Лемана, переплел вместе с журналом различные материалы: вырезки из газет, программы всевозможных юбилейных мероприятий, что делает сейчас его очень ценным.

В свое время так поступал и книголюб-библиограф П. А. Ефремов. Недавно вместе с собранием Н. П. Смирнова-Сокольского в Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина поступило двухтомное издание сочинений А. Н. Радищева, которое в свое время принадлежало П. А. Ефремову. Книголюб переплел издание, включил в него вырезки из газет и журналов, некоторые рукописные материалы, многие из которых, конечно, пропали бы, если бы он в свое время не собрал их. Если искать эти материалы по газетам и журналам, надо затратить уйму времени. Благодаря же ефремовскому конвольту исследователи могут очень быстро и легко получить их.

К слову, необходимо позаботиться о том, чтобы библиотеки таких квалифицированных собирателей, какими в свое время были Д. В. Ульяновский или П. А. Ефремов, не дробились, а поступали бы в государственные хранилища. Таких собирателей и сегодня немало. В этом важном деле большую роль могло бы сыграть Всесоюзное добровольное общество любителей книги—в полном соответствии с Законом СССР об охране и использовании памятников истории и культуры. Местные организации Общества должны брать на учет и всячески охранять наиболее примечательные личные библиотеки.

А. М.: Здесь мы особенно сходимся во взглядах. Мы высоко оцениваем деятельность частных собирателей, но не рассматриваем ее как самоцель. Это чрезвычайно важная ступень и, если хотите, неременное условие для того, чтобы ценная книга, ценное издание, "ценный документ были сбережены для потомства. Они рано или поздно попадают в государственное книгохранилище, находят место среди себе подобных и наилучшую обстановку для сбережения. Любопытный вопрос, который вы уже отчасти затронули,—воспроизведение редких книг. В самом деле, во всех странах мира и у нас редкие книги, ценные книги и, прежде всего, справочные издания—на первом месте все-таки они—начинают воспроизводиться факсимильно. Я, например, часто пользуюсь универсальной многотомной биографией Мишо. У меня, к счастью, имеется оригинальное, второе издание середины прошлого века, но мне известно, что одна из голландских фирм том за томом сейчас воспроизводит эту библиографию и продает ее. Труды Д. А. Ровинского, которого мы с вами упоминали, сделанное им знаменитое описание гравюр Рембрандта неоднократно перепечатывались и таким образом служат большому количеству собирателей и искусствоведов. Я думаю, что любой библиофил, если только он не заядлый регроград, обеими руками проголосует за воспроизведение ценных книг, чтобы они обслуживали не какую-то горсточку людей—элиту, а были бы доступны всем любителям искусства. Надеюсь, что воспроизведение ценных изданий по хорошо продуманному плану найдет у нас широкую полиграфическую базу. И тогда случаев, о которых у нас шла речь, то есть, что копия обходится покупателю дороже оригинала, уже не будет. Если мы этим займемся как следует, то будут воспроизводиться безусловно хорошие, по-настоящему ценные книги и по доступным для советских людей ценам.

Е. Н.: Должен сказать, начало этому уже положено. Госкомиздат СССР принял специальное решение о выпуске факсимильных изданий. Типография № 5 по заказу издатель-

ства „Художественная литература“ и Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина выпустила факсимиле известного издания петровской эпохи „Юности честное зерцало“. Первое издание этой книги сохранилось всего в одном полном экземпляре, который находится у нас, в Отделе редких книг, и послужил основой для воспроизведения. По нашему же экземпляру та же типография изготовила факсимиле миниатюрного издания „Басен Ивана Крылова“ (Спб., 1835). Хорошо известны ученым репринты зарубежных изданий А. И. Герцена, которые на протяжении многих лет выпускает издательство „Наука“. Вы уже говорили о факсимильном воспроизведении Азбуки 1574 года Ивана Федорова, выпущенном в 1964 и в 1974 годах Киевским издательством „Дніпро“. В издательстве „Книга“ недавно создана специальная редакция — миниатюрных и факсимильных изданий. Предполагается, в частности, что она выпустит в свет репринты известных библиографических трудов Н. М. Лисовского и А. В. Мезьер.

А. М.: Вы привели очень хорошие примеры. Естественно, что люди, которые занимаются историей культуры, историей просвещения в нашей стране, очень заинтересованы в такого рода репринтах. Но конечно, можно было бы назвать еще очень много фундаментальных справочных изданий по всем вопросам искусства, литературы, науки, в которых нуждаются и студенты, и аспиранты, и преподаватели высшей школы и которые невозможно достать даже в библиотеках многих крупных университетов страны. Такого рода справочные издания, по-моему, особенно важны. Будь моя воля, я бы дал „зеленую улицу“ воспроизведению важнейших, количественно редких и ценных изданий справочного характера по всем вопросам литературы, науки и искусства.

Е. Н.: Полностью согласен с вами, Алексей Иванович. Мне бы хотелось затронуть еще один вопрос. Вы говорили о большой пользе частных библиофильских собраний для формирования фондов государственных книгохранилищ. Хотелось бы этот вопрос рассмотреть и с иной точки зрения. Поговорить о долге государственных книгохранилищ, об их обязанности по отношению к частным собраниям, по отношению к библиофилам. У нас со стародавних времен сложилась, на мой взгляд, неправильная практика. Частные библиотеки, которые сплошь и рядом сами по себе являются памятниками культуры, памятниками своей эпохи, своего времени, попадая в государственные хранилища, не хранятся комплексно, а рассортировываются по различным помещениям...

А. М.: ...то есть как библиотеки, как собрания они погибают.

Е. Н.: Совершенно верно! Даже такой культурный и интеллигентный библиотекарь, как Алексей Егорович Виктор, который основал Отдел рукописей и старопечатных книг в Московском Румянцевском музее, не считал для себя зазорным брать из разрозненных старопечатных изданий неполные экземпляры и комплектовать из них один полный экземпляр, а то, что оставалось, продавать или менять с другими хранилищами. В результате очень важные для науки, для истории книгопечатания вкладные и владельческие записи сейчас приходится искать в разных местах. Начало записи, положим, в экземпляре, который находится у нас в Отделе редких книг, середина — в экземпляре Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, а конец — опять-таки у нас.

Я мог бы назвать, пожалуй, одно только хранилище — Государственный исторический музей, в котором фонды содержатся комплексно, книги в них имеют те же самые инвентарные номера и индексы, под которыми они были у собирателей. Там, например, цельными хранятся собрания И. Н. Царского, А. С. Уварова, П. В. Щапова, А. Д. Черткова, И. Е. Забелина и других книголюбов и ученых. Мне думается, что в дальнейшем к наиболее значительным личным собраниям, которые сейчас поступают в государственные хранилища, надо относиться точно так же. Это уже делается. Пример тому — собрание Н. П. Смирнова-Сокольского, поступившее в Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина. Или собрание русской поэзии И. Н. Розанова, которое хранится в Музее А. С. Пушкина в Москве. Было бы, мне кажется, очень и очень полезно, если бы мы попытались реконструировать некоторые старые библиотеки, которые были выдающимися памятниками культуры своего времени. Это сделано, например, с библиотекой М. В. Ломоносова и А. С. Пушкина. В настоящее время Отдел редких книг совместно с Университетской библиотекой Хельсинки реконструирует библиотеку государственного деятеля петровской эпохи А. А. Матвеева.

А. М.: Вы затронули очень важные вопросы. В примере, который вы привели, речь шла не только о разрушении состава библиотеки, но и о разрушении отдельных экземпляров. Здесь двух мнений быть не может. Конечно, всяческого уважения заслуживает человек, который всю жизнь посвятил собиранию библиотеки. У него был какой-то замысел, представляющий не только индивидуальную ценность, но и ценность общественную, а это, за редким исключением, очень часто совпадает. Такой человек, конечно, заслуживает того, чтобы его библиотека рассматривалась как нечто целое, как архитектурное

сооружение, которое нельзя разять на отдельные кирпичики. Попробуйте вынуть книгу, и цельность библиотеки будет потеряна. Вы знаете, какая различная судьба постигла библиотеки французских писателей и мыслителей XVIII века — Вольтера и Дидро. И та и другая были приобретены Екатериной II. Но библиотека Вольтера дошла в цельности и сохранности до наших дней и являет собой величайшую культурную и историческую ценность. А если ее расчленишь, ничего замечательного она не представляла бы: Вольтер не был библиофилом в нашем смысле слова. А библиотеку Д. Дидро исполнительный и очень добросовестный библиотекарь, не помню сейчас его имени, сразу же распределил по различным отделам. Сегодня чрезвычайно трудно составить даже приблизительное представление о том, какие книги любил, среди каких книг жил, откуда черпал информацию один из величайших умов XVIII века Дидро! Или возьмите библиотеку М. В. Ломоносова. Обретение ее — пусть не в полном объеме — мы все с радостью недавно пережили. А ведь она почти перестала существовать. После того как она была пожертвована Гельсингфорскому университету, тогдашние библиотекари, не особенно задумываясь о ее происхождении, распределили все книги по различным отделам. На сегодня выявлены лишь несколько десятков книг, относительно которых можно с уверенностью сказать, что они принадлежали Ломоносову. Конечно, собиратели личных библиотек далеко не всегда могут идти в сравнение с именами, которые я здесь называл. Но тут, если я вас правильно понимаю, речь идет вовсе не об увековечивании имен собирателей — они сделали доброе дело и память о них сохранится — а именно о том, чтобы сберечь для потомства книжные богатства.

Но и здесь нужно избегать крайностей... Как-то я посетил в Париже музей, составленный преимущественно из частных пожертвований, музей, в котором собраны картины импрессионистов. Когда вы ходите по залам этого музея, вам бросается в глаза: здесь распалась связь времен. Чтобы получить представление о Пабло Пикассо определенного периода, надо побывать и в одном зале, и в другом, и в третьем, потому что одна картина Пикассо есть в частном собрании мадам такой-то, другая картина — в собрании месть такого-то. Каждый из них требовал, чтобы его собрание картин сохранялось в целостности. Для посетителя музея такая система хранения создает определенные трудности.

Может быть, в дальнейшем придется идти двумя путями: для коллекции, которая действительно имеет высокое книговедческое, историко-культурное значение, добиваться статуса

заповедника, какой, например, приобрело для нас собрание Н. П. Смирнова-Сокольского в Библиотеке имени В. И. Ленина. Для других же, менее значительных, можно также пользоваться условным значком, позволяющим восстановить принадлежность книг, но распределять их по отделам для того, чтобы облегчить пользование ими. Я думаю, что такие два принципа в разумном сочетании окажутся достаточно гибкими и будут отвечать интересам как отдельных собирателей, так и государственных библиотек.

Е. Н.: Я с вами совершенно согласен, Алексей Иванович, но мне бы хотелось подчеркнуть разницу между экспонированием отдельных коллекций в музеях и комплексным хранением личных собраний в библиотеках. Посетитель библиотеки никогда не обзревает частное собрание целиком. Он имеет дело лишь с отдельными книгами. Другое дело, что комплексное хранение собраний создает немалые трудности для библиотек.

Хотелось бы затронуть и другой вопрос. „Альманах библиофила“ адресован широкому кругу читателей. Ну, а они ждут от нашей беседы ответа на следующие вопросы: что им собирать; могут ли они рассчитывать на то, что в их собрания попадут редкие книги, и нужно ли им вообще коллекционировать редкие книги?

А. М.: Поскольку речь идет о моем мнении, хочу сказать, что собирать книги стоит лишь тому, кто понимает, что не делать этого он не может. И когда у него есть такое внутреннее убеждение, он решает для себя, какую тему или творчество какого автора предпочитать. На протяжении жизни программа собирательства может меняться, могут меняться интересы. На каком-то этапе, вы помните, знаменитый Д. В. Ульянинский собирал художественную литературу, в частности прижизненные и первые издания русских писателей, потом он охладел к этому и занялся библиографией, стал избавляться от книг, ставших для него лишними. Я вполне допускаю, что в разные периоды жизни у человека могут быть разные увлечения...

Е. Н.: Можно ли попросить вас сослаться на собственный пример?

А. М.: Мой пример, наверное, не очень показателен, потому что с точки зрения очень многих моих уважаемых коллег-книгovedов я принадлежу к устаревшему типу библиофилов XIX века, которые собирали так называемые универсальные библиотеки. В настоящее время такого рода собрания редки. В наше время высоко ценятся библиотеки узкого профиля, где представлены книги, рукописи, автографы, сним-

ки — все, что относится, допустим, к А. С. Пушкину, Ф. М. Достоевскому, С. А. Есенину или А. А. Блоку. Иногда таким собирателям удается, благодаря необыкновенной требовательности, энтузиазму, глубоким познаниям, достичь того, чего иная крупная библиотека сделать не может. Но есть и люди с очень широким спектром интересов. Понимая, что собрать все книги невозможно, они стараются выбирать лучшие — не по внешнему виду, конечно, а по их авторитетности, научной значимости. По мере того как такая библиотека собирается, книголюб убеждается, что может находить в ней ответы не только на многочисленные вопросы, которые у него возникают повседневно, но и когда он предпринимает то или иное исследование — сегодня в одной области знаний и культуры, завтра в другой. Иметь под руками в своей библиотеке важнейшие источники, справочники, первые издания тех авторов, с которыми вы хотите беседовать... Вот примерно по такому принципу собиралась моя библиотека. К этому можно добавить, что я никогда не был равнодушен к полиграфическим и художественным качествам издания. У меня рядом с книгой, скромной по внешности, но являющейся своего рода библией в истории точных наук, скажем, первым изданием „Математических начал натуральной философии“ И. Ньютона (в нашей стране, по-моему, имеется самое большое три экземпляра этого первого издания), вы можете найти, например, издание сочинений Вергилия, осуществленное Баскервилем, одним из крупнейших мастеров книжного искусства XVIII века, в великолепном сафьяновом переплете того времени. Коротко говоря, меня в моей библиотеке всегда влечет и содержательная сторона, и сторона образная. В этой библиотеке можно выделить, как составную часть, целый музей книги. Мое давнее желание, — его разделяла моя покойная жена, — когда в Библиотеке имени В. И. Ленина откроется Музей книги, передать ядро моего собрания. Думается, оно окажется там небесполезным.

Е. Н.: Ядро вашей библиотеки, Алексей Иванович, будет небесполезным и в Отделе редких книг. Мне бы хотелось еще раз поблагодарить вас за прекрасную коллекцию инкунабулов, которую в 1977 году вы передали нам. В 1979 году к нам поступило ваше собрание славянских старопечатных книг. Мы надеемся, что и остальные жемчужины вашей библиотеки поступят в Отдел редких книг. А сейчас мне хотелось сказать, что определенный стержень есть и в вашей библиотеке. Было бы все-таки неправильно называть ваше собрание универсальным. Мне кажется, что цель, которую вы перед собой ставили, собрать наиболее характерные образцы искусства книги, образ-

цы, которые иллюстрируют поступательное развитие книжного дела с первых его шагов и до настоящего времени.

А. М.: Это одно из начал, определяющих формирование моей библиотеки, но не единственное. Вот, скажем, получил я несколько лет назад через покойного Николая Ивановича Сахарова предложение участвовать в сборнике „500 лет после Гутенберга“. Выбрал тему: ранняя научная книга в Западной Европе. Но обнаружил, что на полках моей библиотеки мало оригинальных изданий, относящихся к западноевропейской научной книге XVII и XVIII веков. Во всяком случае, много замечательных вещей, которые мне бы просто хотелось держать в руках, чтобы писать по первоисточникам, я не обнаружил у себя. И я потратил около полутора лет на приобретение недостающих книг. В результате мое собрание научной книги, бывшее довольно скромным, возросло в несколько раз... Необходимость иметь под рукой источники, справочную литературу, первые издания, относящиеся к той области, которая в данный момент занимает,—это один из мощных побудителей в расширении состава и в пополнении библиотеки.

Е. Н.: Значит, вы приобретаете книги, которые вас интересуют с точки зрения их содержания, оформления и исполнения,—а не вообще любую книгу только в силу ее редкости?

А. М.: Ну, конечно, избави бог!..

Е. Н.: Вернемся к вопросу об универсальности. В свое время филателисты собирали так называемые генеральные коллекции марок Европы, Азии, отдельных стран... Сейчас это делать труднее, поскольку старых марок в продаже нет, а если и есть, то стоят они очень и очень дорого. Поэтому ныне филателисты, особенно начинающие, переходят к тематическому коллекционированию. Мне кажется, что нечто подобное наблюдается и в библиофильстве. Если в XIX веке М. П. Погодин, В. М. Ундольский, И. П. Каратаев, А. Н. Кастерин могли надеяться собрать более или менее полную коллекцию славянских старопечатных книг, то сейчас ни один книголюб, какими бы средствами он ни обладал, не в силах составить сколько-нибудь полную коллекцию славянских старопечатных изданий или, допустим, русских книг XVIII века, или изданий Альда Пия Мануция. В свое время Н. Н. Бирюков составил превосходную коллекцию изданий нидерландских типографов Эльзевиров; теперь такой возможности у собирателей нет. Поэтому мне представляется, что генеральной линией библиофильства должно стать тематическое собирательство, то есть собирание книг по вполне определенной и достаточно узкой теме. Это полезно и в том отношении, что человек, который собирает

книги по какой-то узкой теме, становится специалистом в этой области.

А. М.: Евгений Львович, я отношусь с уважением к таким книголюбам, но я не считаю тематическое собирательство ни генеральной линией библиофильства, ни единственно возможной, во всяком случае. Я думаю, что в наше время, когда перед каждым человеком стоит задача непрерывного образования — учиться всю жизнь от колыбели до могилы, — все большее значение приобретают домашние библиотеки широкого профиля, которые содержали бы в себе произведения классиков художественной литературы, как отечественной, так и зарубежной, советских авторов, основную общественно-политическую литературу и, конечно, важнейшую литературу по специальности. Будучи педагогом, приверженцем всесторонне развитого человека, я очень хочу, чтобы в домашней библиотеке, скажем, техника имелись бы книги и по географии, и по философии, и по истории искусств, и по многим другим отраслям знания. Однако я вовсе не хочу противопоставить мой идеал семейной библиотеки вашей характеристике специализированных собраний, может быть, очень богатых, в какой-то мере даже рекордных по своему богатству. Мне кажется, что такие библиотеки, в которых удастся собрать все о немногом, возможно, интересны, но их нельзя рассматривать как типичные, как массовые... С моей точки зрения, типичная, массовая семейная библиотека будущего — это библиотека универсального профиля, с тем, чтобы семья могла брать все самое дорогое, самое ценное из унаследованного человечеством в области литературы, искусства, общественно-политических идей, в области науки и техники. Очень важно иметь возможность в любой момент снять с полки томик, восстановить в памяти, свериться, получить какой-то толчок, какую-то зарядку для своего общения с товарищами, а может быть и для непосредственного использования в своей работе.

Е. Н.: Алексей Иванович, не видите ли вы одну из причин существующего в стране книжного голода в стремлении иметь по возможности в каждом доме собрание любимых книг?

А. М.: Я думаю, что вы правы. Но совершенно ясно, что это в то же время и показатель возросших культурных устремлений советских людей. Надо изыскивать реальные меры для того, чтобы удовлетворить возрастающий спрос на книги. Одна из них — реализуемое уже несколько лет решение Госкомиздата СССР: выпускать в привлекательных мягких обложках классическую отечественную и переводную литературу. Проводимая Всесоюзным обществом книголюбов линия на привлечение литературы из личных собраний в общественное

пользование также помогает решить нелегкую проблему, возникшую вокруг книги.

Е. Н.: Будем надеяться, что некоторые соображения, высказанные нами в ходе беседы, окажутся полезными для владельцев книжных богатств. Ведь мы, как мудро заметил патриарх советского библиофильства Алексей Алексеевич Сидоров, — владельцы книжных сокровищ лишь на краткое время нашей жизни.

Диалог записал Ким Ляско

Джек Льюис
КТО ПЛАГИАТОР?

02.04.52

М-ру Джеку Льюису

90—26, 219 ст.

Куин Виллидж

шт. Нью-Йорк

Уважаемый мистер Льюис!

Возвращаем Вашу рукопись „Девятое измерение“.

Мы считаем, что она вполне достойна публикации. Кстати, того же мнения придерживался и редактор „Космик Тэйлз“, когда опубликовал этот рассказ впервые в 1934 году за подписью знаменитого Годда Тромберри.

Позвольте предостеречь Вас от попыток подсовывать в журналы чужие рассказы под видом собственных произведений и напомнить Вам о штрафе за плагиат.

Поверьте, эта игра не стоит свеч.

Искренне Ваш
Дойл П. Гейтс
отд. научной фанта.
журнал „Дип Спейс“

05.04.52

М-ру Дойлу П. Гейтсу, редактору

журнала „Дип Спейс“

Уважаемый мистер Гейтс!

Я не имею чести быть знакомым с творчеством мистера Тромберри. Более того, я никогда не подозревал о его существовании. Отвергнутый Вами рассказ — плод долгих добросовестных трудов. Ваше обвинение в плагиате крайне уязвило меня.

Рассказ „Девятое измерение“ написан не более месяца назад. Если в нем и оказались какие-то совпадения с рассказом мистера Тромберри, то это чистая случайность.

Но все же здесь что-то не так. Видите ли, недавно я посылал другой рассказ в „Звездную пыль“ и получил отказ на том основании, что у меня „слишком тромберрский“ стиль.

Кто такой, черт возьми, этот Тодд Тромберри? Я занимаюсь научной фантастикой десять лет и не припомню, чтоб мне попадалось что-нибудь им написанное.

Искренне Ваш
Джек Льюис

11.04.52

М-ру Джеку Льюису

90—26, 219 ст.

Куин Виллидж

шт. Нью-Йорк

На Ваше письмо от 05.04. с. г.

Уважаемый мистер Льюис!

Не в наших привычках за глаза обвинять авторов. Но хотя мы знаем, что в литературном деле иногда случаются сюжетные совпадения, все же нам трудно поверить в Вашу полную неосведомленность относительно творчества Тодда Тромберри.

Тем не менее удовлетворю Ваше любопытство.

С тех пор как Тодда Тромберри больше нет с нами, то есть с 1941 года, его произведения получили очень широкую известность, гораздо большую, чем при его жизни. Такие вещи часто случаются в литературе.

В рассказах Тромберри таится неисчерпаемое богатство свежих идей. Наверно, тут сыграли роль его усиленные занятия электроникой. И хотя уровень научной фантастики за эти годы резко изменился, стиль и творческие приемы Тодда Тромберри и сейчас могут послужить примером большинству начинающих авторов. При этом я вовсе не призываю вышеуказанных авторов переписывать его рассказы от первого до последнего слова, как это свойственно Вам, мистер Льюис.

Что же касается того, что Вы пишете о случайном совпадении, то Вы должны сознавать, что подобные события происходят примерно в миллион раз реже, чем выпадение четырех флеш-рояль на четыре руки в одну сдачу.

Простите, но мы не так наивны.

Искренне Ваш
Дойл П. Гейтс
отдел научной фантаст.
журнал „Дип Спейс“

12.04.52

М-ру Дойлу П. Гейтсу, ред.

„Дип Спейс“

Нью-Йорк

штат Нью-Йорк

Ваши обвинения под статью тому бреду, что Вы издаете. Я немедленно прекращаю подписку на Ваш журнал.

Искренне, Джек Льюис

14.04.52

Общество научной фантастики

Франт Стрит 144

Чикаго, Иллинойс

Я хотел бы ознакомиться с творчеством писателя Тодда Тромберри. Убедительно прошу Вас выслать мне основные издания его произведений.

С уважением, Джек Льюис

90—26, 219 ст.

Куин Виллидж

шт. Нью-Йорк

20.04.52

М-ру Джеку Льюису

90—26, 219 ст.

Куин Виллидж

Нью-Йорк

Дорогой мистер Льюис!

Могу помочь Вам, к сожалению, только советом. Обратитесь к издателям Тодда Тромберри, если сможете разыскать кого-нибудь из них. А также поройтесь у букинистов.

Если Вам удастся напасть на след публикаций Тодда Тромберри, не откажите в любезности уведомить об этом и нас. Мы согласны оплатить Ваши хлопоты.

С уважением к Вам

Рэй Элберт,

Президент Об-ва научной фантастики

11.05.52

М-ру Сэмпсону Дж. Гроссу, редактору.

Журнал „Загадочные миры“.

Сен-Луис, штат Монтана

Уважаемый мистер Гросс!

Прилагаю рукопись своего нового рассказа. Он называется „Грабители двадцати миллионов галактик“. Рассказ построен на переплетении оригинальных сюжетных идей. Поэтому я рассчитываю получить не менее двух центов за слово.

Надеюсь, он подходит для Вашего журнала.

Примите и пр., с уваж., Джек Льюис

19.05.1952

М-ру Джеку Льюису

90—26, 219 ст.

Куин Виллидж

шт. Нью-Йорк

Уважаемый мистер Льюис!

К сожалению, в настоящее время мы не можем использовать „Грабителей двадцати миллионов галактик“. Однако это прекрасный рассказ, и если в будущем мы захотим напечатать его, мы перешлем гонорар непосредственно наследникам покойного Тодда Тромберри.

Да, этот парень умел писать!

С сердечным приветом
Сэмпсон Дж. Гросс, редактор.
Журнал „Загадочные миры“.

23.05.52

Журнал „Дип Спейс“

Нью-Йорк, штат Нью-Йорк

М-ру Дойлу П. Гейтсу, редактору.

Уважаемый мистер Гейтс!

Я заявил, что больше никогда не буду иметь дела с Вами и с Вашим журналом, однако возникшая ситуация слишком необычна. Дело в том, что редакции и журналы постоянно возвращают мне мои рассказы, которые якобы оказываются точными дубликатами рассказов пресловутого Тодда Тромберри.

В своем последнем письме Вы нашли меткое сравнение, выгислив вероятность такого совпадения в случае одного рассказа. Что Вы скажете сейчас, когда речь идет о целой дюжине?

Но как же мне убедить Вас, ради всего сущего, что каждое слово из этих рассказов на самом деле написано мною! Я не списывал работ Тодда Тромберри и вообще никогда не видел ни одной из них. И до недавнего времени я даже не подозревал о его существовании.

Вот какая мысль пришла мне в голову. Правда, это сумасшедшая теория, и я не решился бы изложить ее никому, кроме издателя научной фантастики. Давайте попробуем предположить, что этот самый Тромберри во время своих занятий по электронике научился каким-то образом преодолевать пространственно-временной барьер, о котором, кстати, постоянно пишут в Вашем журнале. И мне кажется—как ни самонадеянно это звучит—что именно мои работы приглянулись ему больше остальных и именно в них он нашел полезный для себя материал.

Как вы относитесь к этой идее? Верите мне? Или мысль о том, что человек из далекого прошлого крадет у меня рассказы, кажется Вам чересчур фантастичной?

Пожалуйста, напишите мне, что Вы обо всем этом думаете.

С уважением, Джек Льюис

25.04.1952

Уважаемый мистер Льюис!

Мы думаем, что Вам следует обратиться к психиатру.

Искренне Ваш Дойл П. Гейтс

3.06.1952

М-ру Сэму Майнсу

ред. научной фантастики

Нью-Йорк, штат Нью-Йорк

Уважаемый мистер Майнс!

На этот раз я посылаю вам не рукопись, а подборку подлинных писем и документов для публикации в Вашем журнале. Надеюсь, что Вы сможете поверить в это почти невероятное событие.

Прилагаемые письма расположены в хронологическом порядке. Они говорят сами за себя. Может быть, после их напечатания кому-нибудь из ваших читателей посчастливится найти разгадку этого феномена.

Я назвал композицию „Кто плагиатор?“.

С уважением, Джек Льюис

9.06.52

М-ру Джеку Льюису

Уважаемый мистер Льюис!

Ваша идея подборки писем с научно-фантастическим сюжетом сама по себе неплоха. Однако боюсь, что здесь она не пройдет.

В августе 1940 года в журнале „Загробные приключения“ Тодд Тромберри уже использовал эту идею. Как это ни забавно, его рассказ тоже назывался „Кто плагиатор?“.

Пожалуйста, не стесняйтесь снова обратиться к нам, когда сочините что-нибудь свое.

Всегда Ваш, Сэмюэль Майнс

ЖУРНАЛ ИТАЛЬЯНСКИХ БИБЛИОФИЛОВ

История журнала „Библиофилия“ восходит к концу 80-х годов прошлого столетия, когда Лео Самуэль Ольшки, „привлеченный гуманистическим наследием итальянской культуры“¹, переехал сюда из Пруссии. В 1886 году он основал издательство в Вероне, откуда перенес его в Венецию, а затем — во Флоренцию. По сей день издательство Ольшки (оно было унаследовано его сыном Альдо и племянником Алессандро) — одно из самых известных в стране. Оно славится своими изданиями по библиографии и истории книги, по искусству. Выпускает и периодические издания: „Леттере италиане“, „Ривиста д’арте“, „Аркивио сториико италиано“ и др.

В апреле 1899 года издательство выпустило тоненькую тетрадочку, размерами точно соответствующую школьной, в 24 страницы, — первый выпуск журнала „La Bibliofilia“. Подзаголовок — „Собрание сведений по старинному искусству книги, печати, рукописному и переплетному искусству“. Во главе журнала встал сам Л. С. Ольшки. Первый выпуск открылся его статьей „Наша программа“. Он высказал горькое сожаление о том, что в Италии, стране, которая вправе гордиться своим книжным наследием, очень мало заботятся о выдающихся произведениях древности, об их хранении и изучении. И не случайно многие и многие шедевры литературы и искусства, созданные в Италии и по ничтожной цене продававшиеся за пределы страны, служат ныне украшением важнейших государственных и частных собраний Европы и Америки. Ольшки призывал к коллекционированию произведений отечественной графики и книжного искусства. Журнал „Библиофилия“, по его мнению, должен был помогать коллекционерам и любителям произведений искусства в этом благородном деле. „Библиофилия“ будет публиковать, — писал

¹ Grande dizionario enciclopedio. Torino, 1959, v. 9, p. 396.

он,—...оригинальные статьи о редких и ценных изданиях, неизвестных и малоизвестных, о рукописях и иллюстрированных сводах, художественном переплете и т. д., сопровождаемая описания добротными цинкографическими репродукциями...

Кроме того, журнал будет давать подробные и оперативные сведения о мировой торговле, извещать о наиболее значительных каталогах крупнейших итальянских и иностранных книготорговцев, привлекая внимание библиотекарей и библиофилов к отдельным описаниям, содержащим полезные пояснения и сопоставления, уделит место крупнейшим публичным распродажам книг во Франции и в Англии».

Выпуски-тетради печатались ежемесячно, часто они бывали сдвоенными (за два месяца): 48 страниц, не считая листка сообщений. Собранные за период с апреля 1899 по март 1900 года, эти тетради вместе с приложениями были переплетены в один том с красивой твердой обложкой. На корешке золотыми буквами выведено: „Библиофилия. Под руководством Лео С. Ольшки. Год 1. 1899—1900. Том 1“. Сюда же вклеено содержание всех 12 выпусков и указатель иллюстраций. В таком виде годовой комплект журнала хранится в Отделе редких книг Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. На обороте обложки экслибрис: мальчик, читающий манускрипт,—с надписью „Из книг графа С. Д. Шереметева“².

В первом томе мы встречаем материалы о рукописи „Космографии“ Птолемея, о типографском искусстве в городе Фолиньо в XV в., об обнаружении уникальных рисунков в одном из изданий Библии XV в., о рисунках и гравюрах Чезаре Вечеллио к книгам, посвященным истории костюма различных народов и искусству плетения кружев (конец XVI в.), о пометах итальянского гуманиста Себастиано Серико на венецианском издании Эрхарда Ратдольфа — Эвклидовой геометрии (1482) и болонском издании „Астрономии“ Марко Манилио (1474) и др. Один из активных авторов — сам Ольшки.

Среди рубрик журнала — „Библиография и журнал каталогов для библиофилов“; „Сообщения“; „Публичная распродажа“. Помещаются рецензии на библиографические и книговедческие труды. Первый выпуск рассказывает о каталогах редких и ценных книг одного из парижских антикварных

² Шереметев Сергей Дмитриевич — почетный член Академии наук, председатель Археографической комиссии и Общества любителей древней письменности и ревнителей русского исторического просвещения, автор ряда трудов по истории.

магазинов, о берлинском каталоге изданий XV—XVII веков, обращая внимание на содержащиеся в них книги, созданные в Италии или связанные с Италией: парижское издание „Неистового Роланда“, первое французское издание „Декамерона“ и др. Помещена и реплика по поводу статьи Дж. Паннелла, напечатанной в журнале „Ривиста Абрुццезе ди Шенце, леттере ад арти“, о „жемчужине“ книжного собрания Абрुццо — латинской библии, отпечатанной в 1480 году Оттавиано Ското ди Монца в Венеции. Иронизируя над велеречивым пафосом проникнутой местным патриотизмом статьи, автор реплики сообщает, что прекрасно сохранившийся экземпляр этого же издания в каталоге инкунабул книжного магазина Ольшки во Флоренции (он был не только издателем, но и крупным книготорговцем) значится под номером 505.

Любопытна в первой тетради рубрика „Сообщения“. Здесь рассказывается, например, о самой дорогой книге того времени. Это Ветхий Завет на языке оригинала, хранящийся в библиотеке Ватикана. Книга весит 162 кг.: „...трое мужчин обливаются потом,— пишет журнал,— когда держат ее на плечах“.

Сообщается о коллекции миниатюрных, карликовых, как они здесь названы, книг парижанина Джорджо Саломона: среди его 700 мини-книг — „Английский альманах“ 1850 года размером 14×10 мм; немецкая книга „Carlsruhe“ (14×9 мм), включающая 12 гравюр; „Via crucis“ на французском языке (14×6 мм) и др.

Заключает раздел „Сообщения“ первого выпуска журнала рассказ об уникальном рукописном иллюстрированном Евангелии 1886—1892 годов, которое переписала и проиллюстрировала румынская королева Елизавета, известная в то время писательница и поэтесса Кармен Сильва, в память о безвременной кончине своей дочери, принцессы Марии. В этом труде, по мнению „Библиофилии“, она проявила себя искусным художником-орнаментатором.

С тех пор прошло немало времени. В тяжелые годы фашистской диктатуры создатель журнала Ольшки, лишенный итальянского гражданства³, вынужден был в 1939 году эмигрировать из страны; в 1940 году он скончался в Женеве. Выехал из Италии и его сын Леонардо — один из авторов журнала, создатель многих книг по истории итальянской литературы и языка. Он стал профессором романской филологии в Балтиморском университете и до конца своих дней прожил в США (умер в

³ Grande enciclopedia Vallardi. Milano, 1967, v. 11, p. 346.

1961 г.). Однако выпуск журнала не прерывался. Некоторое время им руководил Джузеппе Боффито⁴; с 1944 года по настоящее время его ведет Роберто Ридольфи, крупный филолог, историк, библиограф, профессор Флорентийского университета. Выпускается журнал по-прежнему в издательстве Ольшки. Сам Ридольфи отмечает, что он родился в один год с журналом (1899). В молодости он был энтомологом, и в одном из номеров журнала о Роберто Ридольфи сказано, что сначала он был коллекционером бабочек, затем — редких изданий.

Журнал теперь выходит лишь три раза в год, но каждый выпуск его состоит более чем из ста страниц плюс вклейки (издаются иногда и сдвоенные выпуски). Как и раньше, все выпуски за год составляют очередной том „Библиофилии“. Рубрикация осталась почти та же, что и 80 лет назад. Однако общий подзаголовок меняется дважды. Сначала — „Журнал по истории книги и искусству графики, библиографии и чтению“. В настоящее время дается более краткий подзаголовок: „Журнал по истории книги и библиографии“.

Каждая статья „Библиофилии“ начинается с орнаментированных буквиц. Большое место занимают иллюстрации: факсимильные воспроизведения текстов, репродукции гравюр, фотографии обложек книжных раритетов и т. д. Во многих статьях приводится более чем по 20 иллюстраций.

„Библиофилия“ в современном ее виде — в большей степени научное издание, чем рекламное, и в этом, видимо, основное качественное изменение журнала за восемь десятилетий его существования. Поражает богатый научно-справочный аппарат статей. Так, к статье Пьетро Манци „Неаполитанские издатели, типографы и книгопродавцы в Венеции в XVI веке“ (v. 76, disp. I—II) приложены: 1) подробная хронология издательской деятельности неаполитанцев в Венеции в 1514—1615 годах с указанием выходных сведений книг, их типографским описанием формата, иллюстративного материала и т. д., с краткой биографией автора и с указанием на сохранившиеся экземпляры каждого издания; 2) библиография по данному вопросу, насчитывающая 106 названий, в том числе латиноязычные труды, издания XVII и XVIII веков; 3) алфавитный указатель авторов и их произведений, выпущенных в эти годы в Венеции издателями и типографами неаполитанского происхождения.

⁴ В Отделе редких книг ГБЛ имеется лишь два выпуска журнала за 1941 г. (один — сдвоенный, за январь — февраль, другой — счетверенный, за март — июнь).

К статье Паоло Венециани, посвященной истории типографского искусства в Перудже в XV веке (v. 75, disp. I), приложен перечень перуджинских изданий того времени, включающий 31 название, документальные материалы на латинском языке. В этом же томе журнала помещена весьма любопытная, на наш взгляд, объемная статья Джулиано Тамани „Каталог инкунабул на древнееврейском языке Пармской библиотеки Палатина“ (disp. III). Она посвящена коллекции старинных изданий, насчитывающей ныне 92 экземпляра. Когда-то эта коллекция входила в книжное собрание крупнейшего гебраиста конца XVIII—начала XIX века Джованни Бернардо Де Росси, преподавателя восточных языков на теологическом факультете Пармского университета. В приложенном к статье научно-справочном аппарате—перечень инкунабул из коллекции Де Росси с их библиографическим описанием, указанием на происхождение, ссылкой на каталоги, в которые они включены; географический указатель еврейских типографий XV века; указатель типографов, издателей, корректоров и сотрудников, связанных с изданием этих инкунабул...

Библиография насчитывает 56 названий.

Со статьями, посвященными истории художественного оформления книги, регулярно выступает на страницах „Библиофилии“ Ламберто Донати. В одной из них он рассматривает традиционное иконографическое развитие поэтических произведений Петрарки, повторяющееся из издания в издание, из века в век иллюстрирование его „Триумфов“ и лирических стихотворений традиционными символическими схемами: белые лошади, тянущие повозку Любви; единороги, тянущие повозку Целомудрия (согласно легенде, они поддаются приручению только чистой девушке); черные буйволы, запряженные в повозку Смерти; быстроногие олени, запряженные в повозку Времени, и т. д. Донати делает интересное наблюдение: некоторые такие изобразительные „клише“ с цитатами из Петрарки перекочевывали в XVI век, в более позднее время на фронтисписы различных изданий, становясь своеобразными изобразительными интерпретациями моральных максим. Статья названа „Влияние Петрарки на графику книги“ (v. 75, disp. III). А в одном из следующих выпусков „Библиофилии“ Донати рассказывает об иллюстрациях к библиям, изданным в Венеции в XV веке (v. 77, disp. II).

Развиваются и традиции полемических заметок „Библиофилии“, появляющихся здесь с первых же „тетрадных“ выпусков журнала и связанных с датировкой рукописей и книг, установлением их ценности и т. д. Один из авторов

подобных заметок — Деннис Е. Роудс⁵. В своих „Заметках о первых книгах, напечатанных в Монтефиасконе“ (v. 76, disp. I—II), рассмотрев историю этой семинарской типографии XVII века, он дает каталог (по его собственной оговорке, неполный) изданий Монтефиасконе в порядке их появления на свет — и в результате вступает в полемику с книготорговым каталогом антикварных изданий, согласно которому первой книгой монтефиасконской типографии была „Жизнь и удивительные страдания достославной св. Кристины“ Сплендиано Андреа Пеннаци. По мнению Денниса Е. Роудса, эта книга была напечатана здесь в лучшем случае седьмой по счету.

Следует отметить, что журнал публикует статьи и зарубежных авторов, посвященные итальянскому книжному и графическому наследию. Эти статьи даются на английском языке, так что многие выпуски „Библиофилии“ двуязычны. Среди англоязычных материалов, опубликованных за последнее время, мы находим, например, статью о такой проблеме книговедения, как стоимость издания флорентийских инкунабул (цены на бумагу и другие печатные материалы того времени, стоимость самого процесса печатания книг в XV веке и т. д.) (v. 75, disp. I).

Регулярно журнал публикует рецензии об отечественных и зарубежных трудах по истории книги и библиографии, о научных изданиях древних памятников. В одном из выпусков 1973 года помещена рецензия на сборник под названием «Исследования, посвященные Роберто Ридольфи, директору „Библиофилии“». Под редакцией Берты Маракки Биаоджарелли и Денниса Е. Роудса» (1973). Этот сборник включает 22 очерка, написанные английскими, американскими, немецкими, итальянскими книговедами и библиографами.

В каждом выпуске помещаются сообщения о крупнейших библиографических трудах и библиофильских изданиях, книговедческих монографиях и статьях, созданных в Италии и в других странах, о литературных и книжных выставках, а также вклейки, рекламирующие библиографические и книговедческие периодические издания и монографии, библиофильские издания; появляются здесь и книготорговые каталоги редких и ценных книг.

⁵ Его заметки такого рода появляются и на страницах другого крупного библиографического и книговедческого журнала «Аккадемие э библиотеке д'Италия», издаваемого в Риме под руководством Министерства народного просвещения. Об одном из своеобразных открытий Роудса см.: В мире книг, 1974, № 8, с. 86.

Борис Слуцкий

ПЛАНЕТА ЧИТАТЕЛЕЙ

Сколько книг прочтено — не имеет значения,
но имеет значение очень давно
ежедневное, ежевечернее чтение,
еженощное — с лампой зажженной — окно.
И пока круг от лампы на крепком столе
выключается только на позднем рассвете,
все в порядке на круглой и светлой земле,
заселенной читателями планете.

ЧИТАТЕЛЬ ОТВЕЧАЕТ ЗА ПОЭТА

Читатель отвечает за поэта,
Конечно, ежели поэт любим,
Как спутник отвечает за планету
Движением
и всем нутром своим.
Читатель — не бессмысленный кусок
Железа,
в беспредельность пущенный.
Читатель — спутник,
И в его висок
Без отдыха стучится жилка
Пушкина.

Хроника

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ КНИГИ ЦДРИ СССР

Один из первых библиофильских вечеров был проведен в ЦДРИ еще в годы войны — 18 декабря 1944 года. Затемненными и заснеженными улицами Москвы шли его участники на Пушечную. Назывался вечер — „Книжная Москва XIX века“. На нем шла речь об Иване Дмитриевиче Сытине, о книжных лавочках вокруг Ильинских ворот, об антикварной торговле П. П. Шибанова... Выступали старые „книжники“ — люди интересные и незаурядные — искусствовед В. М. Лобанов, писатель Н. Д. Телешов, художник С. В. Герасимов, гравёр И. Н. Павлов.

Старые москвичи хорошо знали Виктора Михайловича Лобанова (1883 — 1970). Обаятельный и общительный человек, зять писателя В. А. Гиляровского — прославленного „дяди Гиляя“, само имя которого отождествлялось со старой Москвой, Лобанов бережно сохранял традиции гостеприимного „дома в Столешниках“, который всегда был домом книги.

Еще совсем молодым человеком Виктор Михайлович посещал выставки петербургского Кружка любителей изящных изданий. В 20-е годы делал доклады на заседаниях Русского общества друзей книги. Всю жизнь сам много писал. Его монографии об А. В. Герасимове и В. М. Васнецове, Е. Е. Лансере и П. П. Соколове-Скале принесли ему известность и почетное звание члена-корреспондента Академии художеств СССР.

Нужно ли удивляться, что В. М. Лобанов был тем человеком, у которого родилась мысль о создании Клуба любителей книги при Центральном Доме работников искусств СССР? Мысль пала на благодатную почву. Поддержал ее директор ЦДРИ Борис Михайлович Филиппов, который и сам был книжником. Поддержали страстные книголюбцы, которыми от века славилась Москва.

Первый вечер нового Клуба состоялся 18 ноября 1959 года. Атмосфера в Малом зале ЦДРИ была праздничной. „Никогда, ни до, ни после, мне не приходилось встречать сразу столько знаменитостей, — вспоминал 15 лет спустя участник этой встречи А. Ф. Иваненко. — В зале собрались известные всей книжной Москве букинисты Алексей Григорьевич Миронов, Эммануил Филиппович Цищельзон, Александр Иванович Фадеев, пришли такие выдающиеся библиофилы, как, например, Александр Михайлович Макаров, славный своим собранием книг по истории русской армии, или Иван Николаевич Жучков, имевший богатейшую коллекцию по истории Москвы... Не могли остаться равнодушными к идее клуба и художники. Пришли Н. В. Кузьмин, Т. А. Маврина, А. П. Могилевский, С. Б. Телингатер, Г. Г. Филипповский, Е. О. Бургункер, П. В. Кузнецов...“¹

¹ Цит. по: Ляско К. И. На всю жизнь. Клубу книголюбцев ЦДРИ — 15 лет. — Книжное обозрение, 1975, 24 янв., с. 16.

Двадцать лет, прошедших с того памятного вечера в ЦДРИ,—срок вроде бы и небольшой. Но из всех выступавших тогда в Малом зале (а их было немало) в живых остался лишь один человек—Ираклий Луарсабович Андроников. Сохранилась фотография—круглый стол и за ним В. М. Лобанов, В. Г. Лидин, Н. П. Смирнов-Сокольский, С. В. Герасимов. Выступает энергичный, веселый Андрей Дмитриевич Гончаров (1903—1979), человек, вся жизнь которого была отдана искусству книги. Не видно на фотографии Алексея Алексеевича Сидорова (1891—1978), старейшего книговеда и книголюбца, члена-корреспондента Академии наук СССР; но он был на вечере и выступал.

Все эти люди были тесно связаны с Клубом и в дальнейшем не раз выступали на его заседаниях. А. Д. Гончаров участвовал во встрече 4 апреля 1960 года, посвященной теме „Французские классики в иллюстрациях советских художников“, в вечере книголюбов 8 июня 1960 года, встрече „Художник и книга“, состоявшейся 31 января 1961 года,—все заседания, проходившие с его участием, мы перечислить не сможем.

Имя популярного артиста эстрады Николая Павловича Смирнова-Сокольского (1898—1962) в ту пору еще мало связывали с книголюбием. Только-только вышли в свет его „Рассказы о книгах“ (М., 1959). Впереди были „Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина“ (М., 1962), капитальный труд „Русские литературные альманахи и сборники“ (М., 1965), двухтомная „Моя библиотека“ (М., 1969). Читатели познакомились с ними уже после смерти автора. Софье Петровне Близииковской, вдове Н. П. Смирнова-Сокольского, мы обязаны тем, что можем сейчас прочитать все эти замечательные книги. Большого и громкого Николая Павловича и миниатюрную женщину—его верно спутника—нередко можно было встретить на заседаниях Клуба любителей книги ЦДРИ. 22 января 1960 года на встрече, посвященной 100-летию со дня рождения А. П. Чехова, Н. П. Смирнов-Сокольский выступил с сообщением „Молодой Чехов“. 8 июня того же года он также выступал на вечере книголюбов. Кто думал тогда, что этому сильному человеку осталось жить полтора года?

Небывалый читательский успех „Рассказов о книгах“ породил богатую библиофильскую литературу. Среди несомненных ее достижений—заметки книголюбца „Друзья мои—книги“ Владимира Германовича Лидина (1894—1979), участника первой встречи Клуба книголюбов ЦДРИ. Позднее, 30 октября 1961 года, он познакомил членов Клуба с некоторыми новеллами своей будущей книги. Впоследствии она не раз издавалась и переиздавалась, и автор ее с некоторой грустью признавался, что ни один из его многочисленных романов, повестей и рассказов не вызвал столь обильных читательских откликов.

Огромная занятость и преклонный возраст не мешали Алексею Алексеевичу Сидорову посещать заседания Клуба любителей книги и выступать на них. Был он превосходным оратором, умел держать аудиторию в постоянном напряжении. Завсегда Клуба помнят его рассказ о В. А. Фаворском как иллюстраторе А. С. Пушкина (26 февраля 1962 г.), помнят и доклад „400 лет русской книги“ на выездном заседании в Литературном музее (6 марта 1964 г.). На юбилейной 50-й встрече 19 апреля 1966 года Алексей Алексеевич говорил о творческих объединениях библиофилов 20-х годов. Это был первый набросок его воспоминаний, которые впоследствии печатались в „Альманахе библиофила“, но—увы!—так и не были завершены.

Личное обаяние В. М. Лобанова, широкий круг его знакомств привлекали в ЦДРИ лучших и виднейших представителей творческой интеллигенции Москвы. Перелистывая сейчас страницы „Хроники“ Клуба любителей книги, изданной в 1969 году к его десятилетию, мы поражаемся богатой россыпью имен. Мы завидуем тем, кто в начале 60-х годов, посещая вечера Клуба любителей книги, мог встречаться с людьми, имена которых прочно вошли в

историю советской культуры. 24 мая 1960 года Виктор Шкловский рассказывал о петроградских издательствах первых послереволюционных лет. На вечере 17 ноября 1960 года Константин Паустовский говорил об Александре Блоке, а величайшая трагическая актриса современности Алиса Коонен читала стихи поэта. 12 декабря 1961 года с членами Клуба беседовал Илья Эренбург. В Малом зале ЦДРИ выступали В. М. Инбер, Н. А. Павлович, Л. И. Славин, В. А. Фаворский, Д. А. Шмаринов, С. В. Телингатер...

Со временем, когда в Москве появились другие библиофильские объединения и среди них популярный Клуб книголюбов Центрального Дома литераторов, Клубу ЦДРИ нужно было четко заявить о своих отличительных особенностях, найти свое неповторимое лицо. Надо сказать, что своеобразие Клуба с самых первых его встреч проявлялось в определенном, мы бы сказали — постановочном характере их проведения. Здесь преобладали живые, большей частью экспромтные выступления. Здесь читали стихи и слушали музыку.

Своеобразной была тематика встреч. В. М. Лобанов всегда помнил, что Клуб заседает в гостеприимных стенах Центрального Дома работников искусств. На его вечера собирались художники, артисты, искусствоведы. Оправданным было преобладающее внимание к искусствоведческим аспектам книгоделания.

Полный зал собирали встречи, проходившие под рубрикой „Мастера книжной графики“. Как правило, они сопровождалась небольшой импровизированной выставкой произведений художника. Экспонаты представляли члены Клуба из своих коллекций. Первая встреча цикла, состоявшаяся 11 декабря 1959 года, была посвящена Владимиру Фаворскому. Доклад о его творчестве сделал М. В. Алпатов. А затем выступил сам художник.

Цикл был продолжен встречей 19 апреля 1961 года, посвященной книжной графике И. Я. Билибина. На этот раз члены Клуба познакомились с блестящей коллекцией Е. П. Климова, который еще в 30-х годах увлекся творчеством художника и сделал эту тему генеральной линией своего самоотверженного собирательства. 15 лет спустя в ЦДРИ состоялся новый вечер, посвященный И. Я. Билибину. На этот раз о творчестве художника говорил сын Е. П. Климова — Григорий Евгеньевич. Инженер одной из московских проектных организаций не только сохранил, но и значительно умножил коллекцию отца. Он сохранил и верность Клубу любителей книги ЦДРИ.

Назовем имена других художников, которым были посвящены вечера цикла „Мастера книжной графики“: Е. С. Круткова, Г. И. Нарбут, Д. И. Митрохин, Д. Б. Даран, Л. А. Бруни, В. А. Милашевский, Е. Н. Голяковский, А. Н. Бенуа, М. В. Добужинский, М. А. Добров, В. М. Конашевич.

Искусствоведческую направленность имели вечера, формально не входившие в цикл, но близко к нему примыкавшие: „Французские классики в иллюстрациях советских художников“, „Книга и экслибрис“, „Художник и книга“, „Китайская гравюра“, „Международная выставка книжного искусства в Лейпциге“...

„Как мы делаем книгу“ — под такой рубрикой можно объединить цикл вечеров, на которых выступали виднейшие советские мастера книжного оформления — В. С. Алфеевский, А. Ф. Биль, Д. С. Бисти, С. Г. Бродский, А. Д. Гончаров, И. С. Жихарев, Н. И. Калита, Е. И. Коган, Г. А. Кравцов, В. В. Лаазурский, С. В. Телингатер, Г. Г. Филипповский, Д. А. Шмаринов и многие, многие другие.

Искусствоведческие сообщения неизменно присутствовали на вечерах, посвященных юбилейным датам, связанным с жизнью и творчеством классиков русской литературы. На встрече 22 января 1960 года, приуроченной к 100-летию со дня рождения А. П. Чехова, художник Д. А. Дубинский рассказал о своей работе над иллюстрациями к произведениям великого писателя.

На пушкинском вечере 28 февраля 1962 года А. А. Сидоров сделал доклад „В. А. Фаворский — иллюстратор А. С. Пушкина“, на лермонтовском вечере 13 октября 1964 года был прослушан доклад Н. П. Пахомова „Иллюстрации к произведениям М. Ю. Лермонтова“.

Да и среди издателей прошлого внимание Клуба привлекали те, деятельность которых была ознаменована подъемом книжного искусства. В этой связи показательна встреча 11 мая 1971 года — „Издатель Иосиф Кнебель“. Речь шла о молодом человеке, который в начале нынешнего столетия выпускал известную серию иллюстрированных монографий „Русские художники“. Издавал он и замечательные детские книги с иллюстрациями В. Д. Замирайло, Д. И. Митрохина, Г. И. Нарбута, Е. Д. Поленовой. Доклад о И. Н. Кнебеле сделал Анатолий Филиппович Иваненко (1911—1976). Этот незаурядный человек, полковник авиации, стал председателем Клуба любителей книги ЦДРИ в 1970 году, после смерти В. М. Лобанова. СобираТЕЛЬские интересы А. Ф. Иваненко формировались под сильным воздействием Виктора Михайловича, которого Анатолий Филиппович считал своим учителем. Иваненко собирал графику, художественно оформленные издания, литературу о художниках книги. Для Клуба он сделал исключительно много. Клуб был его жизнью, и он отдавал этому библиофильскому содружеству все досуги.

Любимым детищем А. Ф. Иваненко был организованный им Клуб юных книголюбов. Воспитание в детях любви к книге, к чтению Анатолий Филиппович считал важнейшей задачей.

А. Ф. Иваненко успешно искал и находил новые формы работы. Немалое внимание он уделял выставкам, которые все чаще и чаще стали сопровождать вечера Клуба. Так, например, к 79-й встрече (29 мая 1970 г.), посвященной искусству книжного знака, в ЦДРИ была развернута Первая всеююзная выставка экслибриса. На вечере выступили, помимо Анатолия Филипповича, искусствовед Ю. Я. Герчук, Е. Л. Немировский, художники Е. Н. Голяховский и Г. А. Кравцов.

Трудами Анатолия Филипповича в январе 1973 года в Выставочном зале Союза художников РСФСР на улице Усиевича была организована выставка „Книжная графика московских собирателей“, которая проходила под грифами Клуба собирателей произведений изобразительного искусства и Клуба любителей книги ЦДРИ СССР. Рецензируя эту выставку на страницах ежегодника „Советская графика-73“, искусствовед Ю. А. Молок, один из активных членов Клуба ЦДРИ, писал: „Выставка не только позволила ознакомиться в оригиналах с рядом превосходных образцов русской графики работы крупнейших ее мастеров, напомнила о художниках и вещах, незаслуженно забытых, но и дала возможность в известной мере судить о вкусах и пристрастиях зрителя к тому или иному жанру книжной графики, этапам ее истории, отдельным именам“. К выставке был издан каталог „Книжная графика московских собирателей изобразительного искусства“. Демонстрировались книги и листы из собраний В. Н. Алексеева, С. И. Богомолова, Ю. М. Вальтера, Е. А. Гунста, А. Ф. Иваненко, Ю. А. Молока, С. Я. Фельдштейна и других членов Клуба.

А. Ф. Иваненко ввел в практику встречи с коллективами учреждений книжного дела. 27 января 1971 года в гостях у ЦДРИ побывали сотрудники отделов гигиены и реставрации, редких книг и рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина; 22 марта 1973 года — сотрудники Государственной публичной исторической библиотеки РСФСР. Прошел цикл вечеров, посвященных работе крупнейших издательств страны в девятой и десятой пятилетках. В гостях у членов Клуба побывали коллективы издательства „Искусство“, „Художественная литература“, „Книга“, „Современник“, „Наука“, „Советский художник“, редакции журнала „В мире книг“.

Тесные взаимоотношения возникли у Клуба с Центральным государственным архивом литературы и искусства. Директор архива Наталья Борисовна Волкова стала членом Совета Клуба. Отныне участники Клуба из

первых уст узнавали о новых находках, об изданиях архива. „Рассказывает и показывает ЦГАЛИ“ — такие встречи проводились с завидным постоянством. Сотрудники архива часто выступают и на других встречах Клуба.

Юбилейные даты в жизни Клуба вопло в обыкновение отмечать „Устными альманахами библиофила“, которые обычно проводились в Большом зале ЦДРИ и характеризовались особой представительностью состава участников. Первый „Альманах“ был приурочен к 100-й встрече, которая состоялась 16 мая 1973 года. Со словом о первом председателе — В. М. Лобанове выступил А. Ф. Иваненко. Клуб приветствовали председатель Секции книги Московского Дома ученых А. И. Маркушевич, член Ленинградского клуба книголюбов С. В. Белов, директор ЦГАЛИ Н. Б. Волкова. С сообщениями выступили главный художник издательства „Художественная литература“ К. М. Буров, директор Центральной научной библиотеки ВТО В. Н. Нечаев, доктор искусствоведения И. С. Зильберштейн, зам. главного редактора сборника „Книга. Исследования и материалы“ А. П. Толстяков.

В 60-х и в начале 70-х годов библиофильские объединения, клубы любителей книги возникли во многих городах нашей страны. В 1965 году была создана Секция библиофилов Ленинградского общества коллекционеров. В 1972 году начал работать кружок „Воронежский библиофил“, который вскоре же приобрел всеобщую известность. Еще раньше — в 1961 году — начал работать Харьковский клуб книголюбов. Библиофильские объединения появились в Новосибирске и Херсоне, в Одессе и Баку.

В условиях, когда всеобщая организации любителей книги еще не было, Клуб ЦДРИ стал своеобразным методическим центром в области книголюбия, хотя официально такие обязанности на него никто не возлагал. Инициативу проявил А. Ф. Иваненко. Он всегда интересовался тем, что делается на местах, вел оживленную переписку, делился опытом, советовал...

Всех активистов-книголюбов он превосходно знал — и Олега Григорьевича Ласунского из Воронежа, и Якова Борисовича Рабиновича из Ленинграда, и Евгения Дмитриевича Петряева из Кирова, и Исаака Яковлевича Каганова из Харькова, и Николая Ильича Яценко из Ульяновска... Наезжая в Москву, эти завзятые книжники обязательно приходили в ЦДРИ или же домой к Анатолию Филипповичу. Беседа была неторопливой — спорили, смотрели книги, гравюры, рисунки...

Нечего и говорить, что у Клуба и его руководителей наиболее тесные связи установились с москвичами — председателем Клуба любителей книги ЦДЛ Е. И. Осетровым, председателем Секции книги Московского Дома ученых А. И. Маркушевичем, руководителем Московского клуба экслибрисистов С. А. Вулем.

Надо сказать и о том, что Клуб при ЦДРИ СССР не мог бы существовать, если бы не огромная организаторская работа, которую с любовью и аккуратно выполняли Г. Г. Поршнева, Р. А. Лившиц, Е. Д. Шрейдер и другие сотрудники Библиотеки ЦДРИ.

Библиофильны издавна стремятся сохранить память о понравившемся им вечере. Отсюда и своеобразный вид библиофильской литературы — приглашительные билеты, памятки, программы заседаний. Все это тщательно собирается, хранится в специальных папках и служит предметом гордости коллекционера. В 20-х годах такие памятки выпускали Русское общество друзей книги, Ленинградское общество библиофилов. Превосходную коллекцию памяток собрал и А. Ф. Иваненко. Билеты для Клуба делали Е. Н. Голяковский, А. Д. Гончаров, А. И. Калашников, Г. А. Кравцов, В. А. Милашевский, А. П. Могилевский... Зачастую гравюры, украшавшие приглашительный билет, печатались с авторских досок. Такова, например, ксилография Г. А. Кравцова для вечера, посвященного 60-летию советского библиофильства.

Своеобразными памятками стали и выпущенные к десяти- и пятнадцатилетию Клуба книжечки, содержавшие хронику заседаний. Гравюры

для обложки книжечек сделал А. Д. Гончаров. А вступительную статью ко второй из них написал член-корреспондент Академии наук СССР Алексей Алексеевич Сидоров*.

В октябре 1974 года в Колонном зале Дома Союзов состоялся Учредительный съезд Всесоюзного добровольного общества любителей книги. Съезд знаменовал собой новый этап в массовом движении советских книголюбов; деятельность различных библиофильских объединений и среди них Клуба любителей книги ЦДРИ СССР подготовила этот этап. Отныне Клуб работал в рамках Общества, которое сразу же стало поддерживать уже существовавшие в стране объединения. А. Ф. Иваненко был избран членом Президиума ВОК.

Всемерная пропаганда книги, воспитание культуры чтения, выявление общественной значимости личных библиотек, поиски путей для увеличения эффективности их использования — все эти задачи, провозглашенные в Уставе ВОК, близки и понятны членам Клуба любителей книги при ЦДРИ СССР.

В последние годы Клуб настойчиво ищет новые формы работы, старается сделать свои вечера более содержательными и интересными и, конечно же, разнообразными.

Впереди у нас еще много интересных встреч. Друзья книги со всей Москвы собираются в ЦДРИ...

Хроника работы Клуба любителей книги ЦДРИ за первые 15 лет была опубликована А. Ф. Иваненко в „Альманахе библиофила“ (М., 1975, вып. 2, с. 279—289). Ниже печатается ее продолжение.

24 апреля 1974 г. „Рассказы о редких книгах“. Выступал ленинградский библиофил М. С. Лесман. Демонстрировалась выставка книг из собрания докладчика.

22 мая 1974 г. „Библиотека К. И. Чуковского“. Доклад директора Центральной научной библиотеки ВТО В. П. Нечаева.

14 октября 1974 г. „Учредительный съезд Всесоюзного добровольного общества любителей книги“. Сообщение А. Ф. Иваненко. „Книга в моей жизни“. Рассказывали заслуженный деятель искусств РСФСР В. Г. Комиссаржевский, заслуженный художник РСФСР В. Н. Минаев, писатель Б. Е. Галанов, лауреат Всесоюзного и Всероссийских конкурсов артистов-чтецов Н. М. Эфрос.

22 ноября 1974 г. „Редкие книги о книгах в моей библиотеке“. Рассказывал доктор исторических наук Е. Л. Немировский. Демонстрировалась выставка книг из собрания докладчика.

20 декабря 1974 г. „В доме Хитровой“. Рассказывали директор Музея А. С. Пушкина А. З. Крейн и научные сотрудники Т. Нечаева и Л. Вуич. Демонстрировалась выставка книг из собрания П. С. Краснова, посвященная 150-летию первого издания „Горя от ума“ А. С. Грибоедова.

23 января 1975 г. „Устный альманах библиофила“. Вып. 2. „Нам 15“. Сообщение А. Ф. Иваненко. Приветствие от Секции библиофилов Ленинградского отделения ВОК — председателя Секции Я. В. Рабинович. „Загадка одного перевода“. Сообщение кандидата филологических наук В. И. Безъязычного. „Встреча с прошлым“. Сообщение директора ЦГАЛИ, кандидата филологических наук Н. Б. Волковой. „Страничка библиофильской поэзии“. Читал стихи воронежский поэт В. Ф. Панкратов. „Переписка Ф. М. и А. Г. Достоевских“. Сообщение кандидата филологических наук С. В. Белова. „Библиофилы смеются“. „Культура и макулатура“ — рассказывает Ю. Ефимов — активист народного книжного магазина „Искра“; „Литературные пародии“ — читает поэт А. Иванов. Демонстрировалась выставка книжных знаков художника

* См.: Центральный Дом работников искусств СССР. Клуб любителей книги. Хроника (с ноября 1959 по октябрь 1969 г.). М., 1970; то же (с октября 1969 по ноябрь 1974 г.). М., 1975.

Г. А. Кравцова, выставка миниатюрных изданий, выставки книг из собраний П. М. Матко, А. Ф. Маркова и С. Я. Фельдштейна.

28 января 1975 г. „Книжные знаки Г. А. Кравцова“. В обсуждении выставки принимали участие член-корреспондент Академии наук СССР А. А. Сидоров, доктор исторических наук Е. Л. Немировский, кандидат искусствоведения Л. Ф. Дьяконович, художники А. И. Зыков и М. П. Митурч.

14 февраля 1975 г. „Пушкин в книжной графике“. Докладчики О. И. Савина и Ю. М. Вальтер. „Три рассказа о книгах и книжниках“. Читал автор — литературовед В. В. Кунин. Демонстрировалась выставка книг к 175-летию Е. А. Баратынского из собраний Б. Г. Созаева, П. С. Краснова, А. Ф. Маркова.

3 апреля 1975 г. «Издательство „ACADEMIA“». Воспоминания Л. А. Рождественской-Крыленко читала народная артистка РСФСР Е. В. Юнгер. Демонстрировалась выставка книг из собраний С. А. Вуля, Б. Г. Созаева, А. Ф. Иваненко, С. Я. Фельдштейна.

3 июня 1975 г. „30-летие великой Победы“. Встреча с писателем-фронтовиком Б. Л. Васильевым и иллюстратором его книги „В списках не значился“ художником С. Г. Бродским.

20 октября 1975 г. „Сергей Есенин“ (к 80-летию со дня рождения). Слово о Есенине произнес председатель Всесоюзного юбилейного комитета писатель Ю. Прокушев. Выступали поэты Д. Ковалев, С. Смирнов, А. Филатов, народный художник СССР скульптор А. Кибальников, артисты В. Попова, Н. Исакова, И. Русинов, В. Прокушева. Демонстрировалась выставка прижизненных изданий Сергея Есенина из собраний Н. Г. Юсова, Ю. Б. Юшкина и С. П. Юрчука и выставка картин художника А. В. Анфилова на есенинские темы.

29 октября 1975 г. „М. В. Добужинский“ (к 100-летию со дня рождения). Выступали А. Ф. Иваненко, старший научный сотрудник Государственной Третьяковской галереи А. П. Гусарова, народный художник РСФСР Б. А. Дехтерев, доктора искусствоведения М. Н. Пожарская, Е. И. Полякова, А. Н. Савинов. Воспоминания М. В. Добужинского читал артист Ю. В. Ларионов. Демонстрировалась выставка работ М. В. Добужинского из собраний Ю. М. Вальтера, А. Ф. Иваненко, Г. Е. Климова, Н. П. Пахомова.

28 ноября 1975 г. „Александр Степанович Грин“. Выступали иллюстратор произведений А. С. Грина и автор оформления музея писателя в Феодосии заслуженный деятель искусств РСФСР и Карельской АССР С. Г. Бродский, старший научный сотрудник Института мировой литературы Академии наук СССР, кандидат филологических наук В. Е. Ковский и писатель В. М. Росельс.

29 февраля 1976 г. „Новые зарубежные находки (Монте-Карло и Париж)“. Рассказывал доктор искусствоведения И. С. Зильберштейн.

30 марта 1976 г. „Книга в десятой пятилетке“ (серии „Литературные памятки“ издательства „Наука“ и „История книжного искусства“ издательства „Книга“). Выступали доктор исторических наук С. Л. Утченко, кандидат филологических наук А. Д. Михайлов, старший редактор издательства „Наука“ О. К. Логинова, главный редактор издательства „Книга“ А. Э. Мильчин, лауреат Гутенберговской премии художник В. В. Лазурский, кандидат искусствоведения Ю. А. Молок, художники В. Р. Аронов, М. А. Аникст, А. М. Троянкер.

24 апреля 1976 г. Вечер памяти председателя Клуба любителей книги ЦДРИ СССР А. Ф. Иваненко. Выступали заслуженный работник культуры РСФСР К. М. Буров, председатель Московского клуба экслибрисистов С. М. Вуль, кандидат искусствоведения Л. Ф. Дьяконович, заместитель председателя Центрального правления Всесоюзного добровольного общества любителей книги И. А. Котомкин, писатель В. Г. Лидин, заслуженный деятель искусств РСФСР Н. П. Пахомов, председатель Клуба любителей миниатюрных

изданий П. Д. Почтовик. Фрагменты статей и писем А. Ф. Иваненко, воспоминаний его друзей читали артисты В. А. Попова и Ю. В. Ларионов. Демонстрировалась выставка книг, картин и гравюр из собрания А. Ф. Иваненко.

26 ноября 1976 г. «Журнал „В мире книг“ — сегодня и завтра». Выступали главный редактор журнала Ю. К. Филонович, доктор исторических наук Е. Л. Немировский, кандидат педагогических наук Р. С. Гиляревский, писатели В. В. Кунин, В. Г. Утков, А. А. Шамаро, художник Д. С. Бисти.

17 декабря 1976 г. „Иван Яковлевич Билибин“ (к 100-летию со дня рождения). Вступительное слово кандидата искусствоведения Л. Р. Варшавского. Сообщения: „Графика И. Я. Билибина в собрании Е. П. Климова“ — Г. Е. Климов, „И. Я. Билибин в сатирических журналах Первой русской революции“ — кандидат педагогических наук Э. А. Покровская, „Плакаты И. Я. Билибина“ — искусствовед Н. И. Бабурина, „И. Я. Билибин — библиофил“ — научный сотрудник Музея книги при Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина Л. И. Юниверг. Стихи и письма И. Я. Билибина прочтал артист Н. А. Голубенцев.

11 февраля 1977 г. „Навстречу 60-летию Великого Октября. Издательства первых лет Советской власти“. Выступали заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Государственной премии СССР А. Д. Гончаров, кандидат филологических наук Е. А. Динерштейн, старейшие издательские работники, кандидаты экономических наук С. Ф. Костржевский и В. А. Маркус.

12 марта 1977 г. „Мастер книги С. М. Алянский (1891—1974)“. Сообщение кандидата филологических наук С. В. Белова. С воспоминаниями о С. М. Алянском выступили Герой Социалистического Труда М. С. Шагинян, писатель Ю. Л. Алянский, секретарь Блоковской комиссии Союза писателей СССР С. С. Лесневский, художники Л. П. Зусман и Ф. В. Лемкуль, сотрудники издательства „Детская литература“ заслуженный работник культуры РСФСР К. Ф. Пискунов и зав. редакцией дошкольной книги Л. Я. Либет.

22 апреля 1977 г. „Мастер гравюры Матвей Алексеевич Добров (1877—1958)“. Сообщения: „Жизнь и творчество М. А. Доброва“ — старший научный сотрудник Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, кандидат искусствоведения К. В. Безменова; „М. А. Добров — мастер экслибриса“ — писатель В. Н. Осокин. С воспоминаниями о М. А. Доброве выступили народный художник СССР, лауреат Государственной премии СССР Д. А. Шмаринов, кандидат искусствоведения М. Н. Алексич, ученики М. А. Доброва художники В. В. Данилова, О. А. Дмитриев, В. С. Житников, Г. А. Щетинин.

26 мая 1977 г. „К 60-летию Великого Октября. Плакаты — свидетели великой эпохи“. Доклад зав. сектором изоматериалов Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина Н. И. Бабуриной. Выступали художники Н. А. Долгоруков и Г. Ф. Рыбченков, коллекционер Я. Е. Рубишштейн. Демонстрировалась выставка плакатов из собрания Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина и частных коллекций.

28 ноября 1977 г. „60 лет советского библиофильства“. Выступали заслуженный деятель искусств РСФСР С. Г. Бродский, доктор искусствоведения И. С. Зильберштейн, заместитель председателя секции книги Одесского Дома ученых Ю. М. Иноземцев, лауреат Гутенберговской премии художник В. В. Лазурский, заведующий Отделом редких книг Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина доктор исторических наук Е. Л. Немировский, заместитель председателя Центрального правления Всесоюзного добровольного общества любителей книги, главный редактор „Альманаха библиофила“ Е. И. Осетров, директор Москниги С. Е. Поляновский, доктор географических наук М. В. Рац, зам. главного редактора сборника „Книга. Исследования и материалы“, кандидат филологических наук А. П. Толстиков. Демонстрировалась выставка изданий Русского общества друзей книги из собраний А. Ф. Иваненко.

150 заседание КЛУБА ЛЮБИТЕЛЕЙ КНИГИ

Пригласительный билет Клуба любителей книги ЦДРИ СССР

23 декабря 1977 г. „Встречи с прошлым“. О дневниках, воспоминаниях, письмах Л. Н. Андреева, А. А. Блока, В. Ф. Комиссаржевский, В. Н. Пашенной, Е. А. Полевицкой, Н. Я. Рощина рассказывали научные сотрудники Центрального государственного архива литературы и искусства (ЦГАЛИ) Н. В. Волкова, К. Н. Кириленко, В. Н. Колеченкова, В. П. Коршунова, И. П. Сиротинская, М. М. Ситковецкая, Г. Д. Эндзина.

17 января 1978 г. „Голоса, зазвучавшие вновь“. Главы из новой книги прочитал автор Л. Шилов. Члены клуба прослушали записи голосов Л. Толстого, А. Блока, В. Кириллова, О. Мандельштама, С. Есенина, А. Ахматовой, М. Кольцова, М. Зощенко.

10 февраля 1978 г. «Книгоиздательство „Творчество“ и издательская деятельность С. А. Абрамова». Выступали кандидат филологических наук Е. А. Диверштейн, доктор искусствоведения И. С. Зильберштейн, писатель В. Г. Лидин, доктор географических наук М. В. Рац. Демонстрировалась выставка изданий С. А. Абрамова из коллекций семьи издателя и М. В. Раца.

29 марта 1978 г. «Библиотека „Любителям российской словесности“ издательства „Современник“». Выступили писатели М. Я. Бессараб, Д. А. Жуков, Е. Н. Лебедев, Е. И. Осетров, И. Л. Фейнберг. Демонстрировалась выставка изданий, выпущенных в серии „Любителям российской словесности“.

13 апреля 1978 г. „Библиотека Карла Маркса и Фридриха Энгельса“. Рассказывали главный библиотекарь Научной библиотеки Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС М. Д. Дворкина, доктор исторических наук Е. Л. Немировский, старший научный сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, кандидат исторических наук Б. М. Рудяк, кандидат педагогических наук А. В. Уроева.

22 мая 1978 г. „Владимир Михайлович Конашевич“ (к 90-летию со дня рождения). С воспоминаниями выступили Д. С. Бисти, Ю. Я. Герчук, В. Н. Горяев, Л. Я. Либет, Ю. А. Молок, В. Д. Пивоваров, Л. А. Токмаков, И. П. Токмакова, О. В. Чайко (Конашевич). Демонстрировалась выставка работ В. М. Конашевича из коллекции семьи художника.

23 октября 1978 г. „Алексей Алексеевич Сидоров (1891—1978)“. С воспоминаниями выступили Л. Р. Варшавский, С. А. Вуль, А. Д. Гончаров, Г. А. Кравцов, В. В. Леонович, Е. Л. Немировский, А. И. Овсянников, Г. Ю. Стернин. Демонстрировалась выставка книг А. А. Сидорова из коллекции С. А. Вуля.

15 ноября 1978 г. „Отдел редких книг Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина—60 лет работы“. Выступили сотрудники отдела Н. И. Бабурина, С. И. Захарова, Э. К. Мамедова, Г. А. Марущак, Е. Л. Немировский, Л. Н. Петрова, З. А. Покровская, И. М. Полонская, Н. П. Черкашина и директор отдела инкунабул Государственной библиотеки ГДР Урсула Альтман.

11 декабря 1978 г. «Альманахи „Советская графика“ и „Панорама искусств“—новые издания „Советского художника“». Выступали искусствоведы и художники Ю. Я. Герчук, А. Л. Костин, М. П. Митурич, Ю. А. Молок, Ю. М. Овсянников, В. И. Порудоминский. Демонстрировалась выставка иллюстраций А. Л. Костина к произведениям Л. Н. Толстого.

4 января 1979 г. „На земле Дон-Кихота“. Рассказывал академик-корреспондент Испанской королевской академии изящных искусств, заслуженный деятель искусств РСФСР С. Г. Бродский.

28 февраля 1979 г. «Издательству „Книга“—15 лет». Рассказывали директор издательства В. Ф. Кравченко, главный редактор А. Э. Мильчин, главный художник В. А. Крючков, авторы Э. Г. Бабаев, В. В. Кунин, В. В. Лазурский, Е. Л. Немировский, К. Н. Тарновский. Демонстрировалась выставка новых изданий „Книги“.

21 марта 1979 г. „В американских библиотеках“. Рассказывала директор библиотеки ООН в 1970—1978 годах Н. И. Тюлина.

10 апреля 1979 г. „Петр Максимилианович Дульский“ (к 100-летию со дня рождения). Доклад Г. Е. Климова. Демонстрировалась выставка работ П. М. Дульского из собрания Г. Е. Климова.

17 мая 1979 г. „Непрочитанные рукописи“. Рассказывал писатель Н. Я. Эйдельман.

7 июня 1979 г. „Библиотека М. Булгакова и круг чтения писателя“. Доклад кандидата филологических наук М. О. Чудаковой.

СОДЕРЖАНИЕ «АЛЬМАНАХА БИБЛИОФИЛА»

Выпуски VI—X

КНИГА И ЖИЗНЬ

<i>Айтматов Чингиз</i> . Книги, открывающие нас	VI—7
<i>Алешинов С., Буняев В.</i> Путь «Пролога»	VII—29
<i>Дудины Цецилия и Януш</i> . Эскибрисы, книги, люди...	VII—46
<i>Ильинский Игорь</i> . Книга переживет века!	IX—30
<i>Козьмин Мстислав</i> . Учебник жизни	IX—5
<i>Кончин Е.</i> «Уполномочен принимать все меры...»	VIII—32
<i>Кончин Евграф</i> . Спасенная рукопись	IX—39
<i>Кутов А.</i> Книжная лавка писателей	X—49
<i>Любимов Николай</i> . Мои друзья и родные	VIII—7
<i>Малкин Ф.</i> Пензенские издания военных лет. Предисл. В. Уткова	VII—41
<i>Мильчин А.</i> Издательство «Книга» — библиофилам	VIII—47
<i>Михайлов А.</i> Прежде всего — помощники	VIII—18
<i>Николаева Е.</i> Издание военных лет	IX—32
<i>Озеров Лев</i> . Поэзия русской гравюры	X—34
<i>Прийма Константин</i> . Зарубежная Шолоховиана	X—14
<i>Проскурин Петр</i> . И книга, и жизнь	IX—17
<i>Ратнер А.</i> Первая книга «Историко-революционной библиотеки»	VIII—42
<i>Собко Вадим</i> . Нужная как хлеб	X—7
<i>Тарковский Арсений</i> . Держава книги	VII—6

БИБЛИОТЕКИ И БИБЛИОФИЛЫ

<i>Алексеев Владимир</i> . Страницы из жизни книжника	X—61
<i>Бондаренко П., Фельдман В.</i> Библиотека Воронцовых в Одесском университете	X—98
<i>Будаков В.</i> Воронежский библиофил	VI—46
<i>Енишерлов В.</i> Все о Блоке	VIII—59
<i>Ильенко Иван</i> . Книгоград Павла Тыччины	IX—45
<i>Кедрина С.</i> Любимые книги Дмитрия Кедрина	IX—73
<i>Киселева Е.</i> Хранитель памяти	X—90
<i>Кончин Евграф</i> . Достояние народа	X—82
<i>Коссов А.</i> Моя книжная Бетховениана	VIII—118
<i>Македонская Е.</i> Об одной библиотеке в доме на Волхонке	VII—82
<i>Македонская Е.</i> Московская библиотека А. Н. Островского	VIII—79
<i>Поляков А.</i> Севастопольская морская...	VIII—95
<i>Резник В.</i> Как я собирал свою библиотеку	X—110
<i>Романовский И.</i> Книги о Москве в моей библиотеке	VIII—85
<i>Сергеева М.</i> Все книги о Москве	IX—90
<i>Сигрист А.</i> Библиотека П. В. Губара	VI—21; VII—67
<i>Фирсов Г.</i> Библиотека России в Павловском дворце-музее	VI—66
<i>Чистяков А.</i> Пятьсот томов мудрости	IX—81
<i>Шакинко И.</i> Кнежное собрание Татищева	VI—56

ПОИСКИ И НАХОДКИ

Акутин Ю. Метаморфозы Николая Брусилова	VI—103
Безъязычный Владимир. Книга загадочной судьбы	VI—75
Белов С. В поисках материалов о старом русском издателе	VI—126
Белов С. Поиски материалов о Ф. М. Достоевском	X—156
Блюм А. «Лишь слову жизнь дана...»	VII—109
Владимиров В., Сигрист А. Судьба книги Д. Л. Мордовцева	X—121
Зленко Г. Экземпляр легендарного «Путешествия»	VIII—159
Искрин М. Первый комментатор Пушкина	X—130
Лавров Вал. Автографы	IX—124
Лазарев Владимир. Жизнь великой эпопеи	VII—95
Лазарев Владимир. Не распалась связь времен	IX—118
Любавин М. Издатель и типограф Семен Селивановский	X—142
Макаров А. История неосуществленного издания избранных стихотворений А. С. Пушкина 1837 г.	IX—136
Матковская А. Труды и дни А. И. Яцимирского (По архивным разысканиям)	VIII—125
Михайлова Н. Книги в жизни В. Л. Пушкина и его первоиздания	VIII—132
Отрывок из черновой редакции романа Л. Н. Толстого «Война и мир». Публикация и комментарий Э. Зайденишнур	VII—100
Петрицкий Велимир. Первая в мире	VI—93
Рубина Н. Знаменитый издатель «Русского архива»	VIII—142
Утков Виктор. Книгочий Дмитрий Корнильев и его журнал	IX—103
Чудакова М., Тоддес Е. Прототипы одного романа	X—172

ДЕЛА МИНУВШИЕ

Альбина Л. Вольтер и Шатлю, забытый просветитель XVIII века	VI—186
Блюм А. Петербургские букинисты	IX—192
Блюм А. Забытая страница библиофильской прозы	X—223
Блюм А., Мартынов И. «О! книги, книги прелюбезны!..»	VI—171
Борисов В. «Идеальный» библиотекарь	VI—201
Брыль М. Степан Нос — просветитель и книгопродавец	VIII—183
Енишерлов Владимир. Из истории книг Александра Блока	IX—169
Иванов Евгений. Московские букинисты	X—201
Ласунский О. Букинист и его друзья	VII—153
Мильчина В. Судьба последней книги Штаббриана	VI—192
Михайлова Т. Французская Всеобщая библиотека романов	VIII—177
Немировский Е. Иллюстрации и заставки. Главы из документальной повести	VI—147
Немировский Е. Зарубежные находки. Главы из документальной повести	VII—127
Пистунова Александра. Летучий корабль Альбрехта Дюрера	IX—153
Разумовская М. Библиотека ученого и библиотека романиста в XVIII веке	IX—206
Рац М. С. А. Абрамов и его издательство «Творчество»	VIII—165
Сидорин Я. «Альманах библиофила» — 1929	X—218
Смирнов Н. Николай Волков	VII—169
Старицын Ник. Встречи с прошлым	X—193
Шоломова С. Автограф на книге об отце Александра Блока	VIII—186
Юниверг Л. Книгоиздательство И. Маевского	VII—160

КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

<i>Адельгейм Г.</i> Загадочное имя	IX—227
<i>Александров Р., Голубовский Е.</i> Поэт Анатолий Фиолетов	IX—236
<i>Алексеев Вал.</i> Календари революции	VII—187
<i>Бороневский И.</i> «Мальпи» пагает по планете	X—247
<i>Вучи Л.</i> Виды Москвы Эдуарда Гертнера	VIII—203
<i>Глезер Л.</i> Из записок букиниста	VII—190
<i>Гришунин А.</i> Фронтное издание «Василия Теркина»	VI—233
<i>Ковалев Константин.</i> Экслибрисы Анатолия Калашникова	IX—243
<i>Лавров В.</i> Библиофильские страсти	VII—195
<i>Лазарев В.</i> Заметки на полях	VI—228
<i>Луцки С.</i> Одесский «Крокодил»	X—254
<i>Малкин Ф.</i> История одного издания	VIII—195
<i>Малкин Ф.</i> Собрание материалов о Пизанской башне	VI—223
<i>Меламед Е.</i> На острове Гонолулу... в Волынской губернии	IX—229
<i>Меламед Е.</i> «Слепой музыкант» за океаном	VII—184
<i>Муленкова В.</i> «Фейерверки» и «иллюминации» в коллекции П. В. Губара	VIII—197
<i>Нелеин Б.</i> Издано в Вологде	VIII—193
<i>Палей А.</i> Брошюры Циолковского	IX—225
<i>Рожков Д.</i> На страже Отечества	X—250
<i>Ротач П.</i> Память о Полтаве	VI—209
<i>Стыров П.</i> Свет за Дунаем	IX—241
<i>Утков В.</i> Рукописные книги Василия Андроникова	VI—215
<i>Фролов В.</i> В первый год Советской власти	X—252
<i>Эльзон М.</i> Существовала ли книга Н. А. Некрасова «Как я велик!»	VII—179

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

<i>Дмитриев Николай.</i> Тени прошлого	IX—261
<i>Жанен Жюль.</i> Книга. (Отрывки). Пер. и предисл. В. Мильчиной	VI—242
<i>Зиман Л.</i> Журнал итальянских библиофилов	X—300
<i>Курочкин Г.</i> Воспоминания старого букиниста	IX—249
<i>Льюис Джек.</i> Кто плагиатор? Пер. Е. Костюкович	X—295
<i>Маркушевич Алексей, Немировский Евгений.</i> Редкость на полке книголюбца	X—279
<i>Медведовская Эд.</i> Слово о Вержбицком	X—267
<i>Сим Альбер.</i> Любители книг и книжные воры. Пер. В. Мильчиной	VIII—209
<i>Симони П.</i> Как сложился тип русского книжника в старое время. Публикация, вступ. статья и примечания Г. Довгалло	VII—207

ХРОНИКА

Всесоюзное добровольное общество любителей книги. Дела, события, факты. Январь 1978—февраль 1979. Сост. К. Аштаменко	VIII—241
XI—XIII сезоны работы Секции библиофилов ленинградского отделения ВОК (1975—1978). Сост. Я. Рабинович	VII—231
<i>Львов Е.</i> Клуб любителей книги ЦДРИ СССР	X—309

В ПОЭТИЧЕСКОЙ РУБРИКЕ

<i>Белинский Яков</i> . Седьмая книга	IX—149
<i>Гордейчев Владимир</i> . Друзья на книжных полках	VII—176
<i>Дикинсон Эмили</i> . «Нет лучше Фрегата — чем Книга...»	VI—185
<i>Долматовский Евгений</i> . «Страна читателей!..»	VI—18
<i>Жигулин Анатолий</i> . Оборона Владимира	X—278
<i>Кугультинов Давид</i> . Книгоград	VI—257
<i>Куняев Борис</i> . Машина времени	VIII—182
<i>Лазарев Владимир</i> . Древняя рукопись — новая книга	VIII—122
<i>Лизунов Александр</i> . Книги	IX—134
<i>Рильке Райнер Мария</i> . За книгой	VI—232
<i>Ронсар Пьер</i> . «Не лей, о книга, слез!..»	VII—64
<i>Семьнин Петр</i> . Сервантес	IX—89
<i>Сидоров Алексей</i> . Библиофил	VIII—238
<i>Слуцкий Борис</i> . Человек с книгой	VIII—56
<i>Слуцкий Борис</i> . «Перевожу с монгольского и с польского...»	IX—14
<i>Слуцкий Борис</i> . Планета читателей. Читатель отвечает за поэта	X—306
<i>Снегова Ирина</i> . Ода книге	VI—89
<i>Фильштейн Михаил</i> . Читая Гарсиа Лорку	VI—143
<i>Фильштейн Михаил</i> . Похвала книге	IX—289
<i>Хелемский Яков</i> . «Чищу книжные полки...»	VII—26
<i>Чернов Юрий</i> . Зависть	VII—204

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абд-ар-Рахман аль-Хамиси 31
 Абрамов К. И. 86
 Абрамов С. А. 313
 Абрамов Ф. А. 55
 Абэ И. 24
 Аввакум Петрович, протопоп 114
 Агнивцев Н. Я. 260
 Аддисон Дж. 102
 Айзенштадт Д. С. 58
 Аксаков С. Т. 112
 Александр I 145
 Александров Г. В. 251
 Алексеев В. Н. 61, 80, 127, 308
 Алексеев М. П. 108
 Алексеев Н. 71
 Алексей Михайлович, царь 206
 Алексин А. Г. 56
 Алексич М. Н. 312
 Алпатов М. В. 307
 Алфеевский В. С. 307
 Альд Лий Мануций 232, 288
 Альтман Ж. 20
 Альтман У. 313
 Алянский С. М. 312
 Алянский Ю. Л. 312
 Андреев Л. Н. 313
 Андреев С. 236
 Андроников И. Л. 306
 Аникст М. А. 311
 Анненков П. В. 160
 Ансло А. 101
 Антонов С. П. 57, 111
 Антоновский Б. И. 256—259, 262
 Анфилов А. В. 311
 Апулей 113
 Арбузов А. Н. 57
 Аретино П. 108
 Аронов В. Р. 315
 Астапов А. А. 206, 237
 Ахматова А. А. 313
 Ахун М. И. 220
 Ахшарумов Н. Д. 181
 Ашукян Н. С. 53
 Бабаев Э. Г. 313
 Бабель И. Э. 15, 258
 Бабкин В. П. 165
 Бабович М. 32
 Бабурина Н. И. 313, 316
 Бавастро Н. 26
 Багрицкий Э. Г. 111
 Бадигин К. С. 57
 Базанов В. Г. 152
 Байрон Дж. Н. Г. 48, 132, 136
 Байтц В. 32
 Бакунина Е. П. 95
 Бальзак О., де 101
 Вальмонт К. Д. 70
 Барановская М. Ю. 94
 Баратынский Е. А. 37, 112, 311
 Барба Г. 32
 Барбу Е. 29
 Барбюс А. 19, 20
 Баргенов П. И. 53, 128
 Баргенов Ю. П. 53
 Барышников В. П. 153
 Барятинские 84, 85
 Барятинский А. И. 84, 85
 Барятинский И. И. 84
 Баскервиль Дж. 287
 Бах А. Н. 71
 Бахметьев 122
 Бахрушин С. В. 208
 Бахтиаров А. А. 239
 Бахтин М. М. 175
 Ведный Демьян 56, 61, 199
 Везменова К. В. 312
 Везьязычный В. И. 310
 Вейклесс Дж. 112
 Бекетов П. П. 144, 229
 Бекетова М. А. 57
 Велинский В. Г. 112, 153, 168
 Белов С. В. 309, 310, 312
 Белый А. 173, 176, 184, 188
 Бельчиков Н. Ф. 66
 Бенами Ш. 26
 Бенедиктов В. Г. 277
 Венуа А. Н. 311
 Беранже П.-Ж. 101
 Берви-Флеровский В. В. 242
 Бердсли (Бердслей) О. В. 232
 Березин Н. И. 277

- Бери Р., де 221
 Берков П. Н. 115, 222, 225, 277
 Берковский Н. Я. 175
 Бессараб М. Я. 313
 Бестужев (Марлинский) А. А. 65, 94, 147
 Бестужев А. Ф. 93
 Бестужевы М. А., Н. А., Павел Ал., Петр Ал. 94
 Бетховен Л., ван 38, 158
 Биаджарелла Б. М. 301
 Билибин И. Я. 307, 312
 Виль А. Ф. 307
 Вируков Н. Н. 53
 Висти Д. С. 307, 312, 313
 Благой Д. Д. 130
 Влаич М. 23
 Близниковская С. П. 196, 306
 Блок А. А. 38, 48, 57, 112, 249, 287, 306, 313
 Блюм А. В. 240
 Бобович Б. В. 262
 Бобров С. П. 141
 Богданович И. Ф. 103
 Богомолов С. И. 308
 Волотов А. Т. 139
 Болховитинов Е. А. 142, 144, 148, 150, 152, 154
 Бомарше П. О. К., де 101
 Бонч-Бруевич В. Д. 74, 85, 252
 Борек В. 26
 Борзов А. А. 88
 Боровиковский В. Л. 94
 Борозна И. 108
 Боффито Дж. 399
 Брик О. М. 178, 188
 Бродский И. И. 259
 Бродский С. Г. 307, 311—313
 Брокгауз Ф. А. 124
 Бруни Л. А. 307
 Бруссон Ж.-Ж. 57
 Брюллов К. П. 45
 Буало Н. 101
 Булатов А. М. 95
 Булгаков М. А. 117, 176, 185, 186
 Булгарин Ф. В. 104
 Бунаков П. 260
 Бунин И. А. 112, 113
 Бунина А. П. 104
 Бургункер Е. О. 305
 Бурденюк А. С. 196
 Буринский Е. Ф. 268
 Буров К. М. 309, 311
 Бурцев А. Е. 126
 Бухов А. С. 260
 Вухштаб В. Я. 180, 181
 Буше Ф. 232
 Бюффон Ж. Л. Л. 147
 Вялокович В. 32
- Вагинов К. К. 175, 176, 181, 190
 Вайнштейн О. Л. 109
 Валенда М. 16
 Вальтер Ю. М. 308, 311
- Ван Гог В. 114
 Варшавский Л. Р. 313, 316
 Василевский И. М. (Не-Буква) 260
 Васильев А. Г. 209
 Васильев Б. Л. 311
 Васнецов А. М. 91
 Васнецов В. М. 305
 Вейнер П. П. 232
 Вейскопф Ф. 15, 20
 Вельтман А. Ф. 147
 Вельяминовы-Зерновы 88
 Венеитинов Д. В. 147, 277
 Венециани П. 300
 Венский Е. (Пяткин Е. О.) 260
 Вергилий Марон Публий 287
 Вереш П. 22
 Верещагин В. А. 280
 Вержбицкий Н. К. 267—269
 Верн Ж. 9
 Веселый А. 276
 Веспер Ю. 26
 Вечеллио Ч. 397
 Вигель Ф. Ф. 117
 Виельгорский М. Ю. 163
 Викентьев В. М. 88
 Викторов А. Е. 284
 Виланд Х. М. 147
 Виноградов А. К. 61, 88
 Виноградов С. П. 194
 Винокур Г. О. 182
 Винокуров Е. М. 56
 Витберг А. Л. 112
 Войнич Э. Л. 64
 Волков М. Г. 67
 Волкова Н. Б. 308—310, 313
 Волнухин В. П. 202
 Волькенштейн А. А. 67
 Вольтер 101, 145, 147, 285
 Вольценбург О. Э. 220
 Вонлярлярский В. А. 97
 Воронцов А. Р. 107
 Воронцов В. П. 66
 Воронцов М. С. 102, 107
 Воронцов С. М. 98, 99, 105, 107, 108
 Воронцов С. Р. 100, 102
 Воронцова Е. К. 104, 106, 107
 Воронцова М. В. 99
 Воронцов-Дашков И. И. 89
 Воронцовы 98, 100, 103, 104, 107, 108
 Воронцовы-Вельяминовы 87
 Воронцовы-Дашковы 86, 88
 Врубель М. А. 45
 Всеволожский Н. С. 146
 Вуйч Л. И. 310
 Вуль С. А. 309, 313, 314
 Вяземский П. А. 49, 136—138, 148
- Габор А. 14
 Габор-Гальперн О. О. 14
 Галактионов И. Д. 232
 Галактионов С. Ф. 242
 Галанов Б. Е. 310
 Гарелин Н. Ф. 89

- Гарибальди Дж. 112
 Гарри С. 23
 Гаршин В. М. 249
 Гейден Е. Н. 164, 165
 Геккер Ю. Ф. 50
 Геннади Г. Н. 238, 243
 Генслер К.-Ф. 130, 131
 Герасимов А. В. 305
 Герасимов С. В. 305, 306
 Герасимов М. 202
 Гервиц Г. 112
 Геродот 113
 Герцен А. И. 65, 66, 108, 112, 121, 141, 233
 Герчук Ю. Я. 308, 313
 Гершензон М. О. 57, 208
 Герье В. И. 53
 Гиббон Э. 134
 Гиляровский Р. С. 312
 Гиляровский В. А. 276, 305
 Гинзбург Л. Я. 180, 181
 Гишпократ 57
 Гладков А. В. 209
 Гладков Ф. В. 14, 32, 63
 Глазунов И. П. 152
 Глебовы 97
 Глинка С. Н. 147
 Глинка Ф. Н. 147, 152
 Глинский В. Б. 121, 122
 Гоголь Н. В. 10, 11, 108, 167—170, 175, 187, 198, 277
 Годунов Борис, царь 206
 Голицын А. Н. 148
 Голицын Д. В. 149, 151, 153
 Голлан Дж. 27
 Голлербах Э. Ф. 220, 232
 Голубенцев Н. А. 312
 Голяковский Е. Н. 307—309
 Гомер 113
 Гонкур Э. и Ж., де 114, 117
 Гончаров А. Д. 306, 307, 309, 312, 313, 314
 Гончаров И. А. 116, 164, 168, 169
 Гончарова Н. С. 199
 Гораций 37, 48
 Горбатов Б. Н. 7
 Гордон П. 84
 Горнфельд А. Г. 162
 Горчакова В. И. 63, 64
 Горький М. 17, 23, 24, 52, 173, 183, 184, 207, 225, 226
 Горяев В. Н. 313
 Готье Т. 101
 Гофман В. А. 180
 Гофман Н. 166, 167
 Гофман Э. Т. А. 183
 Гоффеншефер В. И. 175
 Грабский В. 32
 Греч Н. И. 94, 155
 Грибоедов А. С. 310
 Григорович Д. В. 98, 168, 169
 Грин Ал. 311
 Громбах С. М. 130
 Гроссман Л. П. 116, 166
 Груздев И. М. 203
 Губар П. В. 125—128
 Гуля Г. Д. 57
 Гумбольдт Ф. 236
 Гунст Е. А. 312
 Гусарова А. П. 315
 Гутенберг И. 238, 239, 277, 279, 288
 Гучков А. И. 255
 Гюго В. 38, 40, 48, 101
 Давыдов Д. В. 147
 Д'Аламбер Ж. Л. 106
 Даль В. И. 73
 Дальские 97
 Даниельсон Н. Ф. 68
 Давилов Кирша см. Кирша Давилов
 Давилова В. В. 312
 Данте Алигьери 38, 40, 41
 Даран Д. В. 307
 Дашков П. Я. 253
 Дворкина М. Д. 313
 Дебу И. М. 80
 Дейков Н. Е. 84
 Де Костер Ш. 37
 Делакруа Э. 114
 Дельвиг А. А. 137
 Демосфен 113
 Демьяненко В. Е. 109
 Дерен А. 37
 Державин Г. Р. 103
 Дехтерев В. А. 311
 Дябич И. И. 150, 151
 Дигернес И. 28
 Дидо Ф. 232
 Дидро Д. 106, 107, 145, 147, 285
 Диккенс Ч. 102, 187
 Динерштейн Е. А. 312, 313
 Дмитриев В. В. 183
 Дмитриев И. И. 147
 Дмитриев О. А. 312
 Добров М. А. 311, 312
 Добровольский Л. М. 127, 128, 242
 Добролюбовский К. П. 109
 Добужинский М. В. 52, 249, 306, 311
 Долгоруков Н. А. 312
 Долинин А. С. 156
 Долинов В. И. 262
 Долуханова Е. 183
 Донати Л. 300
 Д'Ор О. Л. 260
 Доре Г. 39, 198
 Достоевская А. Г. 156—162, 164, 166, 167, 310
 Достоевская Е. П. 157
 Достоевская Л. Ф. 161—163
 Достоевский А. Ф. 156, 157, 161, 162
 Достоевский Ф. М. 35, 38, 42, 48, 52, 69, 70, 156—168, 170, 171, 175, 184, 208, 249, 268, 287, 310
 Достоевский Ф. Ф. 157, 161, 162
 Дрезе Г. 16
 Дрезе П. 16
 Дрианский Е. Э. 57

- Дружинин А. В. 168, 169
 Дубинский Д. А. 307
 Дубровская К. В. 56
 Дудевский Х. 32
 Дудек Г. 32
 Дульский П. М. 232
 Дуров Н. П. 195
 Дьяконович Л. Ф. 311
 Дэннен Л. 25
 Дюма А. (отец) 101
 Дюпен Ш. 138
 Дюрер А. 49, 114, 198
 Дятлов С. П. 232, 281
- Еврипид 208
 Евтушенко Е. А. 57
 Егоров Ф. С. 36
 Екатерина II 100, 108, 117, 144, 145, 285
 Енгальчевы 87
 Ерикеев А. Ф. 39
 Ермолов А. П. 95
 Есенин С. А. 32, 38, 40, 42, 48, 62, 77, 278, 287, 311, 313
 Ефремов П. А. 235, 237, 238, 242, 281, 282
 Ефрон И. А. 124
- Жан-Жироу 52
 Жанти К. 180
 Жевержеев Л. И. 126
 Жирмунский В. М. 116
 Житников В. С. 312
 Жихарев И. С. 307
 Жихарев С. П. 145
 Жуков Д. А. 313
 Жуков Н. Н. 248
 Жуковский В. А. 53, 104, 147
 Жучков И. Н. 305
 Жэнь Цзинь 26, 30
- Забелин И. Е. 284
 Заболоцкий Н. А. 34
 Заворский В. 32
 Завьялов 143
 Загоскин М. Н. 104
 Заградка М. 32
 Зайончковский П. А. 96
 Замирайло В. Д. 308
 Замятин Е. И. 173
 Заркова М. С. 262
 Захарова С. И. 314
 Згур В. В. 92
 Зданевич И. 199
 Зегерс А. 29
 Зильберштейн И. С. 309, 311—313
 Зоуля Е. Д. 256, 257, 260, 262
 Зощенко М. М. 173, 183, 226, 313
 Зусман Л. П. 312
 Зыков А. И. 311
- Иван Третий 269
 Иван Федоров см. Федоров Иван
 Иваненко А. Ф. 305, 308—312
 Иваницкий И. 206
 Иванов А. А. 57, 310
 Иванов В. В. 15, 184
 Иваск У. Г. 129
 Иллеш Б. 20
 Ильин Вл. см. Ленин В. И.
 Ильф И. А. 258, 259
 Ингер В. М. 307
 Иноземцев Ю. М. 312
 Исаак Сирия (Сириянин) 171
- Каверин В. А. 173—185, 188—190
 Каганов И. Я. 308
 Казен (Казэн) Ж.-Б. 232
 Калашников А. И. 309
 Калита Н. И. 307
 Калчев К. 25
 Камаев Е. 32
 Камачо П. 26
 Кампо С. 18, 19
 Канделаки В. А. 251
 Кантемир А. Д. 103
 Кантор В. М. 195
 Капнист В. В. 104
 Карамзин Н. М. 145, 147
 Каратаев И. П. 288
 Карбасников Н. П. 205
 Каримова Р. А. 71
 Карлсон С. 28
 Картавцов И. М. 92, 220
 Кассо Л. А. 255
 Кастерин А. Н. 288
 Катаев В. П. 258, 260
 Катков М. Н. 117
 Каули М. 25
 Кашен М. 19
 Кедрин Д. В. 111
 Кедров М. С. 74—76
 Кек А. 16
 Керам К. В. 116
 Керн А. П. 95, 208
 Кесельман С. И. (Эскесс) 257, 258, 262
 Княбальников А. П. 311
 Киреевский П. В. 132
 Кириленко К. Н. 313
 Кириллов В. Т. 313
 Кирсанов С. И. 52
 Кирина Давыдов 114, 146
 Киселев Н. П. 82—86, 88, 89
 Кларендон 102
 Клеман М. К. 182
 Климов Г. Е. 307, 314, 312
 Климов Е. П. 311, 316
 Клочков В. И. 107, 220, 237, 242
 Кнебель И. Н. 308
 Князев В. В. 260
 Кован Л. 26
 Ковалев Д. М. 311
 Ковалев И. Ф. 74, 75
 Ковальский Э. 32

- Ковальчук Е. П. 109
 Коган Е. И. 307
 Кожин В. В. 175
 Козаков К. И. 87
 Козлов И. И. 281
 Козловский Я. А. 57
 Колеченкова В. Н. 313
 Кольцов А. В. 252, 253
 Кольцов М. Е. 313
 Комаров А. А. 168, 170
 Комиссаржевская В. Ф. 313
 Комиссаржевский В. Г. 310
 Конашевич В. М. 311, 313
 Конкин С. С. 175
 Коноплинникова З. В. 67
 Конрад Х. 32
 Константин, вел. князь 53
 Константинов Ф. Д. 34—40, 42, 44—48
 Коонен А. Г. 311
 Коппи Г. 26
 Кореаковы 88
 Корнеевы 87
 Корнель П. 101
 Коровин К. А. 114
 Короленко В. Г. 25
 Коршунова В. П. 313
 Корэхито Курахаара 28
 Косанович В. 32
 Костер Ш., де см. Де Костер Ш.
 Костин А. Л. 313
 Костржевский С. Ф. 312
 Котомкин И. А. 311
 Кравцов Г. А. 307—309, 311, 313
 Кравченко В. Ф. 313
 Крамской И. Н. 114
 Краснов П. С. 314, 310
 Краснопольский Н. 130
 Крачковский И. Ю. 179
 Крейн А. З. 310
 Крефт Б. 29
 Кривцов С. И. 208
 Кроткий Э. (Герман Э. Я.) 256, 257, 260, 262
 Кругликова Е. С. 307
 Круковский В. В. 257, 262
 Крупская Н. К. 36
 Крученых А. Е. 199
 Крылов И. А. 48, 104, 140, 145, 283
 Крылов П. Н. 199, 200
 Кузмин М. А. 220
 Кузминская Т. А. 208
 Кузнецов П. В. 305
 Кузьмин Н. В. 305
 Кунин В. В. 311—313
 Куприн А. И. 112, 269
 Куприянов М. В. 199
 Куфаев М. Н. 220, 221, 243
 Кушников С. С. 151
 Кюхельбекер В. К. 104, 151, 152
 Лавренев Б. А. 173
 Лавров П. А. 180—182
 Ладан П. 78
 Лазаревский И. И. 92, 115
 Лазурский В. В. 307, 311—313
 Лакьер А. 93
 Ламартин А. М. Л., де 101
 Лансере Е. Е. 309
 Ларионов Ю. В. 311, 312
 Ласунский О. Г. 196, 313
 Лашатр М. 70
 Лебедев В. Л. 126
 Лебедев Е. Н. 313
 Лебедев Т. П. 210
 Лебедева Т. И. 67
 Левашов П. А. 94
 Левашова Е. Г. 97
 Левашовы 94, 95
 Левин К. Я. 257, 260, 262, 263
 Левин Э. Н. 250
 Левинсон А. 21
 Левшин А. И. 139, 140
 Левшин В. А. 138, 139
 Ледесма Х. 24
 Лежнев А. 179
 Леленд Т. 102
 Леман О. А. 285
 Лемкуль Ф. В. 312
 Ленин В. И. 12, 61, 64—68, 71—80, 85, 86, 89, 248, 252
 Ленин Н. см. Ленин В. И.
 Леон М. Т. 24
 Леонардо да Винчи 49
 Леонов Л. М. 49, 50, 54, 58
 Леонович В. В. 313
 Лепренс Ж. В. 53
 Лермонтов М. Ю. 35, 38, 42, 48, 97—104, 111, 112, 198, 277, 308
 Лесаж А. Р. 101
 Лесман М. С. 310
 Лесневский С. С. 312
 Либедицкий Ю. Н. 173
 Либет Л. Я. 312, 313
 Либо Чж. 24, 30
 Ливер А. Г. 128
 Ливингстон Д. 116
 Лившиц Р. А. 309
 Лидин В. Г. 58, 61, 310, 311, 313
 Лисовский Н. М. 287
 Литовченко В. И. 109
 Лифшиц Б. К. 117
 Лобанов В. М. 61, 305—309
 Ловятин А. М. 220
 Логинов М. И. 206
 Логинова О. К. 311
 Ломоносов М. В. 103, 140, 145, 284, 285
 Лопатин Г. А. 68
 Лоцманов А. В. 147
 Лутовской И. С. 111
 Лукреций 208
 Луначарский А. В. 84, 86
 Лунц Л. Н. 173, 183
 Лурье А. 228
 Лэвдел Б. 32
 Любавин Н. Н. 68
 Любимов И. А. 202
 Ляско К. И. 305

- Маврина Т. А. 305
 Магницкий М. Л. 148
 Мазарини Дж. 101
 Мазюр Л., де 102
 Майков В. И. 103
 Макаров А. М. 93, 305
 Макарова В. В. 55
 Макинтош 102
 Маковидский Д. П. 269
 Максимович М. А. 137
 Малейн А. И. 220, 221, 277, 278
 Мамедова Э. К. 313
 Мамонтов С. И. 232
 Мамонтовы 97
 Манделштам О. Э. 117, 175, 188, 313
 Манилио М. 397
 Мансуровы 88
 Манци П. 399
 Марат Ж. П. 100
 Маргулес Ю. Э. 167, 168, 170
 Мареш Л. 17
 Мариво П. 101
 Марингоф А. Б. 70
 Маркевич А. И. 99
 Маркевич Н. А. 131
 Марков А. Ф. 311
 Марков Н. Е. 255
 Марков С. Л. 128
 Маркс А. Ф. 253
 Маркс К. 68—70, 72, 313
 Маркус В. А. 312
 Маркушевич А. И. 82, 115, 309
 Марр Н. Я. 182
 Мартынов И. Ф. 240
 Мартынов П. М. 115
 Марущак Г. А. 313
 Маршак С. Я. 272
 Масанов И. Ф. 68, 80, 255, 257, 258
 Маслов М. М. 143
 Масс В. З. 53
 Матвеев А. А. 284
 Матко П. М. 311
 Матюрин см. Метьюрин Ч.-Р.
 Махаев М. И. 53
 Мадзини Дж. 112
 Маяковский В. В. 8, 32, 77, 269
 Мезьер А. В. 223, 283
 Меньшиков А. Д. 194
 Мерзляков А. Ф. 147
 Мериме П. 101
 Метлицкий Б. 74
 Метьюрин Ч.-Р. 132—134, 136
 Милашевский В. А. 307, 310
 Миллер П. Н. 91
 Милтон Дж. 147
 Мильчин А. Э. 311, 313
 Миннаев В. Н. 310
 Минцлов С. Р. 125, 224, 239, 240
 Миронов А. Г. 196, 305
 Митницкий Л. Д. 256, 259, 260, 262
 Митрохин Д. И. 307, 308
 Митурич М. П. 311, 313
 Михайлов А. Д. 311
 Михалков С. В. 57, 249
 Михалочкин М. Ф. 55, 56, 58
 Мицкевич А. 38, 42, 47
 Мишле Ж. 65
 Мишо Ж. Ф. 286
 Могилевский А. П. 305, 309
 Модзалевский Б. Л. 131, 133, 134, 208
 Молок Ю. А. 308, 311, 313
 Монтомери Дж. 102
 Монтень М., де 113, 114, 117
 Монтескье Ш. Л. 147
 Монца О. С., ди 298
 Мопассан Г., де 54
 Мордвинов Н. С. 144, 148
 Мордовцев Д. Л. 121—126, 128, 129
 Моро Г. 232
 Мороховец Е. А. 129
 Моруа А. 117
 Моцарт В. А. 38, 158
 Муратов М. В. 243
 Мурзакевич Н. Н. 108
 Мусия-Пушкин А. И. 144, 284
 Мутускин Н. Я. 55
 Муханов П. А. 148
 Мэффи В. 32
 Мюссе А., де 101

 Н. А. см. Николай П
 Наг М. 28
 Накоряков Н. Н. 78
 Нансен Г. 269
 Нансен Ф. 269
 Наполеон I Бонапарт 52, 100, 101, 140,
 145
 Нарбут Г. И. 93, 220, 307, 308
 Наровчатов С. С. 56, 57
 Наумов И. С. 128
 Некрасов Н. А. 53, 71, 111, 168, 169, 236,
 237, 268
 Немировский Е. Л. 308, 310—313
 Нечаев В. Н. 309, 310
 Нечаева Т. С. 310
 Никитин А. А. 152
 Никитин Г. А. 250
 Никитин Н. Н. 173
 Николаев К. Н. 201, 206, 211
 Николай I 128, 138
 Николай П 128, 129
 Никулин В. П. 258
 Новиков М. 32
 Новиков Н. И. 104, 139, 142, 146, 229—
 231
 Нодье Ш. 136, 221
 Ньютон И. 287

 Образцов С. В. 251
 Овидий 36, 37, 40, 208
 Овсянников А. И. 313
 Овсянников Ю. М. 313
 Огарев Н. П. 65, 68
 Окороков В. И. 144
 Оксенев И. А. 223
 Оксман Ю. Г. 153

- Окуджава Б. Ш. 114
 Олдингтон Р. 18, 52
 Олеша Ю. К. 113, 116
 Ольшски Л. С. 296—298
 Ольшски Леонардо 298
 Осетров Е. И. 61, 142, 309, 312, 313
 Осокин В. Н. 96, 312
 Осоргин М. А. 50
 Островский Н. А. 64
 Остроглазов И. М. 195
 Остроумов А. А. 226
 Охочинский В. К. 220, 221
- Павел I 100
 Павлов А. М. 210
 Павлов Г. Н. 259
 Павлов И. Н. 305
 Павлов И. П. 165
 Павлова С. В. 165
 Павлович Н. А. 307
 Паганини Н. 38
 Пайпер Д. 180
 Палацкий Ф. 160
 Панаев И. И. 163—170
 Панаева А. Я. 169
 Панкратов В. Ф. 310
 Паннелла Дж. 298
 Панферов Ф. И. 15
 Паласпирраки А. К. 106, 109
 Пастернак Б. Л. 70, 111, 112, 188
 Паустовский К. Г. 112, 113, 307
 Пахомов Н. П. 61, 308, 311
 Пашенная В. Н. 313
 Пеннаппи С. А. 301
 Первушина М. Е. 55
 Перевозников И. П. 124, 125, 129
 Перовская С. Л. 67
 Петр I 66, 84, 194
 Петрарка Ф. 300
 Петров А. В. 220
 Петров В. П. 143, 144
 Петров Д. К. 180, 181
 Петров И. М. 147
 Петрова Л. Н. 317
 Петрова О. В. 96
 Петряев Е. Д. 309
 Пивоваров В. Д. 313
 Пикассо П. 289
 Пильняк Б. А. 173, 186
 Писарев Д. И. 105, 242
 Пискунов К. Ф. 312
 Плантен Хр. (Кр.) 274, 322
 Плетнев Р. В. 165
 Плиний Младший 113
 Плутарх 113
 Плюшар А. А. 106, 154, 155, 229
 Погодин А. Л. 170, 171
 Погодин М. П. 134, 292
 Подвойский Н. И. 36, 74
 Подольский Л. Г. 52
 Пожарская М. Н. 315
 Пожарский Д. М. 95
 Покровская З. А. 312, 313
- Покровский М. Н. 84, 157
 Полевицкая Е. А. 313
 Полевой Н. А. 137, 138
 Полежаев А. И. 281
 Поленова Е. Д. 308
 Поливанов Е. Д. 173, 175, 180—182
 Поливановский С. Е. 312
 Полидори Дж.-В. 132
 Поло М. 116
 Полонская И. М. 313
 Полторацкие 95
 Полторацкий К. М. 95
 Полторацкий С. Д. 95
 Поляков Н. П. 68
 Поляков С. А. 232
 Полякова Е. И. 311
 Полянская Л. И. 74, 75
 Померанцев Н. Н. 88
 Пономарев М. 142, 144
 Попова В. А. 311, 312
 Попова О. Н. 205
 Порудоминский В. И. 313
 Поршнева Г. Г. 309
 Поселянин Е. (Погожев Е. Н.) 171
 Почтовик П. Д. 312
 Пошманская Ц. М. 158
 Прево д'Эжиль А.-Ф. 101
 Престес Л. К. 22
 Прийма К. И. 16, 17
 Прокушев Ю. Л. 311
 Проскурина П. Л. 55
 Пруст М. 52
 Птолемей 301
 Пузырев М. И. 62, 63
 Пумпянский Л. В. 175
 Пуришкевич В. М. 255, 261
 Пушкин А. С. 10, 38, 40, 42, 44—49, 79,
 95, 96, 104, 108, 111, 112, 120, 128,
 130—134, 136—141, 145, 152, 165,
 198, 241, 249, 277, 284, 287, 306, 308
 Пушкин В. Л. 140, 141
 Пуштин И. И. 145
 Пышин А. Н. 122, 126, 127
- Рабинович Я. Б. 313, 314
 Радищев А. Н. 53, 66, 107, 143, 195, 242,
 285
 Радищев Л. Н. 259
 Радищев П. А. 143
 Радлов Э. Л. 180, 181
 Раевские 97
 Раевский В. И. 83, 84, 86, 87
 Раевский Н. А. 96
 Раковская М. 26
 Раневский И. М. 251
 Расия Ж. Б. 101
 Распутин В. Г. 55, 117
 Ратдольф Э. 297
 Рац М. В. 312, 313
 Реймерс В. 39
 Ремарк Э. М. 18, 20, 21
 Рембрандт Х. ван Рейн 198, 282
 Репин И. Е. 114

- Рескин Дж. 232
 Ригер Ф.-Л. 160
 Ридольфи Р. 299, 301
 Ричардсон С. 147
 Ришелье А. Ж. дю Плесси 101
 Робеспьер М. 100
 Ровинский Д. А. 50, 220, 280, 282
 Рогожин В. Н. 196
 Рогожин Н. П. 196
 Рожанов Ф. С. 65
 Рождественская-Крыленко Л. А. 315
 Розанов В. В. 177
 Розанов И. Н. 199, 284
 Розанов Н. И. 138
 Розанов Ф. Ф. 143
 Рокотов Ф. С. 34
 Роллан Р. 118
 Романов П. 272
 Ропс Ф. 232
 Россельс В. М. 311
 Росси Дж. Б., де 300
 Ростопчин Ф. В. 145
 Роудс Д. Е. 301
 Рошин Н. Я. 313
 Руа Ж. 70
 Рубинштейн Я. Е. 312
 Рудяк Б. М. 313
 Румянцев Н. П. 146
 Руссо Ж.-Ж. 49, 101, 145, 147
 Рыбников П. Н. 210
 Рыбченков Г. Ф. 312
 Рыкалов В. Ф. 145
 Рылеев К. Ф. 65, 104, 147—149
 Рябушинский П. П. 232
 Рязанов Д. Б. 36
- Сабашниковы М. В. и С. В. 207, 208
 Савельев А. П. 53
 Савина М. Г. 227
 Савина О. И. 311
 Савинов А. Н. 311
 Садюфьев И. И. 180, 181
 Саломон Дж. 298
 Салтыков-Щедрин М. Е. 160, 236, 237, 268
 Самарин Ю. Ф. 160
 Санд Ж. 101
 Сахаров Н. И. 288
 Светлов М. А. 111
 Светоний Гай Транквила 113, 114
 Свешников Н. И. 236
 Свифт Дж. 132
 Северянин И. 57
 Сегаль Ф. Б. 254, 255, 257, 258, 261
 Седен М. Ж. 101
 Селивановский А. П. 175
 Селивановский С. И. 142—155
 Селивановский Н. С. 142, 143, 153—155
 Сенека Луций Анней (младший) 113
 Сенковский О. И. 182, 183
 Сент-Бев Ш. О. 171
 Серафимович А. С. 15, 17, 32
 Сердюкова А. А. 67
 Серико С. 297
 Сивер Э. 25
 Сидоров А. А. 232, 243, 290, 306, 308, 310, 311, 313
 Силлен С. 25
 Сильва К. 298
 Сильвин М. А. 72
 Симаков А. В. 58
 Симаков В. И. 208
 Симаков Д. С. 205
 Симмонс Д. С. Ж. 222
 Симоли П. К. 220
 Симонов К. М. 55, 61, 267
 Сингх М. 31
 Сиротинская И. П. 313
 Ситковецкая М. М. 313
 Скабичевский Н. М. 57
 Скаррон П. 101
 Скирмунт С. А. 205, 207
 Скотт В. 102, 116, 147, 187
 Скриб О. Э. 101
 Скрипникова Л. В. 109
 Скуратов Д. П. 68
 Скюдери М., де 101
 Славин Л. И. 311
 Слезкин Н. Г. 62, 63
 Сленин И. В. 229
 Сливицкий А. М. 166
 Слонимский М. Л. 173, 180, 181, 186
 Слуцкий В. А. 61
 Смирдин А. Ф. 57, 146, 229, 241
 Смирнов С. В. 315
 Смирнов-Сокольский Н. П. 58, 61, 66, 115, 196, 197, 199, 272, 281, 284, 286, 306
 Снегирев И. М. 52, 153
 Святкина А. Г. см. Достоевская А. Г.
 Собко В. Н. 7
 Соболевский С. А. 155
 Созаев В. Г. 311
 Соколов М. А. 208, 209
 Соколов Н. А. 199
 Соколов О. Л. 56
 Соколов П. А. 220
 Соколов-Скала П. П. 305
 Соколовский А. К. 129
 Сокологорская Н. 180
 Соллогуб В. А. 97
 Соловьев В. А. 86
 Соловьев В. С. 164, 166, 167, 171
 Соловьев С. М. 57
 Соминский Э. И. 262
 Сомов О. М. 137
 Сопиков В. С. 143, 277
 Сотомура С. 28
 Сперанский Н. В. 208
 Срезневский В. И. 220
 Срезневский И. И. 122
 Срочинский Р. 32
 Ставский В. П. 250
 Сталь А.-Л.-Ж., де 101
 Стальский С. см. Сулейман Стальский
 Станкевич Н. В. 252
 Старицын А. М. 193, 210

- Стендаль 101
 Стерн Л. 187
 Стернин Г. Ю. 317
 Страбон 116
 Страхов Н. Н. 160
 Строганов А. С. 94
 Строев П. М. 148, 151
 Струйская А. П. 34
 Струйский Н. Е. 53
 Субботин В. Е. 47
 Суворин А. С. 166, 169, 197, 241, 242
 Суворов А. В. 95
 Сулейман М. 31
 Сулейман Стальский 39
 Суран Р. 26
 Сулова А. П. 208
 Сусуму У. 24
 Сухомлин В. В. 18
 Сытин В. И. 79, 80
 Сытин И. Д. 80, 229, 305
 Сю Э. 101
- Талалихин В. В. 250
 Тамани Дж. 300
 Танк Максим 39
 Тарадин А. Д. 197
 Тарковский А. А. 56
 Тарле Е. В. 52
 Тарновский К. Н. 317
 Татищев А. И. 150, 153
 Тацит 113
 Твардовский А. Т. 32, 56
 Твен М. 39, 48
 Телешов Н. Д. 305
 Телингатер С. В. 305, 311
 Тельман Э. 17
 Тендряков В. Ф. 111
 Телловы 97
 Теллухин Ф. П. 203
 Терещенко Н. И. 52
 Тимашев А. Е. 123
 Тимирязев К. А. 268
 Тисса С. 261
 Титов В. П. 132
 Тихонов Н. С. 10, 173
 Тихонравов Н. С. 208
 Токмаков Л. А. 313
 Токмакова И. П. 313
 Толстая С. А., жена А. К. Толстого 163, 164
 Толстая С. А., жена Л. Н. Толстого 208
 Толстой А. К. 97, 164
 Толстой А. Н. 32, 56, 173, 180, 186, 187, 276
 Толстой Л. Н. 15, 20, 52, 95, 187—189, 268, 269, 313
 Толстой Ф. А. 146
 Толстые 97, 198
 Толстяков А. П. 309, 312
 Тольятти П. 28
 Топуз Н. И. 257, 259, 262
 Третьаковский В. К. 103
 Третьяков С. М. 189
- Трифонов Ю. В. 55, 57
 Троицкий С. Н. 93
 Троцкий Г. 281
 Троянкер А. М. 311
 Трубецкая З. А. 165
 Тулин К. см. Ленин В. И.
 Туманов И. М. 251
 Тургенев И. С. 25, 38, 42, 48, 97, 160, 164, 187, 249, 268
 Тучков С. А. 152
 Тынянов Ю. Н. 116, 168, 173, 175—177, 181—183, 186, 189, 190
 Тычина П. Г. 39
 Тэффи Н. А. 260
 Тюлин Н. И. 317
 Тютчев Ф. И. 38, 40, 42, 48, 112
- Уваров А. С. 284
 Уинстон Г. 27
 Украинка Л. 10
 Ульбрихт В. 16, 29
 Ульяновский Д. В. 277, 282, 286
 Ульяновский Н. Ю. 220
 Ульянов А. И. 65, 72, 80
 Ульянов А. Н. 80
 Ульянов В. И. см. Ленин В. И.
 Ундольский В. М. 288
 Уорди Л. 39
 Уроева А. В. 68, 70, 313
 Уткин Н. И. 242
 Утков В. Г. 312
 Уточкин С. И. 254
 Утченко С. Л. 311
 Ухсай Я. Г. 39
 Ушаков Ф. В. 53
- Фаворский В. А. 37, 45, 272, 306—308
 Фадеев А. А. 15, 17, 32, 51
 Фадеев А. И. 77, 193, 305
 Фадеев И. М. 193, 195, 207
 Фазини С. 258, 259
 Фаридабат С. М. 26
 Федин К. А. 32, 56, 173, 174, 180, 186, 187, 250
 Федоров Иван 277—281, 283
 Федорова У. Н. 67
 Федоров-Омулевский И. В. 236
 Фейербах Л. А. 53
 Фейнберг И. Л. 313
 Фейхтвангер Л. 52
 Фельдштейн С. Я. 308, 311
 Фелькерзам А. К. 129
 Фельтен А. 238
 Фербер О. 21
 Ферельти С. К. 147
 Фет А. А. 38, 44, 112
 Фигнер В. Н. 67
 Филатов А. Ф. 311
 Филиппов В. М. 305
 Филипповский Г. Г. 305, 307
 Филонович Ю. К. 312
 Философова А. П. 123

Флиг Б. Д. 254, 255, 257, 258, 262
 Флоров А. А. 148
 Фомин А. Г. 80
 Фонзон 102
 Форш О. Д. 173, 176
 Франс А. 56, 57, 118, 194
 Фуммо Н. 28
 Фуст И. 238

Хаенцкая М. 32
 Хан-Мирабов С. А. 75
 Хантингтон Дж. 19
 Хантингтон К. 19
 Харитоненко, братья 197
 Хейердал Т. 116
 Хексельштейнер Э. 32
 Хемингуэй Э. 18, 117
 Хетсо Г. 32
 Хижинская Л. С. 219
 Хяккэй У. 39
 Хярше А. 32
 Хитрово С. П. 164, 165
 Хлебников В. (В. В.) 180
 Хмелев Н. П. 251
 Ходжаш Т. З. 109

Цалюк А. Д. 258
 Царский И. Н. 284
 Цвейг С. 158
 Цицельзон Э. Ф. 305
 Цицерон 113
 Цявловский М. А. 208

Чаадаев П. Я. 57, 97, 112, 116, 153
 Чайко (Конашевич) О. В. 313
 Чаковский А. В. 55, 172
 Чапыгин А. П. 173, 183, 226, 227
 Червинский М. А. 58
 Черкашина Н. П. 313
 Чернецов В. Н. 52
 Черницкий Е. М. 109
 Черноков А. С. 227
 Черноков М. В. 223—244
 Черноков Н. А. 227
 Черный Р. 106
 Чернышев А. И. 85
 Чернышев Р. В. 68
 Чернышевский Н. Г. 64, 68, 80, 122, 123
 Чертков А. Д. 284
 Ческий И. В. 242
 Чехов А. П. 25, 110, 113, 118, 241, 306, 307
 Чистяков Б. М. 220
 Чосер Дж. 37—39, 47, 48
 Чуванов М. И. 276
 Чудакова М. О. 96, 314
 Чуковский К. И. 56, 310
 Чулков М. Д. 139, 152
 Чумаков Ю. Н. 130

Шагинян М. С. 312
 Шаляпин Ф. И. 114
 Шамаро А. А. 312
 Шаррьер И., де 170
 Шатобриан Ф.-Р., де 101
 Шаховской А. А. 131
 Шевченко Т. Г. 9, 10, 121, 122
 Шекспир У. 37, 38, 47, 48
 Шелли П. Б. 132
 Шенье М.-Ж. 109
 Шереметев С. Д. 301
 Шеффер П. 238
 Шибанов П. П. 125, 195, 197, 205—207, 236, 238, 240, 243, 305
 Шяло Л. А. 317
 Шялов Ф. Г. 115, 195, 220, 237, 243
 Шильдер Н. К. 98, 107
 Шяряев С. М. 205
 Шишкин А. П. 96
 Шяшко Л. Э. 127, 129
 Шишков А. С. 152
 Шишков В. Я. 173
 Шкловский В. В. 139, 173—181, 183, 187—190, 307
 Шкляж И. М. 109
 Шлейзенер Э. 25
 Шмаринов Д. А. 307, 312
 Шмаров М. В. 91, 92, 95
 Шмаров Ю. Б. 90—97
 Шмаровы 91, 95
 Шнель А. 220
 Шнор И. К. 143
 Шолохов М. А. 14—33, 52
 Шпет С. Г. 77
 Шрейдер Е. Д. 313
 Штейнгель В. И. 97, 149, 150
 Штернберг П. К. 268
 Шуртаков С. И. 57

Шапов П. В. 197, 220, 284
 Шеголев П. Е. 53, 57, 183, 186
 Шеголев П. П. 183
 Шелкунов М. И. 243
 Шербатов М. М. 66
 Шетинин Г. А. 316
 Шукин П. И. 194, 232

Эдфельт Й. 21
 Эйдельман Н. Я. 66, 314
 Эйзен Ш. Д. Ж. 232
 Эйзенштейн С. М. 16
 Эйхенбаум В. М. 116, 176, 177, 180—183, 188—190
 Эльзевиры 288
 Энгельс Ф. 68, 313
 Эндзина Г. Д. 313
 Эренбург И. Г. 32, 174, 185, 187, 199, 307
 Эфрос А. М. 194
 Эфрос Н. М. 310

Юдовин С. Б. 223
Юзефович В. М. 197
Юм Д. 102
Юнг Э. 147
Юнгер Е. В. 311
Юниверг Л. И. 312
Юрчук С. П. 311
Юсов Н. Г. 311
Юшкин Ю. Б. 311

Якоб Б. 26
Якоб Э. 26
Яковлев Н. 74
Яковлев П. Л. 147
Яковлев П. Ф. 207
Якубинский Л. П. 181, 182
Якушкин Е. Е. 208
Ярошенко С. П. 99
Ясенский Б. (В. Я.) 54

SUMMARIES OF THE ARTICLES IN ENGLISH

Vadim Sobko

VITAL AS BREAD

Vadim Sobko, Soviet novelist and the leader of the Book-lovers Society of Ukraine speaks about the beginning of his literary career in the twenties, about the background of his novels, and also speaks of the books that helped in bringing him up as writer. The article contains a good piece of information about Ukrainian book-lovers' affairs.

Konstantin Prijma

FOREIGN SHOLOKHOVIANA

A well-known investigator of Michail Sholokhov's life and creative work describes the way how "Tikhy Don" ("The Silent Don") and other books of the great Soviet writer found their readers in different countries and won the world-wide recognition.

Lev Ozerov

A POETRY OF RUSSIAN ENGRAVING

The author (he is a Russian poet) meditates on life and work of F. Konstantinov—an outstanding illustrator of Shakespeare, Chesterton, Pushkin, Lermontov, Blok...

A. Kutov

WRITERS' BOOK-STORE

It is a name of a special book-shop in Moscow at Kuznetsky Most Street. This reportage gives us the history of this store, tells us about the books—ancient and modern—that we can find here. Kutov gives us the portraits of the booksellers and writers, the clients of this book-store, who consider the shop to be a kind of their club.

Vladimir Alexeev

PAGES OF BIBLIOPHILE'S LIFE

The author was an old Moscow second-hand book-seller and a wellknown collector of books connected with the history of the Russian revolutionary movement. He was fond of collecting rare editions of Lenin's works and books devoted to Lenin's life. The article conveys the history of Alexeev's collection.

Evgraph Konchin

PEOPLE'S PROPERTY

The article deals with some episodes happened during the Civil War in Russia. Museum workers were saving books in the abandoned country mansions and bringing them to central libraries in Moscow.

E. Kiseleva
MEMORYKEEPER

It is an essay on the life and work of Y. B. Shmarov, being a collector of Russian portrait, an expert in heraldry and genealogy.

P. Bondarenko, V. Feldman

VORONTZOV'S BOOK COLLECTION IN THE ODESSA UNIVERSITY

The book-collection of counts the Vorontzovs became the property of the Odessa University, according to the will. This remarkable collection of books, used at some time by A. S. Pushkin, includes a lot of rare Russian, French and English editions.

V. Reznick

THE STORY OF MY COLLECTION

The author of this story is a metal-worker. He is also a poet and a bibliophile. He tells how he managed to collect his library and describes the way his reader's taste was formed.

V. Vladimirov, A. Sigrist

THE DESTINY OF THE MORDOVTSEV'S BOOK

There are counted copies of the book saved. The authors tell how they were found.

M. Iskrin

THE FIRST COMMENTATOR OF PUSHKIN

The first man who commented upon works by Pushkin was the poet himself. The article studies Pushkin's notes to his own poems.

M. Lubavin

SEMEN SELIVANOVSKY—PUBLISHER AND PRINTER

He was a very interesting and enigmatic person in Russian publishing world at the beginning of the nineteenth century. He was on friendly terms with Evgenij Bolkhovitinov who worked himself all his life through in honour of the Book. Presumably, Selivanovsky was closely connected with Decembrists' movement.

S. Belov

SEARCHES OF THE MATERIAL ABOUT DOSTOEVSKY

The article gives a piece of fresh information on the great Russian novelist, that was found in archives. Unknown memoirs of people who knew him well are quoted in the article.

M. Tchudakova, E. Toddes
PROTOTYPES OF ONE NOVEL

The authors reflect on the way how life collisions, fates and characters of real people interlace with plots and images of literary production. The article brings us back to the literary life of the 20-ies.

Nick. Staritsin
MEETING THE PAST

The author is an old Moscow second-hand bookseller who was brought up in his father's book-store. He recalls his meetings with writers and bibliophiles, tells us how some rare books were found.

Evgeny Ivanov
MOSCOW SECOND-HAND BOOKSELLERS

Moscow of the past, colourful characters of booksellers, their slang, psychological types of Russian bibliophiles come to life in the essay.

Ja. Sidorin
"BIBLIOPHILE'S ALMANAC"—1929

There was a fore-runner of our Almanac. It was issued by Leningrad

bibliophiles more than half a century ago. The paragraph describes the history of this edition and gives the survey of its contents. "Bibliophile's Almanac" of 1929 became a real rarity now.

A. Blum
A FORGOTTEN PAGE OF BIBLIOPHILE PROSE

Wrongly forgotten prose-writer M. Chernockov (he was killed during the Second World War) in the 30-ies issued a novel entitled "Knizhniki" ("Lovers of books"). The book is full of descriptions of events in the books' world of old Russia. It contains colourful portraits of publishers and bibliophiles. The article gives some facts from writer's biography, quotes a lot of fragments from his book.

I. Boronetsky
"MALYSH" STRIDES ACROSS THE PLANET

The "Malysh" publishing-house issues books for children. The director of the firm tells us about "Malysh" souvenir editions that are very popular in many different countries.

D. Rozhkov
ON GUARD OF THE MOTHER COUNTRY

In the year of 1941, when the enemy was coming nearer to Moscow, the book entitled "Moskva na strazhe" ("Moscow on guard") was published. The book inspired the defenders of Motherland, gave support to their courage and heroism.

V. Frolou
AT THE FIRST YEAR OF SOVIET POWER

The story is about the first Soviet edition of Alexej Koltsov's poems. Koltsov was a poet who glorified life and labour of common people.

S. Luschnik
"KROKODIL" FROM ODESSA

The wide-known Soviet satirical magazine "Krokodil" also has a fore-runner—a magazine with the same title that was edited in Odessa some times ago. "Krokodil" from Odessa was a rather witty magazine. Gifted writers and painters contributed to it. Some of them became the beginners of Soviet satirical press.

Ed. Medvedovskaya
SPEAKING ON VERGHBITSKY

There are reminiscences on prose-writer N. K. Verzhbitsky, on his friends. His views on life and literature are also described there.

Alexej Markushevich, Eugeny Nemirovsky
THE RARITY AT THE BIBLIOPHILE'S BOOK-SHELF

It is a dialogue between the two well-known scientists, bibliophiles, experts in the books-field. They talk about Rare Book, its value, and the best ways of its keeping and use.

Jack Lewis
WHO'S STEALING?

The man from the past by means of time-machine used to steal plots from modern visionary-writer and to publish them in pre-war papers and magazines. That is the theme of the fantastical and humorous story.

L. Zyman
ITALIAN BIBLIOPHILES' MAGAZINE

It is a brief history and survey of contents of magazine entitled "La Bibliofilia", which is being edited in Florence since the end of the previous century.

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА И ЖИЗНЬ

<i>Вадим Собко.</i> Нужная как хлеб	7
<i>Константин Прийма.</i> Зарубежная Шолоховиана	14
<i>Лев Озеров.</i> Поэзия русской гравюры	34
<i>А. Кутов.</i> Книжная лавка писателей	49

БИБЛИОТЕКИ И БИБЛИОФИЛЫ

Владимир Алексеев . Страницы из жизни книжника. <i>Предисловие Валерия Алексеева</i>	61
<i>Евграф Кончин.</i> Достояние народа	82
<i>Е. Киселева.</i> Хранитель памяти. <i>Предисловие К. Ковалева</i>	90
<i>П. Бондаренко, В. Фельдман.</i> Библиотека Воронцовых в Одесском университете	93
<i>В. Резник.</i> Как я собирал свою библиотеку. <i>Предисловие Льва Озерова</i>	110

ПОИСКИ И НАХОДКИ

<i>В. Владимиров, А. Сигрист.</i> Судьба книги Д. Л. Мордовцева	121
<i>М. Искрин.</i> Первый комментатор Пушкина	130
<i>М. Любавин.</i> Издатель и типограф Семен Селивановский	142
<i>С. Белов.</i> Поиски материалов о Ф. М. Достоевском	156
<i>М. Чудакова, Е. Тоддес.</i> Прототипы одного романа	172

ДЕЛА МИНУВШИЕ

<i>Ник. Старицын.</i> Встречи с прошлым. <i>Литературная запись В. Лаврова</i>	193
--	-----

<i>Евгений Иванов.</i> Московские букинисты. Публикация <i>З. Милутиной</i>	201
<i>Я. Сидорин.</i> «Альманах библиофила» — 1929	218
<i>А. Блюм.</i> Забытая страница библиофильской прозы	223

КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

<i>И. Боронецкий.</i> «Мальш» шагает по планете	247
<i>Д. Рожков.</i> На страже Отечества	250
<i>В. Фролов.</i> В первый год Советской власти	252
<i>С. Луцкич.</i> Одесский «Крокодил»	254

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

<i>Эд. Медведовская.</i> Слово о Вержбицком	267
<i>Алексей Маркушевич, Евгений Немировский.</i> Редкость на полке книголюба	275
<i>Джек Льюис.</i> Кто плагиатор? Перевод с английского <i>Елены Костюкович.</i>	291
<i>Л. Зиман.</i> Журнал итальянских библиофилов	296

ХРОНИКА

<i>Е. Львов.</i> Клуб любителей книги ЦДРИ СССР	305
---	-----

В ПОЭТИЧЕСКОЙ РУБРИКЕ

<i>Борис Слуцкий.</i> Планета читателей. Читатель отвечает за поэта	302
<i>Анатолий Жигулин.</i> Оборона Владимира	274
Содержание «Альманаха библиофила», вып. VI—X	315
Указатель имен	319
Резюме на английском языке	330

АЛЬМАНАХ БИБЛИОФИЛА

Выпуск десятый

Редактор ВОК *К. П. Ковалев*
Редактор издательства *М. Я. Фильштейн*
Художественный редактор *Н. Д. Карандашов*
Технический редактор *Н. И. Аврутис*
Корректор *Л. В. Назарова*
Н/К.

Сдано в набор 28.10.80. Подписано в печать 27.04.81.
А01133. Формат 60×84¹/₁₆. Бум. офсетная № 1, 70 г.
Гарнитура школьная. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 19,53. Усл. кр.-отт. 40,22. Уч. изд. л. 21,28.
Тираж 50 000 экз. Заказ № 2199. Изд. № 3282. Цена 1 р. 30 к.

Издательство «Книга»
Москва, К-9, ул. Неждановой, 8/10

Ордена Октябрьской Революции
и ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Москва, М-54, Валовая, 28

Адрес редакции:
103009, Москва,
Большой Гнезниковский переулок, д. 10,
«Альманах библиофила».
Телефон: 229-23-47.

1 р. 30 к.

